

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Карельский научный центр  
Институт языка, литературы и истории

Н. Г. Зайцева

# ВЕПССКИЙ ГЛАГОЛ

Сравнительно-сопоставительное  
исследование

Петрозаводск “Периодика”  
2002

ББК 81.2-2  
3-17

Работа выполнена при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда  
(проект № 98-04-06155а)  
и опубликована на средства Государственного комитета  
Республики Карелии по национальной политике  
и Общества финской литературы (Финляндия)

Рецензенты:  
доктор филологических наук Г. М. Керт,  
профессор М. И. Муллонен

Оформление В. И. Яшкова

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Вепсы – малочисленный народ, проживающий на северо-западе Российской Федерации в Республике Карелия (Вепсская национальная волость), Вологодской (Бабаевский и Вытегорский районы) и Ленинградской (Подпорожский, Лодейнопольский, Бокситогорский, Тихвинский районы) областях.

Впервые вепсы под именем весь [правда, генеалогическое родство вепсов с весью оспаривается (см. напр. Назаренко В.А., 1983, с. 17), хотя и иных, достаточно убедительных теорий пока не предложено] упоминаются в русских летописях. “Повесть временных лет” определяет взаимоотношения между русью и весью следующим образом: “А се суть инии языци, иже дань дают Руси: Чудь, Меря, **Весь**, Мурома” (1950, с. 13). Впоследствии сведения о веси исчезают, и было высказано предположение о том, что весь ассимилировалась среди русских и исчезла с исторической арены (Карамзин А.М., 1816). Однако академик Российской Академии наук А.М. Шегрен, путешествуя в начале XIX века по местам, заселенным финно-угорскими народами, вновь “открыл” весь в лице современных вепсов. Именно он первым попытался доказать, что вепсы и являются потомками древней летописной веси. Языковеды стремились объяснить ряд фонетических звукопереходов, исторически происшедших при заимствовании этнонима из языка в язык [то есть напр. *вепся* > *вепсь* > *весь* (возможно, весь процесс произошел наоборот, и этноним был заимствован языком вепсов из русского или иного языка): см. напр. Бубрих Д.В., 1947, с. 24–25; Богданов Н.И., 1951; 1958]. Поскольку названный звукопереход достаточно сложно объясним или вообще необъясним, то пытались найти иные варианты наименования племени, например, \**vessä*, который можно было признать слабоступенным вариантом формы *vepsä* (см. напр. Setälä E., 1919, s. 943). Подобных аналогов звукоперехода **ps** > **ss** в вепском языке не наблюдается, поэтому одновременно была предложена иная трактовка, в соответствии с которой вепское звуко сочетание **ps** было заменено на русской почве согласным **s** (Mikkola J.J., 1942, s. 33): для сравнения, например, русское *оса* и родственное ему литовское *vapsa* “оса, овод” (Фасмер М, 1987). Яло Калима, известный специалист в области прибалтийско-финско-русских контактов, это объяснение дополнил следующим замечанием: в вепском языке слово могло звучать как *vepsi*,

а не *vepsä*, как, например, это имело место в словах типа *särg* ‘плотва’ (ср. финск. *särki*), *koḡb* ‘чаша’ (ср. финск. *koipi*), где, правда, от былого *-i* на почве вепского языка осталось только смягчение впереди стоящего согласного (Kalima J., 1915, s. 68–69).

Во всех диалектных группах вепсы в настоящее время называют себя *vepsad*, но в каждой из них бытует и собственное самоназвание: северные вепсы называют себя *lūdikeled* ‘говорящие по-людиковски’ (название восходит к русскому ‘люди’); средние – *vepsläižed*, хотя некоторые из них называют себя и *lūdileižed*, *lūdinikad*. Южные вепсы именуют себя *vepsläžed* ~ *bepsläižed* ~ *bepsal’žed* (см. об этом также Joalaid, M. 1998, lk. 54). Со своей стороны добавим, что в дополнение к уже названным этнонимам во время последних экспедиций в 1995–1998 годы у средних вепсов нами зафиксированы *meiden rahvaz* или *ičemoi rahvaz* ‘наш, или свой, народ’ и *meiden kel’ččed* или *meiden küiuččed* (последний – это вариант вологодских вепсов, у которых звукосочетание *el’>üu*) ‘говорящие на нашем языке’.

Единое название народности ‘вепсы’ повсеместно в сознании носителей языка и официальной статистике утвердилось лишь на рубеже 1920–1930-х годов в период национально-государственного и языкового строительства. Этимология этнонима ‘вепсы’ до сих пор не выяснена, поскольку ни в вепском, ни в одном из родственных прибалтийско-финских языков не найден апеллатив, надежная связь с которым была бы установлена. Тем не менее, существует несколько предположений, наиболее распространенное из которых связывает слово ‘вепсы’ с названием родового знака (тамги), наносимого на предметы и товары прибалтийско-финских племен и имеющего форму плавника рыбы (см. Пименов В.В., 1965, с. 7; Пименов В.В., Строгальщикова З.И., 1989, с. 6; SKES); но и оно, правда, в последнее время подвергается сомнению (см. напр. Grünthal R., 1997, s. 97–112). Все большее признание в свете топонимических и иных исследований получает точка зрения, в соответствии с которой этноним был заимствован из вымерших языков племен мери или муромы, которые размещались к востоку от вепсов. Поскольку этноним в основной массе представлен на востоке вепского ареала, а если, кроме того, принять во внимание, что в письменных источниках весь устойчиво привязывалась к Белозерью и в списке по разным поводам перечисляемых племен и народов следовала между мерей и муромой, то есть основания для поиска восточных, не прибалтийско-финских, корней этнонима. Он, возможно, пришел в прибалтийско-финскую среду вместе с иным этнокультурным влиянием, которое исследователи склонны отмечать в разных срезях вепской культуры (Муллонен И.И., 2001).

Материалы всесоюзных переписей населения отмечают убыль вепсского населения:

Годы	1926	1937	1939	1959	1970	1979	1989
Всего	<b>32773</b>	<b>29842</b>	<b>31679</b>	<b>16374</b>	<b>8281</b>	<b>8094</b>	<b>12501</b>
В России	32773	29585	31449	16170	8057	7550	12142
В городах	254	–	4749	4739	4463	4865	5884
В сельской местности	31519	–	26700	11431	3589	2685	6258

Как свидетельствует приведенная выше таблица (Strogalštšikova Z., 1999, s. 50), наиболее интенсивная (по сравнению с другими народами) убыль отмечается в 1959–1979 годах. Однако, по мнению социологов, не было никаких оснований для предположения, что у вепсов естественный рост населения ниже, чем, например, у их русских соседей. Резкое же сокращение численности вепсов свидетельствует об активно идущих процессах этнической ассимиляции, а также ошибках при переписи (Строгальщикова З.И., 1989, с. 27). Таким образом, численность вепсского населения по переписи 1989 года составила 12501 человек; из них в Карелии проживало 5954 человека, в Ленинградской области – 4727 человек, в Вологодской области – 728 человек. Невысокая цифра численности народа и его быстрая ассимиляция послужили причиной включения языка вепсов в “Красную книгу языков народов России” (1994, с. 21–22).

Вепсский язык относится к северной группе прибалтийско-финской ветви финно-угорской языковой семьи, где наиболее близкими ему являются карельский, ижорский, финский языки. Во всей языковой семье до 30-х годов XIX века только три языка – венгерский, эстонский и финский – имели развитые письменные традиции. То есть книга в жизни многих финно-угорских народов почти до конца XVIII века была малоизвестным понятием. Венгерский лингвист Б. Мункачи в 1911 году писал: “Очень редкие жители Приуралья и Сибири знают буквы... Книгу и буквы для них заменяют живые устные традиции, которые играют здесь намного большую роль, чем у просвещенных народов, поскольку являются средством исторического сознания” (см. Домокош П., 1993, с. 170–171). По сути дела, то же самое можно сказать и о вепсах. На вепском языке имеются весьма скудные письменные памятники позднего времени. Это заговоры старинной рукописи, найденной В.И. Срезневским в Заонежье. Ему удалось доказать, что рукопись была создана во второй половине XVII века. Известный финский языковед Э. Сетяля, консультировавший Срезневского, пришел к заключению, что нерусские записи сделаны на вепском языке. Специалисту по людиковскому диалекту карельского языка, наиболее

близкого вепсскому, А.П. Баранцеву удалось расшифровать записи. Он утверждает, что эти финно-язычные тексты являются сплавом нескольких близкородственных языков южной Карелии, и часть из них – это вепско-людиковские заговоры, записанные кириллицей (Пименов В.В., 1965, с. 184–186; Баранцев А.П., 1980).

Второй, более поздний, памятник относится к середине XIX века. Памятник обнаружен также А.П. Баранцевым в делах канцелярии Олонецкого губернатора за 1848 год. Он представляет собой рукописный русско-вепсский словарь небольшого объема, составленный вытегорским исправником (предположительно Ларионовым), который назвал свою работу “Лексиконом корельского языка”. Детальное лингвистическое исследование памятника показало, что в нем представлен куштозерский говор вепсского языка. Местонахождение Куштозерского погоста и его ближайшее нерусское языковое окружение позволили А.П. Баранцеву (Баранцев А.П., 1975, с. 43) предположить, что куштозерские “корелы”, сведения о которых Ларионов представил губернатору, являлись вепсами. Науке куштозерские вепсы были уже известны. Первое упоминание о них относится еще к 1861 году (см. Ahlqvist A.E., 1861, s. 49–113). “Лексикон” содержит 531 (дается русское слово и рядом его вепсский эквивалент) русское и вепское слово, записанное русскими буквами. Поскольку куштозерские вепсы уже давно ассимилировались, то “Лексикон” Ларионова может представить интересные сведения для вепсской исторической диалектологии, особенно в части лексикологии и фонетики.

Вепская письменность была создана в начале 1930-х годов. В 1931 году в Ленинграде при Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра под руководством Н.И. Богданова была сформирована группа лингвистов: М. Хмяляйнен, В. Романов, Г. Большаков, М. Соколов, В. Петухов, И. Силин, И. Андреева. Они занялись разработкой алфавита вепсского языка и созданием вепсской письменности. Алфавит был создан на основе латинской графики, как наиболее адекватно отражающей звуковой состав вепсского языка. В период с 1931 по 1937 годы было подготовлено и издано более трех десятков книг на вепском языке, в которых были заложены основы правописания (об этом периоде см. Муллонен М.И., 1967, с. 105–109; Zaitseva N., 1994, s. 51–58). И именно они послужили базой при возрождении вепсской письменности в конце 80-х годов XX столетия (алфавит утвержден в 1989 году). Второй период функционирования вепсской письменности, таким образом, продолжается 10 лет, и вепсы располагают уже достаточным письменным багажом, который нуждается в серьезном теоретическом осмыслении. В учебниках и учебных пособиях, произведениях художественной литературы, журнальных и газетных статьях (см. об этом Zaitseva N., 1994, s. 51–63; 1998, s. 95–101;

1999, s. 108–116; Зайцева Н.Г., 2000, с.420–433) постепенно вырабатывается концепция письменного вепсского языка. В данной работе при сравнительной подаче языковых фактов по формам глагольного словоизменения впервые как равноценные привлекаются и материалы младописьменного языка, поскольку важно знать и видеть, какое место они занимают в системе диалектов и говоров вепсского языка, насколько они правомерны и обоснованны. При исследовании грамматических категорий глагола лингвистическому анализу подвергнуты все опубликованные образцы вепсской речи, откуда выписан необходимый иллюстративный материал, использованы примеры из языковедческих работ, материалы экспедиций (рукописные и магнитофонные), совершенных нами лично в 1970–1990 годы (номера описи фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН 1502–1522, 2278–2292, 3384–3405). Каждый иллюстративный пример содержит отсылку к опубликованному источнику либо номеру магнитофонной пленки Фонограммархива Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Отсутствие при иллюстрации подобной отсылки свидетельствует о том, что она записана лично автором работы во время экспедиции от руки в полевой блокнот.

При подаче иллюстративного материала вепсские диалекты следуют друг за другом в следующем порядке: северновепсский диалект; средневепсский диалект; южновепсский диалект. Во многих случаях, когда нам хотелось обратить внимание на логичность младописьменной нормы вепсского языка или особо отметить какой-либо нюанс грамматической формы, вслед за диалектными примерами приведены примеры из вепсского младописьменного языка. В работе при написании языковых иллюстраций использована огрубленная фонетическая транскрипция, и лишь при необходимости отметить какой-либо оттенок звука, накладывающий отпечаток и на грамматическую структуру глагола, привлекались более точные обозначения с использованием подстрочных и надстрочных диакритических знаков. Мы стремились при обзоре функционирования того или иного явления привести наиболее интересные языковые примеры, показать ту или иную категорию глагола в контексте, а не просто единичную форму, которая не дает точного представления об ее содержании, понимания ее правильности. Здесь мы согласны с теми лингвистами, по мнению которых только живой контекст иллюстрирует грамматические правила или дает “живую картину того, как этот язык работает“ (Леман К., 1996, с. 182).

## ВВЕДЕНИЕ

### ИЗУЧЕННОСТЬ ГРАММАТИКИ ГЛАГОЛА

Цель данной работы – провести сравнительно-сопоставительное исследование глагольной системы диалектов и говоров вепсского языка, которая до сих пор не являлась предметом специального анализа и остается наименее изученной областью грамматики.

Первая работа по вепсскому языку известного исследователя прибалтийско-финских языков и фольклора Э. Леннрота появилась в 1853 году. Она положила начало традиции изучения вепсского языка как языка близкородственного финскому, которая продолжалась практически до начала 50-х годов XX столетия; то есть почти около 100 лет приоритет в области изучения языка вепсов принадлежал Финляндии. Финские языковеды, этнографы, фольклористы совершали неоднократные поездки в различные регионы проживания вепсов, записывая лингвистический материал. Ценность его тем более велика, что поскольку, как уже упоминалось, памятники вепсской письменности весьма скудны, то материал для сравнения в некоторой исторической перспективе мы имеем лишь благодаря языковедам Финляндии, их интересу к вепсскому языку. Финские лингвисты, проводившие в то время серьезные исследования в области компаративной и исторической лингвистики, открыв вепсский язык, активно использовали его в своих трудах, называя его даже “северным санскритом” и проецируя на него некоторые моменты исторической фонетики и грамматики прибалтийско-финских языков (см. напр. Setälä E.N., 1891). Появляется ряд работ и чисто описательного характера по языку вепсов, включающих в себя краткую характеристику говора, образцы речи, небольшие словари с объяснением значений вепсских слов. Авторы с интересом познают особенности вепсского языка, роднящего последний с прибалтийско-финскими языками. Среди первых исследований по языку вепсов следует назвать уже упомянутую работу Э. Леннрота, в которой он, как впоследствии и некоторые другие исследователи, называет вепсский язык “северно-чудским” – “О северно-чудском языке” (Lönnrot E., 1853), а также работы А. Алквиста “Исследования по северно-чудскому языку” (Ahlqvist A., 1861), Х. Хунфалви “Грамматика северно-чудского языка” (Ujfalvi Vh. E., 1875), Й. Синнеи “О вепсском языке”



(Szinyei J., 1881), Я. Базилиера “Вепсы Исаевской волости” (Basilier Hj., 1890). Все названные работы содержат и некоторые сведения по предмету нашего исследования – глагольному словоизменению: в них выявлен основной инвентарь глагольных морфем, приводятся таблицы спряжения. Правда, не все перечисленные труды построены на собственном полевом материале. Если исследования Э. Леннрота и А. Алквиста написаны на основе собственных материалов, то труды Х. Хунфалви и Й. Синнеи основаны на публикациях названных авторов. По интересующей нас теме в работе А. Алквиста нет никаких сведений; в ней даются лишь парадигмы именного словоизменения, образцы речи и небольшой словарь. Й. Синнеи в своем труде “О вепском языке”, написанном на венгерском языке и опубликованном в Венгрии в 1881 году, дает анализ не только вепских материалов, но и материалов говорцов сел Святозера и Видан, которые являются говорами людиковского диалекта карельского языка. Правда, Синнеи приводит парадигмы глагольных форм и на примере приоятских говорцов. Названные говорцов входят в средневепский диалект, и его характерные особенности науке сейчас хорошо известны. Так, в этих говорцов не функционирует в настоящее время возможностное наклонение или потенциал (оно отсутствует в настоящее время и в большинстве других диалектов вепского языка), но в работе Синнеи потенциальная форма дается регулярно (напр. *andanen* “возможно, я дам”, *salbanen* “возможно, я закрою”, *tehnen* “возможно, я сде-лаю”, *peznen* “возможно, я помою” и т. д.: Szinyei J., 1881, s. 127–129). Отметим, что потенциал не фиксировался в этих говорцов практически с самого начала исследования вепского языка в России. Существовала ли в середине XIX века потенциальная форма в вепском языке как регулярная, или это дань грамматике финского языка и желание найти в вепском языке формы, идентичные финским? Можно лишь констатировать, что в образцах вепской речи, записанных от людей старшего возраста в середине 50-х годов XX столетия (то есть они родились еще в XIX веке), потенциал уже отсутствовал. Или же он исчез достаточно быстро под влиянием русского языка, заместившись формами условного наклонения (что вызывает некоторое сомнение), или уже не был достаточно регулярным и в середине XIX века? Скорее всего, наиболее правомерным является именно последнее предположение.

Несомненный интерес представляет и работа Я. Базилиера, который побывал в 1887 году у вепсов, известных науке как исаевские. В то время их насчитывалось уже, по его сведениям, только 295 человек, и работа Базилиера, подготовленная им на материале собственных записей, является своеобразным памятником не существующему ныне говорцов, занимавшему относительно фактов глагольного словоизменения, исходя

из имеющихся образцов речи, промежуточное положение между при-  
оятскими (средневепскими) и прионежскими (северновепскими)  
говорами (Basilier Hj., 1890). Уже в конце XIX века, по собственному  
признанию Базилиера, ему не удалось зафиксировать полной парадигмы  
спряжения глаголов (см. Basilier Hj., 1890, s. 73). Из данной работы следует,  
что в говоре исаевских вепсов, как и в речи современных прионежских  
вепсов, в форме 3 лица ед. числа индикатива удваивались взрывные  
согласные **k**, **t**, **p** (напр. с. 77: по *pušna ottab bohatal velgel* “ну, берет бедный  
брат у богатого”). В качестве форм 3 лица мн. числа презенса и импер-  
фекта индикатива употреблялись пассивные по происхождению формы  
(напр., с. 77: по *paiku pušnad dumaitihe* “вот думали бедные”). В то же  
время при построении отрицательной формы 3 лица ед. числа имперфекта  
индикатива употреблялось активное причастие с суффиксом **-nd** (*a hån sigad  
oberind ei* “а он свинью не обиходил”, s. 77), совершенно нехарактерное  
северным вепсам. Оно, правда, в настоящее время повсеместно отмечается  
в глагольной системе куйско-войлахотских (восточные говоры  
средневепского диалекта) и южных вепсов. Любопытно, что в качестве  
презенса 3 лица мн. числа индикатива в работе названа форма *andtat* “(они)  
дают”, *tehtat* “(они) делают”, где вместо **-s** (или **-se**, **-ze**, ср. современное  
вепское *tehtas~tehtase~tehtaze*) в лично-числовом окончании формы,  
являющейся по происхождению пассивной, отмечено **-t**. Являлось ли это  
**-t** особенностью языка исаевских вепсов либо дано ошибочно, трудно  
утверждать, тем более что в образцах речи, приложенных к работе, не  
удалось выявить форму презенса мн. числа с окончанием **-t**.

Особенно серьезную и большую работу по языку вепсов провел  
известный финский языковед Л. Кеттунен, который совершил две поездки  
в места расселения вепсов; он даже Октябрьскую революцию встретил в  
южновепском селе, оставив интереснейшие воспоминания (Kettunen L.,  
1945, s. 272–410). Его исследование по синтаксису вепских диалектов  
является одним из лучших в вепсоведении (Kettunen L., 1943), исклю-  
чительно востребовано и в настоящее время, в период нового этапа фун-  
кционирования вепской письменности. Названный труд содержит доста-  
точно подробные сведения по синтаксису вепского глагола, которые  
активно использовались при подготовке нашей работы. Л. Кеттунен  
привлек для написания своего исследования большое количество вепского  
диалектного материала, что делает его серьезным документом по вепскому  
языку. С трактовкой отдельных моментов грамматики можно не соглашаться,  
считать излишне финнизированной подачу некоторых фактов, полемизи-  
ровать, но нельзя не считаться с его позицией в анализе материала  
грамматики вепского языка, в том числе и грамматики глагола.

Следует отметить еще монографии и статьи по вепскому языку таких

финских исследователей как Э. А. Тункело, Л. Пости, П. Сиро, А. Турунен, Р. Пелтола, И. Савиярви, С. Сухонен, Т. Лехтинен и др., которые позволяют считать его по многим аспектам, особенно в области фонетики (в том числе исторической фонетики, дающей возможность обратиться к истории отдельных показателей и в области исторической грамматики), достаточно хорошо исследованным.

Большой интерес к проблемам вепского языка проявляли и проявляют в Эстонии. П. Аристэ, П. Алвре, Т.-Р. Вийтсо, М. Йоалайд, А. Кяхрик исследовали отдельные аспекты фонетики, грамматики, ономастики языка южных вепсов. А. Кяхрик занималась и некоторыми проблемами грамматики глагола южновепского диалекта вне связи с другими диалектами. В ее работах и статьях изучались словоизменительные модели южновепских глаголов; много внимания уделено статистическим характеристикам глагольных основ (см. напр. Kährik A., 1980; 1988). Основы глагола – это, действительно, одна из сложнейших проблем грамматики вепского языка. Слова вепского языка в процессе исторического развития подверглись действию закона, в соответствии с которым отпадали конечные гласные многосложных слов и тех двусложных слов, у которых первый слог был исторически долгим или закрытым. Тем самым основа и имен, и глаголов языка вепсов значительно отличается от соответствующих основ родственных языков. А. Кяхрик не рассматривает подробно названную проблему, но многие положения ее работ значительно облегчают решение сложных вопросов грамматики вепского глагола, например, проблем возвратного спряжения и отрицательного претерита, сложению которых она посвятила обстоятельные статьи (Кяхрик А., 1978, с. 267–275; Kährik A., 1978, S. 161–169).

В отечественном языкознании вопросами грамматики вепского языка занимались М.М. Хямяляйнен, М.И. Зайцева, Н.Г. Зайцева. М.М. Хямяляйнен в статье “Вепский язык”, помещенной в III томе “Языков народов СССР”, дает общее представление по всем областям языка на основании одного из говоров (пелдушский говор средневепского диалекта) (Хямяляйнен М.М., 1966, с. 81–100). Им названы три склонения глагола, лично-числовые формы, представлена оппозиция актива и пассива в сложных глагольных временах (перфект: *liib todud* “хлеб принесен”; плюсквам-перфект: *liib oli todud* “хлеб принесен”), показано возвратное спряжение (Хямяляйнен М.М., 1966, с. 90–92). Естественно, что в такого типа справочном издании не преследовалась цель дать все многообразие диалектных форм языка, тем не менее позиция автора вполне уловима. Ахиллесовой пятой грамматики вепсов является соотношение активных и так называемых “пассивных” форм глагола. М.М. Хямяляйнен, ставя в качестве формы 3 лица мн. числа индикатива форму, являющуюся по

происхождению пассивной, исключает из грамматики глагола пассивные формы презенса и имперфекта, не упоминая даже о существовании подобного значения у названных форм в описываемом им говоре.

Перу известного исследователя вепского языка, одному из авторов словаря вепского языка – лучшей, на наш взгляд, работы, отечественной вепсологии (Зайцева М.И., Муллонен М.И., 1972), Зайцевой М.И. принадлежит “Грамматика вепского языка” (Зайцева М.И., 1981), написанная на основе шимозерского говора. Названного населенного пункта уже не существует; в 1950-е годы жители села Шимозеро были выселены из родных мест (см. об этом Петухов А.И., 1991, с. 159–179; 1995, с. 442–447), тем ценнее языковой материал, представленный в данной работе. В исследовании М.И. Зайцевой наибольшее предпочтение отдано разработке вопросов синхронной фонетики говора, исключительно подробно продемонстрированы возможности сочетаемости звуков, встречаемости их в различных частях слова. Вопросы же глагольного словоизменения занимают в нем достаточно скромное место (с. 243–278). В работе выявлен перечень глагольных форм, свойственных шимозерскому говору, приведено несколько ограниченное количество иллюстраций к ним. Кроме того, к сожалению, в качестве иллюстраций форм грамматики глагола приводятся лишь одиночные глагольные словоформы и отсутствует минимальный контекст, поэтому часто возникает сомнение, действительно ли речь идет о той или иной категории (напр. форм типа *g’odanuiž, anttanuiž*, с. 259, где суффикс активного причастия прошедшего времени, как это видно из формы, присоединялся бы к основе пассива, больше нам нигде не удалось встретить, в том числе и названном говоре). Отсутствие достаточного иллюстративного материала дает возможность и для сомнения в том, что шимозерский говор обладает личными формами пассива, типа (*mina*) *olen anttud* “(я) отдан”, (*sina*) *oled anttud* “(ты) отдан” и т. д. (с. 256). В этом можно бы было усмотреть русское влияние (напр. “я была отдана замуж”), но все-таки как обязательный атрибут грамматической системы вепского языка данные формы вряд ли возможно рассматривать.

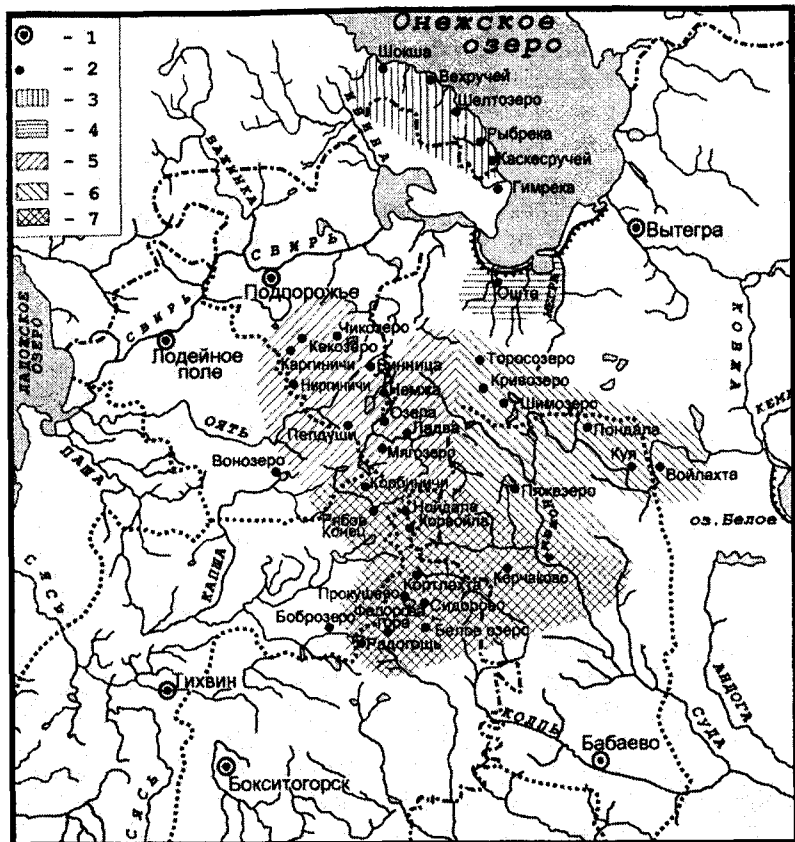
Как свидетельствует обзор научной литературы (см. об этом также Зайцева Н.Г., Яковлева Л.П., 1991, с. 82–123), инвентарь форм глагольного словоизменения вепского языка науке в общих чертах известен, но отсутствуют подробные сравнительно-сопоставительные исследования лингвистических материалов по всем говорам и диалектам, которые позволили бы в дальнейшем приступить к написанию, например, большой академической и исторической грамматики. Кроме того, при подготовке учебников вепского языка для школ в 1990-е годы мы столкнулись с серьезными пробелами в исследовании грамматики глагола, что не дало возможности четко сформулировать многие правила орфо-

графии, так необходимые при изучении языка. Интересно отметить, что именно работа по написанию учебников позволила наиболее четко определить пробелы в исследовании грамматики вепсского языка, увидеть, что многие проблемы и явления лишь назывались, констатировались, что, возможно, было достаточным для академических исследований. Например, назывался какой-либо звукопереход, свойственный вепсскому языку, приводились 3–4 примера из одного–двух диалектов языка, и проблема закрывалась. А что происходит вне этого перечня, есть ли исключения, сколько их, каков весь список исключений либо, напротив, список слоформ, подверженных правилу, все это осталось вне поля зрения ученых. В данном исследовании сделана попытка восполнить названные пробелы в наиболее сложной области – глагольном словоизменении, по возможности представить полную картину глагольного словозменения в диалектах и говорах вепсского языка, а также и в его младописьменном варианте, который, несомненно, также нуждается в серьезном осмыслении своего места в системе диалектов и говоров.

## ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ВЕПСКОЙ РЕЧИ

Вепсский язык неоднороден по своей структуре. В нем принято выделять три диалекта: северновепсский, или прионежский, средневепсский и южновепсский. На северновепсском диалекте говорят жители современной Вепсской национальной волости (образована в 1994 году), расположенной вдоль юго-западного берега Онежского озера Карелии и граничащей с Прионежским районом, к которому раньше она и относилась. В волости проживает около 2 тысяч вепсов. Часть носителей названного диалекта живет в городе Петрозаводске, где в общей сложности количество вепсского населения достигает 4 тысяч. Здесь можно найти прекрасных знатоков диалекта в его первоизданном виде, поскольку влияние письменной нормы языка, распространяемой и внедряемой в последнее десятилетие через прессу и радио, практически еще не ощущается, слишком краток период ее функционирования.

Средневепсский диалект принято делить на восточные и западные говоры. На восточном говоре говорят жители Вологодской области, где по последней переписи населения 1989 года насчитывалось всего около 700 человек. Но и здесь следует выделить еще куйско-пондальский, пязозерский, шимозерский говоры, которые в области грамматики глагола существенно отличаются от западных говоров. Диалектные различия их настолько основательны, что дают возможность пересмотра диалектного членения вепсской речи, что должно стать темой самостоятельного



### Диалекты вепского языка

1 – города; 2 – селения; 3 – Северновепский диалект;

Средневепский диалект:

4 – говоры переселенцев; 5 – западовепские говоры; 6 – восточновепские говоры;

7 – Южновепский диалект.

исследования, которое учтет не только сведения по вепскому глаголу, но и данные по другим областям грамматики, лексики и синтаксиса вепского языка.

Западные говоры средневепского диалекта, или их еще принято называть приоятскими, распространены на территории Ленинградской области в Подпорожском (значительная часть), Тихвинском, Лодейнопольском районах.

В Бокситогорском районе Ленинградской области живут предста-

вители южновепского диалекта. В общей сложности на территории Ленинградской области проживает около 6 тысяч вепсов.

Наиболее полно диалектные особенности изложены в работе Э. А. Тункело, посвященной проблемам исторической фонетики вепского языка (Tunkelo E.A., 1946, s. 1–18), хотя сведения по данной проблеме, правда, не столь подробные, можно найти и в других исследованиях (Богданов Н.И., 1960; Хмяляйнен М.М., 1966, с. 99–100; Вийтсо Т.-Р., 1960; Зайцева М.И., Муллонен М.И., 1972, с. 743–745; Зайцева Н.Г., Яковлева Л.П., 1991, с. 91–92; Зайцева Н.Г., 1997, с. 262–263).

Суммируя все известные в названной области сведения, а также используя собственные наблюдения, можно назвать следующие наиболее яркие особенности вепских диалектов.

Северновепский диалект в этом ряду отмечается:

1) наличием **d'** на месте **j** в начале слова: **d'äniš** “заяц”, **d'o** “уже”, **d'umal** “бог”, **d'äritada** “размельчать”, **d'on** “(я) пью”, **d'ättab** “(он) оставит”;

2) представительством древних долгих гласных в первом слоге слова в качестве полудолгих: **paä** “земля”, **puul'e** “на дерево”, **suuhu** “в рот”;

3) наличием геминированных согласных **k, g, t, d, p, b, z, ž** в форме 3 лица ед. числа презенса индикатива: **kattab** “(он) укроет”, **laddib** “(он) наладит”, **teggob** “(он) сделает”, **l'ubbub** “(он) поднимется”, **hüppib** “(он) прыгает”, **lažžub** (он) “лежит”; **küzzub** “(он) спросит”;

4) значительно большим смягчением, чем в других диалектах, согласных **l, n, r** перед **-e** в личных формах глагола, обладающих основой на **-e**, а также в именных формах, например, в аллативе: **tul'en** “(я) приду”, **pan'ed** “(ты) кладешь”, **pur'ed** “(ты) укусишь”, **män'e** “(ты) иди!”, **tul'e** “(ты) приди!”, **sizar'el'e** “сестре”, **mamal'e** “маме”;

5) напротив, отсутствием смягчения согласных звуков после **-i-**, так свойственного другим диалектам; особенно это касается форм индикатива имперфекта и кондиционала: **tulid** “(ты) пришел”, **kävelin** “(я) ходил”, **sbižin** “(я) съел бы”. Данная особенность свойственна и именным формам мн. числа: **lehmid** “коров”, **heil** “у них”, **voil** “маслом”;

6) краткостью лично-числового окончания 1 и 2 лица мн. числа основного спряжения: **-m** или **-d(-t, -tt)**: **löudam** “(мы) найдем”, **sanud** (sanut) “(вы) скажете”;

7) стяженностью дифтонгов **oi, ui** до **ii, j**, что отражается в именных формах с названным дифтонгом в основе, на стыке конечного гласного основы и показателя мн. числа **-i-**: **kanjid**–**kanjd** “куп” (ср. в других диалектах **kanoid**), а также достаточно наглядно и в глагольных – формах имперфекта и кондиционала при присоединении к соответствующей основе показателей имперфекта и кондиционала: **sanjd** “(ты) сказал”; **sanjizid** “(ты) сказал бы” (ср. в других диалектах **sanuid, sanuižid**);

8) употреблением в презенсе и имперфекте 3 лица мн. числа индикатива за редкими исключениями (глаголы типа *rapoba* “(они) кладут”, *māba* “(они) идут”) пассивных по происхождению форм: *māndaze* “(они) идут”, *tehtaze* “(они) делают”; *māndihe* “(они) шли”, *tehtihe* “(они) делали”.

Средневепский диалект характеризуется:

1) сохранением **j** (западные говоры) в начале слова или замещением его на **g'** (восточные говоры): *jārv-g'ārv* “озеро”, *jüged-g'üged* “тяжелый”, *jaritada-g'āritada* “размельчать”, *jonoštada-g'onoštada* “подчеркивать”;

2) твердостью согласных перед **e**: *tulen* “(я) приду”, *ühtele-ühtelo* “одному”, *kandoižele* “на пенек”;

3) постоянным представительством кратких гласных и одиночных согласных на месте праязыковых долгих гласных и геминат: *maha* “в землю”, *sos* “в болоте”, *puhu* “в дерево”; *katab* “(он) укроет”, *lugeb* “(он) читает”, *libub* “(он) поднимается”;

4) смягчением окончаний, выраженных одиночным согласным, после **i** в формах мн. числа имен и в формах 1 и 2 лица ед. числа имперфекта и кондиционала глаголов: *puid'* “деревьев”, *lehtesil'* “на листве”; *nuuzid'* “(ты) проснулся”, *libuid'* “(ты) поднялся”, *panižid'* “(ты) положил бы”;

5) присутствием в составе окончаний 1 и 2 лица презенса и имперфекта актива мн. числа, кроме **-m** и **-t**, звукосочетаний **-ai** и **-ei**: *tulemai* “(мы) придем”, *sötei* “(вы) едите”; наличием в имперфекте 3 лица мн. числа лично-числового окончания **-ba**: *lugiba* “(они) читали”, *paniba* “(они) положили”, *tuliba* “(они) пришли”.

Южновепскому диалекту присущи:

1) древнее **j** в начале соответствующих слов: *jumā* “бог”, *joda* “пить”, *jug'* “корень”;

2) поздние долгие гласные на месте дифтонгов на **-i** и на **-u**: *hāg* (ср. в других диалектах *haug, houg*) “дрова”, *pičūne* “маленький” (ср. *pičiuine*), *mulb* “в прошлом году” (ср. *muloi*);

3) множество долгих гласных вторичного происхождения на месте сочетаний гласных звуков с согласным **-l**, объясняющихся вокализацией **-l** (**l** > **l̥** > **u**) и последующим уподоблением вокализованного согласного звука впереди стоящему гласному, превратившемуся таким образом в долгий гласный: *mejā* “у нас” (ср. *mejäl, mijou*); *edū* “прежде” (ср. *edel, eduu*), *logb* “на покосе” (ср. *logol, logou*);

4) в окончаниях 1 и 2 лица мн. числа актива присутствует долгий гласный **ā**: *nāgitā* “(вы) видели”, *kulimā* “(вы) слышали”, *tulemā* “(мы) придем”, *tegetā* “(вы) сделаете”;

5) в отрицательной форме 3 лица мн. числа презенса и имперфекта актива отрицательный глагол стоит в форме **eba**, не характерной для северно- и средневепского диалектов: *eba tule* “(они) не придут”, *eba uju*



“они) не плывут”, *eba pezend* “(они) не мыли”, *eba ajand* “(они) не уехали”.

Можно было бы назвать еще множество прочих диалектных особенностей, характерных фонетике, лексике, грамматике, но они не столь тесно связаны с темой нашего исследования. Тем не менее, хочется отметить один важный момент: в области именного словоизменения даже углубленный анализ грамматического материала не позволяет выявить достаточно заметных диалектных различий. Большинство особенностей в области грамматики имени выявляется на чисто фонетическом уровне (напр. *mechasai-mechasā-mechasae-mechassai* “до лесу” и т.д.). То есть можно сделать вывод о том, что древнюю прибалтийско-финскую систему именного словоизменения вепсский язык во всех своих диалектах сохранил достаточно хорошо. Процесс последующего развития, а также языковые контакты, в первую очередь с карелами и русскими, незначительно отразились на формах имени. Система же глагольного словоизменения, как в этом можно будет убедиться ниже, более разнообразна по диалектам. Именно в ней выявляются наиболее существенные диалектные различия. Очень пестро представлены в диалектах варианты лично-числовых окончаний, наблюдается большая разница в образовании отрицательных форм глагола, имеется существенное противопоставление по диалектам в употреблении активных и пассивных форм. В дальнейшем при освещении материала по соответствующей грамматической категории глагола подробно даются, по возможности, все варианты по диалектам и говорам вепсского языка. Подробное рассмотрение категорий глагола, сравнительное исследование их функционирования и представительства в диалектах вепсского языка позволит, как свидетельствует об этом предварительный анализ, сделать некоторые дополнительные наблюдения по формированию вепсских диалектов.

## КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

В данной работе исследованию подвергнуты глагольные основы, а также формы лица-числа, времени и наклонений в вепсском языке. Очень важно указать, что язык вепсов обладает двумя формами спряжений: основного и возвратного, что увеличивает соответственно количество форм глаголов в два раза. При освещении форм прошедших времен привлечены и рассматриваются и формы причастий актива и пассива, представлены их наиболее интересные исторические моменты развития, однако подробного рассмотрения всех именных форм глагола в работе нет.

Категория лица указывает на субъект действия, выраженный глаголом. При этом говорящий является I лицом; собеседник говорящего, или его

называют адресатом, – 2 лицом; лицо или предмет, не участвующий в речи, – 3 лицом. Формы 1 и 2 лица отличаются от 3 лица тем, что указывают на определенное подлежащее, в то время как формы 3 лица не содержат указания на определенное подлежащее, которое может быть выражено любимым существительным или местоимением. Категория лица в вепском языке, как и в других прибалтийско-финских языках, маркируется посредством лично-числовых окончаний. В ед. числе имеется оппозиция из 12 положительных и отрицательных форм основного и возвратного спряжений:

- 1) *konz mina pāstaškan živatan uličalo, ka necon supaleižen sōtanki* “когда я отпускаю животных на улицу, тогда этот кусочек и скармливаю”;
- 2) *luded sarnaižen, laps' magadapki* “прочтешь сказку, ребенок и заснет”;
- 3) *pidust' g'oged mänob te* “вдоль реки идет дорога”;
- 4) *en sanu, ala pakiče* “не скажу, не прощу”;
- 5) *erasti tugetas, ka lähtoki ed* “иногда закроют, так и не выйдешь”;
- 6) *necida tedmati niken ii ota* “это, не зная, никто не возьмет”;
- 7) *pezemoi da sugimoi* “(я) умоюсь да причешусь”;
- 8) *kūubetj ka tulo čajud g'omha* “искупаешься, так приходи чаю пить”;
- 9) *hän pördase kodihe* “он возвратится домой”;
- 10) *en pörtte nikut* “ни за что не вернусь”;
- 11) *tüttrut, ku ed peste, ka sindei niken ei tundišta* “доченька, не умоешься, так тебя никто не узнает”;
- 12) *ii sugde da ii peste* “не причесывается и не одевается”.

Категория лица глаголов тесно связана с категорией числа, и формы глаголов принято называть лично-числовыми, поскольку категория числа у глаголов не имеет особого показателя, как это имеет место в именном словоизменении, и каждая из личных форм несет в себе одновременно значение лица и числа. В вепском языке существуют формы единственного и множественного числа. Во множественном числе, как и в единственном, речь о котором шла выше, существует оппозиция из шести положительных и шести отрицательных грамматических форм, включающая в себя также 1, 2, 3 лицо основного и возвратного спряжений:

- 1) *sobad andam silei* “одежду тебе дадим”;
- 2) *a ked tö olet* “и кто вы будете”;
- 3) *cerkvas hö ristad paba* “в церкви они крестятся (досл. кресты кладут)”;
- 4) *kalata em elägoi* “без рыбы мы не живем”;
- 5) *tö ed voigi miid varastada* “вы не можете нас ждать”;
- 6) *ülemba päd korvad ii kazgi* “выше головы уши не растут”;
- 7) *pezemoi kül'betiš i sōškam* “я помоюсь в бане, и будем есть”;
- 8) *pördatoi, min sä teged* “вернешься, что будешь делать”;
- 9) *ii verde magamaha* “не ложится спать”;
- 10) *voi, mö mecas muga jo kružimoiš* “ах, мы так кружим(ся) в лесу”;

11) libedad linduižed, lübuitoiš i miluitoiš jäl'gmäižen kerdaižen “милые птички, любуетесь и милуетесь последний разочек”;

12) sädasoiš hõ i lähteba “одеваются они и идут”.

Категория грамматического времени в вепском языке, выражающая то или иное отношение говорящего к моменту речи, имеет оппозицию из четырех времен: одного настоящего и трех прошедших. Названная оппозиция свойственна и другим прибалтийско-финским языкам, однако, каждый язык, входящий в эту группу, имеет свои особенности и свою конкретную реализацию в грамматических формах.

Настоящее время, или презенс, – это время действия, совпадающее с моментом речи. В вепском языке презенс может иметь значение и будущего времени (напр. *mina tulen tijale* “я к вам приду”). Это явление наблюдается и в других прибалтийско-финских языках, но в вепском оно встречается даже в меньшей степени, поскольку так называемая “начинательная форма”, являющаяся специфической особенностью языка, все интенсивнее приобретает и несет в себе значение будущности (*konz tulod, ka g'oškam čajud* “когда придешь, будем пить чай”; *lugeškan hot' en lugeška, a knigad en voi pügude antta* “хоть буду читать, хоть не буду, но книгу дать сейчас не смогу”). Пока мы не можем утверждать, что вепский язык располагает будущим временем, но, тем не менее, в ряду способов передачи оттенков данного значения в нем есть свои грамматические особенности. Презенс в диалектах вепского языка не имеет особого суффиксально выраженного показателя, однако парадигма спряжения глаголов, их лексические основы, не содержащие никаких иных показателей, противопоставляются формам имперфекта и выделяются на их фоне, приобретая тем самым свою собственную грамматическую значимость. Кроме того, в отдельных говорах вепского языка имеются некоторые различия и в грамматических показателях между презенсом и имперфектом, которые будут раскрыты в данном исследовании и которые усиливают оппозицию презенса и имперфекта (напр. 3 лицо мн. числа: *hõ tuudas* “они придут” и *hõ tuudihe* “они пришли”; *tulen* “(я) приду”~*tulin'* “(я) пришел” и т.д.).

Презенс в вепском языке располагает 12 грамматическими формами: шестью формами ед. числа с особыми грамматическими показателями, три из которых принадлежат основному спряжению и три возвратному, а также шестью формами мн. числа соответственно основного и возвратного спряжений, что в определенной степени является особенностью вепского языка.

Прошедших времен в вепском языке три: имперфект, перфект, плюсквамперфект. Некоторые ученые выделяют на базе, главным образом, южновепского диалекта еще отрицательный претерит (см. Kettunen L., 1943, s. 462; Kährik A., 1978, S. 161–169). Каждое из времен имеет свой-

ственную только ему соотнесенность с моментом речи. Имперфект имеет значение действия, совершенного ранее момента речи и менее всего с ним соотносимого [siloi mö püüdim kalad (Kal, 3387) “тогда мы промышляли рыбу”; mina en tenu russkijad (Toižeg, 3386) “я не знал русского”; lambhan händikaz ot’ t’ (Toižeg, 3387) “овцу волк зарезал”]. Имперфект соотносится в основном только с прошлым временем. Перфект, напротив, обозначает действие в прошедшем времени, которое длится до настоящего момента или результаты которого видны в настоящее время [mina en ole kävunu školha ni üht päivad (Št, 3384) “я не ходила в школу ни одного дня”; ičevägel künatud olem (Toižeg, 3386) “(мы) сами пахали”; saged so vuu om gänu (Kuja, 3403) “слепая-то еще осталась (жить в деревне)”]. Плюсквамперфект же употребляется в тех случаях, когда надо показать действие, совершенное в прошлом ранее другого действия, которое свершилось также в прошлом [Ondrei Matveič oli ougotanu mindei kursile Toižegespei-so (Toižeg, 3386) “Андрей Матвеевич меня на курсы отправил из Другой Реки” (Št); kalha oli mužik männu, da sille putui-ki vastha (Pnd, 3398) “на рыбалку мужчина отправился, так ему и попал навстречу”; Valerik oli segoinu mecha (VI, 3403) “Валерик заблудился в лесу”]. Отрицательный претерит не имеет такой достаточно точной соотнесенности с моментом происхождения действия, как названные выше времена, и напоминает в этом отношении русское прошедшее время: Jumä meile last ei andiške (Čg, NEV, I, s. 54) “Бог нам детей не дал”; ningoš pitkas igas en kuliške (Čg, NEV, I, s. 52) “такого не слышала во весь долгий век”.

Система грамматических форм глагола, показывающих отношение действия к действительности, является категорией наклонения. В вепском языке существует оппозиция трех наклонений: индикатива, или изъявительного наклонения, императива, или повелительного, и кондиционала, или сослагательного наклонения. Изъявительное наклонение обозначает действие, которое реально протекает в настоящее время или протекало в прошлом (ak kadoi, ka em liudnugoi-ki (Pnd, 3393) “женщина потерялась, так даже не нашли”; em mahtnuhu tehta (Kuja, 3389) “(мы) не умели делать”; hõ družno eletihe toine toiženke (Kaleig, 3387) “они дружно жили друг с другом”; muštan, lehm kandi (Toižeg, 3386) “помню, корова отелилась”).

Основным значением повелительного наклонения является приказ или побуждение к действию (lähkam mecha (VI) “пойдемте в лес”; mäne poiš! (Št) “иди прочь!”; ala tule-ki mijale (Toižeg) “ты не приходи к нам”; aughä hän kundelkoi (Pnd) “пусть он не слушает”).

Глаголы в форме сослагательного наклонения имеют значение предположительности, гипотетичности, пожелания произвести действие (tulizän da edahan elad (VI) “(я) пришла бы, да далеко живешь”; söizän körzid (Št)

“(я) поел бы блинов”; *pezižimoi da vezi pahoin’ vilu* (Pnd) “умылся бы, да вода очень холодная”).

Многим прибалтийско-финским языкам свойственна форма возможностного наклонения, или потенциала, со значением возможности действия. В северновепском диалекте отдельные глаголы также могут иметь иногда названную форму: *voipen* “возможно, я смогу”, *tulnen* “возможно, я приду”, *tehnen* “возможно, я сделаю”. В первом отечественном очерке по вепскому языку, помещенном в III томе “Языков народов СССР” (1966), Хмяляйнен М.М. не выделяет названную форму. В работах же финских исследователей XIX века, о которых речь шла выше, потенциал выделялся регулярно. Известный исследователь языка вепсов Лаури Кеттунен в работе “Синтаксис вепских диалектов” (Kettunen L., 1943, s. 469–470) уже не дает потенциала как полноправного наклонения, утверждая, что, по его наблюдениям, в вепских диалектах можно встретить нерегулярно лишь форму презенса потенциала, типа: *t’ervehtanek mä sindaiž?* (Noid) “возможно ли тебя поцеловать?”; *libunop ka libugaha* (Kask) “раз хочет встать, то пусть встает”; *kaks’ rubl’ad anned* (Pr) “раз даешь два рубля” (s. 469–470), которая воспринимается по значению как условная. М.И. Зайцева в работе “Грамматика вепского языка” (1981) в шимозерском говоре северновепского диалекта дает форму презенса потенциала, отмечая, однако, что “...формы этого наклонения встречаются крайне редко, в основном в речи старшего поколения” (с. 260). При исследовании образцов фольклорной речи форму потенциала можно встретить в северновепском диалекте также довольно часто, как застывшую (см. напр. R. Lonin, 2000). Нам во время экспедиций к прионежским вепсам форму потенциала удалось зафиксировать лишь от редких глаголов: *tehta* “делать” (*tehnen* – 1 лицо ед. числа), *tulda* “прийти” (*tulnen* – 1 лицо ед. числа), *panda* “положить” (*rannen* – 1 лицо ед. числа), которые говорящие переводили не возможностным, а условным наклонением. На наш взгляд, названная форма уже ушла из вепского языка и является его историей. Навряд ли ее можно рассматривать как живую форму словоизменения глаголов. Наш сбор иллюстративного материала не дает такой возможности, поэтому мы указываем на нее как на исторически функционировавшую в вепском языке, но исчезнувшую форму.

Особое место в вепском языке занимает проблема основы глагола. Глагольные основы вепского языка часто не совпадают с основами глаголов родственных языков из-за исторических фонетических сдвигов, происшедших в вепском слове. Объясняется это отчасти тем, что в вепском языке действовала закономерность отпадения конечных гласных многосложных слов и тех двусложных, у которых первый слог был исторически долгим или закрытым (Tunkelo E.A., 1946, s. 755–757). Это

явление сказалось и на основах глаголов. Возникло множество различных стяженных форм, многие глаголы, являвшиеся ранее, исходя из данных родственных языков, одноосновными, стали двухосновными. И наоборот, появились глаголы с двумя вариантами гласных основ у одноосновных глаголов. Все вышеизложенное делает проблему основы одной из наиболее сложных проблем грамматики вепсского глагола. Она выделена в работе в отдельную главу и предпослана всем другим разделам исследования. Важно еще и то, что в вепсском языке существует, как уже упоминалось, основное и возвратное спряжения со всеми лично-числовыми, временными формами и формами наклонений. Их анализ излагается в такой последовательности, что вначале даны все формы основного спряжения и затем формы возвратного. Основы же у обеих групп глаголов неизменны, что дает возможность не повторяться при анализе той и другой группы глаголов. Основы вепсского глагола с синхронной точки зрения, как показал наш анализ, имеют некоторую соотнесенность с формой I инфинитива, который обладает в вепсском языке показателями *-da* и *-ta*. Эта соотнесенность ранее в работах не отмечалась, но анализ большого количества материала позволил нам прийти к подобному выводу. В целом же формы инфинитивов, относящиеся, как и причастия, также к именным формам глагола, остались за пределами данного исследования.

При изложении лингвистического материала по той или иной категории, как об этом свидетельствует и название работы, производится сравнительно-сопоставительный анализ ее функционирования, проявления ее показателей в диалектах и говорах вепсского языка. В большинстве случаев осуществлен и возможный исторический анализ, проливающий свет на синхронное состояние языковых фактов. Нам понятно, что не следует отрывать современное развитие языка от его истории, и следовало бы показать развитие того или иного языкового явления в его исторической перспективе (см напр. об этом Ярцева В.Н., 1960, с. 48). Однако сделать это правилом при написании всей работы не представилось пока возможным – слишком слабо исследовано современное состояние категорий глагола. Нам кажется более важным и значимым провести исследование грамматики глагола во всех говорах и диалектах вепсского языка, проанализировать и сравнить их, пронаблюдать состояние и развитие той или иной категории, что само по себе уже даст некоторые выходы и в историю вепсского языка, его историческую диалектологию. Тем самым науке будет представлен и введен в научный оборот важный недостающий материал по развитию грамматических категорий глагола – одной из наиболее важных и сложных частей грамматики вепсского языка.

## ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСНОВ ГЛАГОЛОВ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

### ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ТИПАХ ОСНОВ

При построении любой глагольной формы в вепском языке, как и в других прибалтийско-финских языках, следует найти основу глагола. Основы принято делить на лексические и словоизменительные. *Лексической* основой является та часть глагольной словоформы, которая остается, если отбросить окончание: *luge-n* “(я) читаю”, *libu-d* “(ты) поднимаешься”; *põrda-toiš* “(мы) возвратимся”, *lebaida-toiš* “(вы) отдохнете”. *Словоизменительная* основа включает в себя словоизменительные морфемы (времени, наклонения), а также те чередования звуков, которые происходят при их присоединении (*väzuin* “(я) устал”, *omblin* “(я) шил”, *libuga-t* “(вы) поднимитесь”, *sidoži-n* “(я) повязала бы”, *lugži-n* “(я) почитал бы”, *lebaiga-toiš* “(вы) отдохните”). Словоизменительная основа рассмотрена в главе, посвященной имперфекту, так как именно при присоединении показателя простого прошедшего времени *-i-* наблюдается самое большое количество изменений звуков в основе. Все прочие изменения в звуковом строе основы рассматриваются в соответствующих разделах, посвященных той или иной категории.

В теории по прибалтийско-финскому языкознанию все глаголы по наличию в них типов основ принято подразделять на две группы – одноосновные и двухосновные, причем предполагается, что названная оппозиция ведет свое начало еще из прибалтийско-финского языка-основы (см. напр. Лаанест А., 1975, с. 48–53). Данное положение, конечно же, не дает оснований утверждать, что эта оппозиция незыблема. Граница между одноосновными и двухосновными глаголами подвижна, и глаголы могут со временем переходить из разряда в разряд. Особенно это свойственно вепскому языку, в котором из-за исторических подвижек в фонетическом облике слова группа двухосновных глаголов значительно расширилась по сравнению с родственными языками: напр. глагол *ištta* “сидеть”: *ištu-n*

“(я) сижу”, *išt-kat* “(вы) сидите!” стал в вепском двухосновным, тогда как в других прибалтийско-финских языках он одноосновен (ср. напр. финск. *istua: istu-n* “(я) сижу”, *istu-kaa* “(вы) сидите!”). На эту же закономерность указывал и известный исследователь исторической фонетики вепского языка Э. Тункело, который писал, что “...в вепском глагольном словоизменении употребление согласной основы намного больше, чем, например, в финском” (Tunkelo E.A., 1946, s. 173)

В вепском языке соотношение наличия основ у глаголов имеет свои особенности: в нем, с одной стороны, имеются глаголы, обладающие *двумя* типами гласных основ, но не имеющие согласной основы; с другой стороны, двухосновные глаголы кроме согласной основы могут обладать также *двумя* типами гласных основ; дополнительно у ряда глаголов имеется еще особая гласная основа 3 лица ед. числа презенса индикатива. Таким образом, оппозиция, в которой в других прибалтийско-финских языках участвуют только одноосновные и двухосновные глаголы, в вепском выглядит несколько иначе. В нем количество основ несомненно больше. Данная особенность нуждается в серьезной теоретической проработке и осмыслении. Несмотря на сложность и важность проблемы, в работах, посвященных грамматике вепского языка, типам основ до сих пор не уделялось должного внимания. Так, М.М. Хямяляйнен в уже упомянутой обзорной статье, помещенной в книге “Языки народов СССР”, не преследовал цели осветить типы глагольных основ; он дает лишь общее представление о категориях вепского глагола (Хямяляйнен М.М., 1966, с. 88–93). М.И. Зайцева в “Грамматике вепского языка” также не подвергает детальному анализу типы основ глаголов в вепском языке. Ею названы лишь основные типы спряжения, свойственные шимозерскому говору (1981, с. 263–268). Конечно, подобная трактовка также имеет право на существование, хотя и не характерна для прибалтийско-финских языков, где при подаче грамматического материала принято оперировать понятием типов основ (см. напр. относительно карельского языка: Рягоев В.Д., 1977, с. 112–122; Zaikov P.M., 1993, с. 5–9; Зайков П. М., 2000, 102–110; Markianova L.F. 1995, с. 4–8; Адель Е.Л., 1998, с. 23–33 и др.). Правда, М.И. Зайцева в своей грамматике признает, что в вепском языке имеются одноосновные и двухосновные глаголы; основы последних подразделяются на полные и усеченные, что класси-фицируется как особенность вепского языка. Но самое главное – в чем же заключается эта особенность – в работе не освещается. Очевидно, в грамматике по какой-то причине (скорее всего по причине полной неизученности данной проблемы) и не преследовалась цель дать подробный анализ типов основ; названы лишь вне контекста некоторые примеры глаголов, отнесенных к тому или иному типу спряжения. В целом же эта



действительно сложная проблема грамматики вепского глагола осталась практически не представленной в названной грамматике.

Исследовательница вепского языка из Эстонии А. Кяхрик в работе, посвященной словоизменительной системе глагола южновепского диалекта, оперирует понятиями основы презенса и основы инфинитива, считая и глаголы с двумя гласными основами, например, двухосновными. Так, глагол *voida* “быть”: *voi-n*, по ее классификации одноосновный, а глагол *magata* “спать”: *magada-n*, *maga-tud*, обладающий краткой и долгой гласной основами, но не имеющий согласной основы – двухосновный (Kährik A., 1980, lk. 17). Причем, следует признать, что А. Кяхрик несомненно права, обратив особое внимание на основу инфинитива в связи со словоизменительными формами глагола. В вепском языке основа инфинитива, совпадая с основой одноосновных глаголов, с краткой гласной основой глаголов с двумя гласными основами, с согласной основой двухосновных глаголов приобретает действительно заметное место в системе глагольного словоизменения. Мы также ту часть глагольной словоформы, которая стоит перед суффиксом инфинитива, будем называть основой инфинитива и будем постоянно обращаться к ней, а последующий анализ покажет, что это вполне обоснованно и проливает дополнительный свет и на типы основ, и на возможность их прогнозирования с помощью формы инфинитива.

## ОДНООСНОВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Как уже было отмечено выше, *одноосновными* считаются глаголы, обладающие лишь гласной основой. И соответственно, к *двухосновным* относятся глаголы с двумя основами: гласной и согласной. Современный вепский язык вносит некоторые коррективы в это соотношение. В нем имеется достаточно большое количество одноосновных глаголов, которые располагают двумя вариантами *гласных* основ, то есть данные глаголы с точки зрения количественной характеристики обладают двумя основами, каждая из которых употребляется при образовании определенных форм. Действительно ли следует считать их двухосновными, как это сделала в уже упомянутой выше работе по глагольному словоизменению в южновепском диалекте А.Кяхрик и, таким образом, теоретически пересмотреть сложившуюся оппозицию одноосновных и двухосновных глаголов? Что считать главным признаком двухосновности глаголов? Количество или качество? Думается, что все-таки главным признаком следует признать качественную, а не количественную характеристику основ глагола. А поскольку достаточно большая группа

глаголов в вепсском языке обладает двумя вариантами именно гласных основ, но не имеет согласной основы, то мы будем продолжать считать их одноосновными, дав им особый статус – *глаголов с двумя вариантами гласных основ*. Две же гласные основы в данном исследовании мы будем интерпретировать как *долгую и усеченную, или краткую*, и не станем теоретически пересматривать сложившееся в прибалтийско-финских языках соотношение одноосновных и двухосновных глаголов. Главным же критерием двухосновности глаголов мы будем считать все-таки наличие, кроме *гласной, согласной* основы. Тем не менее, существование двух типов гласных основ в глагольной парадигме большого ряда одноосновных глаголов в вепсском языке является его достаточно специфической чертой, достойной особого внимания.

Более того, и это также представляет несомненный интерес, в северновепсском диалекте функционирует достаточно<sup>1</sup>регулярно 3-й тип гласной основы, основы на -*o*. Это основы 3 лица ед. числа презенса индикатива у глаголов, основа которых в прочих формах презенса индикатива оканчивается на -*e*. Причем, названная особенность характерна как для одноосновных глаголов, так и для двухосновных с гласной основой на -*e* (напр. относящийся к группе одноосновных глаголов – глагол *pakita* “просить”: *pa***k***i* – краткая гласная основа, *pa***k***i***ie** – долгая гласная основа, *pa***k***i***o** – гласная основа 3 лица ед. числа презенса индикатива). Данная особенность вепсского языка будет также подвергнута анализу в соответствующем разделе.

Для нашего исследования на предмет типов глагольных основ были проанализированы практически все глаголы, представленные в “Словаре вепсского языка” (Зайцева М.И., Муллонен М.И., 1972), а также полевые материалы, собранные во время экспедиций во все регионы вепсов в 1980–1990-е годы.

При определении, сколькими типами гласных основ обладает одноосновный глагол в вепсском языке, мы обратили внимание на форму инфинитива и пришли к выводу, что форма I инфинитива может в определенной степени нести информацию о типах основ глагола. Прежде всего важно иметь в виду, присущ ли инфинитиву морфологический показатель -*da* или -*ta*. При анализе данного соотношения нам удалось выявить, что *одна* гласная основа выступает у таких глаголов, которые имеют инфинитивный показатель -*da* с предшествующим *гласным* звуком. Глаголы этой группы могут быть одно-, двух-, трех-, четырех- и, редко, пятисложными (при подсчете слогов брался во внимание и показатель инфинитива). Гласная основа может оканчиваться на следующие звуки<sup>1</sup>:

---

<sup>1</sup> При иллюстрации типов основ приводится форма 3 лица ед. числа презенса индикатива.

1) **-a-, -ä-**: sada “достать”: sa-b; jäda (gäda,däda) “остаться”: jä-b; rižada “навестить”: riža-b; sulada “таять”: sula-b; pil’kištada “мерцать”: pil’kišta-b.

Названный тип основ характеризуется тем, что в нем исторически произошло перераспределение основ с концовкой на **-a-** и **-ä-**. Из-за утраты гармонии гласных вепским языком (см. об этом подробнее Wiik K., 1989) в последнем во многих случаях **ä>a**. Глаголы стали иметь такой вид, как elada “жить”, vedada “тащить”, pidada “держать” (ср. финск. elää, vetää, pitää), хотя в отдельных говорах и можно еще встретить сохранение передне-рядного **-ä-** (так, глагол eläda “жить” представлен достаточно широко в диалектах вепского языка и elada – только в восточных говорах средневепского диалекта), либо смягчение впереди стоящего согласного, как написание о том, что за ним раньше следовал переднеязычный звук (напр., в приютских говорах средневепского диалекта pid’ada “держать”: pid’an “(я) держу”, в других – pidada: pidan; hiit’t’a “снять”: hiit’an “(я) сниму”, в других – hiitta: hiitan; piit’t’a “прятать”: piit’an, в других – peitta: peitan).

Отметим, что в вепском языке в группу основ на **-a-** входят глаголы, как свидетельствуют и примеры, с различным количеством слогов; здесь обращает на себя внимание большая группа четырехсложных глаголов, два последних слога которых, включая показатель инфинитива, – **-tada**: ripkutada “курить”, varastada “ждать”, kadotada “потерять”, nimitada “называть, обзывать”, čihotada “расширить, растопырить”, ehtatada “переправить” и т. д. Два последних слога **-tada** у приведенных выше глаголов сигнализируют всегда о том, что рассматриваемый глагол является одноосновным с одной гласной основой. При анализе материала “Словаря вепского языка” (Зайцева М.И., Муллонен М.И., 1972) на предмет глагольных основ мы обратили внимание, что подобных глаголов в языке довольно много. Они достаточно предсказуемы при образовании различных форм глагола. Группа двух- и трехсложных одноосновных глаголов с основой на **-a** несколько меньше (типа sada “получить”, palada “гореть”, pidada “держать”, valada “наливать”), а в их основах при образовании форм происходит значительно большее количество изменений и чередований звуков;

2) **-o-, -ö-**: toda “нести”: to-b, löda “бить”: lö-b, nevoda “советовать”: nevo-b, azoda “насаживать”: azo-b, sidoda “вязать”: sido-b, күdoda “тлеть”: күdo-b.

Как свидетельствует исследование, одноосновные глаголы на **-o-, -ö-** необычайно редки в языке. К ним примыкают еще глаголы северновепского диалекта с основой на **-e-**, в ряде которых **e>ö**, например: vöda “нести”: vö-b (вместо veda);

3) **-u-, -ü-**: ujuda “плыть”: uju-b, libuda “подняться”: libu-b, pakuda “отпавать”: paku-b, lebduda “раскрываться”: lebdu-b, pidestuda “задерживаться”:

pidestu-b, palahtuda “запечься”: palahtu-b, káziduda “приступить”: kázidu-b;

4) -e-: veda “нести”: ve-b, lugeda “читать”: luge-b, odvnedá “дешеветь”: odvne-b, oigneá “выпрямиться”: oigne-b. Названная группа очень мала, и нам практически не удалось найти больше подобных глаголов;

5) -i-: ragnida “отогнать”: ragni-b, rigehtida “спешить”: rigehti-b, kármeh-tida “цвести”: kármeh-ti-b, kadehtida “завидовать”: kadehti-b;

6) основы на дифтонг -ai-, -ei-, -oi-, -ui-, -ii-: ragáida “носиться”: ragai-b, puiteida “заговаривать”: puitei-b, voida “мочь”: voi-b, poróida “связать”: poroi-b, noiduida “колдовать”: noidui-b, pičiida “толочь”: pičii-b. Относительно основ на дифтонг следует сказать, что в северновепском диалекте в соответствии с его особенностями вместо дифтонга на -ai- употребляется -ei- и вместо -ui- соответственно -ji (rageida, noidjida) на восточном говоре средневепского диалекта также произошло сужение дифтонга (tarbjida, ragjida, puitjida) в южновепском диалекте на месте отдельных дифтонгов употребляются долгие гласные вторичного происхождения (tarbōda, segōda), что, в общем-то, не отражается на построении глагольных словоформ.

У глаголов названных выше групп, как уже указывалось, всего одна гласная основа. Найти такого рода основу достаточно легко, поскольку она совпадает с той частью глагола, которая находится перед показателем инфинитива, то есть названная основа является одновременно и основой инфинитива (kado-da “исчезнуть”, sido-da “вязать”, uju-da “плыть”, voi-da “мочь”, rigehti-da “спешить”).

Следующая группа – это одноосновные глаголы с двумя вариантами гласных основ, которые мы в дальнейшем будем называть *долгой* и *краткой* основами. Краткая основа отличается от долгой тем, что в ней произошло исторически отпадение целого слога: напр. *paimenda*-n “(я) пасу”; *paimе-ka-t* “(вы) пасите”. Данное явление укоренилось в вепском языке, и произошла его грамматикализация: краткая гласная основа стала выступать в определенных грамматических формах глагола.

Главной особенностью группы глаголов, обладающих краткой гласной основой, которую мы выделяем и на которую до сего времени должного внимания не обращалось, является то, что форма I инфинитива у них имеет морфологический показатель -*ta*, который стоит после *гласного* звука (paimе-ta “пасти”, kera-ta “собирать”, vali-ta “выбирать”). Поэтому наличие *гласного* звука перед показателем инфинитива -*ta* в вепском языке сигнализирует о том, что этот глагол имеет два варианта гласной основы: долгую и краткую. Краткая основа совпадает с той частью глагольной словоформы, которая стоит перед показателем I инфинитива, и легко обнаруживается: *paimе-ta* “пасти”, *vali-ta* “выбирать”; иными словами, она является основой I инфинитива. Долгая же основа находится достаточно сложно. При анализе типов основ нам удалось выявить ряд признаков,

которые в определенной степени предсказывают качество долгой гласной основы. В связи с этим можно сделать следующую классификацию, принимая во внимание качество звуков, *стоящих перед показателем инфинитива*, которые помогают охарактеризовать долгую гласную основу глаголов<sup>2</sup>. Перед показателем инфинитива находится:

1) *-i*-овый дифтонг. В этой группе можно выделить две подгруппы. Глаголы, у которых перед показателем инфинитива стоит:

а) *-oi-*. У названных глаголов долгая основа оканчивается на *-če-*: *kirjoita* “пестреть”: *kirjoiče-b*, *kirjoi-tud*; *varjoita* “сторожить”: *varjoiče-b*, *varjoi-tud*; *kabaloita* “пеленать”: *kabaloiče-b*, *kabaloi-tud*; *adivoita* “угощать”: *adivoiče-b*, *adivoi-tud*; *ahavoita* “веять”: *ahavoiče-b*, *ahavoi-tud*. В эту же группу входят глаголы *kärbuita* “быть в состоянии течки (о животных)”: *kärbuiče-b*, *kärbui-tud* и *kaita* “беречь”: *kaiče-b*, *kai-tud*, хотя у них перед суффиксом инфинитива выступают дифтонги на *-ui-* и *-ai-*. Кроме того, в приютских говорах средневепского диалекта и в северновепском диалекте в связи с их фонетическими особенностями на месте дифтонга *-oi-* звучит *-ei-*: *dudeita* “дрожать”: *dudeiče-b*, *kurikeita* “бить колотушкой”: *kurikeiče-b*, что значительно осложняет процесс определения долгой гласной основы, делая последний практически невозможным, перекрещивающимся с глаголами, имеющими в своем составе дифтонг *-oi-*, который в названных диалектах звучит также как *-ei-* (ср.: *varjeita* “стеречь” ~ *varjeiče-b*, по *pläskeita* “плеснуть” ~ *pläskeida-b*). И лишь сравнительный анализ глаголов данной группы с их звучанием, например, в восточновепском пондальском говоре или южновепском диалекте (здесь звучит *ā* – *čirāta* “шипеть” – свидетельствующий о том, что ранее в этой позиции функционировал дифтонг *-ai-*) позволит определить тип долгой гласной основы;

б) *-ai-*, *-äi-*. У глаголов названной группы долгая основа оканчивается на *-da-*: *čiraita* “шипеть”: *čiraida-b*, *čirai-tud*; *fuzaita* “шуметь”: *fuzaida-b*, *fuzai-tud*; *ozaita* “отгадать”: *ozaida-b*, *ozai-tud*; *kumaita* “опрокинуть”: *kumaida-b*, *kumai-tud*; *pläskäita* “плеснуть”: *pläskäida-b*, *pläskäi-tud*. Данная группа достаточно большая, в ней много дескриптивных глаголов типа проиллюстрированных выше *čiraita*, *fuzaita*, *märäita* т. д. Дифтонг *-ai-*, *-äi-* в северновепском и приютских говорах средневепского диалекта сужен и звучит как *-ei-* (*argeita* “совершать обряд”: *argeida-b*, *argei-tud*; *kokeita* “ужалить”: *kokeida-b*, *kokei-tud*),

2) *-au-*, *-uu-*, *-ou-* (*-öu-*)-овые дифтонги. Долгая гласная основа у таких глаголов оканчивается на *-da-*: *kirgouta* “окликнуть”: *kirgouda-b*, *kirgou-tud*;

<sup>2</sup> При иллюстрации *долгой* гласной основы приводится форма 3 лица ед. числа презенса индикатива, *краткой* основы – форма II причастия пассива.

lukauta “закрывать на замок”: lukauda-b, lukau-tud; näpauta “ушипнуть”: näpau-da-b, näpau-tud; löuta “найти”: löuda-b, löu-tud; tuuta “везть”: tuuda-b, tuu-tud;

3) **-a-, -ä-, -o-, -ö-, -u-, -ü-**. Названная группа достаточно сложна; в ней долгая основа у отдельных глаголов может быть трех видов:

а) на **-(a)da-**: vimata “убежать”: vimada-b, vima-tud; torata “драться”: torada-b, tora-tud; tabata “поймать”: tabada-b, taba-tud; sijäta “разместить”: sijäda-b, sijä-tud, kogota “собирать”: kogoda-b, kogo-tud;

б) ряд же глаголов, имея в инфинитиве ту же формулу (перед показателем **-ta-** стоит **-a-, -ä-**), обладают основой на **-nda-**: ohjata “управлять”: ohjanda-b, ohja-tud; paksuta “учащать”: paksunda-b, paksu-tud. И напротив, глагол *lahota* “гнить (о дереве)”, который хоть и имеет перед суффиксом инфинитива **-ta** звук **-o-**, тем не менее, имеет долгую основу на **-du-**: lahotu-b, laho-tud, составляя исключение;

в) глаголы с долгой основой на **-nde-**: elogata “зажить”: elogande-b, eloga-tud; erigata “отстать”: erigande-b, eriga-tud; joudugata “освободиться”: joudugande-b, jouduga-tud; kobegata “копошиться”: kobegande-b, kobega-tud; Особенностью названной группы является то, что их инфинитив оканчивается на **-gata**;

4) **-i-**. Долгая основа у глаголов этой группы оканчивается на **-če-**: bobita “гадать (на бобах)”: bobiče-b, bobi-tud; kerita “стричь”: keriče-b, kerit-tud; kabita “скоблить”: kabiče-b, kabi-tud; kukita “цвести”: kukiče-b, kuki-tud; kozita “сватать”: koziče-b, kozi-tud.

5) **-e-**. Названную группу глаголов мы делим на 4 подгруппы:

а) глаголы с долгой гласной основой на **-nde-**: tosketa “приносить”: toskende-b, toske-tud; mösketa “продавать”: möskende-b, möske-tud; vesketa “относить”: veskende-b, veske-tud. Особенность названных глаголов заключается в том, что они в инфинитиве имеют исход на **-sketa**. В северновепском же диалекте и в восточных говорах, а также части приоятских говоров средневепского диалекта основы на **-e-** перешли и в синхронном состоянии стали напоминать разряд основ на **-o-**: toskendob “приносит”, möskendob “продает”, levigandob “расширяется”, elogandob “заживет”. Причем, если в восточных и приоятских говорах средневепского диалекта **-o-** в исходе основы названных выше глаголов может наблюдаться во всех личных формах индикатива презенса (möskendo-n “(я) продаю”, möskendo-d “(ты) продаешь”, möskendo-b “(он) продает”, möskendo-m(ei) “(мы) продаем”, möskendo-t(ei) “(вы) продаете”), то в северновепском диалекте это явление закрепилось лишь за формой 3 лица ед. числа, став ее дополнительным маркером;

б) глаголы с долгой основой на **-nda-**: paimeta “пасти”: paimenda-b, paimeta-tud; semeta “сеять”: semenda-b, seme-tud; opeta “учить”: openda-b, opeta-tud; el'geta “понимать”: el'genda-b, el'ge-tud;

в) глаголы с долгой основой на *-da-*: *kägeta* “намереваться”: *kägeda-b*, *käge-tud*; *rubeta* “приступить”: *rubeda-b*, *rube-tud*; *mägeta* “есть (жадно)”, *mägeda-b*, *mäge-tud*; *tügeta* “подпирать”, *tügeda-b*, *tüge-tud*;

г) глаголы, имеющие одинаковую инфинитивную форму, но у которых наличествует две различные долгие основы (краткая основа одинакова). В зависимости от типа долгой основы меняется значение глагола. Названные основы оканчиваются на *-nda-* и на *-ne-*. Если основа глагола оканчивается на *-ne-*, то глагол имеет возвратное значение: *pideta* “удлиняться”: *pidene-b*, *pide-tud*, *väheta* “уменьшаться”: *vähene-b*, *vähe-tud*; *lüheta* “укорачиваться”: *lühene-b*, *lühe-tud*. Если же основа имеет в исходе *-nda-*, то для глагола характерно обычное, нереплексивное, значение: *pideta*: “удлинять”, *pidenda-b*, *pide-tud*; *väheta* “уменьшать”: *vähenda-b*, *vähe-tud*; *lüheta* “укорачивать”, *lühenda-b*, *lühe-tud*. Следует, правда, отметить, что в отдельных говорах нам удалось у рефлексивных глаголов найти иную форму I инфинитива: *pideneda*, *väheneda*, *lüheneda* (*Šugarv*), хотя в “Словаре вепсского языка” данная форма инфинитива не зафиксирована (см. напр. СВЯ, с. 304, 414, 644 и др.).

Кроме того, в языке имеется три глагола с долгой и краткой основами, основы которых не подходят ни под какие классификации, настолько их инфинитивные формы видоизменились, а основа сохранила более древнее положение вещей: *kaida* “копать”: *kaiva-b*, *kai-dud*; *kuida* “сушить”: *kuiva-b*, *kui-dud*; *sauda* “строить”: *sauvo-b*, *sau-dud*.

Краткий вариант гласной основы выступает в следующих формах:

1) в форме инфинитива: *raime-ta* “пастись”, *seme-ta* “сеять”, *lükäi-ta* “толкнуть”;

2) в 3 лице ед. числа императива и в 1–3 лицах мн. числа императива: *raime-kaha* “пусть он пасет”, *seme-kaha* “пусть он сеет”, *lükäi-kaha* “пусть он бросит”; *raime-kam* “давайте попасем”; *seme-kam* “давайте посеем”, *lükäi-kam* “давайте бросим”; *raime-kat* “пасите”, *seme-kat* “сейте”, *lükäi-kat* “бросьте”; *raime-kaha* “пусть они пасут”, *seme-kaha* “пусть они сеют”, *lükäi-kaha* “пусть они бросят”;

3) в формах пассива: презенсе – *raime-tas* “пасут”, *seme-tas* “сеют”, *lükäi-tas* “бросят”; имперфекте – *raime-tihe* “пасли”, *seme-tihe* “сеяли”, *lükäi-tihe* “бросили”;

4) в форме пассивного причастия: *raime-tud* “выпасенный”, *seme-tud* “посеянный”, *lükäi-tud* “брошенный”;

5) в отрицательных формах мн. числа презенса индикатива: *em* (*et*, *ei*) *raime-koï* “мы не пасем, вы не пасете, они не пасут”; *em* (*et*, *ei*) *seme-koï* “мы не сеем, вы не сеете, они не сеют”; *em* (*et*, *ei*) *lükäi-koï* “мы не бросаем, вы не бросаете, они не бросают”;

6) в форме II инфинитива: *raime-tes* “пая”, *seme-tes* “сея”, *lükäi-tes* “бросая”.

В отдельных говорах северновепсского диалекта форма II активного причастия также образуется с употреблением краткой гласной основы:

rapu “работавший” (ср. в других диалектах: radnu), openu “учивший” (в других диалектах: opendapu), sänus “одевшийся” (в прочих диалектах: sädnus). Другими словами, идет наращивание употребления краткой гласной основы, что объясняется, очевидно, и влиянием устной формы речи, которая в языке вепсов стремится к укорочению словарных форм.

При анализе одноосновных глаголов с двумя вариантами гласных основ удалось выявить еще одну интересную закономерность: краткая гласная основа выступает в тех же формах глаголов, где должна употребляться согласная основа двухосновных глаголов. Например, возьмем для сравнения два глагола – *raimeta* “пасти” (одноосновный глагол с двумя вариантами гласных основ: долгой и краткой) и *purda* “кусать” (двухосновный глагол). Рассмотрим их некоторые ключевые формы, где обычно выступает согласная основа двухосновных глаголов: 2 лицо мн. числа императива: *raime-kat* ~ *pur-gat*; II причастие пассива: *raime-tud* ~ *pur-dud*; отрицательная форма презенса 1 л. мн. числа: *em raime-koi* ~ *em pur-goï*. Из этого может следовать, что отдельные глаголы, бывшие ранее двухосновными, перешли в разряд одноосновных с двумя вариантами гласных основ, и краткая гласная основа при образовании соответствующих форм стала, как бы, замещать согласную, в прочих же случаях действует закон аналогии. Отметим, что отдельные говоры еще сохранили на месте краткой гласной основы большинства говоров и согласную основу: *vali-pu* и *valič-pu* “выбравший” (см. спряжение глагола *valita* “выбирать” в приложении к исследованию). Этому есть объяснения и в истории языка. Э. А. Тункело, специально не разрабатывавший проблему типов основ глагола, но исследуя исторические закономерности по развитию вепско-го консонантизма, показал такие формы, как *teta* “знать” < \**tet-täk*; *lööta* “найти” < \**leüt-täk*, *säta* “делать” < \**sät-tek*, в которых можно пронаблюдать историческую согласную основу (Tunkelo E., 1946, s. 174–175). Полукраткий первый согласный *-t-* из звукосочетания *-tt-* с течением времени выпал, а глагол утратил тем самым согласную основу. Подобное же выпадение произошло и в глаголах типа *pagekat* “исчезайте” < \**payet-ka-te*, *oigekam* “давайте пошлем” < \**oiyet-ka-ma*), где также *-tk->-kk->-k-* (Tunkelo E., 1946, s. 82–85, см также о подобном явлении Kettunen L., 1922, lk. 32: *letas* “летят” < \**let-tak-sen* и т.д.), и глаголы утратили согласную основу. Для вепского языка характерно представительство согласной основы в форме I инфинитива (напр. *kumar-ta* “опрокинуть”, *pol-da* “лизать”, *rap-da* “класть”, *maht-ta* “уметь”, *teh-ta* “делать” и т.д.). Когда же обсуждаемые выше исторические формы утратили согласную основу, ее утрата обобщилась и в других глагольных словоформах, в которых ранее она употреблялась. В настоящее время глаголы подобного вида не имеют согласной основы; на месте же согласной основы выступает краткая гласная осно-



ва, заменяющая согласную именно в тех формах, где она ранее употреблялась.

Думается, что источником для аналогии при возникновении краткой гласной основы могли послужить глаголы с основой на **-aida-** (типа **potkaida-b** “(он) пнет”, **lūkāida-b** “(он) толкнет”, **avaida-b** “(он) откроет”). Эти глаголы в современном вепсском языке одноосновны, обладают краткой (**potkai-**, **lūkāi-**, **avai-**) и долгой (**potkaida-**, **lūkāida-**, **avaida-**) гласными основами. Исторически же они, по свидетельству родственных языков, были двухосновными с согласной основой на **-t-** (ср. финск. **avatkoon** “пусть они откроют”). Правда, названные глаголы, известные в прочих родственных языках как “стяженные”, в большинстве своем утратили дифтонг, уподобившись также исторически существовавшей группе глаголов без дифтонга (см. Lehtinen T., 1979, s. 8–9). Известно, что, например, в старофинском письменном языке каждый тип глаголов имел свою особую основу еще до начала XVI века, но затем различия стерлись (Lehtinen T., 1979, s. 9). Вепсский же язык сохранил глаголы и на **-aida-**, и на **-ada-** (**avaita** “открыть”: **avaida-b**, **tabata** “поймать”: **tabada-b**). Именно глаголы на **-aida-** могли послужить источником возникновения краткой гласной основы. Конечный **-t-** в согласной основе мог утрачиваться из-за двойственной природы **-i-**, который, находясь в конце дифтонга, вполне мог ощущаться как полугласный звук, который сделал **-t-** как бы избыточным показателем согласной основы. После выпадения **-t-** из согласной основы **-i-**, входящий в состав дифтонга и стоящий в конце согласной основы, какое-то время создавал иллюзию сохранения согласной основы. Постепенно глаголы без дифтонга также попали под влияние аналогии и утратили из согласной основы конечный **-t-**, перейдя уже в синхронном состоянии языка в разряд глаголов, не обладающих согласной основой, но имеющих две гласные основы. Причем, интересно отметить, что в вепсском языке под действие аналогии с образованием двух гласных основ попали отдельные группы глаголов, которые ранее не были двухосновными. Таким образом, группа глаголов с двумя гласными основами еще более возросла по численности (напр.: **leta** “лететь”: **lenda-n**, **le-kat**; **teta** “знать”: **teda-n**, **te-kat** и т. д.).

## ДВУХОСНОВНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Как уже отмечалось, двухосновными являются глаголы, у которых имеется не только гласная или гласные основы, но и согласная основа, что противопоставляет их одноосновным глаголам с вариантами только гласных основ. То есть главный признак двухосновности для нас – это наличие *согласной* основы наряду с *гласной*. Группа двухосновных гла-

голов в вепсском языке, как уже было отмечено ранее, достаточно большая. Многие глаголы, которые в родственных языках одноосновны, в вепсском двухосновны (напр., *kucta* “звать”, *kuc-kat* “зовите”; ср финск. *kutsua*, *kutsu-kaa*; *astta* “идти”, *ast-kat* “идите”; ср. финск. *astua*, *astu-kaa* и т. д.), что объясняется отпадением и выпадением звуков в истории развития вепсского языка (Tunkelo E.A., 1946, s. 755–757).

Двухосновные глаголы могут иметь форму инфинитива с показателями **-ta** и **-da**. Особенностью их является то, что перед морфологическим показателем формы инфинитива у них всегда стоит согласный звук (*kacta* “смотреть”, *purda* “укусить”, *astta* “идти”). При характеристике двухосновных глаголов мы на первый план будем ставить согласную основу, которую иллюстрируем в форме II причастия пассива без перевода на русский язык, и, опираясь на ее конечный согласный звук, будем проводить классификацию типов основ.

Вначале проанализируем глаголы с инфинитивной формой на **-ta**. Все глаголы этой группы можно разделить на подгруппы со следующими звуками в конце согласной основы:

1) **-c-**, **-č-**: *kucta* “звать”: *kuc-tud*, *kacta* “смотреть”: *kac-tud*, *tacta* “бросать”: *tac-tud*, *točta* “быть наваждением”: *toč-tud*. Глаголы названного типа обладают гласными основами:

а) на **-i-**: *dročta* “баловать”: *droči-b* “балует”, *riičta* “раздевать”: *riiči-b* “раздевает”, *sul'čta* “стирать”: *sul'či-b* “стирает”, *bučta* “толочь”, *bučib* “толчет”, *ecta* “искать”: *eci-b* “ищет”, *racta* “сместь”: *raci-b* “смеет”;

б) на **-e-**: *ličta* “запихивать”: *liče-b* “запихивает”;

в) на **-u-**: *kucta* “звать”: *kucu-b* “зовет”, *kacta* “смотреть”: *kacu-b* “смотрит”;

2) **-h-**: *jauhta* “молоть”: *jauh-tud*; *tehta* “делать”, *teh-tud*, *leihta* “развеваться”: *leih-tud*. У данного типа глаголов имеются следующие гласные основы:

а) на **-a-**: *leihta* “развеваться”: *leiha-b* “развевается”;

б) на **-i-**: *rouhta* “грызть”: *rouhi-b* “грызет”;

в) на **-o-**: *jauhta* “молоть”: *jauho-b* “мелет”;

г) на **-(g)e-**: *tehta* “делать”: *tege-b* “делает”, *nähta* “видеть”: *näge-b* “видит”;

3) **-k-**: *ahkta* “ахать”: *ahk-tud*, *voikta* “плакать”: *voik-tud*, *voukta* “просыпать”: *vouk-tud*. У двухосновных глаголов с согласной основой на **-k-** выявлены типы гласных основ:

а) на **-(k-g)a-**: *pička* “разминать”: *pička-b* “разминает”, *ahkta* “ахать”: *ahka-b* “ахает”, *rehkta* “трясти”: *rehka-b* “трясет”, *pinkta* “пищать”: *pinga-b* “пищит”, *voukta* “просыпать”: *vouga-b* “просыпает”.

В этой группе много дескриптивных и прочих глаголов, у которых перед показателем формы инфинитива стоит сочетание согласных зву-

ков. Удалось выявить следующую закономерность: когда в части глагольной словоформы, исключая показатель формы инфинитива, *перед последним* согласным звуком находится *звонкий согласный* или дифтонг *-ii-, -ou-*, то в гласной основе перед конечным звуком стоит *-g-*: *kronkta* “каркать”: *krongab* “каркает”, *pinkta* “пищать”: *pingab* “пищит”, *piikta* “сверкать”: *piigab*, *voukta* “просыпать”: *vougab* “просыплет”; если названная закономерность отсутствует, то *-k-*: *šlukta* “икать”: *slukkab* “икает”, *furskta* “фыркать”: *furskab* “фыркает”, *pačkta* “трещать”: *pačkab* “трещит”, *voikta* “плакать”: *voikab* “плачет”, *noikta* “наклоняться”: *noikab* “наклоняется”.

б) на *-(k-g)e-*: *käskta* “приказать”: *käske-b* “приказывает”, *laskta* “опустить”: *laske-b* “опускает”, *sül'kta* “плюнуть”: *sül'ge-b* “плюет”, *polkta* “наступить”: *polge-b* “наступает”;

в) на *-(k-g)i-*: *kenkta* “надеть”: *kengi-b* “надевает”, *nütkta* “дергать”: *nütki-b* “дергает”, *lükta* “бросать”: *lükki-b* “бросаёт”, *röhkta* “хрюкать”: *röhki-b* “хрюкает”;

г) на *-o-*: *uskta* “верить”: *usko-b* “верит”, *rikta* “убить”: *riko-b* “убьет”;

д) на *-(k-g)u-*: *činkta* “хныкать”: *čingu-b* “хнычет”, *čirkta* “чирикать”: *čirgu-b* “чирикает”, *raikta* “мычать”: *raigu-b* “мычит”, *šarkta* “кататься”: *šargu-b* “катается”, *čaikta* “ударять”: *čaigu-b* “ударяет”;

4) *-l-*: *ombelta* “шить”: *ombel-tud*, *sidelta* “завязывать”: *sidel-tud*;

Гласная основа оканчивается в этом случае на *-e-*: *omble-b* “шьет”, *sidle-b* “завязывает”.

5) *-r-*: *kumarta* “опрокинуть”: *kumar-tud*, *kezerta* “прясть”: *kezer-tud*, *puzerta* “выжимать”: *puzer-tud*, *murta* “разворошить”: *mur-tud*. Особенностью названного типа глаголов является то, что их согласная основа, как это видно из примеров и как это было в предыдущих разрядах основ, совпадает с той частью глагольной словоформы, которая стоит перед показателем инфинитива. Гласная же основа наращивается не на один звук, а на целый слог *-da-*, напоминая долгую гласную основу одноосновных глаголов: *čimerta* “моросить”: *čimerda-b* “моросит”, *takerta* “вытачивать”: *takerda-b* “вытачивает”, *kehkerta* “кружиться”: *kehkerda-b* “кружится”, *pirta* “чертить”: *pirda-b* “чертит”, *sorta* “уронить”: *sorda-b* “уронит”, *sirta* “двинуть”: *sirda-b* “двинет”; *amurta* “черпать”: *amurda-b* “черпает”;

б) *-p-*: *tapta* “молотить”: *tap-tud*, *ampta* “стрелять”: *amp-tud*, *čapta* “резать”: *čap-tud*. Типы гласных основ у данного типа глаголов оканчиваются:

а) на *-a-*: *tirpta* “терпеть”: *tirpa-b* “терпит”, *tapta* “молотить”: *tapa-b* “молотит”, *čapta* “резать”: *čapa-b* “режет”, *rapta* “спать (о ребенке)”: *rara-b* “спит”;

б) на *-(p-b)i-*: *šil'pta* “ощипывать”: *šil'bi-b* “ощипывает”, *lopta* “заканчивать”: *lopi-b* “заканчивает”, *näpta* “щипать”: *näpi-b* “щиплет”;

в) на *-(p-b)u-*: *ampta* “стрелять”: *ambu-b* “стреляет”, *sampta* “угасать”: *sambu-b* “угасает”, *ripta* “висеть”: *ripu-b* “висит”;

7)-s-: peksta “сбивать”: peks-tud, lüpsta “доить”: lüps-tud, maksta “платить”: maks-tud. Для гласных основ названного типа глаголов характерен исход:

а) на -а-: peksta “сбивать”: peksa-b “сбивает”, lüpsta “доить”: lüpsa-b “доит”, maksta “платить”: maksa-b “платит”;

б) на (s~z)-e-: küksta “догонять”: kükse-b “догоняет”, pesta “мыть”: peze-b “моет”, joksta “бежать”: jokse-b “бежит”;

в) на -(s-z)i-: krasta “красить”: kراسi-b “красит”, karsta “обрубать”: karzi-b “обрубает”, sumorosta “моросить”: sumorosi-b “моросит”;

г) на -(s-z)u-: pursta “сморкаться”: purzu-b “сморкается”;

8) -š-: korišta “квакать”: koriš-tud, värišta “плакать”: väriš-tud, pagišta “говорить”: pagiš-tud. Гласная основа:

а) на -(s-z)e-: mögišta “мычать”: mögiže-b “мычит”, čihišta “шипеть”: čihiže-b “шипит”, pagišta “говорить”: pagiže-b “говорит”;

б) на -i-: rušta “раздеть”: ruši-b “раздевает”, bipšta “ощипывать”: bipši-b “ощипывает”, plošta “ошибаться”: ploši-b “ошибается”;

в) на -(s-ž)u-: seišta “стоять”: seižu-b “стоит”, čanšta “ворчать”: čanžu-b “ворчит”;

9) -t-: lähtta “пойти”: läh-tud, täutta “наполнить”: täu-tud, otta “взять”: ot-tud. Гласная основа оканчивается:

а) на -(t-d)a-: amušotta “застареть”: amušoita-b “застареет”, sötta “кормить”: sötta-b “кормит”, poltta “жечь”: polta-b “жжет”, tärta “понимать”: tärda-b “понимать”, utta “процеживать”: uta-b “процеживает”;

б) на -(t-d)e-: tuntta “узнавать”: tunde-b “узнает”, lähtta “пойти”: lähte-b “пойдет”;

в) на -(t-d)i-: abitta “обидеть”: abidi-b “обидит”, rohtta “сместь”: rohti-b “смеет”, ristta “крестить”: risti-b “крестит”;

г) на -(t-d)u-: vertta “сердиться”: verdu-b “сердится”, tartta “приступить”: tartu-b “приступит”, putta “попасть”: putu-b “попадет”, astta “идти”: astu-b “идет”.

Другая группа глаголов – это глаголы, имеющие инфинитив на -da, у которых перед показателем инфинитива стоит согласный звук. Названные глаголы также двухосновны. Такие глаголы имеют следующие типы согласных и гласных основ:

1) -g-: sugda “причесывать”, sug-dud; rügda “кашлять”: rüg-dud. Эти глаголы имеют только один тип гласной основы – на -i-: sugi-b “причесывает”, rügi-b “кашляет”;

2) -l-: nolda “лизать”: nol-dud, olda “быть”: ol-dud, vil'da “кроить”: vil'-dud. Гласная основа здесь оканчивается:

а) на -а-: koblda “бродить”: kobla-b “бродит”;

б) на -е-: kulda “слышать”: kule-b “слышит”, olda “быть”: ole-d “(ты) есть”, tulda “придти”: tule-b “придет”, nolda “лизать”: nolēb. В этой группе глаголов с согласной основой на -l- и гласной основой на -e- также много

фреквентативных глаголов с исходом в форме инфинитива в северновепском диалекте на **-elda**: *sabustelda* “проводить”, *ajelda* “ездить”, *oleskelda* “бывать”, *vedelda* “возить”. В средневепском диалекте, особенно в его восточных говорах, в форме инфинитива названного типа глаголов произошел переход конечного согласного звука **-l**, находящегося перед показателем инфинитива, в **-u**, (то есть **l>u**), а затем в результате уподобления стоящий перед **l** звук перешел также в **u** (**e>u**), вследствие чего возник дифтонг **-uu**: *sabust’uuda* “проводить”, *ajuuda* “ездить”, *olesk’uuda* “бывать”, *veduuda* “водить”. В этих говорах, таким образом, глаголы типа *kulda* “слышать”, *olda* “быть”, *tulda* “прийти”, *nolda* “лизать” звучат в инфинитиве как *kuuda*, *uuda*, *tuuda*, *nuuda*, однако, это не влияет в дальнейшем на построение грамматических форм, которые имеют в качестве согласной основы часть глагольной словоформы с дифтонгом на **-uu**, где вторая – неслогообразующая – часть дифтонга выполняет как бы функцию согласного исхода основы: *kuu-dud*, *uu-dud*, *tuu-dud*, *sabust’uu-dud*, *olesk’uu-dud*; гласная же основа подобных глаголов заканчивается на **-le**, т. е. **-l** в ней возвращается на свое место: *kule-b*, *tule-b*, *sabustele-b*, *ajele-b*, *oleskele-b*.

В южновепском же диалекте подобные глаголы вместо согласной основы имеют основу с исходом на долгий гласный вторичного происхождения. Для истории вепского языка переход **l>u**, достаточно характерен; он, как считают фонетисты, осуществлялся через промежуточную ступень: **l>л>u** (см. подробнее Kettunen L., 1922, lk. 104–107; Tunkelo E.A., 1946, s. 426–432). В южновепском диалекте названный переход имеет иной вид. В нем, например, **-ō** в конце согласной основы на **-l** возник следующим образом: **el>ел>eu>ou>ō** (о переходе сочетания звуков **V+l** в конце слога в долгий гласный см. Tunkelo E.A., 1946, s. 436). И, таким образом, названные глаголы в формах, где должна выступать согласная основа, имеют в конце основы вместо согласного звука долгий гласный: *kū-dud*, *ō-dud*, *ajō-dud*, *sabustē-dud*. Однако утверждать, что обсуждаемые глаголы перешли в южновепском диалекте в разряд одноосновных с двумя типами гласных основ, мы не станем. Дело в том, что если в форме пассивного причастия, которым мы иллюстрируем в нашей работе употребление согласной основы, чаще всего действительно осуществляется переход **V+l** в долгий гласный, то в других формах, где также выступает согласная основа, названный звукопереход далеко нерегулярен: так, в форме императива могут сказать как *augat*, так и *āgat* “форма 2 лица мн. числа отрицательного глагола”, в форме пассива презенса от глагола *ōda* “быть”: *oudas* и *ōdas* и т. д. То есть, данный факт появления долгого гласного вторичного происхождения на месте сочетания **V+l** для южновепского диалекта действительно чрезвычайно характерен, но утверж-

дать, что он стал закономерностью, пока нельзя. И таким образом, об-суждаемые глаголы мы размещаем в разряде двухосновных, а названное выше явление рассматриваем как явление фонетического порядка, имеющее отражение и на грамматической структуре глагола, а именно – на его согласной основе.

Гласная же основа названных выше глаголов имеет так же, как и в средневепском и северновепском диалектах, на конце основы *-le-*: *kule-n* “(я) слышу”, *ole-n* “(я) есть” и т. д. Для письменной формы вепского языка взята северновепская форма с хорошо сохранившимся в форме инфинитива исходом на *-elda*, *-lda*;

в) на *-i-*: *baffal'da* “хвалиться”: *baffali-b* “хвалится”, *pil'da* “пилить”: *pili-b* “пилит”, *pikul'da* “оглядываться”: *pikuli-b* “оглядывается”;

3) *-m-*: *kortomda* “арендовать”: *kortom-dud*, *ošumda* “угореть”: *ošum-dud*. Гласная основа оканчивается:

а) на *-a-*: *kül'mda* “замерзнуть”: *kül'ma-b* “замерзнет”;

б) на *-i-*: *kimda* “токовать”: *kimi-b* “токует”, *ošumda* “угореть”: *ošumi-b* “угорит”, *kortomda* “арендовать”: *kortomi-b* “арендует”;

в) на *-u-*: *vihmda* “дождить”: *vihmu-b* “дождит”;

4) *-n-*: *panda* “положить”: *pan-dud*, *munda* “нестись”: *mun-dud*, *painda* “нажимать”: *pain-dud*. Гласная основа данных глаголов оканчивается:

а) на *-a-*: *painda* “нажимать”: *paina-b* “нажимает”;

б) на *-e-*: *panda* “класть”: *rape-b* “кладет”, *mānda* “идти”: *māne-b* “идет”, *lina* “быть”: *linne-b* “будет”;

в) на *-i-*: *barabanda* “барабанить”: *barabani-b* “барабанит”, *munda* “нестись”: *muni-b* “несется”;

г) на *-o-*: *rahnda* “жать”: *rahno-b* “жнет”;

5) *-r-*: *nagrda* “смеяться”: *nagr-dud*, *verda* “лечь”: *ver-dud*, *purda* “укусить”: *pur-dud*. Гласная основа:

а) на *-a-*: *nagrda* “смеяться”: *nagra-b* “смеется”, *kobrdā* “хватать”: *kobra-b* “хватает”;

б) на *-e-*: *verda* “лечь”: *vere-b* “ложится”, *purda* “укусить”: *pure-b* “укусит”;

в) на *-i-*: *urda* “прорвать”: *uri-b* “прорвет”, *kārdā* “завернуть”: *kāri-b* “завернет”, *savukurda* “закоптить”: *savukuri-b* “закоптит”;

б) *-z-*: *pāzda* “проникать”: *pāz-dud*, *grazda* “грозить”: *graz-dud*. Гласная основа :

а) на *-i-*: *grazda* “грозить”: *grazi-b* “грозит”;

б) на *-u-*: *pāzda* “проникать”: *pāzu-b* “проникнет”, *vāzda* “устать”: *vāzu-b* “устанет”.

В этой малочисленной группе особняком стоит глагол *kazda* “расти”, у которого исторически из формы инфинитива выпал слог *-va-*, но в составе гласной основы он сохранился: *kazva-b* “растет”; его согласная основа такая же, как и у предыдущих глаголов, на *-z-*: *kaz-dud*;

7) -ž-: lāžda “лежать”: lāž-dud. Названный глагол имеет гласную основу на -u-: lāžub “лежит”;

8) -v-: kodvda “проверять”: kodv-dud, travda “портить”: trav-dud.

Гласная основа у этих глаголов оканчивается на -i-: kodvi-b “проверяет”, travī-b “портит”.

В вепском языке имеется группа глаголов, которая заслуживает особого внимания, поскольку с количественной точки зрения обладает тремя основами, и которая еще не была до сих пор в поле зрения исследователей. Прежде всего следует отметить, что в языке известен определенный перечень форм, где выступает согласная основа двухосновных глаголов. Но глаголы, речь о которых пойдет ниже, выбиваются из этого перечня, не всегда образуя нужную форму с применением согласной основы. Эти глаголы в отличие от перечисленных выше групп двухосновных глаголов, как уже было отмечено, кроме согласной основы, обладают двумя гласными основами, одна из которых – *краткая гласная* основа – замещает в отдельных формах *согласную* основу. Данную закономерность удалось выявить у ряда *двусложных* глаголов с инфинитивом на -ta, у которых в форме инфинитива перед его морфологическим показателем стоит *гласный* звук. Например, глаголы kāta “переворачивать”, vāta “играть”, leta “летать”, rata “работать”, teta “знать” – их *согласная* основа оканчивается на -nd- или -d-: känd-maha, vänd-maha, lend-maha, rad-maha, ted-maha (показана форма III инфинитива названных глаголов); känd-nu, vänd-nu, lend-nu, rad-nu, ted-nu (форма II причастия актива). *Долгая гласная* основа названных глаголов оканчивается на -nda- и -da-: kända-b, vända-b, lenda-b, rada-b, teda-b – 3 лицо ед. числа презенса индикатива. Обсуждаемый ряд глаголов обладает такими формами, в которых при их образовании выступает вариант *краткой гласной* основы: kāta “поворачивать”: kānda-b, но: kā-tud; vāta “играть”: vānda-b, но: vā-tud; leta “лететь”: lenda-b, но: le-tud; teta “знать”: teda-b, но: te-tud; rata “работать”: rada-b, но: ra-tud. Названные глаголы наглядно показывают, что, например, в форме пассивного причастия у двухосновных глаголов в вепском языке, где исторически должна быть согласная основа, употреблена краткая гласная: kā-tud, vā-tud, le-tud, te-tud, ra-tud. Подобная основа выступает и в формах императива (kā-kat, vā-kat, le-kat, te-kat, ra-kat), в формах пассива (kā-tas, vā-tas, le-tas, te-tas, ra-tas), II инфинитива (kā-tes, vā-tes, le-tes, te-tes, ra-tes). В то же время в формах II активного причастия (känd-nu, vänd-nu, lend-nu, ted-nu, rad-nu), в формах III инфинитива (känd-maha, vänd-maha, lend-maha, ted-maha, sād-maha), а также в отрицательных формах имперфекта мн. числа индикатива [em (et, ei) känd-nugoi; em (et,ei) vänd-nugoi; em (et, ei) lend-nugoi; em (et, ei) ted-nugoi; em (et, ei) rad-nugoi] налицо уже согласная основа. Причем, в северно-

вепском диалекте, как это наблюдается и в группе одноосновных глаголов с двумя вариантами гласных основ, наметилась явная тенденция на расширение употребления краткой гласной основы. У части перечисленных выше глаголов и форма II активного причастия, в которой в средне- и южновепском диалектах выступает согласная основа, в северновепском употребляется краткая гласная основа: *te-nu* “знавший”, *sä-nu* “одевший”, *ga-nu* “работавший”. Это еще раз подтверждает мысль о том, насколько подвижна граница между типами основ, между одноосновными и двухосновными глаголами.

## НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Согласная основа двухосновных глаголов выступает в следующих формах:

1) в форме инфинитива: *ver-da* “лечь”, *ot-ta* “взять”, *kas-ta* “смотреть”, *män-da* “идти”;

2) в форме императива 3 лица ед. числа: *ver-gaha* “пусть он ляжет”, *ot-kaha* “пусть он возьмет”, *kas-kaha* “пусть он смотрит”, *män-gaha* “пусть он идет”;

3) в императиве мн. числа: 1 лицо: *ver-gam* “давайте мы ляжем”, *ot-kam* “давайте мы возьмем”, *kas-kam* “давайте мы посмотрим”, *män-gam* “давайте мы пойдем”; 2 лицо: *ver-gat* “ложитесь”, *ot-kat* “берите”, *kas-kat* “смотрите”, *män-gat* “идите”; 3 лицо: *ver-gaha* “пусть они лягут”, *ot-kaha* “пусть они возьмут”, *kas-kaha* “пусть они смотрят”, *män-gaha* “пусть они идут”;

4) в пассивных формах – презенс: *ver-das* “лягут”, *ot-tas* “возьмут”, *kas-tas* “смотрят”, *män-das* “идут”; имперфект: *ver-dihe* “легли”, *ot-tihe* “взяли”, *kas-tihe* “смотрели”, *män-dihe* “шли”;

5) в причастии пассива, которым и иллюстрировалось употребление согласной основы в данной работе при подаче материала по типам основ: *ver-dud* “уложенный”, *ot-tud* “взятый”, *kas-tud* “посмотренный”, *män-dud* “пройденный”;

6) во II причастии актива: *ver-nu* “легший”, *ot-nu* “взявший”, *kas-nu* “смотревший”, *män-nu* “прошедший”;

7) в форме II инфинитива: *ver-des* “лежа”, *ot-tes* “беря”, *kas-tes* “смотря”, *män-des* “идя”;

8) в форме III инфинитива: *ver-maha* “лечь”, *ot-maha* “взять”, *kas-maha* “смотреть”, *män-maha* “идти”;

9) при образовании отрицательных форм презенса индикатива мн. числа: *em (et, ei) ver-goï* “не ляжем (не ляжете, не лягут)”, *em (et, ei) ot-koï* “не возьмем (не возьмете, не возьмут)”, *em (et, ei) kas-koï* “не смотрим (не смотрите, не смотрят)”, *em (et, ei) män-goï* “не идем (не идете, не идут)”;

10) в имперфекте кондиционала: *ver-nuižin* “я лег бы”, *ot-nuižin* “я взял бы”, *kas-nuižin* “я смотрел бы”, *män-nuižin* “я шел бы”.



У двухосновых двусложных глаголов, обладающих двумя гласными основами, вместо согласной основы при образовании названных выше форм часто выступает краткая гласная основа. Это осуществляется в следующих случаях:

1) в форме I инфинитива: *kä-ta* “поворачивать”, *vä-ta* “играть”, *le-ta* “летать”, *te-ta* “знать”, *ra-ta* “работать”;

2) в форме императива 3 лица ед. и мн. числа (названная форма в языке одинакова) и в формах 1–2 лица мн. числа: *kä-kaḥa* “пусть он (они) повернет (повернут)”, *kä-kam* “давайте повернем”, *kä-kat* “поверните”; *vä-kaḥa* “пусть он (они) играет (играют)”, *vä-kam* “давайте будем играть”, *vä-kat* “играйте”; *le-kaḥa* “пусть он (они) летит (летят)”, *le-kam* “давайте полетим”, *le-kat* “летите”; *ra-kaḥa* “пусть он (они) работает (работают)”, *ra-kam* “давайте будем работать”, *ra-kat* “работайте”;

3) в пассивных формах презенса и имперфекта глаголов: *kä-tas* “повернут”, *vä-tas* “играют”, *le-tas* “летят”, *te-tas* “знают”, *ra-tas* “работают”; *kä-tiḥe* “повернули”, *vä-tiḥe* “играли”, *le-tiḥe* “летели”, *te-tiḥe* “знали”, *ra-tiḥe* “работали”;

4) в причастии пассива: *kä-tud* “повернутый”, *vä-tud* “сыгранный”, *le-tud* “поднятый”, *te-tud* “вызванный”, *ra-tud* “сработанный”;

5) в форме II инфинитива: *kä-tes* “поворачивая”, *vä-tes* “играя”, *le-tes* “летя”, *te-tes* “зная”, *ra-tes* “работая”;

6) при образовании отрицательных форм 1–3 лица презенса индикатива мн. числа: *em (et, ei) kä-koī* “мы не повернем”, *em (et, ei) vä-koī* “мы не играем”, *em (et, ei) le-koī* “мы не полетим”, *em (et, ei) te-koī* “мы не знаем”, *em (et, ei) ra-koī* “мы не работаем”.

Таким образом, как свидетельствует приведенный перечень, у ряда глаголов *краткая гласная* основа при образовании грамматических форм выступает значительно чаще, нежели *согласная* основа. Последняя употребляется при образовании лишь следующих форм:

1) при образовании II причастия актива: *känd-nu* “повернувший”, *vänd-nu* “игравший”, *lend-nu* “улетевший”, *ted-nu* “знавший”, *rad-nu* “работавший”;

2) в форме III инфинитива: *känd-maḥa* “поворачивать”, *vänd-maḥa* “играть”, *lend-maḥa* “лететь”, *ted-maḥa* “знать”, *rad-maḥa* “работать”;

3) в формах ед. и мн. числа имперфекта кондиционала (в примерах приведено I лицо ед. числа): *känd-nuižin* “я повернул бы”, *vänd-nuižin* “я играл бы”, *lend-nuižin* “я летал бы”, *ted-nuižin* “я знал бы”, *rad-nuižin* “я работал бы”.

Причем, в северновепском диалекте идет наращивание употребления краткой гласной основы вместо соответствующей согласной основы. Здесь как при образовании II причастия пассива, так и форм имперфекта кондиционала часто употребляется именно краткая гласная основа: *kä-nu*, *te-nu*, *ra-nu*; *kä-nuižin*, *te-nuižin*, *ra-nuižin*.

## Глава II

# ОСНОВНОЕ СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ В ВЕПСКОМ ЯЗЫКЕ

## ЛИЧНО-ЧИСЛОВЫЕ ФОРМЫ

Как уже отмечалось ранее, значение персональности воплощается в системе грамматических форм, которые показывают отношение действия к говорящему (1 лицо), собеседнику говорящего (2 лицо) и субъекту, который не является ни говорящим, ни собеседником (3 лицо). В свою очередь, в вепском языке, как и во многих других языках, данная категория тесно связана с категорией числа и грамматически воплощена в единых лично-числовых показателях, с помощью которых образуются личные формы времен и наклонений. Поскольку в вепском языке существует основное и возвратное спряжение, то и наличествует оппозиция лично-числовых показателей названных спряжений. Возвратное спряжение требует к себе особого внимания и будет рассмотрено отдельно. В данном разделе мы сосредоточим свое внимание на лично-числовых формах основного спряжения и их особенностях в диалектах вепского языка. При анализе же лично-числовых форм мы остановимся лишь на формах настоящего времени или презенса. Все иные проблемы и формы будут рассмотрены в соответствующих главах, посвященных тому или иному времени, либо наклонению.

Всего в грамматике вепского глагола в основном спряжении существует 12 лично-числовых положительных и отрицательных форм. Обратимся вначале к положительным формам, которые избраны в качестве орфографической нормы для младописьменного вепского языка. Они имеют следующие лично-числовые окончания:

Ед. число		Мн. число
1 л.	-n	-m
2 л.	-d	-t
3 л.	-b	-ba

Приведем примеры употребления названных лично-числовых положительных форм в младописьменном языке:

Lirikaine paneb rikaraižid munaižid, a munaižišpäi tuleb madoid (Meiden sana, lp. 45) “Бабочка откладывает маленькие яйца, а из них появляются гусеницы”. Lumekahil barboil vauged hobed om (Kodir., lp. 7) “Заснеженные ветви покрыты белым серебром”. Sinä olid Iisusanke, oled hänen sebranikoišpäi! (Iis., lp. 55) “Ты был с Иисусом, ты из его друзей”. Teravas mö paindam verpläižiden rajoiden kirjan (Kodima, № 6, 2000) “Скоро мы опубликуем книгу вепских песен”. Kal’hed lapsed, kadonuded küläd udessünduba teiden kartoil (Kodima, № 6, 2000) “Дорогие ребята, исчезнувшие деревни появятся вновь на ваших картах”.

## ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

### Положительные формы

В презенсе изъявительного наклонения существует 6 положительных и 6 отрицательных лично-числовых форм в ед. и мн. числе. Спряжение глаголов sanuda “сказать”, rakita “просить”, purda “откусить” в ед. числе показывает вначале положительные формы:

1 лицо: sanun “говорю”, rakičen “прошу”, puren “откушу”;

2 лицо: sanud “говоришь”, rakičed “просишь”, pured “откусишь”;

3 лицо: sanub “говорит”, rakičeb “просит”, pureb “откусит”.

Лично-числовое окончание 1 лица ед. числа -n:

#### Северновецкий диалект

*hottun*, ka sön hot’ mida (Kask, СВЯ, с. 130) “устану, так съем, что угодно”; *ezmeižen kerdan mina kuulen necen starinan* (Š, СВЯ, с. 82) “я слышу эту историю впервые”; *dengad brodus*, a iče siriči *astun* (Vhk, VRS, lp. 140) “деньги в броду спрятаны, а сам мимо иду”; a iče radole *lähton* (Št, 3384) “а сама на работу иду”; *mina ühtei sindei ihastun* (Š, КСВЯ) “я всегда рад тебе”;

#### Средновецкий диалект

*necen supalažen sötan-ki* (VI, 3384) “этот кусочек и скармливаю”; a potom *lүpsanki* (Kuja, 3389) “а потом подою”; *tulen pүudole* (Jä) “приду на поле”; *mänen*, *mecas kävun* (Ladv) “пойду, похожу по лесу”; *min’a vasttan sindei* (Šondjal) “я тебя встречу”; *veren magattaha* (Nemž) “улягусь спать”; *min’a panen merežad* (Pec, СВЯ, с. 76) “я поставлю снасти”; *konz mina pästaškan živatan uličalo*, ka *necon supalaižen sötan-ki* (VI, 3391) “когда я выпускаю животных на улицу, тогда и скармливаю этот кусочек”; *kalau koren kabičen* (Vil, Kettunen, 1943, s. 331) “у рыбы чешую соскоблю”;

### Южновепский диалект

mä san hägöd öks (Sod, ОВР, с. 203) “я достану дров на ночь”; mä mänen ičēn’ s’etjän tatkōn’ korttas gornicāžes (Vg, ОВР, с. 256) “я пойду к своему кормильцу-батюшке в его светлую горницу”; lämbitan kül’betin (Krl) “истоплю баню”; mä ičēn’ tütren iče opendan (Ars, СВЯ, с. 65) “свою дочь я сама учу”;

### Младописьменный язык

Minä-ki erasti žalleičēn (Kodir., lp. 80) “И я иногда жалею”. Minä meletan, miše voib tulda (Kodir., lp. 66) “Я думаю, что он может прийти”.

Окончание 1 лица ед. числа -n стабилизируют в всех диалектах без особых фонетических модификаций (за исключением, пожалуй, нерегулярного перехода в быстрой речи  $n > m$  чаще всего перед -m- или изредка перед некоторыми другими губными согласными, напр.: minä tom maidod “я принесу молока”; andam bulkad “(я) дам булки”). Следует, кроме того, отметить, что в средне- и южновепском диалектах в глаголах с основой на -i- лично-числовое окончание смягчается, то есть  $n > n'$  (см. об этом также Tunkelo E.A., s. 372–377): ragnida “прогнать”: ragnin’ “прогоню”, kadehtida “завидовать”: kadehtin’ “завидую”, kärmehtida “цвети”: kärmehtin’ “цвету”. В северновепском же диалекте оно остается неизменным и в этом случае: ragnin, kadehtin, kärmehtin и т. д. Именно этот вариант взят за основу для орфографической и орфоэпической нормы младописьменного вепского языка.

Окончание 1 лица ед. числа -n, по предположению историков языка, восходит к первому слогу личного местоимения minä “я”. Вначале оно имело в качестве окончания -m (таким оно функционирует в саамском, марийском, венгерском, в языках ханты и манси, а также в самодийских языках: см., напр. Серебrenников Б.А., 1964, с. 74; Основы, 1974, с. 316–320; Nakulinen L., 1979, s. 249), который с течением времени перешел в -n ( $m > n$ ). Вепские диалекты данного положения вещей не сохранили, и -m в них появляется, как это можно было пронаблюдать в примерах, лишь в потоке речи, как результат ассимиляции.

Лично-числовое окончание 2 лица ед. числа – -d:

### Северновепский диалект

matan maidospei teged mugoižen lepeškan (Kaleig, 3387) “сделаешь такую лепешку из молока матери”; reiguspäi heitad tuukan (Kask, СВЯ, с. 587) “снимешь пробку из отверстия”; tul’ed kodihe (Št) “придешь домой”; pan’ed lapsen magattaha (Š) “уложишь ребенка спать”; kil’mad, ka hibused libutaze (Š, СВЯ, с. 118) “замерзнешь, так волоски поднимаются на коже”; pesen bobaiženke kundled hiide raginad (Perv, NVM, 164) “с этой игрушкой и слушаешь их разговоры”; mecha lähted da segeid (Mt, СВЯ, с. 162) “в лес пойдешь да заблудишься”;

### Средневепский диалект

surm'an teget, segljir (Kuja, 3389) “крупу сделаешь, просеешь”; voduu panod, a enamad ed paškaki (Pnd, 3390) “однажды положишь, а больше и класть не будешь”; päzud vedho (VI) “войдешь в воду”; a sinna vüu Sudamese edahaks ajad (VI, 2290) “а туда по Суде далеко едешь”; argeidad lehmeizen (Kuja, 3389) “совершишь обряд обмывания после отела коровы”; živatan razvan suladad (Jä, СВЯ, с. 60) “растопишь масло животных”; hubusen muštad, hüvüsen hätkemba muštad (Рес, СВЯ, с. 132) “зло помнишь, а добро дольше помнишь”; siga unohtad kaiken suguiž i heimoiz (L, СВЯ, с. 119) “там позабудешь всю свою родню и свой род”; teged kapustaspei pirogan (Kek, ОВР, с. 3) “сделаешь из капусты пирог”; nenihe žerdižihe nat'anid viht'akon (Karhil, ОВР, с. 60) “на эти жерди натянешь моток”; neniš g'ürišpei mugomad vārad valičed i kared paned (Čikl, ОВР, с. 65) “из этих корней выберешь такие изогнутые и сделаешь дуги”;

### Южновепский диалект

hiz'otad jāgōl, sapkad kulutad (Sod, СВЯ, 124) “ногами шаркаешь, сапоги рвешь”; kaks' месникad kāudās, nāget, mechudō (Krl, ОВР, с. 261) “два охотника ходят, видишь, в лесу”; pōühän mälid, sugid šetiu “лен помнешь, расчешешь чесалкой”; poikpol'zed kāndad, kausthad paned, i regi vāmiž (Vg, СВЯ, с. 189) “вязы согнешь, поставишь накопильники, и дровни готовы”; sōd da jod da panetj da magadad (Sod, ОВР, с. 224) “ешь, пьешь, уляжешься да спишь”; nitüle nitād heinān, kodvotad, tōžō päivā satho paned (Ars, СВЯ, с. 214) “на покосе скосишь сено, подождешь и на другой день в копны сложишь”;

### Младописьменный язык

Marfa, Marfa, sinā rigehtid i pidād hol't ājiš azjoiš (LB, lp. 364) “Марфа, Марфа, ты спешишь и заботишься о многом”. Mina tedan, sinā minei uskod (Kurg., lp. 27) “Я знаю, ты мне веришь”. Muštad-ik, mitte päiv tāmbei om? (MS, lp. 10) “Помнишь, какой сегодня день?” Kažine, kažine, kus sinā elād? (MS, lp. 10) “Котик, котик, где ты живешь?”

В северновепском диалекте, независимо от позиции, лично-числовой показатель **-d** (как и многие другие согласные в конце слова) практически никогда не оглушается, что придает речи северных вепсов неповторимый оттенок звонкости и певучести: ed tul'e ka ala, mina muga-ki necen radon tegen. potom fatitoi, žaleid, ka mōha liinob. aigso eidub. d'ohtutad, ka kuna lähted, minulein. muga tirpaškad-ki, a kud-žo (Št) “не придешь, так не приходи, я и так эту работу сделаю. Потом спохватишься, пожалеешь, да поздно будет. Время-то уйдет. Вспомнишь, так куда придешь, ко мне. Так и будешь терпеть, а как же”.

В приоятских говорах средневепского диалекта, а также в южновепском диалекте лично-числовое окончание **-d** достаточно стабильно,

и его звонкость не зависит от фонетического окружения, хотя могут быть и исключения, например: *kaks' mecnikad kaüdäs, näget, mechudō* (Kerčak, OBP, с. 202) “два охотника ходят, видишь, по лесу”. Но особенно заметная тенденция к оглушению данного показателя (**d>t**) проявляется в восточных говорах средневепского диалекта, его куйском и войлахотском говорах. Приведем небольшой отрезок абсолютно точно затранскрибированного текста (запись авторами сборника текстов была произведена от Большакова Ф. И., деда автора данного исследования): *kons kindäs tedrot, teget mecha butkaižen. ištuf butkaižes, karavulit-ki hiit...kacuf, kacuf ka lähemba tulop i ambut* (VI, OBP, с. 191) “Когда токуют тетерева, сделаешь в лесу будочку. Сидишь в будочке, караулишь их. Смотришь, смотришь, а подойдет поближе (тетерев), тогда выстрелишь”. Из данного отрезка текста можно увидеть, что **-t** выступает как в позиции перед **t, k**, так и перед **m, b**, то есть независимо от позиции. Названные говоры находятся на пограничье; дальше за достаточно крупной водной артерией (р. Шола) разместились русские поселения. Естественно, что влияние русских говоров на пограничные говоры довольно значительно. Русский язык, в котором происходит оглушение конечных звонких согласных, послужил источником для заимствования явления, о котором идет речь. Во многих других отношениях куйские и войлахотские говоры проявляют завидную стойкость по сохранению свойств и даже раритетов вепской речи, особенно в области лексики, что делает их некоторой загадкой; и эта загадка до сих пор ждет своего исследователя.

Лично-числовой показатель 2 лица ед. числа **-d**, так же как и показатель 1 лица, в средне- и южновепских говорах может приобретать мягкость (**d>d'**), если основа глагола оканчивается на **-i-**: *sul'd'a* “обещать”: *sulid'* (ср. северновепское *sulid*) “обещаешь”; *drocta* “баловать”: *drocid'* (ср. северновепское *drocid*) “балуешь”; *racta* “сметь”: *racid'* (ср. северновепское *racid*) “смеешь”.

Показатель 2 лица ед. числа **-d** или его вариант **-d'**, повсеместно представленные в вепских диалектах, – продолжатели более древней формы **-t**, которая, в свою очередь, как и лично-числовое окончание 1 лица ед. числа, восходит к первому слогу личного местоимения 2 лица ед. числа *sinä* “ты” (< \**tinä*: см. напр. Серебренников Б.А., 1964, 74; Основы, 1974, с. 322; Hakulinen L., 1979, s. 250). Характерной чертой вепского языка является озвончение согласных звуков, как в именных формах, так и в глагольных и в формах прочих частей речи. Предполагается, что в вепском языке в позиции между гласными звуками достаточно рано произошло озвончение древних **k, p, t**, а также **s** – ср. напр. финский с вепским: *pesä>peza* “гнездо”; *poika>poig* “сын”; *sata>sada* “сто”; *ikä>iga* “век”; *rupi>rubi* “оспа”; *koti>kodi* “дом” (Tunkelo E.A., 1946, s. 118–127). В этом

ряду развитие древнего **-t**, находящегося в конце словоформы, пошло в древневепском языке тремя путями: 1) **t>o** (напр., в форме активного причастия прошедшего времени: *tehnu<tehnyt* “проделавший”); 2) **tt~t** (полудолгий)~**t(d)** (напр.: (*hirud*) *hirut* < *hirütt*); 3) **t>d**. Окончание лично-числового окончания 2 лица ед. числа попало под действие именно последнего пункта названного правила (см. также Kettunen L., lk. 45; 1943, s. 421). Лично-числовое окончание в форме **-d** представлено и в отдельных близкородственных (напр. в эстонском, ижорском, водском) и дальнородственных языках (напр., в удмуртском языке, где лично-числовым окончанием 2 лица ед. числа является также **-d**: мыньд “идешь”: Основы, 1976, с. 172–178). Лично-числовое окончание 2 лица ед. числа в вепском языке в позиции после **-i-** (основы ед. числа на **-i-**, либо основы имперфекта и кондиционала) палатализуется, то есть **d>d'** (см. об этом также Kettunen L., 1922, lk. 120; Tunkelo E.A., 1946, s. 120–121). Явление палатализации в определенной позиции лично-числового показателя 2 лица ед. числа, так же как и окончания 1 лица, свойственное и некоторым иным прибалтийско-финским языкам, практически повсеместно распространено в говорах средне- и южновепского диалектов, однако, нельзя считать общевепским явлением, поскольку, как об этом уже было сказано, оно совершенно не характерно северновепскому диалекту. Но вполне возможно, что в этом случае можно обнаруживать влияние карельского языка, в котором подобного смягчения не наблюдается. Во всех же других говорах и диалектах вепского языка, кроме северновепского, смягчение после **-i-** достаточно широко представлено как в глагольных формах, так и в именных и прочих формах в конце словоформ: *tul'in* “(я) пришел”, *sanuid'* “(ты) сказал”, *oližid'* “(ты) был бы”, *sizarid'* “сестер”, *püudoil'* “на полях”, *rahoi'n* “плохо”, *kaksin'* “по два”, *hüvin'* “хорошо”. Хотелось бы признать за явлением смягчения согласных после **-i-** на основании иллюстраций более древний вепский “возраст”, однако северновепский диалект не позволяет сделать этого. Тем не менее, названное явление сближает средне- и южновепский диалекты, свидетельствуя об общности процессов, которые в них протекали.

Лично-числовое окончание 3 лица ед. числа **-b**:

Северновепский диалект

*kaks' dättab munad* (Toižeg, 3386) “два яйца оставит”; *ken ezmeine pagižeškandob, se i padan pezzob* (Št, 3386) “кто первым заговорит, тот и горшок помоеет”; *mägid'öl om ka vihman teggob* (Št, 2431) “ветер с горы, дождь будет”; *kaikutte laps' läžžub* (Kaleig, 3387) “каждый ребенок болеет”; *šiga han el'ab* (Perv, NVM, s. 159) “он там живет”; *höbo nese kävelob i kaiken necen raškeb, raškeb manse necen* (Kask, 1501) “эта лошадь ходит и все время землю эту топчет, топчет”; *bol kazvab lamjle* (Kask, СВЯ, 273) “брусника

растет на вырубках”; *ken mahtab veikta ka veikab* (Št, 2432) “кто умеет причитывать, так причитывает”;

#### Средневепский диалект

*kut kivi vičkähtab, muga pletiu süukha* (Pnd, OBP, с. 170) “как жернов скрипнет, так и плетью по спине”; *migo päivad čai seižub g'umalan čogas* (Pnd, 3390) “каждый день чай стоит перед божницей”; *tänämbei hüvin' kandab hangedme* (Šim, СВЯ, с. 105) “сегодня хорошо идти по насту”; *koivun kuhmuspei voib tehta kokrehen* (Jä, КСВЯ) “из березового капа можно сделать миску”; *üks' mez' giheze mäß* (Krh, OBP, с. 54) “один человек в ригу идет”; *sinun korktan koumaizen kastab viher vihmaine* (Pec, КСВЯ) “твою высокую могилку намочит свежий дождичек”;

#### Южновепский диалект

*ak ajē i kündab murgn'ahasā* (Sod, OBP, с. 224) “женщина уехала и пашет до завтрака”; *kelokaz lambaz eđō astub vatagamu* (Vg, КСВЯ) “овца с колокольчиком идет впереди стада”; *ičeleze pezan tegeb* (Krl, OBP, с. 261) “себе гнездо делает”; *ajab nese Ivan kod'he* (Ars, КСВЯ) “едет этот Иван домой”; *hän kulob i nägob* (Fedrum., NEV, I, s. 88) “он видит и слышит”;

#### Младописьменный язык

*Tohuz tipputab kündlid* (Kurg, 25) “Свеча льет слезы”; *Käred pakaine čokkoib neglaižil* (Kodir, lp. 24) “Злой мороз колет иголками”; *Jumal navedib nenid, kudambad pidaba hol't ezmäi ičeze hengen polhe* (LB, lp. 364) “Бог любит тех, кто проявляет заботу прежде всего о своей душе”.

Лично-числовое окончание **-b**, как это было проиллюстрировано в примерах, в диалектах вепского языка функционирует стабильно. В отдельных случаях существует лишь ассимиляция по глухости, как это наблюдалось и во 2 лица ед. числа, то есть **b>p**, что наиболее характерно для восточных говоров средневепского диалекта, хотя могут быть и иные случаи: *sarn hot' ī sarn, a mänop sarnaks* (Noid, VMLT, s. 264) “сказка хоть нет, но похожа на сказку”; *teižespäi polespäi tulop* (VI, OBP, с. 193) “с другой стороны подходит”; *laske, sanup, hän vähäizen söhtap* (Kuja, OBP, с. 185) “пусть, говорит, она поест немного”. В младописьменном языке функционирует окончание **-b**, не зависящее от фонетического окружения.

Особняком стоит глагол **olda** “быть” (по диалектам: *ouda, uuda, öda*), который в 3 лице ед. числа имеет форму **om**. Это историческое явление, свойственное и другим прибалтийско-финским языкам, где названный глагол в 3 лице в основном существует в форме **on**. По мнению лингвистов, форма 3 лица глагола *olda* “быть” (*ouda, uuda*) имеет иную по происхождению основу, которая совпадает с вепской формой **om** (<\*oma, \*omat: см. напр. Häkkinen K., 1985, s. 118). Нам во время диалектологических экспедиций неоднократно приходилось слышать и форму **olob** (*hän mecas pugde olob* “он теперь в лесу”; *laukas matazo olob, teravas tulob* “мать сейчас в магазине, скоро придет”: 3399), которая могла бы быть признанной



правильной и ожидаемой, но по историческим причинам, приведшим во всех родственных прибалтийско-финских языках к образованию формы 3 лица ед. числа от иной основы, данную форму следует считать следствием аналогии с формами 1 и 2 лица. Подобная форма **olob** представлена и в сборниках образцов речи, например: *tütär hondõn Piteriõ **olob*** (Ars, NEV, I, s. 2) “дочь в Питере не очень хорошо живет”. Причем, забегая вперед, следует отметить, что названное явление характерно и для 3 лица мн. числа, где также зафиксированы формы **oloba**, **olba** вместо **oma** (*hõ lidnas **oloba*** “они в городе” (VI); *kodiõ roditel’ad **oloba*** “родители дома” (Kuja); *olobad*, *eläbad* (Ars, NEV, I, s.3). “живут-поживают”. Примеры с формами **olob**, **oloba** можно встретить и в работах других исследователей вепского языка в ед. числе (напр.: *keu lenid ille, se vähäzõ **olob*** “у кого лени нет, так тот еще ничего”, а и также во мн. числе: *kaks’ vellest läheten **olobad*** “два брата рядом находятся”; Kettunen L., 1943, s. 445). Тем не менее, мы заметили, что при специальном опросе и при повторе данной формы глагола информаторы поправлялись и сами удивлялись тому, что так сказали, то есть на уровне подсознания язык стремится к унификации грамматических форм всех глаголов.

Предполагается, что, очевидно, 3 лицо ед. числа в древности не имело никакого окончания, по крайней мере, данные дальнего- и близкородственных языков не позволяют пока его реконструировать (Серебрянников Б.А., 1964, с. 76). Употребляемое в вепском языке, а также и в некоторых иных прибалтийско-финских языках (напр., карельское **-pi** – *lyõpi* “(он) бьет”: Зайков П.М., 2000, с.50–51), лично-числовое окончание 3 лица ед. числа **-b** по происхождению является суффиксом именной формы глагола: **\*-pA** (см. напр. Häkkinen K., 1985, s. 115). Данный суффикс обнаруживается в настоящее время в варианте **-b** в I причастии актива, достаточно редком в вепском языке (напр. *palab* “горящий”, *jauhob* “мелющий”), и в лично-числовой форме 3 лица ед. числа (*tuleb* “(он) придет”, *sanub* “(он) скажет”), а также в варианте **-v** в суффиксе прилагательных (на почве некоторых говоров вепского языка в форме номинатива конечный **-v** > **-u**; и в южновепских говорах **-av** > **-au** > **-ā**: *terav* ~ *terau* ~ *terā* “острый”, *sorav* ~ *sorou* ~ *sorā* “жесткий, грубый” и т.д.). Разное представительство (**-b** и **-v**) в вепском языке древнего суффикса **\*-pA** является рефлексом суффиксального чередования ступеней согласных, при функционировании которого после ударного слога исторически следовал сильноступенный вариант, после безударного – слабоступенный (см. напр. Зайков П.М., 2000, с. 51). В качестве лично-числового окончания 3 лица ед. числа независимо от позиции в вепских диалектах утвердился вариант **-b**.

В вепском языке, как об этом уже упоминалось выше, в разделе

о типах основ, форма 3 лица ед. числа маркируется не только лично-числовым окончанием **-b**, но и имеет еще ряд признаков: *особую основу* в некоторых разрядах глаголов, а также *удвоение согласного звука*, стоящего перед последним звуком основы. Эти особенности касаются, в основном, только северновепского диалекта. Так, в последнем гласные основы одноосновных (в данном случае всегда выступает долгая гласная основа одноосновных глаголов) и двухосновных глаголов с гласной основой на **-e-** в форме 3 лица имеют основу на **-o-**: *rakičen* “прошу”, *rakičed* “просишь”, – но *rakičob* “просит”; *valičen* “выбираю”, *valičed* “выбираешь”, – но *valičob* “выбирает”, *imen* “сосу”, *imed* “сосешь”, – но *immob* “сосет”, *tul'en* “приду”, *tul'ed* “придешь”, – но *tulob* “придет”; *män'en* “иду”, *män'ed* “идешь”, – но *mänob* “идет”, *sül'gen* “плюю”, *sül'ged* “плюешь”, – но *sül'gob* “плюет”, *tegen* “делаю”, *teged* “делаешь”, – но *teggob* “делает”, *nägen* “вижу”, *näged* “видишь”, – но *näggob* “видит”. Переход **e>o** некоторые ученые, в частности, объясняли наличием в прибалтийско-финском языке двух **e**: отодвинутого назад и продвинутого вперед, что, как предположил в свое время Э. Сетяля, автор “Исторической фонетики прибалтийско-финских языков” (Setälä E.N., 1899), и его поддержал исследователь исторической фонетики вепского языка Э.А.Тункело (Tunkelo, 1946, s. 666–668, см. также Kettunen, II, 1922, lk.31), было вызвано законом гармонии гласных: – словам переднего вокализма был свойствен продвинутый вперед и соответственно словам заднего вокализма отодвинутый назад **-e**. Позднее с утратой гармонии гласных в ряде говоров вепского языка под действием закона аналогии переход **e>o** обобщился. В более поздних исследованиях по исторической фонетике прибалтийско-финских языков данная точка зрения не получила дальнейшего развития. В вепском же языке, тем не менее, имеются многочисленные примеры существования **-e-** разного характера, казалось бы, совершенно аналогичной позиции: *n'ene* ~ *n'eno* “эти”, где в первом слове обычный **-e-**, а во втором – отодвинутый назад **-e** или даже в части говоров уже перешедший в **-o-**: *neno*; далее – *l'ebę* “подол”, *veřen* “улягусь”; в то же время *sen'ed* “грибы”, *vel'l'ed* “братья”, *kel'ed* “языки” и т.д., где в аналогичной позиции оба **-e-** одного и того же характера.

В случае же обсуждаемой особой основы на **-o-** в 3 лице ед. числа, свойственной северновепскому диалекту, можно предположить, что переход **e>o** произошел в форме 3 лица ед. числа под воздействием лично-числового окончания **-b** в результате регрессивной ассимиляции по способу образования звука (огубленность, см. Kettunen L., 1922, lk. 33), а затем явление по аналогии распространилось в ряде говоров вепского языка и на другие личные формы. Например, в восточных говорах средне-вепского диалекта оно так ныне и представлено: *elogandon* “разбогатею”, *elogandod* “разбогатеешь”, *elogandob* “разбогатеет” и т.д. (ср. в северно-

вепском диалекте: *elogand'en*, *elogand'ed*, но – *elogandob*). В северновепском же диалекте, где глаголы с гласной основой на *-e-*, независимо от того, одноосновны они или двухосновны, в 3 лице ед. числа презенса индикатива имеют чаще всего основу именно с исходом на *-o-*, как об этом было сказано выше. Исследователи карельского языка, где существует подобная закономерность, также выделяют особый тип основы 3 лица ед. числа с ауслутом на *-o-*, *-ö-*, на происхождение которой, по их мнению, исторически повлияло лично-числовое окончание 3 лица ед. числа *-\*v(i)-(-\*pi, -\*bi: kulkou* “шагает”, ср. *kulen* “шагаю”, *itköy* “плачет”, ср. *iten* “плачу”; см., напр. об этом Зайков П.М., 1997, с. 25; 1999, с. 65; 2000, с. 104; Адель Е.Л., 1998, с. 30). Вполне возможно, что представители северновепского диалекта, которые подвергались сильному влиянию карелов и в некоторых иных сферах (см. напр. Винокурова, 1996, с. 116), испытали заметное влияние карельского языка в образовании проиллюстрированного выше явления. Именно под влиянием карельского языка, вероятно, оно закрепилось за формой 3 лица ед. числа презенса индикатива, став ее дополнительным признаком.

Северновепский диалект, кроме того, обладает еще одной особенностью, которая также характеризует лично-числовую форму 3 лица ед. числа презенса индикатива. У ряда двусложных глаголов, имеющих в своем составе перед конечным гласным основы взрывные согласные **k, g, t, d, p, b**, наблюдается удвоение названных звуков: *skokkib* “прыгает”, *teggob* “делает”, *näggob* “видит”, *luggob* “читает”, *kattab* “укрывает”, *ottab* “берет”, *kaddob* “теряется”, *kuddob* “mkem”, *hüppib* “прыгает”, *sobbib* “одевает”, *lübbub* “поднимается”: *lähtmeine možot eraska dättab* (Kask, 1502) “некоторая телочка так и оставит”; *uden voden homesel viikatehen ottab* (Št, 1503) “в новогоднее утро косу возьмет”; *ottap sindei vedehine* (Perv, NVM, s. 157) “возьмет тебя водяной”; *eraz teggob kirpičan* (Št, 1504) “кто-то делает кирпич”; *hän teddab, mama laib, dei piitoiči teggob* (Kask, 1503) “он знает, что мать ругаться будет, так потихоньку сделает”; *ken kuddob aleized* (Kask, 1502) “кто вяжет рукавички”; *ken homesel lübbub* (Št, 1504) “кто утром встанет”. Случаи наличия удвоенности взрывных согласных в форме 3 лица, которые характерны и некоторым иным родственным языкам, являются, очевидно, рефлексамии чередования ступеней согласных. Относительно чередования ступеней согласных в вепском языке в свое время существовала достаточно бурная дискуссия. Отсутствие чередования ступеней согласных в вепском, а также ливском языках снижало исторический “возраст” данного явления, которому, например, известный исследователь исторической фонетики прибалтийско-финских языков Э.Н. Сетяля отводил место уже в финно-угорском языке-основе (Setälä E.N., 1896; 1899; см. подробнее о дискуссии: Основы, 1974, с. 133–

135). Вероятно, в вепском языке, находившемся на периферии прибалтийско-финского ареала, полная система чередований не сложилась, а имело место лишь чередование взрывных согласных, которое впоследствии, как полагают некоторые исследователи, “сгладилось” (Leskinen H., 1990, s. 72). Очевидно, есть основания признать это, полагая, что какие-то отголоски чередования ступеней согласных в вепском языке имели место. В северновепском диалекте вепского языка в его современном состоянии в форме 3 лица ед. числа наличествует и сейчас именно подобное удвоение взрывных согласных, напоминающее рефлекс от былого чередования ступеней согласных. Некогда в форме 3 лица слог был открытым (\**katta-pa* – причастие от глагола *katta* “накрыть”), и поэтому выступала сильная ступень, то есть удвоенный согласный. Но, возможно, данное явление следует считать влиянием родственных языков, в первую очередь, карельского, который привнес, как мы неоднократно отмечали, в отдельные моменты грамматики вепского глагола свои нюансы. Тем не менее, не вдаваясь глубоко в данную дискуссию, констатируем факт существования удвоения согласных в обсуждаемом диалекте. И хотя никаких условий (в этом случае имеется в виду открытость слога) для наличия явления в вепском языке уже нет, поскольку слог в форме 3 лица ед. числа закрытый, все-таки удвоение согласных существует и, более того, его частотность в северновепском диалекте возрастает. В настоящее время здесь удваиваются и аффрикаты, например: *kuccub* “зовет”, *kaccub* “смотрит”, *eccib* “ишет”, *kriččib* “кричит”, *liččob* “запихивает”, и – пока нерегулярно – некоторые другие согласные звуки: *immob* “сосет”, *sannub* “говорит”, *tulloob* “придет”: *a potom taccib lapsen božale* (Št, 3389) “а потом бросит ребенка крестной матери”; *i liččob sinna tagemba* (Kask, Lonin, 1999, lp., 87) “и запихивает туда дальше”; *ičezo akk da vöi kedani kuccub* (Št, 3385) “своя жена да еще кого-нибудь позовет”; *a hän kaccub lehmad* (Toižeg, 3387 “а она корову смотрит”; *nu ka ses langas kudom, da krassib siga kraskal dei* (Kask, 1501) “ну так из той шерсти вяжем, а она покрасит краской”; *lalps’-se imii, immob vöi nižan* (Vehkoja, 1502) “а ребенок-то грудной, грудь еще сосет”; *kudames korvas milei zvennib* (Kaleig, 3387) “в каком ухе звенит”; *kut hän sannub, ka muga om-ki* (Kask, 3385) “как он говорит, так и есть”; и т. д. Подобное явление геминации, не свойственное близко родственному вепскому карельскому языку (см. напр. Бубрих Д.В., 1997, карта 139: *nägöu, nägob, nägöö* “видит”), имеет место, например, в ингерманландских говорах финского языка (напр. *tulloo* “придет”: см. Елисеев Ю.С., 1975, с. 144). Полагаем, что названное явление в северновепском диалекте приобрело иной уровень развития, перейдя из фонетики в грамматику, где оно стало дополнительно маркировать форму 3 лица ед. числа. Этим объясняется и появление удвоения тех согласных,

которые не входят и никогда не входили в сферу чередования ступеней согласных. В языке действует закон аналогии, который все более стремится превратить обсуждаемое явление в северновепском диалекте в правило.

### Отрицательные формы

При образовании отрицательных форм лично-числовое окончание 1 и 2 лица переходит от основного глагола к отрицательному глаголу; при этом основной глагол представлен лишь одной гласной основой, а если глагол обладает двумя гласными основами, то в отрицательных формах глагола выступает всегда только долгая гласная основа:

1 лицо: *en sanu* “(я) не скажу, *en paimenda* “(я) не пасу”, *en pure* “(я) не укушу”;

2 лицо: *ed sanu* “(ты) не скажешь”, *ed paimenda* “(ты) не пасешь”, *ed pure* “(ты) не укусишь”;

3 лицо: *ei sanu* “(он) не скажет”, *ei paimenda* “(он) не пасет”, *ei pure* “(он) не укусит”.

Покажем употребление отрицательных форм ед. числа презенса в вепской речи:

#### Северновепский диалект

*en ni lähto hijale* (Kask, 1501) “и не пойду к ним”; *mikš ed tule rižamahase* (Perv, 1503) “почему не придешь проведать”; *en vareida ni kondiid, ni händikahid* (Št, 1507) “я не боюсь ни медведей, ни волков”; *ii tege hän nemida* (Kl, 1502) “он ничего не сделает”;

#### Средневепский диалект

*konz lehm ii siizu lüpstes, ka silei lehmale panoudihe murzäimen poboinikan pähä* (Pnd, СВЯ, с. 509) “когда корова во время дойки не стоит, тогда ей на голову надевали повойник молодухи”; *hüvin modod en mušta mamalain* (Pnd, ОВР, с. 123) “лицо у мамы я не помню хорошо”; *mina enambad en tule tiidenno* (Nažam, NÄKM, 362) “я больше к вам не приду”; *enamban mina jen rozreši rikta* (Särg, ОВР, с. 74) “я больше не разрешу убивать”; *kudei kol'mid' sarkoid' ed murenda, midei ed löuda* (L, КСВЯ) “пока три пары сапог не выносишь, меня не найдешь”; *iile elomust, kaiken aigan rid'utas* (Pž, СВЯ, с. 77) “нет согласия, все время ругаются”; *eile libedad linduštain da sokolad poigaštain* (Šim, NÄKM, s. 544) “нет милой птички да сокола сыночка”;

#### Южновепский диалект

*a vot necida ka min'a en tundo* (Sod, КСВЯ) “а вот этого я не знаю”; *en mušta kudamō vodū tifse tabazi tatan* (Krl) “не помню, когда отца тиф свалил”; *tuled vai ed tule, tariž teta* (Vg, КСВЯ) “придешь или не придешь, надо бы знать”; *ī line hānespä ristitud* (Mg, КСВЯ) “не будет из него человека”.

Таким образом, в отрицательных формах ед. числа основной глагол

не оформлен никаким показателем. Тем не менее, поскольку чистая основа глагола не выступает больше при построении иных глагольных форм, то в этом случае именно этот момент можно считать фактом, характеризующим отрицательные формы презенса ед. числа. В родственных языках, обладающих чередованием ступеней согласных, в отрицательных формах выступает слабоступенный вариант основы, поскольку исторически основа имела в своем составе древний признак презенса *\*-k-*, который закрывал слог. Указанный признак отпал, однако основа продолжает оставаться слабоступенной, характеризуя, таким образом, отрицательные формы (напр. *ei gua n'imidä* “ничего не делает”: Зайков П.М., 2000, с.141, 142). В вепсском языке, в котором не сложилась система чередования ступеней согласных в том виде, который свойствен, например, карельскому и финскому языкам, в современном его состоянии слабоступенность основы совсем не обнаруживается, хотя исторически обобщилась именно слабая ступень. На это косвенно указывают лишь данные северновепсского диалекта, где в 3 лице ед. числа в положительных формах, как мы об этом уже говорили, употребительны геминаты, как следствие былой открытости слога (*luggob* “(он) читает”, *kattab* “(он) укрывает”, *lūbbub* “(он) встает”). Отрицательным же формам названное явление не знакомо: в них взрывной звук всегда одиночный (*ii luge* “(он) не читает”, *ii kata* “(он) не укрывает”, *ii lūbu* “(он) не встает”).

Как свидетельствуют примеры, в 3 лице отрицательный глагол имеет форму *ei*. Она восходит к основе отрицательного глагола *e-*. Некоторые языковеды во втором компоненте отрицательного глагола с основой *e-* усматривали признак имперфекта *-i* (Hakulinen L., 1979, s. 209). Как считает Кайса Хяккинэн, это объяснение с точки зрения истории языка могло бы считаться безупречным, однако во всех прочих отношениях довольно проблематичным. Прежде всего, форма отрицательного глагола *ei* в современных языках не имеет значения имперфекта. Кроме того, в ряде языков имперфект образуется и другим способом (например, при помощи суффикса *-\*s'-*), и отрицательный глагол, таким образом, имеет формы презенса и имперфекта (см. напр. Savijärvi I., 1977, s. 12). В настоящее время более признанной является точка зрения, в соответствии с которой отрицательная форма глагола *ei* содержала исторически суффикс отглагольных существительных *\*-ja* (*ei* < *\*e-jä*: см. Häkkinen K., 1985, s. 121).

В вепсском языке форма отрицательного глагола в варианте *ei* в 3 лице ед. числа рекомендована для употребления в младописьменном языке: *Ka möst üht ei ole* (IL, lp. 18) “Да, опять одного нет”; *Ni-kus sijad ei ole* (Kodir, lp. 73) “Нигде места нет”; *Sinä vaiše peitatoi, a minä vaiše ecin, nece ei ole oikti* (LPV, lp. 35) “Ты только прячешься, а я только ищу, это не по правилам”.

В диалектах вепсского языка отрицательный глагол в 3 лице ед. числа чаще выступает в форме *ii* или *iī*. Но особенно сильные изменения претерпела отрицательная форма глагола *olda* “быть”, которая в северновепсском диалекте звучит как *iilä*, в восточных говорах средневепсского диалекта как *iile*, в приоятских – *ēle*, в южновепсских – *īle* и *iile*, где практически невозможно отрицательный глагол отделить от основного глагола, настолько стяжена форма, напр.: *iilä hivä*, *konz akk tulob ezmeine* (Kaleig, 3387) “не хорошо, когда первой в дом придет женщина”; *hānuu iile rahiid päs* (Pk, КСВЯ) “у него нет ума в голове”; *nel’kimet vot iile vüu* (P, СВЯ, с. 355) “нет еще сорока лет”; *ičemoileki ēle sijäd* (Jä, ОВР, с. 22) “и самим нет места”; *nägen, toezō bokā seižub los’, seižub i jokse ī* (Sod, ОВР, с. 236) “смотрю, на другой стороне стоит лось, стоит и не бежит”.

## МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

### Положительные формы

Мн. число располагает также тремя лично-числовыми формами в положительной и тремя в отрицательной формах. Положительные формы в создаваемой орфографической традиции в младописьменном языке имеют следующий вид:

1 л.: *sanum* “(мы) скажем”, *paimeḋam* “(мы) пасем”, *purem* “(мы) укусим”;

2 л.: *sanut* “(вы) скажете”, *paimeḋat* “(вы) пасете”, *puret* “(вы) укусите”;

3 л.: *sanuba* “(они) скажут”, *paimeḋaba* “(они) пасут”, *pureba* “(они) укусят”.

В диалектах же вепсского языка картина лично-числовых окончаний мн. числа достаточно пестрая, включающая в себя много вариантов.

Лично-числовое окончание 1 лица мн. числа **-m**:

#### Северновепсский диалект

*sobad andam silei* (Š, NÄKM, s. 7) “одежду дадим тебе”; *kundluzbobaižišpäi otam bobaižen* (Perv, NVM, s. 164) “из бобов для гадания возьмем один”; *potom tulem čajud d’omha* (Št, 3384) “потом придем чаю пить”; *tegem kandatesel da segitam d’ouhos* (Št, 3385) “сделаем на сметане да смешаем с мукой”; *loučid mõto d’okselem* (Kask, 1503) “по лавкам бегаем”; *därverandale vöm* (Št, 3386) “на берег озера отнесем”.

Как свидетельствуют примеры, в говорах северновепсского диалекта в качестве лично-числового окончания мн. числа встречается лишь один вариант **-m**, которому и было отдано предпочтение при выборе орфографической нормы для младописьменного языка.

### Средневепский диалект

a mö čortad rikom; a kut mö hänt rikoškamse? (Pnd, 3392) “а мы черта убьем; а как мы его убивать будем?”; kartoškad stolalo viškeidam (VI, 2290) “картошку на стол высыплем”; mām da keivam (VI, 2290) “пойдем да накопаем”; sižutam siinaloks (Kuja, ОВР, с. 180) “поставим около стены”; mö linemai sid živatata (Sārg, ОВР, с. 74) “мы здесь без скота останемся”; nītāmei longhesei (Krh, ОВР, с. 52) “косим до обеда”; min mö, poigeižem, zavodimej? (Šim, NVM, s. 1139) “что мы, сынок, делать будем?”; tul’l’avodū semendamai kagran (Šim, NĀKM, s. 256) “на будущий год посеем овес”; tedamei, mišto hān tuli kodihe (Pāž) “знаем, что он пришел домой”; mö seižumai g’augoil (Pāž, NĀKM, s. 351) “мы стоим на ногах”; nouzamai ez’mäičiš kukoiš (Noid, КСВЯ) “встанем с первыми петухами”; mii sindei jo amu varastamei tānna (Jā, СВЯ, с. 512) “мы давно уже здесь ждем тебя”; ičekesken oleme vellesed (Jā, СВЯ, с. 144) “между собой мы братья”; tedamei em tekoi, a lukta tari (Jā, ОВР, с. 21) “знаем, не знаем, а читать надо”;

### Южновепский диалект

davai pletimai puzun tobnemban (Šid, ОВР, с. 245) “давай сплетем корзину побольше”; Vas’kan sanutišen kirjutamā (VMLT, s. 234) “Васькин рассказ запишем”; stolan taga ištumei (Sod, ОВР, с. 226) “за стол сядем”; ümbārdamā kahthe kerdha necen živatāžen (Sod, ОВР, с. 233) “обойдем два раза это животное”; mö kahtengi mülümā (Kerčak, VMLT, 250) “мы и вдвоем поместимся”; māngam alučki, tämbā milen, homen sileš tegomā (Sod, СВЯ, с. 18) “пойдем низом, сегодня мне, а завтра тебе сделаем”; kascu, nugude bohattumai (Šid, VRS, lp., 145) “пѣмотри, теперь разбогатеет”; minak me andamai-se? (Šid, ОВР, с. 245) “что же мы дадим?”.

Что касается вариантов окончания I лица мн. числа в средне- и южновепском диалектах, то они многообразны: **-m**, **-me**, **-mei**, **-mai**, **-mā**. Их можно разделить с синхронной точки зрения на две группы и назвать *долгими* и *краткими*. Вариант окончания **-m**, употребляющийся, как это уже было показано, в северновепском диалекте и части восточных говоров средневепского диалекта, мы будем называть *кратким* вариантом окончания. Причем, по этому признаку восточновепская группа говоров средневепского диалекта разделяется на две подгруппы, что указывает на ее неоднородность. Для части восточных говоров (куйско-пондальские и войлахотские говоры) наиболее характерен именно краткий вариант **-m**. Он сближает группу восточновепских говоров с северновепским диалектом (**tulem** “придем”, **rapem** “кладем”, **vāndam** “играем”).

В другой группе восточных говоров – шимозерские, пязезерские, сяргозерские – получил распространение долгий вариант окончания, сближающий эти говоры с западными говорами средневепского диалекта и южновепским диалектом. В приоятских говорах средневепского



диалекта и переходных говорах между средне- и южновепским диалектами вариант окончания **-m** практически не встречается. Здесь функционируют: **-mei**, **-me**, **-mai**, **-mā**. Последний вариант окончания **-mā**, содержащий в своем составе долгий гласный, возник в южновепском диалекте вследствие действующего в нем закона появления долгих гласных. В последнем возникло достаточно большое количество долгих гласных позднего происхождения в различных глагольных, именных и прочих формах на месте дифтонгов на **-i** и **-u** (см. Kettunen L., II, 1943, lk. 57-63), напр.: *mēz' kol' . mö hänen pezetīmā sijale časū sīžō, sobitīmā...* (Sod, OBP, с. 240) “Человек умер. Мы в тот же час обмыли его на месте, одели...”. Из приведенного отрывка можно увидеть, что долгими в южновепском диалекте могут быть любые гласные; в этом ряду стоит и окончание I лица мн. числа глаголов.

Считается, что варианты лично-числового окончания I лица мн. числа восходят к звуковому комплексу **\*-mV**. Причем, есть основания для предположения, что гласным, входившим в состав окончания, первоначально являлся **-A-**. Он сохранился, например, в диалектах финского языка (*saamma* “получаем”, *annamma* “даем”: Kettunen L., 1943, s. 421), в карельском языке (*kuamma* “наливаем”, *juomma* “пьем”: Зайков П.М., 2000, с. 65). Появившийся впоследствии в прибалтийско-финских языках в составе окончания гласный **-e-** (ср. финск. *saamme*, *annamme*) является следствием воздействия системы лично-числовых окончаний двойственного числа (Häkkinen K., 1985, s. 101), функционировавшего некогда в праязыке.

Как свидетельствует иллюстративный материал, в диалектах вепского языка в составе лично-числового окончания качество гласного звука также разное. Западные говоры, а также пяезерско-шимозерская группа восточновепских говоров содержат гласный **-e-** (*tule-meī* “(мы) придем”, *sapu-meī* “(мы) скажем”, *veda-meī* “(мы) ведем”). В южновепском диалекте, а также в ряде переходных говоров представлен **-a-** (*tule-mai* ~ *tule-mā*, *sapu-mai* ~ *sapu-mā*, *veda-mai* ~ *veda-mā*). В свете изложенной выше точки зрения по качеству гласных звуков в составе лично-числового окончания, можно предположить, что вепские варианты с **-e-** и **-a-** в составе окончаний могут иметь исторически разное происхождение. Любопытно, что наличие в южновепском и в ряде переходных говоров средневепского диалекта в составе лично-числового окончания гласного **-a-** сближает их с собственно-карельским наречием карельского языка (ср. *ole-mma* “(мы) есть”, *miö-mmä* “(мы) продаем”, *luo-mma* “(мы) бросим” и т.д.: Зайков П.М., 2000, с. 65), что является достаточно редким фактом. Более обычной признается близость вепского языка к ливвиковскому и людиковскому наречиям карельского языка.

Кроме того, в составе вепского варианта лично-числового оконча-

ния 1 лица мн. числа имеется гласный *-i*. Есть основание полагать, что вторая часть окончания [*-m(a~e) + i*], т.е. *-i*, есть не что иное, как суффикс мн. числа *i*. Существует предположение, что он функционировал в данных формах уже в праприбалтийско-финское время (см. напр. Аристэ П., 1953, с. 305; Kettunen L., 1943, s. 421) наряду с суффиксом множественности *-k*, который имел место в лично-числовых окончаниях мн. числа (\*-kmV $\bar{k}$ : *tulemme* “(мы) придем” < \**tule-k-me-k*; Häkkinen K., 1985, s. 101; Hakulinen L., 1979, s. 250).

Таким образом, если принять во внимание все говоры вепсского языка, то перед нами в окончании 1 лица мн. числа предстанет полная картина всех исторических переходов звуков: *-m-<me-<mei; -mai >mä*. Причем, все это функционирует в живом состоянии языка, и не надо особых умозаключений о каких-либо дополнительных переходных ступенях. Тем самым, функционирование диалектной речи может представить и представляет при сравнительно-сопоставительном анализе говоров живой источник исторических процессов, характерных для той или иной категории.

2 лицо мн. числа имеет в некоторых случаях по диалектам, как это видно из примеров, лично-числовой показатель, несколько сходный с показателем 2 лица ед. числа.

Лично-числовое окончание 2 лица мн. числа *-t, -tt, -d*:

Северновеппский диалект

*nenod tukjized (tö) panod* (Kask) “эти пучочки кладете”; *konz tö lübutse?* (Kaleig) “когда вы встанете-то?”; *velled, kuspäi astut, min kandat* (Št, ÄVN, s. 4) “братцы, откуда идете, что несете”; *totik, sizared, sened da bolad?* (Mt, VRS, lp., 64) “несете ли, сестры, грибов да ягод?”

В северновеппском диалекте достаточно употребителен вариант окончания с геминатой *-tt-*: *a ked tö olet?* (Š, СВЯ, с. 190) “а кто вы будете?”; *hougott se kodihe tot?* “дров-то домой принесете?; *mänott ka mängha* (Kaleig) “пойдете, так идите”;

Средневеппский диалект

*nel'1' mest om ka nel'1'an kesken, kuume, ka kuumen, a kahton olod ka kahton tapetas* (Pnd, ОВР, с. 114) “четыре человека, так четверо, трое, так втроем, а если двое, так вдвоем молотят”; *Van'uška tuliki i pagizeb: keda muštat?* (VI) “Ванюшка подошел и говорит: кого поминаете?”; *gesli lähtot bolha, ka se aig om mända* (VI) “если пойдете за брусничкой, то пора идти”; *Ninuška, konz tö ajat tagazose* (KuJa) “Нинушка, когда вы обратно-то поедете?; *a geželi miniin'kaks' lambast andatai da härgän...* (Särg, ОВР, с. 74) “а если дадите мне две овцы да быка...”; *nügüde mil tö seižutai?* (Päž, NÄKM, s. 351) “теперь на чем вы стоите?”; *toižin praznoičetei* (Krb, VMLT, s. 248) “по-другому празднуете”; *tuletei, ka tuugatei öks* (Jä) “если хотите, то приходите

ночевать”; *manetei oiktaha, ka sigou lāz linneb* (Šondjal) “пойдете направо, так там близко будет”; *kuna tii astute?* (L) “куда вы идете?”;

#### Южновепский диалект

*mihe, lapsed, ioksetā* (NEV, I, s. 2) “дети, почему бежите?”; *miš te oletā?* (Sod) “где вы находитесь?”; *setā tatkō, laskā mamkō, mānetā kedmile radōžile* (Vg, OBP, с. 257) “родимый батюшка, ласковая матушка, пойдете на легкие работушки”; *setjät čičkōhuded, johtutatā mindān’* (Vg, OBP, с. 257) “милые сестрички, вспомните меня”; *lāhtetā kōz?* (Krl) “когда пойдете?”.

Окончания 2 лица мн. числа по диалектам представляют следующую картину: **-tt, -t, -d** – в северновепском диалекте, **-t, -d, -tei, -te, -tai** – в говорах средневепского диалекта, **-tai, -tā** – в южновепском диалекте. Варианты окончаний 2 лица мн. числа также можно разделить, параллельно лично-числовым окончаниям 1 лица мн. числа, на две группы: *долгие* и *краткие*. Краткий вариант окончания, как и в предыдущем случае с лично-числовым окончанием 1 лица ед. числа, свойствен северновепскому диалекту и части восточновепских говоров. Последние вновь делятся на две подгруппы: пязозерско-шимозерская, характеризующая наличием долгого варианта окончания **-tei, -tai**, и куйско-пондальская – краткого варианта **-t**. И в этом случае куйско-пондальские говоры проявляют близость к северновепскому диалекту, а пязозерско-шимозерские – к западным говорам средневепского диалекта и южновепскому диалекту, представляя собой как бы переходную группу говоров.

Кроме того, следует отметить, что варианты окончаний **-t** и **-d** напоминают собой окончание 2 лица ед. числа, и лишь из контекста становится ясно, о каком числе идет речь. В этом случае в лично-числовом окончании произошли определенные фонетические сдвиги: **-d~t<-tt-** (Tunkelo E., 1946, s. 209). Варианты окончаний **-tei, -tai, -tā**, как и окончание 1 лица мн. числа, содержат два компонента: **-t(ta) + -i**, где элемент **-i** также является древним показателем мн. числа (Аристэ П., 1953, с. 304; Kettunen L., 1943, s. 421). Качество среднего звука, входящего в состав лично-числового окончания, как и в случае с окончанием 1 лица мн. числа, в вепских диалектах разное. В западных говорах средневепского диалекта, а также в пязезерско-шимозерских восточных говорах функционирует стабильно, как свидетельствовали примеры, вариант окончания с **-e-** внутри окончания: *sanu-tei* “(вы) скажете”, *māne-tei* “(вы) пойдете”, *varasta-tei* “(вы) ждете”. В южновепском и переходных к нему говорах распространен вариант с **-a-** внутри окончания: *sanutai ~ sanutā, mānetai ~ mānetā, varastatai ~ varastatā*. Предполагается, что варианты окончаний восходят к древнему окончанию **\*-tAk** (Häkkinen K., 1985, s. 102). В двойком качестве гласного звука в составе лично-числового окончания (**-a-** и **-e-**) можно опять-таки усматривать древнее наследие от системы мно-

жественного и двойственного чисел прибалтийско-финского пра-языка.

В качестве орфографической нормы для младописьменного языка употребляется краткий вариант лично-числового окончания -t (lähtet “(вы) пойдете”, luget “(вы) читаете), varastat “(вы) ждете), haravoičet “(вы) сгребаете”), который отличается от лично-числового окончания 2 лица ед. числа, где в качестве нормы принят вариант -d (lähted “(ты) пойдешь”, lüged “(ты) читаешь”, varastad “(ты) ждешь”, haravoičed “(ты) сгребашь”).

Форма 3 лица мн. числа в структуре глагольных словоформ стоит несколько особняком, поскольку является сплавом двух систем: активной и пассивной, или имперсональной. При знакомстве с иллюстративным рядом примеров вепсского языка бросается в глаза многообразие вариантов форм 3 лица мн. числа. В первую очередь, их следует разделить на две большие группы: формы с различными глагольными основами и различными окончаниями. Причина различия основ и окончаний кроется в том, что в вепсском языке, как, например, и в карельском, произошло смешение активных и пассивных по происхождению форм, а также активизация пассивных форм и употребление их в значении 3 лица мн. числа. Не все языковеды используют и согласны с термином “пассив”, или “пассивная форма”. Отдельные лингвисты считают, что подобному явлению больше подходит наименование “имперсонал”, “неопределенно-личная форма” или даже “форма 4 лица” (см. напр. Лаанест А., 1975, с. 84; Harms R., 1962, p. 57–58; Ikola O., 1974, s. 53; Hakulinen A, Karlsson F., 1979, s. 255; Shore S., 1986 и др.). Тем не менее, какого-либо достаточно определенного и окончательного теоретического обоснования обсуждаемому явлению до сих пор не предложено. Более того, отказываясь и критикуя позицию выделения пассива, ученые вновь и вновь оперируют тем же самым термином (см. напр. Зайков П.М., 1997, с. 21; 2000, с. 80–81, с.94–97). Мы не будем вступать в этот теоретический поединок, поскольку для данной работы более важна практическая представленность некоей формы и ее содержание в вепсском глагольном словоизменении, а не то, как она будет именоваться. И лишь в последующем, когда грамматика глагола будет достаточно хорошо исследована, необходимо будет пересмотреть и некоторые теоретические положения, их трактовку и на материале вепсского языка. Таким образом, при рассмотрении лично-числовой формы 3 лица мн. числа мы будем оперировать термином “пассив”, подразумевая под ним действие, совершаемое одним, несколькими или многими лицами, которые неизвестны, и не будем вступать в теоретическую полемику по данной проблеме.

Вариативность форм 3 лица мн. числа в вепсском языке, таким образом, произошла из-за смешения пассивных и активных форм. Часть гово-

ров вепсского языка продолжает употреблять в качестве 3 лица мн. числа презенса активную форму, в которой представлена лексическая основа презенса. Окончание названной формы **-ba**, **-bad**. Другие говоры используют в качестве активной пассивную по происхождению форму с окончанием **-s**, **-ze**, где, соответственно, выступает основа пассива с показателем **-ta-**, **-da-**. Вначале проанализируем активную по происхождению лично-числовую форму 3 лица мн. числа. Посмотрим, как она представлена в диалектах вепсского языка.

Лично-числовое окончание 3 лица мн. числа **-ba(d)**:

Северновепсский диалект

*cerkvas hõ ristad paba* (Kaleig, 3387) “в церкви они крестятся”; *sed kalitad lähtoba iilä muiktad* (Št, 3384) “те калитки получают некислыми”; *mama da bat’a kodihe tuloba* (Št, 3384) “отец да мать домой придут”; *ked edahanpäi tuloba, ka tošt päjan lähtoba* (Št, 3384) “кто издалека придет, так на другой день отправляются”; *käded da d’ougad radospei kibištabad* (Št, 3385) “руки да ноги от работы болят”; *nel’l’anden päivan d’o marghuze bat’anno i mamanno lähtoba* (Št, КСВЯ) “на четвертый день молодые отправляются в гости к отцу да матери”; *besedaha prihad tuloba, ka pöviš da kouhtaniš* (Kask, 1503) “ia беседу парни придут, так в шубах и кафтанах”;

Средневепсский диалект

*hiinantegoupäi rahvaz tuloba* (Pnd, КСВЯ) “люди придут с сенокоса”; *Žen’ka da mama töuba* (Kuja, 3395) “Женька да мама ходят”; *adivod köuba* (VI, 3403) “гости ходят”; *lagedas põldos, vihandas normes ühtsan man al-päi ühtsa molotsad libuba* (Ahlqist A., 1861, s. 66) “в чистом поле на зеленом лугу из-за девяти земель девять молодых поднимутся”; *üks’ kegon päl, a kahten andloba snapud* (Krb, КСВЯ) “один на стоге, а двое подают ему”; *hõ tuloba homencil kodihe* (Krh, ОВР, с. 50) “они придут утром домой”; *g’ogerandmõt enamb hõ kazvaba* (Krh, ОВР, с. 55) “они больше растут по берегам рек”; *i vot hõ ümbri küläs ag’g’as ag’g’ha ajaba* (Kek, ОВР, с. 45) “и вот они вокруг деревни из конца в конец едут”;

Южновепсский диалект

*lehmad johtaba järvest i mest söhtaba* (Sod, СВЯ, с. 348) “коровы попьют из озера и опять поедят”; *čičikod kazvaba torhembile tahoile* (Sod, КСВЯ) “черная смородина растет на более сухих местах”; *kagičud kazvaba kevadõ, konz lumi lähtob* (Vg, КСВЯ) “полевой хвощ растет весной, когда снег сойдет”; *joges parded astubat kevadõ* (Čg, СВЯ, с. 35) “по реке лес сплавляют летом”; *lendlejad murhāzed lendlobad kogõl’* (Krl, СВЯ, с. 215) “летучие муравьи летают кучей”; *ende kikad pidelibad morzmed, ka mehele mänobad, ka kik päpä* (Ars, КСВЯ) “раньше молодые женщины кики носили: замуж выйдут, и кика на голове”; *vedaba parzid’, sävobad, savizen päč’in’ leibäd* (Vg, ОВР, с. 253) “привезут бревен, дом построят, глиняную печь сделают”;

*ištubad* hō kuzhāžen ā (Ars, КСВЯ) “сидят они под елочкой”; *mužikala möst Piterišpä čomad kirjad tulobad, čomad vestid tulobad* (Ars, NEV, s. 4.) “мужчине опять из Питера новые книги приходят, новые вести приходят”; *kodiš lapsed voikabad, tüttred voikabad* (Ars, NEV, s. 10) “дома дети плачут, дочери плачут”; *astuba sodmu kondjad* (Kerčak, OBP, с. 222) “идут по болоту медведи”; *zverišpä kaikišpä, i ken mas ujeleba ka sišpä* (Sod, ÍBP, 228) “от всех зверей и от тех, кто по земле ползает.”

Как видно из иллюстративного материала, форма с окончанием **-ba**, **-bad** в той или иной степени свойственна всем диалектам вепского языка. В северновепском диалекте названное окончание употребляется лишь с ограниченным рядом глаголов. Этот ряд глаголов легко выявляется: *tulda* “прийти”: *tuloba* “придут”; *mānda* “идти”: *mānoba* (*māba*) “идут”; *olda* “быть”: *oloba* “есть”; *panda* “класть”: *panoba* (*paba*) “кладут”; *lähtta* “пойти”: *lähtoba* “пойдут”. Глаголы с окончанием **\*ba** были уже зафиксированы в свое время известным исследователем исторической фонетики вепского языка Э.А. Тункело (Tunkelo E.A., 1946, s. 127), а затем были повторены И. Савиярви, который специально занимался соотношением активных и пассивных форм в 3 лице мн. числа в вепском языке. Более того, И. Савиярви в своей статье констатирует, что глаголы *mānda* “идти”: *mānoba*, *panda* “положить”: *panoba*; *olda* “быть” “*ol(o)ba*, *tulda* “прийти”: *tuloba* как бы застыли в форме на **-ba**, и даже, когда следует передать пассивное значение, перечисленные глаголы выступают также с лично-числовым активным по происхождению окончанием **-ba** (Savijärvi I., 1990, s. 162). Нам к этому списку удалось добавить глаголы *liinda* “быть”: *liinoba* “будут”; *kibištada* “болеть”: *kibištabad* “болеят”. Действительно, употребление лично-числового окончания **-ba(d)** в северновепском диалекте очень ограничено, но, тем не менее, оно известно.

По свидетельству лингвистического материала из средневепского диалекта, в презенсе в нем практически во всех пунктах также можно встретить лично-числовое окончание **-ba(d)**, хотя и ограниченно. Правда, ряд глаголов, употребляющий его, несколько шире, чем в северно-вепском диалекте. К уже названным выше глаголам здесь следует добавить: *kōuda* “ходить”: *kōuba* “ходят” (войлахотский говор); *tōuda*: *tōuba* – куйский говор); *libuda* “встать”: *libuba* “встанут”; *anduuta* “давать”: *andloba* “дают”; *kazda* “расти”: *kazvaba* “растут”; *ajada* “ехать”: *ajaba* “едут”. В переходных говорах от средневепского к южновепскому диалекту частотность употребления показателя **-ba(d)** возрастает: он, например, в шугозерском говоре (Тихвинский район Ленинградской области) может быть присоединен практически к любому глаголу, как в положительной, так и в отрицательной формах: *lugeba* “читают”; *sanuba* “говорят”, *kasuba* “смотрят”, *pezeba* “моют”, *haravoičeba* “сгребают”.

Однако наиболее широко и практически повсеместно лично-числовой показатель 3 лица мн. числа **-ba** употребляется, как свидетельствует наш материал, который уже был приведен выше и еще имеется в нашем распоряжении, в южновепском диалекте. Приведем небольшие отрезки текстов с данной формой: *čičkōhuded-ne keradasō da neičukaižed-ne kogodasō da mānobad kruglejale besedāžele da vesliškandesō, ... gul' ghe mānobad* (Vg, OBP, с. 257) “сестрички соберутся да пойдут на беседушку, да будут веселиться, гулять пойдут”; *sid' varastaba ehtan ... ištuba i gor'uiba* (Šid, OBP, с. 245) “тут ждут вечер, сидят горюют”; *mānda min'āi, heitta rādad-ne, prihad tuleba kōz-ni da otaba* (Sod, OBP, с. 213) “пойти мне, снять капканы, парни придут как-нибудь и возьмут”.

Варианты окончаний 3 лица мн. числа **-bad** и **-ba** восходят, как и лично-числовое окончание 3 лица ед. числа **-b**, о чем речь была в соответствующем разделе, к суффиксу причастия настоящего времени **\*-pA** (Häkkinen K., 1985, s. 102), где, кроме непосредственно причастного суффикса, имелся показатель множественности **-d** (<-t). И в этой связи ясно, что вариант окончания **-bad** в вепском языке – более древний, нежели **-ba**, из которого в соответствии с законом отпадения конечных согласных **-d** отпал (Kettunen L., 1943, s. 421). Вариант **-bad** характерен для южновепских говоров, которые во многих отношениях стоят на более древней позиции, но и здесь он не регулярен, как мы могли наблюдать это из примеров, и употребляется все реже.

Кроме лично-числовой формы на **-ba(d)** в вепском языке, как уже упоминалось выше, в ряде говоров в качестве 3 лица мн. числа употребляется форма, бывшая исторически пассивной, имеющая в языке и сейчас в том числе значение, соответствующее, например, форме финского пассива. Проиллюстрируем употребление пассивной по происхождению формы в значении 3 лица мн. числа:

#### Северновепский диалект

*mužikadne, roukad, rataze* (Št, 3386) “а мужчины-то, бедняги, работают”; *lapsed magataze* (Št, 3386) “дети спят”; *keik krugom ištaze kožlideke* (Kask, 1502) “все кругом сидят с прялками”; *kaik sv'atijad pajatetaze* (Kaleig, 3387) “все поют святую молитву”; *a hō tuld'he, kozal nāhtaze lämei palab* (Št, VRS, lp. 28) “а они пришли, смотрят, у козы свет горит”; *a hō sanutaze* (Š, NÄKM, s. 5) “а они говорят”; *däl'ges kaik nagrđaze* (Št, NÄKM, s. 103) “после все смеются”;

#### Средневепский диалект

*tuudas lapsod kodihe* (VI) “придут дети домой”; *tivüu mijau kaik d'ouhtas* (Kuja) “у нас все на жернове мелют”; *abajos rogod kazdas* (Päž, СВЯ, с. 17) “в заводи камыши растут”; *sumunke i gromunke ajetas razbainikad* (Šim, NÄKM, s. 227) “с шумом и громом разбойники едут”; *šiga sanutas susedad* (Jä, OBP, с. 22) “там скажут соседи”; *ihastudas mecnikad* (Jä, OBP, с. 9) “обра-

дуются охотники”; *ked nevestanke stolan taga ištias, ned abun anttas* (Vil, КСВЯ) “кто с невестой за столом сидит, те помощь оказывают”;

#### Южновепский диалект

*mamšid kezertas* (Sod, ОВР, с. 221 “бабушки прядут”; *kaks’ mecnikad kãudas* (Krl, ОВР, с. 261) “два охотника ходят”; *koirad homãtas, mãndas, nutaškatas* (Krl, ОВР, с. 261) “собаки замечает, побегут, залают”.

В этом случае следует говорить о том, что в обсуждаемой форме 3 лица мн. числа презенса выступает *особая* основа, которая ни в каких других формах не употребляется. Исторически это основа пассива настоящего времени. Суффикс пассива **-ta-**, **-da-** мы будем рассматривать как показатель основы презенса 3 лица мн. числа. Это явление подобным образом трактуется и в карельском языке (Зайков П.М., 1999, с. 66; 2000, с. 80–81), в котором, правда, исторически активные формы совсем не сохранились.

Таким образом, форма 3 лица мн. числа в отдельных говорах вепского языка имеет основу, исторически включающую в себя суффикс пассива **-ta-**, **-da-**, присоединяющийся к лексической основе презенса (*pãnda-s~pãnda-ze* “(они) кладут”, *lõuta-s~lõuta-ze* “(они) найдут”) и являющийся своеобразным показателем основы 3 лица мн. числа. Здесь имеет значение тот немаловажный факт, что при определении основы 3 лица мн. числа приходится оперировать и понятием основы названной формы и понятием “лексическая основа презенса” и опираться на обе эти основы. Употребление вариантов **-ta-** или **-da-** в качестве показателя основы 3 лица мн. числа презенса, как свидетельствует анализ лингвистического материала, зависит от качества именно *лексической* основы презенса, а также количества слогов в глагольной словоформе. Основа 3 лица мн. числа содержит показатель **-da-** в следующих случаях:

а) в двухсложных и четырехсложных одноосновных глаголах с инфинитивным показателем **-da** (при подсчете слогов во внимание бралась форма *инфинитива* вместе с ее морфологическим показателем): *sada* “получить”: *sada-s* “получат”; *lõda* “бить”: *lõda-s* “бьют”; *sõda* “есть”: *sõda-s* “едят”; *veda* “отнести”: *veda-s* “отнесут”; *varastada* “ждать”: *varastada-s* “ждут”; *ligotada* “замочить”: *ligotada-s* “замачивают”; *tomotada* “приглашать”: *tomotada-s* “приглашают”; *valatada* “крестить”: *valatada-s* “крестят”. Причем, северновепский диалект имеет одну важную особенность, выделяющую его на фоне других диалектов: в *четырёхсложных* одноосновных глаголах с *лексической* основой презенса на **-a-**, к которой присоединяется показатель основы 3 лица мн. числа, при образовании обсуждаемой формы происходит звукопереход – **a>e**, после которого всегда употребляется вариант показателя основы **-ta-** (а не **-da-**, как это имеет место в других диалектах): *varastada* “ждать” – лексическая основа



varasta-, в которой конечный **-a->-e-** varasteta-ze “ждут”, ligotada “замачивать” – лексическая основа ligota-, где **-a->-e-**, ligoteta-ze “замачивают”, tomotada “приглашать”, лексическая основа tomotata-: tomoteta-ze “приглашают”, valatada “крестить”, лексическая основа valata-: valateta-ze “крестят” и т. д.;

б) в двухосновных глаголах с инфинитивом на **-da**, согласная основа презенса которых оканчивается на **-l-, -r-, -m-, -n-, -g-, -v-, -z-, -ž-**: nolda-s (nolda-ze) “лижут”, purda-s (purda-ze) “кусают”, poimda-s (poimda-ze) “собирают”, sugda-s (sugda-ze) “расчесывают”, kodvda-s (kodvda-ze) “проверяют”, grazda-s (grazda-ze) “грозят”, lāžda-s (lāžda-ze) “лежат”.

В основе 3 лица мн. числа в качестве ее показателя выступает вариант **-ta-** в следующих случаях:

а) во всех диалектах у одноосновных глаголов с инфинитивом на **-ta** с двумя типами гласных основ (долгой и краткой). Причем в этом случае в форме 3 лица мн. числа в качестве части основы выступает вариант *краткой* лексической основы: paimeta “пасти”: paimeta-s (paimeta-ze) “пасут”, valita “выбирать”: valita-s (valita-ze) “выбирают”, čiraita “журчать”: čiraita-s (čiraita-ze) “журчат”;

б) у одноосновных *трехсложных* глаголов с инфинитивом на **-da**: sanuda “сказать”: sanuta-s (sanuta-ze) “скажут”, kudođa “ткать”: kudota-s (kudota-ze) “ткут”, venuda “лежать”: venuta-s (venuta-ze) “лежат”, mülüda “вмещаться”: mülüta-s (mülüta-ze) “вмещаются”; palada “гореть”: paleta-s (paleta-ze) “горят”. При анализе языкового материала мы обратили внимание на то, что слоговая структура слова в вепсском языке тесно связана с грамматической формой, как об этом свидетельствовали и приведенные выше примеры. Данное правило проявляется не только в глагольных словоформах 3 лица мн. числа, но и в некоторых других грамматических формах. Правда, следует отметить, что при образовании формы 3 лица мн. числа действию названной закономерности более подвергнуты глаголы северновепсского диалекта, где она прослеживается почти без исключений. В средне- и особенно южновепсском диалекте встречаются исключения, где могут сказать kudotas и kudodas “ткут”, vidotas и vidodas “треплют”, хотя и здесь заметна тенденция на употребление варианта исхода основы на **-ta-**. Кроме того, в глаголах данной группы, обладающих двусложной лексической основой на **-a-**, при присоединении к ней показателя основы 3 лица мн. числа **-ta-** конечный гласный лексической основы **a>e**: aja-n “(я) еду” ~ ajeta-s “(они) едут”, vala-n “(я) наливаю” ~ valeta-s “(они) наливают”; pala-n “(я) горю” ~ paleta-s “(они) горят”; veda-n “(я) веду” ~ vedeta-s “(они) ведут”;

в) во всех диалектах у двухосновных глаголов с инфинитивом на **-ta** и согласной основой в презенсе на **-c-, -č-, -s-, -š-, -p-, -t-, -k-, -h-**: kucta

“звать”: *kucta-s* (*kucta-ze*) “зовут”, *ličta* “запихивать”: *ličta-s* (*ličta-ze*) “запихивают”, *hōpsta* “бродить”: *hōpsta-s* (*hōpsta-ze*) “бродят”, *čapta* “резать”: *čapta-s* (*čapta-ze*) “режут”, *ohkta* “охать”: *ohkta-s* (*ohkta-ze*) “охают”, *jouhta* “молотъ”: *jouhta-s* (*d’ouhta-ze*) “мелют”.

Показатель пассива **-ta-**, **-da-**, превратившийся в вепсском языке в его синхронном состоянии в 3 лице мн. числа презенса в показатель основы, восходит исторически к каузативному суффиксу **\*-tA**, относительно которого существует дискуссия, был ли в анлауте суффикса представлен одиночный согласный или была гемината, как это сейчас имеет место, например, в финском языке (Häkkinen K., 1985, s. 105-106). Кроме того, существует предположение, что главный компонент суффикса – **-t** – возможно, являлся по значению рефлексивным суффиксом (Hakulinen L., 1979, s. 243).

При построении формы 3 лица мн. числа презенса к ее особой основе присоединяется в зависимости от диалекта окончание **-s** или **-ze**: *käuda-s* (*käuda-ze*) “(они) ходят”, *varastada-s* (*varasteta-ze*) “(они) ждут”, *seišta-s* (*seišta-ze*) “(они) стоят”. Варианты окончаний **-s** и **-ze** восходят к бывшему окончанию пассива презенса **\*-ksen** (напр. *sadas* “добраться” <\*sā(t)a-k-sen: Kettunen L., 1943, s. 422; Hakulinen L., 1979, s. 240), где **k** – древний показатель презенса, **-sen** – суффикс 3 лица ед. числа. Л. Кеттунен таким образом определяет звукопереходы, происшедшие в вепсском языке в звуковом комплексе древнего показателя: **-s<-ksen: ks>ss>s** (Kettunen L., 1960, s. 47). Причем, забегая вперед, отметим, что в некоторых вепсских говорах, о чем будет сказано позднее более подробно, жива и форма показателя **-kse**, которая приобрела свою определенную грамматическую функцию показателя рефлексивного инфинитива (*peštakse* “мыться”) и рефлексивного причастия актива (*pežnukse* “мывшийся”). Проиллюстрируем употребление обсуждаемой формы 3 лица мн. числа в диалектах вепсского языка:

#### Средневепсский диалект

*ümbri kandos kazdas uded vezad* (Pnd, КСВЯ “вокруг пня растут новые побеги”); *ganišankorvaižed kazdas kuivau sijäu mäguduu* (Pnd, КСВЯ “ландыши растут на сухом месте, на пригорке”); *vei, prorvad, rästtas söda* (Kuja, 3402 “вот обжоры, столько едят”); *prihad štanad käritas kombuihesai* (Kuja, 3402 “парни закатают штаны до колен”); *hajučpenzhad jogerandoidme kazdas* (Päž, КСВЯ “кусты смородины по берегам рек растут”); *haragad tehtas pezad reideižiš pihkuiš* (Šim, КСВЯ “сороки делают гнезда в ивовых кустах”); *rahvaz kogoil siištās* (Jä, СВЯ, с. 215) “люди стоят группами”; *juusned letas lämme maihe* (Vil, КСВЯ) “лебеди летят в теплые страны”.

#### Южновепсский диалект

*mamšid kezertas* (Sod, ОВР, с. 221) “бабушки прядут”; *kaks’ mecnikad käudas* (Krl, ОВР, с. 261) “два охотника ходят”; *koirad homatas, mändas, nutaškatas* (Krl, ОВР, с. 261) “собаки заметят, пойдут, будут лаять”.

В северновепском же диалекте из бывшего окончания пассива \*-sen выпал только -n. Более того, в северновепском диалекте -s-, находясь в интервокальной позиции, озвончился (-s->-z-), что также произошло в соответствии с законами развития вепского языка, о чем была речь выше, и, таким образом, окончание в настоящее время имеет вид -ze:

#### Северновепский диалект

dengad iilä gribad, kazdaze i tal'vel (Vhk, VRS, lk 140) “деньги не грибы, растут и зимой”; ho toine tošt navedtaze (Š, СВЯ, с. 354) “они друг друга любят”; rodn'ad oma, ka tetaze (Št, 3387) “они родня, так знают”; mužikad ne gaukad rataze (Št, 3386) “мужчины, бедняги, работают”; kaik krugom isttaze kožlideke (Kask, 1502) “все кругом сидят с прялками”; puud paletaze hivin (Toižeg) “дрова хорошо горят”; kalanikad oma kodval, verkod kodvdaze (Kaleig, СВЯ, с. 214) “рыбаки проверяют сети”.

Как показывает анализ материала, обсуждаемая форма 3 лица мн. числа достаточно редка в южновепском диалекте. В нем в качестве формы 3 лица мн. числа продолжают употребляться активные по происхождению формы.

Следует отметить, что в говорах вепского языка можно встретить случаи употребления обеих форм 3 лица мн. числа (то есть формы на -ba~ -bad и -s ~ -ze) в речи одного информанта и даже в одном предложении. Это характерно особенно для северновепского диалекта: todaze baboid da lukad paba (Št, 3384) “принесут бабули да луку кладут”; hö tuloba da kaik sijad tehtaze (Št, 3384) “они придут и все сделают”; a potom mužikad ottaze i paba sinna suleid (Toižeg, 3386) “а потом мужчины возьмут и нальют туда суслa”. Это еще раз подчеркивает, насколько жив процесс отбора грамматической формы: он практически сворачивается на наших глазах. К сожалению, вепский язык практически не располагает памятниками письменности, и поэтому трудно судить, как давно начался процесс замены одной формы другой. В работах финских исследователей вепского языка XIX века уже можно было встретить обе формы, напр.: *algatei kerakei itseletei elot mual, kus koi i roste sööb, i kus vorad kaivetas i voruitas* (E. Lönnrot, 1853, s.27) “не ищите себе богатство на земле, где его попортит моль и ржавчина, и где воры найдут и уворуют”; *penes järvuodes lahnaiset väitas* (A. Ahlqvist. 1861, s. 63) “в маленьком озере лещи играют”.

Х. Базилиер, кроме того, в качестве формы 3 лица мн. числа презенса индикатива в исаевских говорах указал форму *andtat* “(они) делают”. Является ли конечный -t ошибочным? В кратком приложении из образцов речи, содержащемся в работе, обнаружить в контексте названную форму не удалось. Кроме того, сам автор работы признался, что к моменту его посещения данной группы вепсов говор подвергся значительной русификации, и ему не удалось обнаружить полной парадигмы глагола (Basilier Hj., 1890, s. 73). В работе приведена лишь краткая таблица из лично-числовых форм презенса и имперфекта индикатива вне контекста.

Следует отметить, что активизация пассивных форм и употребление их в значении 3 лица мн. числа существует во многих родственных прибалтийско-финских языках; причем отмечается, что в этом можно наблюдать влияние русского языка (конструкций типа “говорят, что бабушка дома”). Финский лингвист Нирви Р.Э., занимавшийся исследованием активизации пассивных по происхождению форм, проанализировал образцы вепсской речи Кеттунена – Сиро (Kettunen L., Siro P., 1935) на предмет встречаемости в них активных и пассивных по происхождению форм 3 лица мн. числа. Образцы речи, изданные в середине 30-х годов XX века, содержат зафиксированную речь людей конца XIX и самого начала XX века, то есть фактически речь вепсов более чем сто лет назад. На 43 страницах северновепских текстов пассивная по происхождению форма была употреблена в значении 3 лица мн. числа 155 раз, в то время как активная по происхождению форма только 5 раз. На 24 страницах средневепских текстов встретилась 41 раз пассивная по происхождению форма и 81 – активная. В южновепских текстах на 55 страницах удалось зафиксировать 163 случая употребления активной по происхождению формы и всего 50 случаев пассивной (Nirvi R.E., 1947, s. 12). Выводы примерно те же самые, к которым пришли и мы при анализе современного вепсского материала. Интересно, что не произошло резкого скачка в победе пассивных форм над активными. Ситуация осталась стабильной на временном отрезке более чем в сто лет, что свидетельствует о том, что процесс отбора грамматической формы не настолько скор. В нашей работе нет статистических подсчетов, но имеющийся в нашем распоряжении материал также подтверждает полученные Нирви выводы. Пассивная по происхождению форма в значении 3 лица мн. числа практически одержала победу в северновепском диалекте. Думается, что и здесь можно отметить несомненное влияние на северновепский диалект карельского языка, в котором активные по происхождению формы совсем не сохранились. Южновепский диалект находится в этом случае как бы в полярном соотношении с северновепским диалектом: в нем достаточно сильна позиция активных по происхождению форм. Причем, названные формы часто употребляются и в чисто пассивном значении (*meiden derenas paštaba tuga* “в нашей деревне пекут так”; *sanuba, miše hän om ajand* “говорят, что он уехал”), то есть идет интенсивный процесс смешения и неразграничения форм и значений и утраты пассива как категории. В средневепском диалекте произошло своеобразное распределение ролей: активная по происхождению форма употребляется в имперфекте (*sanuiba* “(они) сказали”, *tuliba* “(они) пришли”), пассивная же – в презенсе (*sanudas* “(они) говорят”, *tuudas* “(они) придут”).

Для младописьменного языка в качестве орфографической нормы

выбрана, на наш взгляд, достаточно обоснованно форма 3 лица мн. числа с лично-числовым окончанием **-ba**:

*Libuda om tulnu aig, irdal lapsed vändaba* (MS, lp. 15) “Пора просыпаться, на улице ребята играют”. *Kidastaba jänišad händikahan polhe* (LPV, 31) “Кричат зайцы о волке”. *Käded sinun mamal oma kuldaized, kaik necen tedaba* (IL, lp. 37) “Руки у твоей мамы золотые, все это знают”.

Основанием для выбора послужило то, что названный вариант в той или иной степени известен всем говорам вепсского языка, как об этом свидетельствовал и анализ диалектного материала. Кроме того, данный выбор будет способствовать формальному различению категорий актива и пассива в их грамматической оформленности, которые обе, в отличие, скажем, от карельского языка, живы в вепсском языке. Правда, употребление их пестрое и не достаточно регулярное, возможны замены одной формы другой. Кроме того, окончательное решение вопроса о выборе формы 3 лица мн. числа в качестве литературной нормы зависит, конечно же, от творчества писателей и поэтов. Известный сейчас на вепсской земле поэт Николай Абрамов, представитель средневепсского диалекта (с. Ладва Подпорожского района Ленинградской области), предпочитает в своих стихах использовать в значении 3 лица мн. числа пассивную по происхождению форму с окончанием **-s** (см. о формировании письменных традиций вепсского языка и вепсской литературы, Zaitseva N., 1999, s. 108–116, Зайцева Н.Г. 2000, с. 420–448):

*Pigai langetas sügüzen kuldad, pihlän lämoin-kiambutab vihm* (Kurg, lp. 21). “Скоро опадет золото осени, а огонь рябины погасит дождь”; *Külä ei magada, lämoid vól paladas, tusttuda ei sinun tö. Tähthaižed pöudoile sel’gendust valadas, tünäine pakaizes ö* (Kodir, lp. 9). “Деревня не спит, огни еще горят. Тревожиться – не твоя забота. Звезды льют свой свет на поля, спокойна на морозе ночь”.

### Отрицательные формы

Отрицательные формы мн. числа в вепсском языке, в отличие, например, от финского и карельского языков, где основной глагол выступает лишь в форме гласной основы и где главную нагрузку при отрицании и указании на лицо несет отрицательный глагол (*emme lue* “не читаем”; Зайков П.М., 2000, с. 44: а тоато žапои: *emmä lähe* “а мама сказала: не пойдём”), строятся при паритетном участии отрицательного и основного глаголов. При образовании отрицательной формы в вепсском языке участвуют: а) отрицательный глагол, к которому присоединяются лично-числовые окончания, как это происходит и в других прибалтийско-

финских языках; 2) специфическая форма смыслового глагола, которая выступает лишь в отрицательных конструкциях и которая включает в себя формант **-koi, -goi**, присоединяющийся к основе презенса: em tulgoi “не придем”, em lugekoi “не читаем”, em varastagoi “не ждем”, em pagiškoi “не говорим”. Очевидно, вепсский язык стремился грамматически более четко закрепить различие между отрицательными формами ед. и мн. чисел. Предполагается, что названный формант, употребляемый со смысловым глаголом, сложен по своей структуре: он состоит исторически из двух частей – **\*-ka-** + **-i-**. В этом звуковом комплексе **-k-** является продолжателем древнего показателя презенса **\*-k**, который существовал и в форме **\*-ka-**, как это имеет место в императиве (Kettunen L., 1943, s. 441; 1960, s.49). В вепсском варианте имеется еще вторая составляющая часть форманта – показатель множественности **-i-**, который в истории вепсского языка был достаточно активен при образовании и других лично-числовых окончаний мн. числа (tule-meï “мы придем”, tule-tei “вы придете”, emei tule “мы не придем” и т.д.). В процессе исторического развития, по мнению Кеттунена, в определенной позиции **ai > oi**, а затем сказалось действие закона аналогии, и в вепсскую грамматику вошел формант **-koi**. Правда, например, в финском языке в отрицательной конструкции императива в основном глаголе может также выступать форма с ауслаутом на **-ko** (älkäälukeko “не читайте”), которую трактуют как оптативную, обладающую более значением пожелания или призыва, нежели прямого приказа. Как отмечает К. Хяккинен, происхождение вепсского форманта (**ko < \*ka-j**) – реконструкция, основывающаяся, прежде всего, именно на вепсском материале, где особенностей оптативного значения не выявляется (Häkkinen K., 1985, s. 109). В интервокальной позиции, а также в позиции после звонких согласных появился вариант **-goi**. У каждого из названных вариантов (**-koi, -goi**) в современном вепсском языке свои условия употребления. Формант **-koi** присоединяется:

а) к краткой гласной основе глаголов, обладающих двумя типами гласных основ: paimeta “пастись”: em paimе-koi “не пасем”, valita “выбирать”: em vali-koi “не выбираем”, šlābāita “болтаться”: em šlābāi-koi “не болтаемся”: kumaita “опрокинуть”: em kumai-koi “не опрокинем”; varaita “бояться”: em varai-koi “не боимся”; säraita “дрожать”: em särai-koi “не дрожим”;

б) к согласной основе двухосновных глаголов, оканчивающейся на глухие **-s-, -š-, -p-, -t-, -k-, -h-, -c-, -č-**: kasta “намочить”: em kast-koi “не намочим”; pagišta “говорить”: em pagiš-koi “не говорим”; lopta “заканчивать”: em lop-koi “не заканчиваем”; kusta “звать”: em kus-koi “не зовем”; ličta “запихнуть”: em lič-koi “не запихиваем”; jauhta “молоть”: em jauh-koi “не мелем”.

Формант **-goi** выступает в следующих случаях:

а) в одноосновных глаголах с одним типом гласной основы: sada

“получить”: *em sa-goi* “не получим”: *toda* “принести”: *em to-goi* “не принесем”; *veda* “привести”: *em ve-goi* “не приведем”; *varastada* “ждать”: *em varasta-goi* “не ждем”; *sädatada* “одевать”: *em sädata-goi* “не одеваем”; *valada* “наливать”: *em vala-goi* “не наливаем”; *sidoda* “завязывать”: *em sidogoi* “не завязываем”;

б) в двухосновных глаголах после согласной основы на звонкие *-l-, -r-, -m-, -n-, -z-, -ž-, -g-, -v-*: *nolda* “лизать”: *em nol-goi* “не лижем”; *purda* “кусать”: *em pur-goi* “не кусаем”; *poimda* “собирать”: *em poim-goi* “не собираем”; *panda* “класть”: *em pan-goi* “не кладем”; *grazda* “грозить”: *em graz-goi* “не грозим”; *läžda* “лежать”: *em läž-goi* “не лежим”; *sugda* “причесывать”: *em sug-goi* “не причесываем”; *travda* “испортить”: *em trav-goi* “не испортим”. Таким образом, следует отметить, что смысловой глагол с формантом *-koi-, -goi* в вепском языке несет важную дополнительную информацию об отрицании. Если в прочих прибалтийско-финских языках смысл отрицания сосредоточен в отрицательном глаголе (напр. финск. *emme kirjoita* “(мы) не пишем”, карельск. *emma takua* “(мы) не спим”), то в вепском языке и смысловой глагол в презенсе имеет свою особую форму, которая сигнализирует о том, что тот или иной глагол стоит в форме отрицания (*em kirjutagoi* “не пишем”, *em magakoi* “не спим”).

Отрицательная форма I лица мн. числа по диалектам представляет собой следующую картину:

#### Северновепский диалект

*možot i seičas kazvab*, а мө *otki em nenid senid ka* (Kask, 1502) “может и сейчас растет, а мы не берем этих грибов”; *em lähkki tämbei mö nikuna* (Kaleig) “не пойдем сегодня никуда”; *nügude mö, emagad, em pidagi živatad ka* (Št, 3389) “теперь мы, хозяйки, скот не держим”; *em pangj liibad koumeizele* (Š) “не кладем хлеб на могилки”;

#### Средневепский диалект

*em praznuigoi heid nikut* (Pnd, ОВР, с. 152) “мы никак не празднуем”; *sapkad oma da em pangoi, žar* (Pnd, 3389) “сапоги есть, да не надеваем, жарко”; *nügüd’ mö em güutkoi* (Pnd, 3401) “теперь у нас нет времени”; *kodihe em toskekj* (Kuja, 3394) “домой не приносим”; *mö em pagiškj ičemj telüu* (Kuja) “мы не говорим на родном языке”; *suress pühäs-so vüu em sögj maidod* (VI, 2290) “в великий пост молоко не едим”; *tomaižid nimida em ankoj* (VI, 3391) “гостинцев не даем”; *mö emai mahtkoi* (Särg, ОВР, с. 74) “мы не умеем”; *ižand kalanik, kalata em elägoj* (Šim, СВЯ, с. 173) “хозяин рыбак, так без рыбы не живем”; *tedamei, em tekoi*, а *kirjan lukt’a tariž* (Jä, ÎBP, с. 21) “знаем, не знаем, а читать книгу надо”; *emei tekoi, kuna mända* (Jä) “не знаем, куда идти”; *eme lugegoj necida knigad* (Jä) “не читаем эту книгу”; *emai lähkkoj nikuna* (Noid, КСВЯ) “не пойдем никуда”;

Как свидетельствует языковой материал, в северно-вепском диалек-

те отрицательный глагол имеет такой же вариант лично-числового окончания, как и положительная форма, то есть **-m**: *em lähki* “не пойдём”, *em pidagi* “не держим”, *em rangi* “не кладем”. Формант же **-koi**, **-goi**, присоединяемый к основному глаголу, претерпевает в говорах северновепского диалекта некоторые изменения: в нем произошел переход **-koi (-goi) > -ki (-gi)**: *em pidagi* “не держим”, *em tukki* “не узнаем”, *em veggi* “не унесем”, *em mänetagi* “не потратим”, то есть осуществилось стяжение дифтонга. Данное явление свойственно и другим формам северновепского диалекта, например: *kanjd* “кур” (ср. в других диалектах *kanoid*); *põudjl* “на полях” (ср. *põudoil*); *lõubi* “поднялся” (ср. *libui*) и т. д., и, таким образом, формант **-koi**, **-goi** находится в поле деятельности одной и той же фонетической закономерности.

В средневепском диалекте само лично-числовое окончание 1 лица мн. числа в отрицательном глаголе имеет по говорам достаточно много вариантов: **-m**, **-me**, **-mei**, **-mai**, параллельных вариантам лично-числовых окончаний в положительных формах, о происхождении которых речь была выше в соответствующем разделе. В смысловом глаголе формант **-koi (-goi)** в основном сохраняется в данном виде, хотя в говорах, например, восточных вепсов (войлахотский и куйский говоры) также намечается переход **-koi (-goi) > -ki (-gi)**, который еще пока нельзя назвать регулярным.

#### Южновепский диалект

в образовании отрицательных форм стоит особняком. Покажем это на примерах:

*kromäzid emä rohti söda* (Vg, СВЯ, с. 504) “и кусочка не смеем съесть”; *emae mäne i sabutada* (Sod, ОВР, с. 235); “не пойдём провожать”; *kristad muštmizihesä emä pane* (Sod, ОВР, с. 241) “крест до поминок не ставим”; *emä lähte tämbä mecha* (Krl) “не пойдём сегодня в лес”; *emä ota, ika gonib, basimä, koir* (Sod, ОВР, с. 209) “не возьмем, а то прогонит, говорим, собака”.

В южновепском диалекте формант **-koi (-goi)** не принимает участия в образовании отрицательных форм: в ее образовании участвует лишь отрицательный глагол, который употребляется с тем же окончанием, что и глагол в положительной форме. Смысловый глагол выступает в форме чистой гласной основы (в случае, когда у глагола две гласных основы, то долгой гласной основы), обладая положением вещей, идентичным родственным прибалтийско-финским языкам: *emä mäne* “не пойдём”; *emä oigenda* “не отправим”; *emä sädata* “не наденем”; *emä valiče* “не выберем” (ср. финск. *emme mene* “(мы) не пойдём”, *emme valitse* “(мы) не выберем”).

Отрицательная форма 2 лица мн. числа образуется параллельно 1 лицу:

#### Северновепский диалект

*et ni rižagi nimida* (Kaleig, 3396) “ничего не чувствуете”; *ed i mahtki* (Št, 3388) “и не умеете”; *kävugji-ki ed klubha* (Kask, 3402) “и в клуб не ходите”;



*et tulgi mijale nikonz gost'he* (Kaleig) “не приходите никогда к нам в гости”;  
Средневеппский диалект

*a et lähtkoi*, *ka kaikid survon atavolo* (Pnd, СВЯ, с. 49) “не пойдете, так всех в порошок сотру”; *ed melüu rakoi*, *a telüu ka* (Kuja) “не умом работаете, а языком”; *ka mida*, *ed voigi miid varastada?* (VI) “так что, не сможете нас подождать?”; *etei tekoi nemida*, *a ličetoi* (Jä) “не знаете ничего, а пихаетесь”; *ka tii miid et küzgoi nimiš* (Vil) “так вы ни о чем нас не спрашиваете”.

Как свидетельствуют примеры, при образовании отрицательной формы 2 лица мн. числа в северно- и средневеппском диалектах отрицательный глагол стоит в форме 2 лица мн. числа, обладая теми же вариантами окончаний, которые употреблялись и в положительных формах и о происхождении которых речь была выше, а смысловой глагол выступает с формантом *-koi*, *-goi* (*-ki*, *-gi*) с теми же условиями присоединения его к основе, что и в 1 лице мн. числа (*et mängo* “не пойдете”, *et armastago* “не любите”, *et väzugo* “не устанете”, *et kerakoi* “не собираете”, *et semekoi* “не сеете”).

В южновеппском диалекте

при образовании обсуждаемой отрицательной формы картина идентична 1 лицу мн. числа, то есть отрицательный глагол присоединяет к себе окончание 2 лица мн. числа, а смысловой выступает в форме долгой гласной основы:

*etā usko ka darom* (Čg, СВЯ, с. 67) “не верите, так не надо”; *samvarad-se etā lämbita?* (Krl) “самовар-то не поставите?”; *etai ehti ka nemida* (Ars) “не успеете, так ничего”; *tö-se etā tule mijale kirjutamha?* (Mg) “а вы к нам не придете записывать?”

В 3 лице мн. числа отрицательный глагол в северно- и средневеппском диалектах стоит в форме *ei*, которая часто модифицируется в вариант *ii* в обоих диалектах:

Северновеппский диалект

*ii ni d'oge* *lapsed kävugi* (Št, 3386) “дети не ходят на реку”; *ii mängi akeižed bes'odale* (Kaleig, 3385) “женщины не пойдут на беседу”; *ka nene prihad ii mahtki kargeita-se*, *vaise hüptaze* (Kask, 3385) “так ведь эти парни и плясать не умеют, только прыгают”; *hot' uittaze hö*, *hot' ii uitki* (Š) “хоть уйдут они, хоть не уйдут”.

В названном диалекте можно обнаружить отрицательные формы 3 лица мн. числа, в которых глагол *olda* “быть” стоит в форме 3 лица ед. числа. Причем форма заметно стяжена: *sed kalitad iilä muiktad* (Št, 3384) “те калитки некислые”; *iilä hondod sapkadse* (Kask, 3381) “сапоги неплохие”; *miide därved iilä mudakhad* (Š, 3385) “наши озера неилистые”. В данных примерах глагол *iilä<ei ole* “не есть” входит в состав именного составного сказуемого и, имея значение части какого-то признака (некислый, непло-

хой, неилистый), употребляется в ед. числе, хотя подлежащее стоит в форме мн. числа;

#### Средневепский диалект

*g'augad ii kankoi* (Pnd, СВЯ, с. 178) “ноги не несут”; *erased ii pidagoi nikut vazad kodiš* (Pnd, 3401) “некоторые совсем теленка дома не держат”; *ülemba päd korvad ii kazgoi* (Pnd, СВЯ, с. 185) “уши выше головы не растут”; *akad kezortas, ii magaki* (Kuja, 3389) “женщины прядут, не спят”; *tedrot kukurtas, hõ kukurtas, ii kimgi* (VI, 2290) “тетерева чуфыркают, они чуфыркают, не токуют”; *havad riigukaz, ii püžugoi jüväd* (Päž, СВЯ, с. 446) “мешок дырявый, зерно не держится”; *kodihe öks ii tuugoi* (Päž, ОВР, с. 68) “домой на ночь они не придут”; *tor'hed hougod päčiš šihaitas, ii palagoi* (Jä, СВЯ, с. 543) “сырые дрова в печи шипят, не горят”; *ii tulgoi lapsed tijale* (Vil) “не придут к вам дети”; *ii roditel'an armod-ne lingoi, lindas verhad vilud armoized-ne* (L, ОВР, с. 37) “ласки-то не будут родительскими, ласки-то будут чужими да холодными”; *nagrhed ei vöi äjal surod ougoi* (L, NÄKM, 382) “плоды репы еще не очень большие”.

Формы 3 лица мн. числа в системе говоров вепского языка южно-вепского диалекта вновь стоят особняком. Отрицательный глагол здесь имеет форму *eba~ebad* (ср. финск. *eivät*), где *-bad*, *-ba* – это окончание 3 лица мн. числа. Причем, следует отметить, что южновепский вариант отрицательного глагола 3 лица мн. числа *eba (ebad)* по построению более древен, чем, например, идентичный ему финский литературный вариант *eivät*. В вепской форме лично-числовое окончание присоединяется непосредственно к основе отрицательного глагола, в то время, как в финском варианте лично-числовое окончание следует за формой *ei*, которая выступает в 3 лице ед. числа (то есть *e-i-vät*: Häkkinen K., 1985, s. 121). В финском диалекте саво, правда, также отмечается с пометой как исключительно редкая форма отрицательного глагола *evät*, идентичная вепской (Savijärvi I., 1988, s. 75). Любопытно, что вепский язык сохраняет в фонетике и грамматике по многим позициям наиболее древнее положение вещей, о чем свидетельствует и проиллюстрированный факт.

Смысловой же глагол в отрицательной конструкции 3 лица мн. числа в южновепском диалекте, как это было указано ранее и в 1 и 2 лицах мн. числа, остается в форме гласной основы.

#### Южновепский диалект

*a hänele ebad mülü sapkad jägõhe* (Sod) “а ей сапоги не влезают”; *vedekhad haugod ebad pala* (Vg, СВЯ, с. 58) “сырые дрова не горят”; *pästred eba pästa vet* (Vg, СВЯ, с. 453) “коstriка не пропускает воду”; *emagad eba pašta muga* (Ars) “хозяйки так не пекут”; *eba sanu mužikad, hot' čapa hiid* (Vg) “мужчины не говорят, хоть режь их”; *raimned eba avaida, kut živatad kääleba* (Mg) “пастухи не раскрывают (тайны), как скот пасется”.

В вепском языке, как и в прочих родственных языках, отрицательный глагол в отрицательной конструкции в формах ед. и мн. чисел стоит перед основным глаголом: *en tule* “не приду”, *ed mušta* “не помнишь”, *ii pagiže* “не говорит”. Однако довольно часто можно встретить и такие конструкции, в которых отрицательный глагол находится после основного глагола либо даже в конце предложения, далеко отстоя от основного глагола: *uk ištub, ii teda, midä sanoda, venäks-se mahta ii* (Jä, ОВР, с. 25) “старик сидит, не знает, что сказать, по-русски-то не говорит”; *niken perehnikoišpei abuta hänele ei* (Kask, 1502) “никто из членов семьи ему не помогает”; *ka jo tule enambad tijale en* (Krl, КСВЯ) “так уж больше к вам никогда не приду”; *levitelen, a levizu i* (Noid, Kettunen, 1943, s. 722) “расстилаю, а она не расстилается”; *tö, grähkhižed, enambad žertvad kandišeškoi et* (Särg, ОВР, с. 74) “а вы, грешники, больше не будете жертвы приносить”. Подобное явление отмечается и в карельском языке: *nügoi robehtu ni nähta ei* “теперь тусков не видно”; *enämbiä jo n'i hebo viä ei* “больше лошадь не потянет” (Зайков П.М., 2000, с. 141). И. Савиярви, занимавшийся исследованием отрицательных конструкций в прибалтийско-финских языках (см. напр. Savijärvi I., 1977; 1978) – в том числе и обсуждаемого явления – пришел к выводу, что причиной инверсии послужило влияние русского языка, откуда была заимствована отрицательная частица *ni*. Названная частица стала принимать участие в образовании отрицания, оттеснив отрицательный глагол, который встал позади смыслового глагола (Savijärvi I., 1978, 155). В соответствии с его точкой зрения, отрицательный глагол стал постепенно терять функцию отрицания, указывая лишь на лицо и число. В вепском языке, особенно в северновепском диалекте, действительно нередки подобные конструкции: *ni tule en* “я не приду”, *mina ni näge en* “а я и не вижу”. Другие же диалекты не изобилуют подобной конструкцией, хотя, по мнению Савиярви, именно вепский язык мог послужить источником ее появления и в карельском языке (Savijärvi I., 1978, s. 148). Очевидно, отчасти можно согласиться с данным объяснением. Однако считать, что отрицательный глагол в этом случае утратил значение отрицания, нет достаточных оснований, поскольку в данных конструкциях отрицание еще более энергично. Если будет сказано: *minä en tule* “я не приду” – то это обычное выражение, из которого становится ясно, что человек по какой-то причине не придет, но вполне возможно, что он придет позже. Но если звучит фраза: *minä tule en*, то в этом случае отказ прийти не подлежит обсуждению, а отрицание значительно более весомое и категоричное. Кроме того, в диалектах вепского языка совсем не обязательно употребление отрицательной частицы *ni*. Чаще всего ее нет, и словосочетание звучит, как: *mäne en* “не приду”, *tege en* “не сделаю”, *vastta en* “не встречу” и т. д. Большую категоричность отрицания в данной кон-

струкции отмечал и Л. Кеттунен при исследовании синтаксиса вепских диалектов (Kettunen L., 1943, s. 436). Очевидно, положение отрицания в конце предложения приобретает дополнительное логическое ударение, которое и делает его более категоричным.

В младописьменном вепском языке функционирует следующая парадигма спряжения глаголов во мн. числе в положительных и отрицательных формах:

положительная форма	отрицательная форма
1 л. sanum “скажем”, sädatam “оденем”, valičem “выберем”, tulem “придем”;	em sanugoi “не скажем”, em sädatagoi “не оденем”, em valikoi “не выберем”, em tulgoi “не придем”;
2 л. sanut “скажете”, sädatat “оденете”, valičet “выберете”, tulet “придете”;	et sanugoi “не скажете”, et sädatagoi “не оденете”, et valikoi “не выберете”, et tulgoi “не придете”;
3 л. sanuba “скажут”, sädataba “оденут”, valičeba “выберут”, tuleba “придут”	ei sanugoi “не скажут”, ei sädatagoi “не оденут”, ei valikoi “не выберут”, ei tulgoi “не придут”

Поскольку младописьменный вепский язык создается на наших глазах и отдельные моменты его грамматики совершенно сознательно отбираются для его орфографической нормы из ряда всех диалектных форм, то хотелось бы сделать некоторые выводы по поводу совокупности функционирования представленной нормы. Как свидетельствует приведенный в общем виде в таблице материал младописьменного вепского языка по лично-числовым формам мн. числа, в качестве орфографической нормы употребляются далеко не всегда более древние формы. В учебных пособиях поддержку получили наиболее распространенные формы, понятные большему количеству лиц, владеющих вепским языком. Вепский язык в основе своей – язык агглютинативный, характеризующийся наличием формы с присущим ей содержанием, то учитывался, по возможности, и этот важный момент. Так, при совпадении в процессе исторического развития языка в северновепском и восточных говорах средневепского диалекта (куйско-пондальский куст говоров) форм 2 лица ед. и мн. чисел (sinä tuled “ты придешь” и tö tuled “вы придете”) в качестве орфографической нормы принята оппозиция лично-числовых окончаний --d ~ -t: tuled “(ты) придешь”, tulet “(вы) придете”), тем более, что эта оппозиция действительно жива и функционирует в языке. Далее, при вариативности лично-числовых показателей 3 лица мн. числа предпочтение отдано активным по происхождению формам с окончанием -ba: rajataba “поют”, lugeba “читают”. Данные формы наиболее логичны и

понятны, поскольку в них при образовании форм ед. и мн. чисел выступает одна и та же основа глагола (*pajata-b* “поет”, *pajata-ba* “поют”; *luge-b* “читает”, *luge-ba* “читают”), что при изучении языка воспринимается значительно легче и проще. Немаловажен и тот факт, что подобное решение вопроса позволяет формально различать активные и пассивные формы, что при преподавании языка также играет существенную роль. Что же касается того, что в грамматике глагола для письменного языка в качестве орфографической нормы для 1 и 2 лиц избрана форма с более кратким вариантом окончания, то есть *-m* и *-t* (в говорах, как об этом речь была выше, употребляются формы с окончаниями для 1 лица: *-m*, *-me*, *-mei*, *-mai*, *-mā*: – *tulem~tulemei~tuleme~tulemai~tulemā* “(мы) читаем”; для 2 лица: *-t*, *-te*, *-tei*, *-tā* – *luget~lugetei~lugete~lugetā* “(вы) читаете”), то и этому есть свое объяснение: это позволяет формально более наглядно различать личнословесные формы основного и возвратного спряжений. Как это будет показано позднее, окончанием 1 лица ед. числа возвратного спряжения является *-mei*, 2 л. ед. числа – *-tei*, *-toi*, что вызывает некоторое смещение звуковых комплексов окончаний возвратного и основного спряжений. Выбор же вариантов окончаний, не совпадающих внешне, позволяет наглядно, без контекста, разграничивать названные грамматические формы, что при изучении языка чрезвычайно важно (ср. *pezem* “(мы) моем”, *pezemoi* “(я) умываюсь”; *sädam* “(мы) одеваем”, *sädamoi* “(я) одеваюсь” и т. д.).

## ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

Как уже отмечалось ранее, временные формы глагола соотносят действие, обозначаемое глаголом, с моментом речи. В вепском языке существует оппозиция настоящего времени, или презенса, формам прошедших времен: имперфекту, перфекту и плюсквамперфекту. Некоторые ученые выделяют в вепском языке еще и отрицательный претерит, или время, совмещающее в своей форме значения всех прошедших времен в их отрицательном варианте (Kettunen L., 1943, s. 460–465; Kährik A., 1978, s.161–169). Все названные времена, представляющие действие как реально осуществляющееся или осуществлявшееся, входят в рамки индикатива, или изъявительного наклонения.

### ПРЕЗЕНС

Настоящее время, или презенс, в вепском языке, как и в родственных прибалтийско-финских языках, не имеет особого суффиксально оформленного показателя. Уже исторически презенс существовал в двух вариантах:

презенс с нулевым показателем и презенс с показателем \*-к, рефлексy которого проявляются в построении многих вепсских лично-числовых форм. Соотношение в употреблении двух форм презенса исторически до конца еще не определено (Häkkinen K., 1985, s. 113). В вепсском языке следов показателя презенса, как это имеет место, например, в финском, карельском языках (ср. финск. tulemme “мы придем” < \*tule-k-mek), в лично-числовых окончаниях мн. числа нет, поскольку гемината в окончаниях не сохранилась.

Таким образом, форма глаголов в презенсе, не обладающим в синхронном состоянии языка специальным показателем, выделяется на противопоставлении ее с формой имперфекта, которая имеет свой особый показатель. Кроме того, и что немаловажно, форма презенса характеризуется особым типом лексической основы глагола, которая была исследована выше и которая не свойственна другим глагольным формам, включающим в себя показатели наклонений. Форма презенса любого глагола структурно состоит из лексической основы глагола и лично-числового окончания, присоединяемого к ней: 1 лицо ед. числа – mahta+n “(я) умею”; 2 лицо ед. числа – aja+d “(ты) едешь”; 3 лицо ед. числа – veda+b “(он) тащит”; 1 лицо мн. числа – tege+m “(мы) делаем”; 2 лицо мн. числа – tule+t “(вы) придете”; 3 лицо мн. числа kirjuta+ba “(они) пишут”.

Представим спряжение одноосновного глагола **kirjutada** “писать”, одноосновного глагола с двумя типами гласных основ **valita** “выбирать” и двухосновного глагола **panda** “класть”:

Ед. число	Мн. число
1 л. kirjutan “пишу”, valičen “выбираю”, panen “кладу”	kirjutam(ei) “пишем”, valičem(ei) “выбираем”, panem(ei) “кладем”
2 л. kirjutad “пишешь”, valičed “выбираешь”, paned “кладешь”	kirjutat(ei) “пишете”, valičet(ei) “выбираете”, panet(ei) “кладете”
3 л. kirjutab “пишет”, valičeb (valičob) “выбирает”, paneb “кладет”	kirjutaba, kirjutadas (kird’ute-taze) “пишут”; valičeba, valitas (valitaze) “выбирают”; paneba, pandas (pandaze) “кладут”

Прежде всего, отметим, что для вепсской глагольной словоформы, как и вообще для любой словоформы, открытость-закрытость слога из-за отсутствия чередования ступеней согласных – явление не только актуальное (хотя отметим, что и в вепсском языке имеются чередования звуков), и лично-числовые окончания, присоединяясь к основе (как свидетельствует и приведенный в таблице материал), не вызывают в ней в синхронном состоянии языка каких-либо изменений, напр.: gadan “(я) работаю”, katad “(ты) укрываешь”, libub “(он) встанет”. Лишь в

северновепсском диалекте во всех его говорах, как об этом уже речь была выше в разделе, посвященном 3 лицу ед. числа презенса, в названной форме в лексической основе существует удвоение взрывных *k, t, p, b, g, d* и, по аналогии, некоторых других звуков (*z, ž, n*): *kaks' dättab munad* (Тоїžег, 3386) “оставит два яйца”; *barš muganažo mida-se luggob* (Kaleg, 3387) “бабка тоже что-то читает”; *možot kenni teddab* (Št, 3386) “может быть, кто-нибудь знает”; *ken d'ouhos teggob tahtast, da heitab sugased* (Št, 3384) “сделает кто-нибудь теста да снимет щетинку”; *prihaine ottab mindei, toine ottab tošt* (Št, 3384) “парень пригласит меня, другой пригласит другую”; *šiga kerataze, i šiga verno d'aggab necenke, d'akonanke-se* (Kask, 1502) “там соберутся, и там, наверное, делит с этим дьяконом”; *hän käden-se i čappab* (Kask, 1502) “он руку-то и порезал”; *ken tal'vel pidgab mugadžno puhtaz, hivä vill om* (Kask, 1502) “кто держит зимой чисто (во дворе), то шерсть тоже хорошая”; *d'ol d'oldab i d'al'ged kattab* (Kaleig, VRS, lp. 148) “ветер дует, и следы закрывает” и т. д.

В отрицательном спряжении в форме презенса глаголы *kirjutada* “писать”, *valita* “выбирать” и *panda* “класть” имеют следующий вид:

Ед. число	Мн. число
1 л. en kirjuta, en valiče, en pane	em(ei) kirjutagoi, em(ei) valikoi, em(ei) pangoi
2 л. ed kirjuta, ed valiče, ed pane	et(ei) kirjutagoi, et(ei) valikoi, et(ei) pangoi
3 л. ei kirjuta, ei valiče, ei pane	eba kirjuta, ei kirjutagoi; eba valiče, ei valikoi; eba pane, ei pangoi

В отрицательных формах ед. числа презенса, как свидетельствует материал, приведенный в таблице, наряду со спрягаемым отрицательным глаголом выступает чистая гласная основа одноосновных (у глаголов с долгой и краткой основами – долгая основа) и двухосновных глаголов, которая легко обнаруживается именно в названных формах.

В отрицательных формах мн. числа наряду со спрягаемым отрицательным глаголом в северно- и средневепсском диалектах в презенсе употребляется особая форма смыслового глагола, не характерная иным родственным языкам, включающая в себе формант *-koi, -goi* (*em tulgoi*, “(мы) не придем”, *et peskoi* “(вы) не моете”, *ei pangoi* “(они) не кладут”, вопрос о происхождении которого мы уже рассматривали. Условия присоединения названного форманта к основам были подробно освещены выше в разделе, посвященном лично-числовым формам в веппском языке. Некоторые переходные говоры средневепсского диалекта и южновеппский диалект стоят особняком. В них сохранилось более древнее положение вещей:

отрицательный глагол имеет форму *eba, ebad* (в других говорах, как об этом свидетельствовала таблица, отрицание в 3 лица мн. числа, как и в ед. числе, употребляется в форме *ei, ii*), а смысловой глагол не имеет никакого маркера (*eba kirjuta* “не пишут”, *eba valiče* “не выбирают”, *eba rane* “не кладут”).

Формы презенса глаголов имеют значение, указывающее на одновременность протекания его с моментом речи: *astub jäniš rajanke* (Jä, ОВР, с. 17) “идет заяц с песней”; *ičekesken oleme vellesed* (Jä, СВЯ, с. 144) “между собой мы братья”; *māb surt dorogad mõto mužik* (Perv, NVM, s. 152) “идет по большой дороге мужик”; *mina andan, sina andad, toižed kaik anttas* (VI, 3391) “я дам, ты дашь, все другие дадут”; *jokseleme bokha da toižhe* (Sod, ОВР, с. 225) “бегаем в сторону да в другую”.

Презенс глаголов часто имеет значение будущего времени: *konz mõ tulem mecaspäi, ka küübet' linneb vaumiž* (VI) “когда мы придем из лесу, так баня будет готова”; *lähten, andan sömäd lehmäle* (Jä) “пойду, дам корм корове”; *lugen vól nese kniig, ehtin* (Št) “прочитаю еще эту книгу, успею”. Значение будущности свойственно глаголам с суффиксом *-ška-, -škande-*, которые кроме значения начинательности, имеют четко выраженный оттенок значения будущего времени: *mõ g'oškam čajud teravas, lebaitte vāhāižuuc, sina-ki g'od* (Kuja) “мы скоро будем пить чай, отдохни немного, и ты попьешь”; *tuloškab paksus mugoine sä, ka hiinad ala varasta* (Pnd) “будет часто такая погода, так сена не жди”; *astuškandob sinna rap teravas* (Št, 3386) “пойдет туда поп скоро”.

Презенс часто употребляется для выражения значения, не имеющего указания на определенного деятеля; скорее в подобных случаях речь идет о неопределенном деятеле, или он вообще не подразумевается: *toižõ päivä tegeba grobun, grobhu vastalehtuid paneba da kapkīd, pēhāspā poduškāžen paneba, sid hānen kataba kanghā* (Šid, ОВР, с. 241) “на следующий день делают гроб, в гроб кладут листьев от веников, пакли, из льна подушечку сделают, затем его накрывают полотном”. Отрывок, приведенный из образцов речи, наглядно иллюстрирует названное значение. Оно свойственно всем формам презенса, но наиболее часто обнаруживается в формах мн. числа презенса, а также во 2 лице ед. числа, напр.: *vet valad kāmnele da pezed* (Pnd, 3389) “воды нальешь на ладонь да помоешь”; *kāroudad i hosit stolou, kāroudat potom villad ližadad* (VI) “повернешь и трешь на столе, поворачиваешь, потом шерсти добавишь”.

## ИМПЕРФЕКТ

Имперфект, или простое прошедшее, время обладает значением, называющим однократное действие в прошлом, связанное с определенным моментом речи. Имперфект имеет в вепском языке, как и родственные



прибалтийско-финские языки, специальный суффикс *-i-*, маркирующий словоизменительную основу имперфекта: *tulda* “прийти”: *tuli-n* “(я) пришел”, *sirta* “подвинуть”: *sirdi-n* “(я) подвинул”, *valada* “налить”: *valoi-n* “(я) налил”, *katkaíta* “переломить”: *katkaízi-n* “(я) переломил”. Показатель *-i-* достаточно древен по своему происхождению. Этимологические соответствия ему имеются от прибалтийско-финских до венгерского языков (Серебрянников Б.А., 1964, с.99–100; Основы, 1974, с.303; Häkkinen K., 1985, s. 116). Предполагается, что он ведет свое начало от словообразовательного суффикса, имеющего значение имени действующателя – \*j (Основы, 1974, с. 305–306).

Для вепсского языка, особенно его южновепсского диалекта, кроме варианта суффикса *-i-*, характерны и довольно употребительны варианты *-ī-* и *-ii-*: *kävelli-n* “(я) ходил”, *sanelli-n* “(я) говорил”, *tuliin* “(я) пришел”, *paniin* “(я) положил”. Вариант суффикса имперфекта *ī* имел ранее более широкое распространение. Исследователь исторической фонетики вепсского языка Тункело Э.А. считает, что повсеместная палатализация в синхронном состоянии языка лично-числовых окончаний 1 и 2 лица ед. числа в средневепсском диалекте в форме имперфекта (*tegin’* “(я) сделал”, *panin’* “(я) положил”, *toin’* “(я) принес”; *tegid’* “(ты) сделал”, *panid’* “(ты) положил”, *toid’* “(ты) принес”), есть не что иное, как результат действия прогрессивной ассимиляции по мягкости. Смягчение, по мнению Тункело, показывает, что в соответствии с законами развития исторической фонетики вепсского языка впереди стоящий гласный звук, а в названных формах это показатель имперфекта *-i-*, был долгим (см. об этом Тункело Э.А., 1946, s. 823, 827–835).

В эстонском и ливском языках наибольшее распространение получил признак прошедшего времени *-si-* (*-iz-*): *ela-si-n* “я жил” (см. Лаанест А., 1975, с. 82), который произошел вследствие переразложения глаголов с основой на *-t-*: конечный согласный основы перешел, присоединясь к показателю имперфекта *-i-*, в разряд формообразующих суффиксов: *magasi-n* < \**makat-i-n* “(я) спал” (Лаанест А., 1975, с. 82). Подобный суффикс имперфекта выделяет вслед за Ф. Карлссоном (Karlsson F., 1972, s.303) и П.М. Зайков (Зайков П.М., 2000, 110) при исследовании категорий карельского глагола, считая это правомерным, но, тем не менее, отмечая, что суффикс *-si-* ~ *-zi-* выступает в собственно-карельском и людиковском наречиях только в определенной группе глаголов – в двухосновных стяженных глаголах.

В диалектах вепсского языка также функционирует форма *s-zi-* (и его вариантом *-ži-*): *magazi-n* “(я) спал”, *šlābāiži-n* “(я) болтался”. Сочетание звуков *-zi-* (*-ži-*) возникает в глаголах тогда, когда лексическая основа оканчивается на *-da-*. В этом случае при присоединении показателя импер-

фекта *-i-* конечный гласный основы выпадает, как это происходит и в других типах многосложных глаголов (*varaida-n* “(я) боюсь” – *varaiž-i-n* “(я) боялся”), а оставшийся на конце основы *-d-* перед *-i-* чередуется с *-z-* (*-ž-*). Подобные чередования перед *-i-* существуют в вепском языке и в именах, и в формах мн. числа II причастия актива при присоединении к ним суффикса мн. числа *-i-*: *randut* “бережок”: *randude-n* “бережка” – *randuz-i-d* “бережков”; *mahut* “земелька”: *mahuden* “земельки” – *mahuz-i-d* “земелек”; *sõnu* “евший”: *sõnude-n* “евшего” – *sõnuz-i-d* “евших”; *voiknu* “плакавший”: *voiknude-n* “плакавшего” – *voiknuz-i-d* “плакавших”. Поэтому в вепском языке достаточных оснований считать *-zi-* (*-ži-*) особым показателем имперфекта нет. В вепском языке это позиционно обусловленное чередование звуков: в многосложных словах *d > z* перед *i*; в том же случае, когда *-z-* расположено между двумя *-j-*, то *d > ž* (*teda-n* “(я) знаю” – *tez-i-n* “(я) знал”; но: *plakaida-n* “(я) шелкну” – *plakaiž-i-n* “(я) шелкнул”).

Приведем примеры употребления формы простого прошедшего времени с суффиксом *-i-* в диалектах вепского языка:

#### Северновепский диалект

*siloi mö püudim kalad* (Kaleig, 3387) “тогда мы промышляли рыбу”; *lehm ligoho uppon’* (Toižeg, 3386) “корова в мочиле утонула”; *läksim mö sigä posadaspei, ššeleikišpei-se* (Kask, 1505) “пошли мы оттуда из деревни, из Щелеек-то”; *ot’ händast, lend’ batogaižes* (Perv, NVM, s. 173) “взял его, поднял за батожок”; *proidin kaiked posadad möto* (Št, КСВЯ) “прошел по всей деревне”; *mina kudjñ, mise milei pam’at’ oli hüvä, ka mina kudjñ* (Kask, 1503) “я ткала, потому что у меня память была хорошая, так я ткала”; *mina möst lübjñ* (Št, 3386) “я опять встал”; *mina kodvin d’o verkod* (Perv, СВЯ, с. 214) “я уже проверил сети”; *käuskelim nakkana orgiile* (Kask, 1502) “ходили вон туда, в чащобу”; *täuden poimičeižen poimi bolad i viškeiž burakoho* (Kaleig, 1503);

#### Средневепский диалект

*iče mö siloi radoim, tapoim da* (Pnd, 3392) “мы тогда сами работали, молотили”; *tulin’ sinunnoks nečida az’g’ad* (Pnd, ЕСВЯ) “(я) пришел к тебе по такому делу”; *radjñ’ kolhozas* (Vl, 2290) “(я) работал в колхозе”; *hän mindai kaks’ kerdad surmaspäi pästi* (Vl, 3402) “он меня дважды от смерти спас”; *katjñm händast paikuu* (Kuja, 3402) “накрыли его платком”; *tuli keda hiimokundad praznikale sinunnost?* (Päž, КСВЯ) “пришли ли к вам родственники на праздник?”; *barbaižennoupei läksi* (Šim, NVM, s. 127) “от веточек отошел”; *min’a nuuzin’ aigoiš, reinuzmaigan* (Jä, КСВЯ) “(я) проснулась рано на восходе солнца”; *edahali olimei toine toižespei* (Jä, ЕСВЯ) “далековато были друг от друга”; *ištutin’ pun pordhile edhe* (Vil, КСВЯ) “посадил дерево перед крыльцом”; *hiinantegon aigan pil’v tuli, kobud tegi*

(Vil, СВЯ, с. 212) “во время сенокоса тучка набежала, спешку вызвала”; *mäni prihaine vägihižen pohjoizen tul'l' aižennost* (Рес, КСВЯ) “пошел мальчик к сильному северному ветру”;

#### Южновепский диалект

*mugoene oliškēz' los'* (Sod, ОВР, с. 237) “такой был лось”; *kondi haravōč, haravōč* (Sod, СВЯ, с. 233) “медведь сгребал, сгребал”; *elīmā ühtes pertiš toštmu veljemu* (Čg, NVM, s. 5) “жили в одном доме с другим братом”; *mä kod'he ajōn' blahoveššenjad vast* (Krl, ЁСВЯ) “я домой ехал близ благовещенья”; *sihežo panīn' luilest* (Kerčak, ОВР, с. 213) “туда же положил, к костям”; *čibū pit'kad rajod pajatelība piiččed* (Vg, КСВЯ) “на качелях девушки пели длинные песни”.

Суффикс имперфекта *-i-* присоединяется всегда к гласной основе глагола, а если глагол обладает двумя типами гласных основ, то всегда к *долгой гласной* основе; при этом он вызывает в ней некоторые изменения. Возникший при присоединении суффикса прошедшего времени *-i-* вариант основы носит название *основы имперфекта*.

При присоединении суффикса *-i-* лексическая основа отдельных глаголов остается неизменной. Прежде всего, это касается немногочисленной группы глаголов с лексической основой на *-i-*. У данных глаголов основы презенса и имперфекта совпадают: *kärdä* “заворачивать”: *kärin* “(я) заворачиваю и (я) заворачивал”, *sobd'a* “одевать”: *sobin* “(я) одеваю и (я) одевал”.

Если лексическая основа глагола *односложна*, то в ней в ряде говоров (южновепские, северновепские, пондальские говоры средневепского диалекта) также не происходит никаких изменений. При этом суффикс *-i-* образует с конечными гласными звуками основы *-a-, -ä-, -o-, -ö-, -e-* дифтонг: *sa-n* “(я) получу” – *sai-n* “(я) получил”; *jä-n* “(я) останусь” – *jäi-n* “(я) остался”; *lo-n* “(я) осную” – *loi-n* “(я) основал”; *to-n* “(я) принесу” – *toi-n* “(я) принес”; *mö-n* “(я) продам” – *möi-n* “(я) продал”; *lö-n* “(я) бью” – *loi-n* “(я) бил”; *sö-n* “(я) ем” – *söi-n* “(я) ел”; *ve-n* “(я) отнесу” – *vei-n* “(я) отнес”. В глаголах названного типа в шимозерском, пязозерском, войлахотском, куйском говорах средневепского диалекта дифтонг *-ai-(-a-+i-)*, который образует суффикс имперфекта с последним гласным основы, *>-ei-*: *sa-n* “(я) получу” – *sei-n* “(я) получил”; *gä-n* “(я) останусь” – *gei-n* “(я) остался”. В глаголах же с основой на *-ö-* последний перед *-i-* переходит в *-ü-*: *sö-n* “(я) ем” – *süi-n* “(я) ел”; *mö-n* “(я) продам” – *müi-n* “(я) продал”; *lö-n* “(я) бью” – *lүй-n* “(я) бил”. Данные явления мы считаем явлениями фонетического порядка, проявляющимися не только в глагольных словоформах, но и в прочих словах и их формах (ср. *hijo-u* – в других диалектах *hija-l* “у них”; *rüud* – в других диалектах *rüud* “поле”; *vüug* – в других диалектах *velg* “долг”, *süum* “глаз” – в других диалектах *sil'm*).

Если лексическая основа глагола *двусложна*, то глаголы такого типа,

независимо от того, являются они одноосновными либо двухосновными, можно разделить на три группы: глаголы с основой в исходе – 1) на -**о**-, **ѓ**-, **у**-, **ү**-, 2) на -**е**-, 3) на -**а**-.

1). Глаголы с основами на -**о**- ~ **ѓ**- (правда, **ѓ** в вепском языке дальше первого слога встречается исключительно редко), **у**-, **ү**- образуют при присоединении показателя имперфекта **-i**- с конечным гласным основы дифтонг:

-**oi**-: **sido-n** “(я) завяжу” – **sidoi-n** “(я) завязал”; **kudo-n** “(я) тку” – **kudoi-n** “(я) ткал”; **vido-n** “(я) треплю” – **vidoi-n** “(я) трепал”; **kado-n** “(я) пропаду” – **kadoi-n** “(я) пропал”. В северновепском диалекте наблюдается стяжение дифтонга, в результате чего возникает монофтонг **-j-**, соответствующий по произношению русскому **ы**: **sidj-n** “(я) завязал”, **vidj-n** “(я) трепал”, **kandj-n** “(я) нес”. Названное явление идет в ряду подобных фонетических проявлений и во многих иных случаях и словоформах, где также в северновепском диалекте наблюдается стяжение дифтонга, о чем свидетельствуют наглядно данные других диалектов: **rahj-le** – ср. **rahoi-le** “злым”; **kogj-l** – ср. **kogoj-l** “кучами”;

-**ui**-, **-üi**-. **libu-n** “(я) поднимусь” – **libui-n** “(я) поднялся”; **astu-n** “(я) иду” – **astui-n** “(я) шел”; **kukku-n** “(я) кукую” – **kukkui-n** “(я) куковал”; **väzu-n** “(я) устану” – **väzui-n** “(я) устал”; **mülü-n** “(я) вмещаюсь” – **mülüi-n** “(я) вместился”. В северновепском диалекте вновь отмечается стяжение дифтонга, то есть **-ui>j**: **väjzn** “(я) устал”, **astjn** “(я) шел”.

2). Глаголы с основой на -**е**- при присоединении суффикса **-i**- утрачивают это **-е**- повсеместно и без исключений: **tule-n** “(я) приду” – **tuli-n** “(я) пришел”; **mäne-n** “(я) иду” – **mäni-n** “(я) шел”; **omble-n** “(я) шью” – **ombli-n** “(я) шил”; **peze-n** “(я) мою”: **pezi-n** “(я) мыл”; **luge-n** “(я) читаю”: **lugi-n** “(я) читал”; **käske-n** “(я) велю”: **käski-n** “(я) велел”; **tunde-n** “(я) узнал”: **tunzi-n** “(я) знал”, **lankte-n** “(я) падаю”: **lanksi-n** “(я) упал”.

3). *Двусложные* основы на -**а**- при присоединении суффикса **-i**- не имеют какого-либо одного стабильного правила. Так, в работе “Грамматика вепского языка”, написанной на основании шимозерского говора, ее автор Зайцева М.И. (1981, с. 252) указывает, что в форме имперфекта конечный гласный основы **-а**- в двусложных основах выпадает перед **i**, если в первом слоге стоят **о** или **у** (то есть глаголы типа **sorda-n** “(я) уроню” – **sordi-n** “(я) уронил”; **mušta-n** “(я) помню” – **mušti-n** “(я) помнил”), а если в первом слоге **-а**-, то в этом случае **-а->oi-** (**andan** “(я) даю” – **andoin** “(я) дал”). Но что же происходит в других типах глаголов с двусложными основами на -**а**-, где в первом слоге не **-а**-, не **-о**- и не **у**, остается вне поля зрения исследовательницы.

Отметим тот факт, что группа глаголов с двусложной основой на -**а** в вепском языке по сравнению с родственными языками значительно шире,

поскольку она пополнилась за счет части глаголов из разряда основ на *-ä-*, исторически перешедших в разряд основ на *-a-*. Это произошло из-за утраты гармонии гласных в вепском языке (см. Wiik K., 1989). Об этом явлении с точки зрения современного вепского языка можно было бы и не упоминать. Но есть одна немаловажная деталь: многие глаголы, утратившие гармонию гласных, при образовании грамматических форм ведут себя так, словно гармония наличествует, и во 2-ом слове употребляется *-ä-*; это приходится учитывать и несколько корректировать, по сравнению с родственными языками, правила изменения конечных гласных основы. Данные родственных языков свидетельствуют, что *-ä-* при присоединении суффикса имперфекта *-i-* из лексической основы выпадает (ср. напр. в карельском языке *-ä->Ø*: *kiegämä* “окружаем”~*kiertimä* “окружили”, *syötän* “кормлю”~*syötin* “кормил”: Зайков П.М., 1999, с. 72), в то время как *-a-* при присоединении *-i-* переходит *-oi-*, если в первом слоге не *-o-* и *-u-* (*nakran* “смеюсь”~*nakroin* “смеялся”). В вепском языке это явление поддерживается лишь материалами приютских говоров, которые из всех говоров вепского языка оказались наиболее устойчивыми в сохранении гармонии гласных. И в настоящее время на этих территориях можно зафиксировать формы, типа *kiit’än* “(я) варю”, *hiit’än* “(я) снимаю”, *id’äb* “(он) прорастает”, *pid’än* “(я) держу”, *piitän* “(я) прячу”, в то время как в большинстве прочих говоров говорят *keitän*, *heitän*, *idab*, *pidan*, *peitan* (см. о сохранении *ä* в названных говорах также Tunkelo E.A., 1946, s. 683–684).

В современном же вепском языке все несколько иначе. При анализе, например, глаголов *vedada* “тащить” и *ajada* “ехать”, одинаковых по слоговой структуре, имеющих одну и ту же основу на *-a-* и сходную форму инфинитива, обнаружим, что названные глаголы, тем не менее, при образовании формы имперфекта ведут себя по-разному: *vedi-n* “(я) тащил” и *ajoi-n* “(я) ехал”. В одном случае конечный гласный основы *-a-* при присоединении суффикса имперфекта *-i-* выпадает, в другом – *a+i>oi*. Связано это с тем, что исторически глагол *vedada* “тащить” имел передний вокализм (ср. финск. *vetää*), а глагол *ajada* “ехать” – задний (ср. финск. *ajaa*), что, в свою очередь, сказывается и сейчас на поведении конечного гласного основы при присоединении к ней суффикса *-i-*: в одном случае конечный гласный основы *-a-* выпадает, а во втором случае *-a->o*. Таким образом, конечный звук *-a-* в двусложных глагольных основах в вепском языке имеет исторически разное происхождение: в одних случаях это примарный *-a-* (*katan* “(я) укрою”, *valan* “(я) налью”, *satan* “(я) провожу”), в других – секундарный, возникший из *-ä-* (*heitän* “(я) сниму”, *keitän* “(я) сварю”). Отсюда и разное поведение в современном вепском языке конечного гласного *-a-* при присоединении суффикса имперфекта *-i-*:

примарный **-a->oi-** (*katoin, valoin, satoin*), секундарный **-a-> Ø** – (*heitin, keitin*).

Учитывая выше изложенное, анализ материала современного вепсского языка позволяет сформулировать несколько иные по сравнению с родственными языками правила поведения конечного гласного двухсложной основы **-a-** при присоединении к нему показателя имперфекта **-i-**. При анализе материала по поводу изменения конечного гласного звука лексической основы мы обратили внимание на то, что здесь не важно, является ли глагол одноосновным или двухосновным. Значение имеет лишь качество конечного гласного звука и его окружение:

а) **a>o**. Этот переход имеет место в том случае, если в первом слоге глагольной словоформы, независимо от того, одноосновный это глагол или двухосновный, стоит звук **a**: *vala-n* “(я) наливаю” – *valoi-n* “(я) налил”; *aja-n* “(я) еду” – *ajoi-n* “(я) ехал”; *kanda-n* “(я) нес” – *kandoi-n* “(я) нес”; *anda-n* “(я) дам” – *andoi-n* “(я) дал”. В северновепсском диалекте и в этом случае отмечается стяжение дифтонга: *kandj-n*, ср. *kandoi-n* “(я) нес”; *andj-n*, ср. *andoi-n* “(я) дал”;

б) **a>Ø**. Названный звукопереход в форме имперфекта в родственных языках происходит тогда, когда в первом слоге **-o-** или **-u-** (см. напр. *poltan* “жгу” – *poltin* “жер”, *puissan* “отряхиваю” – *puissin* “отряхивал”; Зайков П.М., 1999, с. 72). Подобные условия для перехода **a>oi** при присоединении суффикса имперфекта известны уже с времен прибалтийско-финского языка-основы (Häkkinen K., 1985, s. 116). Наши же наблюдения показывают, что в двусложных глагольных основах на **-a-** в современном вепсском языке последний при присоединении суффикса имперфекта **-i-** выпадает, если в первом слоге **-o-, -u-, -ü-, -ä-, -ö-, -e-, -i-** (то есть все звуки, кроме **a**): *vösta-n* “(я) тешу” – *vösti-n* “(я) тесал”; *löuda-n*: *löuzi-n*; *furska-n* “(я) фуркаю” – *furski-n* “(я) фуркал”; *sorda-n* “(я) уроню” – *sordi-n* “(я) уронил”; *mušta-n* “(я) помню”: *muštj-n* “(я) помнил”; *nühka-n* “(я) хныкаю”: *nühki-n* “(я) хныкал”; *täuta-n* “(я) наполню” – *täuti-n* “(я) наполнил” (в приютских говорах: *töuta-n* – *töuti-n*); *kända-n* “(я) переворачиваю” – *kändi-n* “(я) перевернул”; *pida-n* “(я) держу” – *pidi-n* “(я) держал”): *veda-n* “(я) тащу” – *vedi-n* “(я) тащил”; *lenda-n* “(я) поднимаю” – *lendi-n* “(я) поднял”; *heita-n* “(я) сниму” – *heiti-n* “(я) снял”. Скорее всего, большая часть глаголов, содержащая в первом слоге **-e-** или **-i-**, являлась в вепсском языке исторически словами переднего вокализма, свидетельствуя о том, что их основа оканчивалась на **-ä-**. В свою очередь, это позволило в вепсском языке появиться закону, в соответствии с которым конечный гласный основы **-a-** выпадает при присоединении суффикса имперфекта **-i-**, если в первом слоге наличествуют наряду с **-o-, -u-** также **-e-, -i-**.

В многосложных основах на **-a-** конечный гласный основы при

присоединении суффикса имперфекта *-i-* утрачивается: *varasta-n* “(я) жду” – *varasti-n* “(я) ждал”; *kadota-n* “(я) потеряю” – *kadoti-n* “(я) потерял”; *lükäida-n* “(я) брошу” – *lükäizi-n* “(я) бросил”. Если же лексическая многосложная основа имеет в своем исходе *-u-*, то в этом случае суффикс имперфекта *-i-* независимо от количества слогов в основе всегда образует с конечным гласным основы *-u-* дифтонг *-ui-*: *libestuda* “поскользнуться” – *libestui-n* “(я) поскользнулся”, *eläbzduda* “воскреснуть” – *eläbzdui-n* “(я) воскрес”, *rakušuda* “пожелтеть” – *rakušui-n* “(я) пожелтел”, *ragembzuda* “поправиться” – *ragembzui-n* “(я) поправился”.

При присоединении показателя имперфекта чередования происходят не только в системе гласных звуков, но и согласных. Причем здесь, как и во многих других случаях в вепском языке, немаловажное значение имеет слоговая структура (количество слогов) слова. И, таким образом, в современном вепском языке в форме имперфекта в *трехсложных* основах суффикс *-i-* при присоединении вызывает следующие изменения звуков:

1) *d>z*. Названный звукопереход происходит в современном вепском языке во всех диалектах в тех типах глаголов, которые обладают *двумя гласными* основами. Долгая гласная основа данных глаголов имеет исход на *-nda-*, *-lda-*, *-rda-*, *-da-*. Показатель имперфекта, присоединяясь, как и во всех многосложных основах, вызывает выпадение конечного гласного основы *-a-*, а также переход *d>z*: *alenda-n* “(я) понижую” – *alenzi-n* “(я) понизил”; *vähenda-n* “(я) уменьшу” – *vähenzi-n* “(я) уменьшил”; *semenda-n* “(я) посею” – *semenzi-n* “(я) посеял”; *el'genda-n* “(я) понимаю” – *el'genzi-n* “(я) понял”; *vihel'da-n* “(я) свищу” – *vihel'zi-n* “(я) свистел”; *ümbärda-n* “(я) обойду” – *ümbärzi-n* “(я) обо-шел”; *kumarda-n* “(я) наклоню” – *kumarzi-n* “(я) наклонил”; *küläda-n* “(я) гуляю” – *küläzi-n* “(я) гулял”; *čihoda-n* “(я) растопырю” – *čihozi-n* “(я) растопырил”.

В *двусложных* же гласных основах с исходом на *-nda-*, *-rda-* в средне- и южновепском диалектах *d* в форме имперфекта прочно сохраняет свои позиции: *kända-n* “(я) переверну” – *kändi-n* “(я) перевернул”; *vända-n* “(я) играю” – *vändi-n* “(я) играл”; *lenda-n* “(я) лечу” – *lendi-n* “(я) летел”; *sorda-n* “(я) уроню” – *sordi-n* “(я) уронил”. Правда, отметим, что в северновепском диалекте можно встретить параллельные формы: *kandi-n~känzi-n* “(я) перевернул”; *vändi-n~vänzi-n* “(я) играл”, *lendi-n~lenzi-n* “(я) летел”; причем форма с *z* встречается достаточно часто, свидетельствуя о достаточно активно идущем процессе аналогии с трехсложными основами, то есть язык стремится в данном случае к унификации однотипных явлений. Подобное явление можно наблюдать и в восточных говорах средневепского диалекта: здесь зафиксирован лишь один достаточно редкий глагол *tärta* “понимать”: *tärda-n* “(я) понимаю”, который в имперфекте имеет форму *tärzi-n* “(я) понимал”, где также в двусложной

основе наличествует чередование **d>z**, хотя другим глаголам подобного типа оно в названном диалекте не свойственно (ср. *kändi-n* “(я) перевернул”, *vändi-n* “(я) играл”, *sordi-n* “(я) уронил”).

В обсуждаемую группу глаголов с чередованием **d~z** следует отнести двухосновный глагол *tuta* “узнавать”, обладающий двумя типами гласных основ, где долгая основа оканчивается на **-nde-** (в восточных говорах средневепского диалекта может быть **-ndo-**), краткая основа – на **-tu-**. Во всех говорах при присоединении суффикса имперфекта **-i-** данному глаголу свойствен в долгой основе звукопереход **d>z**: *tunde-n* “(я) узнаю” и *tunzi-n* “(я) узнал”.

В *двусложных* основах на **-da-** переход **d>z** по диалектам также нерегулярен. В названную группу мы относим в данном случае и простые одноосновные глаголы, и глаголы с двумя типами гласных основ, и двухосновные глаголы с гласной основой на **-da-**. Так, в глаголах типа *sāta* “делать”, *vedada* “вести”, *pidada* “держать” чередование отсутствует повсеместно: *sāda-n* “(я) делаю” – *sādi-n* “(я) делал”; *čudan* “(я) бросаю” – *čudin* “(я) бросил”; *veda-n* “(я) веду” – *vedi-n* “(я) вел”; *pida-n* “(я) держу” – *pidi-n* “(я) держал”. В глаголах же, обладающих двумя типами гласных основ, типа *lōuta* (*lüuta*) “найти”, *lōuda-n* (*lüuda-n*) “(я найду” – *lōuzi-n* (*lüuzi-n*) “(я) нашел”; *teta* “знать”: *teda-n* “(я) знаю” – *tezi-n* “(я) знал” **d>z**. Глагол *teta* “знать” в пязозерских и шимозерских говорах средневепского диалекта также не знает звукоперехода: *teda-n* “(я) знаю” – *tedi-n* “(я) знал”. Отсюда можно сделать вывод о том, что явление находится в стадии свободного варьирования; пока еще нет до конца сложившихся традиций ни в одном из говоров, хотя они и намечаются. В младописьменном языке в качестве нормы рекомендуется использовать вариант словоизменительной основы имперфекта со звукопереходом **d>z**, который имеет наибольшее распространение в говорах веппского языка (*tezi-n* “(я) знал”, *lōuzi-n* “(я) нашел”).

2) **d>ž**. Звукопереход характерен тем типам *трехсложных* основ, которые оканчиваются в инфинитиве на **-aida-** ~ **-äida**: *lūkāida-n* “(я) брошу” – *lūkaiži-n* “(я) бросил”; *potkāida-n* “(я) пну” – *potkaiži-n* “(я) пнул”; *katkāida-n* “(я) отломлю” – *katkaiži-n* “(я) отломил”; *varāida-n* “(я) боюсь” – *varaiži-n* “(я) боялся”; *avaida-n* “(я) открою” – *avaiži-n* “(я) открыл”.

3) **t>s**. Данный звукопереход осуществляется чаще всего в *двусложных* основах с исходом на **-ta-**, **-te-**: *saupta-n* “(я) закрою” – *saupsi-n* “(я) закрыл”; *paukta-n* “(я) найму” – *pauksi-n* “(я) нанял”; *lankte-n* “(я) упаду” – *lanksi-n* “(я) упал”; *lähte-n* “(я) пойду” – *läksi-n* “(я) пошел”. Причем последний глагол имеет такую особенность, что в нем в форме имперфекта **-ht->ks-**, что характеризуется имевшим исторически место звукопереходом **-kt->-ht-** на границе первого и второго слогов (Основы, 1979, с. 32). Восточные говоры



средневепского диалекта в отношении перехода **-t->-s** обладают некоторой его модификацией. Здесь он имеет вид как **t>š**: *saup̄ta-n – saup̄ši-n; pauk̄ta-n – pauk̄ši-n*.

4) **t>č**. Названный звукопереход зафиксирован исследователями вепского языка лишь в шимозерских говорах средневепского диалекта, где чаще всего **-t-** в этой позиции геминирован, то есть **-tt-**, и данная гемината переходит в **-čč-**: *katte-b* “(он) переломится” – *kačči* “(он) переломился”; *ratte-b* “(он) распорется” – *račči* “(он) распоролся” (Зайцева М. И., 1981, с. 253). В иных говорах в этом случае, как и в предыдущем, наличествует звукопереход **t>s** (или **t>š** – куйско-войлахотские говоры средневепского диалекта): *katte-b* “(он) переломится” – *katsi* “(он) переломился”; *ratte-b* “(он) распорется” – *ratsi* “(он) распоролся”, что взято за правило и для младописьменного вепского языка.

При образовании лично-числовых форм имперфекта употребляются те же лично-числовые окончания, что и в презенсе. Но в их функционировании имеются некоторые особенности, несвойственные формам презенса. Лично-числовые окончания 1 и 2 лица ед. числа в южно- и средневепском диалектах в форме имперфекта повсеместно смягчаются: *rajati-n* “(я) пел”, *lugi-n* “(я) читал”, *astui-n* “(я) шел”, *vastsi-n* “(я) встретил”, *raikiči-n* “(я) просил”; *rajati-d* “(ты) пел”, *lugi-d* “(ты) читал”, *astui-d* “(ты) шел”, *vastsi-d* “(ты) встретил”, *raikiči-d* “(ты) просил”. Эта же особенность характерна и 2 лицу мн. числа восточных говоров средневепского диалекта, где в качестве лично-числового окончания выступает только **-t, -d** (в других говорах, как это уже было показано в разделе, посвященном лично-числовым формам, окончание **-te, -tei, -tai, -tā**): *tulit’ ka proitkat, ugat prūubas siiškoī (V1)* “пришли, так проходите, не стойте в кухне”; *g’oso manitid’ mindai, niičukaižed? (Pnd)* “неужели вы, девочки, обманули меня?”; *voi, prihāčud, hūvā om, miše tabazit’ hebon-se (Kuja)* “ну, парни, хорошо, что поймали лошадь”. Л. Кеттунен явление смягчения лично-числовых окончаний в 1 и 2 лицах ед. числа классифицировал как прогрессивную палатализацию, при которой **i** воздействует на стоящий позади согласный звук (Kettunen L., 1960, s. 34).

Для северновепского диалекта эта особенность несвойственна; здесь после основы имперфекта следующие за нею окончания никогда не смягчаются: *varastin* “(я) ждал”, *varastit* “(ты) ждал и (вы) ждали”; *tulin* “(я) пришел”; *tulit* “(ты) пришел и (вы) пришли”.

В 3 лице ед. числа по традиции, свойственной всем прибалтийско-финским языкам, окончание не употребляется, и в качестве соответствующей грамматической формы выступает основа имперфекта: *sanui* “(он) сказал”, *ajoi* “(он) поехал”, *murenzi* “(он) разбил”, *lanksi* “(он) упал”, *varasti*

“(он) ждал”. Показатель имперфекта в данном случае часто отсутствует, оставляя о своем былом присутствии напоминание лишь смягчением впереди стоящего согласного звука: *unoht’* “(он) позабыл”; *murenz’* “(он) разбил”; *tul’* “(он) пришел”, *män’* “(он) ушел”, *rap’* “(он) положил”. Как уже неоднократно упоминалось, в вепском языке действовала закономерность отпадения в конце слова конечных гласных многосложных слов и тех двусложных, у которых первый слог был долгим либо закрытым (Tunkelo E.A., 1946, s. 755–757). В этом случае, в соответствии с названной закономерностью, вначале появились формы, типа *läks’* “(он) пошел”, *vänd’* “(он) играл”, *lend’* “(он) поднял”. Но сейчас данное явление представлено в диалектах вепского языка значительно шире и далеко вне пределов названной закономерности. Проиллюстрируем функционирование формы 3 лица ед. числа имперфекта с показателем *-i-* и без него в диалектах вепского языка:

#### Северновепский диалект

*hän d’o minni tez’*, *konešno tez’* (Kask, 1502) “он уж что-то знал, конечно, знал”; *hän tezi verno d’o* (Kask, 1502) “он уже знал”; *hän kundel’*, *abut’* (Kask, 1502) “он слушал, помогал”; *hänpagen’* *posadaha* (Kask, 1503) “она убежала в деревню”; *a hiilaze kil’bet’* *nese oli* (Kask, 1502) “а у них эта баня была”; *toine sizar läks’* *mehele* (Št, 3385) “вторая сестра вышла замуж”; *dedei sen čemodanan milei lükeiž’* (Št, 3386) “дед тот чемодан мне выбросил”; *nese babei toko mijale käuskeli* (Št, 3385) “эта бабушка только к нам ходила”; *höbeižel varhindod heiti i päst’* (Št, 3389) “с лошади снял уздечку и отпустил”; *bat’aze hänen koli aigiš’* (Št, 3387) “ее отец рано умер”; *neižne kol’ miilamei kimevozne* (Št, 3388) “девочка у нас умерла десяти лет”;

#### Средневепский диалект

*ičezo proidi hänou*, *lamanan läžub* (Pnd, СВЯ, с. 273) “паралич разбил, лежит неподвижно”; *a iče hän ot’ tarantasan* (Pnd, ОВР, с. 159) “а сам взял тарантас”; *Van’ka stolan hiit’* *regiupäi i pagižeb* (Pnd, ЇВР, с. 162) “Ванька стол снял с дровней и спрашивает”; *hän aigalaz mäni radole* (Päz, ЁСВЯ) “он во время пошел на работу”; *eduu vihmad g’umoug’ ureiž’* (Šim, ЁСВЯ) “перед дождем загремел гром”; *mužik blahodari vilule neciš hüvüdes i läks’ kodihe* (NÄKM, Särg, s. 216) “мужчина поблагодарил мороза за это добро и отправился домой”; *lämoi tuhaht’ savunked* (L, КСВЯ) “огонь с дымом взметнулся”; *ak män’ i pakič susetkā maidot padäžen* (Enarv, VMLT, s. 337) “жена пошла и попросила у соседки молока горшочек”;

#### Южновепский диалект

*mužik tagemba astuht’*, *putū händikaz vastha* (Krl, СВЯ, с. 35) “мужчина дальше пошел, волк попал навстречу”; *neti mužikā morzä i kol’* (Krl, VMLT, s. 338) “у этого мужчины умерла жена”; *hän lamōn’ teg’* (Sod, ОВР, с. 203) “он огонь сделал”; *savu män’ kaeked palamu* (Sod, ОВР, с. 222) “дым разве-

ялся по всей пожоге”; *teg' nel' krugad* (Vg, ОВР, с. 251) “сделал четыре круга”; *ot' puzūžen kāzivardele da män' babukōhe mecha* (Čg, СВЯ, с. 266) “взял корзинку на руку да в лес пошел по грибы”; *tatan' milan' ol' ani vanhāne* (Čg, NVM, s. 3) “мой отец был старенький”; *maḥon neičukāžele leibaks pan' kiven* (Mg, КСВЯ) “мачеха девочке вместо хлеба камень положила”.

Как показывает языковой материал, в говорах употребляются формы глаголов с отпавшим показателем имперфекта *-i-* и с ним. Даже один и тот же информант может сказать *tulī~tul'* “(он) пришел”, *tegi~teg'* “(он) сделал”, *panī~pan'* “(он) положил”, *tuhahtoiti~tuhahtoit'* “(он) вспыхнул”. Кроме того, и об этом свидетельствует и приведенный в качестве иллюстрации языковой материал, в современном состоянии языка нарушены все условия былой закономерности отпадения конечных гласных. Суффикс имперфекта *-i-* может отсутствовать и присутствовать и когда словоформа многосложная, и когда она двусложна с открытым первым слогом: *tul'* “(он) пришел”, *teg'* “(он) сделал”, *män'* “(он) ушел”, *oli~ol'* “(он) был”, *käuskeli* “(она) ходила”~*tuhahtoit'* “(он) вспыхнул”. Но, тем не менее, частота употребления сокращенного варианта формы имперфекта наиболее высока в южновепсском диалекте. Здесь идет заметное наращивание и обобщение употребления формы 3 лица ед. числа без показателя *-i-*. Приведем небольшой отрывок связного рассказа из “Образцов вепсской речи” Зайцевой М. И. и Муллонен М. И. (1969): *mužik nōz', päčīn zatopī, taigin oli vū sotkta. taignaspä hānō läks'. kuni cipūd' set', ka sini koršun tul' da sei lavā* (Sod, с. 224) “Муж проснулся, затопил печь, тесто еще было не замешено. Из квашни тесто “убежало”. Пока цыплят кормил, так коршун прилетел и съел их всех”. В этом небольшом отрывке глаголы четырежды употреблены в форме имперфекта без *-i-* (*nōz'* “(он) встал”, *läks'* “(он) пошел”, *set'* “(он) накормил”, *tul'* “(он) пришел”) и дважды с показателем *-i-* (*zatopī* “(он) затопил”, *oli* “(он) был”).

Кроме того, в этом же диалекте, характеризующемся образованием долгих гласных позднего происхождения вне первого слога на месте дифтонгов на *-i-* (*tuhahtōt'* “взметнулся” ср. *tuhahtoit'*, *čirāta* “шипеть”, ср. *čiraita*, ср. *cipūne*, ср. *cipuine* “цыпленок”, *minān'* “у меня”, ср. *minain'* и т. д.), и в форме имперфекта широко представлена названная закономерность долгими *-ō* и *-ū*. В этом случае суффикс имперфекта *-i-* слился с конечным гласным основы, образовав вместе с ним долгий гласный: *ot' kirffen i čarō kokovāžen* (Virtaranta, 1967, s. 111) “взял топор отрезал палку”; *ajō piharäivän tat otmha neičukašt' netida* (Ars, НВЯ, с. 446) “поехал отец в воскресенье забирать эту девочку”; *silēž sizar nevō čolomit' jōd* (Krl, СВЯ, с. 61) “тебе сестра приветов послала”; *ak nōz', mužikale nevō* (Sod, ОВР, с. 224) “жена встала, сказала мужу”; *putū händikaz vastha* (Krl, СВЯ, с. 35) “попал волк навстречу”, *män' kāmalest*,

stuknī, kāmavazū (Virtaranta P., 1967, s. 111) “подошел к могиле, стукнул, могила открылась”. В южновепском диалекте на месте сочетания конечного гласного основы с суффиксом имперфекта представлены и суженные дифтонги: kotomkoeno *ištī* (Sod, OBP, с. 233) “около сумок сидел” (ср. в других диалектах *ištui* “сидел”); *libī* i astub minhupā (Sod, OBP, с. 236) “встал и идет ко мне” (ср. *libui* “встал”). Таким образом, в южновепском диалекте в настоящее время в форме 3 лица ед. числа имперфекта глагольные словоформы представлены с показателем имперфекта (*sei* “(он) ел”), с отсутствующим показателем и смягчением впереди стоящего согласного на его месте (*tul* “(он) пришел”), с долгим гласным на месте слияния суффикса имперфекта и конечного гласного основы (*nevō* “(он) посоветовал”, *libū* “(он) поднялся”, а также суженным дифтонгом (*ištī* “(он) сидел”).

В северновепском диалекте также встречается достаточно большое количество суженных дифтонгов на *-ji*- на месте стыка конечного гласного основы и суффикса имперфекта *-i*-, то есть на месте *-ui-* или *-oi-*; либо же здесь, по сути дела, возникает стяженный монофтонг, напоминающий звук, обозначающийся в русском языке буквой **ы**: *kacjī*, *kacjī* minuhurei dei sanub (Kask. 1504) “смотрел, смотрел на меня и говорит” (ср. *casui*); *ded sanji*: “kuna nūgūt’ mili mānda ilma babota” (Pr, КСВЯ) “дед сказал: “Куда я теперь пойду без бабушки?”” (ср. *sanui*); *eraz kudj verkon* (Kask, 1502) “одна вязала сеть” (ср. *kudoi*); *hän radj brigadiran* (Kask, 1502) “он работал бригадиром” (ср. *radoi*); *mahtj hän paštta* (Št, 3384) “она умела печь”; *šal’ni karp sanj* (Š, NÄKM, s. 1) “шалевой карп сказал” (ср. *sanui*). В этом случае говоры в их живом современном состоянии иллюстрируют все ступени звукопереходов: *j<jī<ui* (*sanj~sanjī~sanui* “(он) сказал”), что чрезвычайно важно при исследовании исторической грамматики вепского языка.

В младописьменном языке вполне обоснованно употребляется форма имперфекта с сохранением показателя имперфекта в форме 3 лица ед. числа (*tulī* “(он) пришел”, *e’genzi* “(он) понял”, *vajehti* “(он) поменял”, *pästi* “(он) отпустил”); и это не является чем-то чуждым вепскому языку, поскольку, как свидетельствовали иллюстрации диалектного материала, и полные формы – явление живого вепского языка; они также сохранились и функционируют наравне со всеми остальными.

Как уже отмечалось ранее, лично-числовые окончания в форме имперфекта 1 и 2 лица мн. числа такие же, как и в презенсе, и не имеют каких-либо особенностей. Проиллюстрируем окончания 1 лица мн. числа:

#### Северновепский диалект

*pristanil ištīm ehthassei* (Kask, 1504) “на пристани (мы) сидели до вечера”; *ende mõ rougazim verkod rougal* (Kask, СВЯ, с. 481) “раньше мы красили сети ольховой корой”; *mõ elim bedno, nemida ii olnu* (Št, 3385) “мы

жили бедно, ничего не было”; *nitim iče dei, kaik sijād iče tegim* (Št, 3385) “носили сами, и все дела сами делали”;

#### Средневеппский диалект

*ičemj vāgū pašim dei ičemj vāgū āgestim* (VI, 2290) “на себе пахали, да на себе мы и боронили”; *eglai mõ radoim ehtassai* (Pnd, СВЯ, с. 44) “вчера мы работали до вечера”; *kut mõ kävelimej jānišoihe* (Jä, ОВР, с. 7) “как мы на охоту на зайцев ходили”; *sarkoiden sijas pidimai nene stupn’ad* (Pec, СВЯ, с. 510) “вместо сапог (мы) эти ступни носили”; *iilend nagleid ka viciiil pletimej* (Čikl, ОВР, с. 65) “не было гвоздей, так мы плели прутьями”; *konzak lampan viritimej*, а *konz i pil’kušaižen* (Krh, СВЯ, с. 417) “когда лампы зажигали, а когда и коптилку”;

#### Южновеппский диалект

*virzuiš mõ käelimej* (Čikl, ОВР, с. 65) “мы в лаптях ходили”; *mānīmā mõ kagralest* (Sod, ОВР, с. 203) “пошли мы ко ржи”; *elīmā ühtes pertiš toštmu veljemu* (Ars, СВЯ, с. 651) “мы жили в одном доме с другим братом”; *astuhtīmā vähäžen* (Krl, СВЯ, с. 35) “мы прошли немножко”.

Приведем примеры на употребление форм 2 лица мн. числа:

#### Северновеппский диалект

*d’ose muštīt, konz lehm kandi?* (Toižeg, 3386) “неужели вы помните, когда корова отелилась”; *sanutaze: to otitt dubaspai meide neiččen* (Š, NÄKM, 166) “говорят: вы взяли нашу девушку из дуба”;

#### Средневеппский диалект

*kuna tõ putuid’sē?* (Pnd, 3340) “куда вы попали?”; *avei tulit’ kodihe, a mamse ajanu om* (VI, 3401) “как жаль, домой прибыли, а мать уехала”; *ku tulit’, ka ištkat hilläšti* (Kuja, 3402) “раз пришли, то сидите тихо”; *seitei hüvin’* (Pž) “(вы) поели хорошо”; *olitei jo nitüuse?* (Šim) “были ли на покосе?”; *tõ rikoitai hondou put’uu* (Särg, ОВР, с. 74) “вы убили плохим способом”; *tõ rikeitai veičou* (Särg, ОВР, с. 74) “вы убили ножом”; *kuspei tii necen liuzitei* (L) “и где вы нашли это”;

#### Южновеппский диалект

*tulitā pēdole, a potomse mida* (Krl) “пришли вы на поле, а потом-то что”; *ka ved homācītā kondjansē* (Sod) “так ведь медведя-то заметили”; *tõ ištūtā, kokōitā* (Mg) “вы сидели поджидали”.

Для форм имперфекта 2 лица мн. числа характерно то, что в средневеппском диалекте, его восточных говорах, где выступает вариант окончания **-t**, **-d**, лично-числовое окончание всегда имеет смягчение, поскольку для этого диалекта характерно смягчение звуков в позиции после **-i**. И поскольку показателем имперфекта является именно **-i**, то он постоянно провоцирует стоящее за ним лично-числовое окончание **-t**, **-d**, как это было и в случае с лично-числовым окончанием 1 лица ед. числа, к смягчению (*tõ magazid’, lugid’* “вы спали, читали”).

Форма 3 лица мн. числа имперфекта так же, как и соответствующая

форма презенса, достаточно многообразна и стоит особняком. Вызвано это все тем же историческим смешением форм актива и пассива. Активная исторически форма 3 лица мн. числа имеет окончание **-ba**, **-bad**, как и в презенсе, которое присоединяется к основе имперфекта: *tuli-ba* “пришли”, *sanui-ba* “сказали”, *varasti-ba* “ждали”, *vedi-ba* “вели”, *läksi-ba* “пошли”. Данный вариант формы имперфекта характерен для средне-вепсского и южновепсского диалектов:

#### Средневепсский диалект

*mäniba mužik akanke kerdan mecha, radoiba, radoiba, ehtkoizuu tönđuiba kodihe* (Pnd, ОВР, с. 29) “пошли однажды муж с женой в лес, работали, работали, вечером побрели домой»; *ende eliba mužik da ak* (Šim, NÄKM, s. 224) “раньше жили старик да старуха”; *möst razbainikad varastiba, nähtas, miše pit'kha ei nägu, oigenziba koumanden* (Šim, NÄKM, s. 225) “опять разбойники подождали, смотрят, долго не видно, третьего послали”; *otiba, löškanziba necen mužikan i löiba hänen pahein'* (NÄKM, Särg, s. 215) “взяли, начали бить этого мужика, и набили его сильно”; *otiba hö, vajehtiba jauhole, ajoiba kodihe* (Pec, ОВР, с. 91) “взяли они, обменяли на хлеб, поехали домой”; *sid hii pigai bohattuiba, stroihoihoiš, ostiba hebon, lehmäd* (Pec, VRS, lp. 141) “здесь они быстро разбогатели, построились, купили лошадь, коров”; *mäniba kahten kesken mecnikad mectamaha* (Jä, ОВР, с. 7) “пошли два охотника на охоту”; *kudeig hö živatan soupsiba...* (Jä, ОВР, с. 133) “пока они коров запирали...”; *sanuiba hö statjäizen* (L, NÄKM, s. 392) “сказали они при сказку”;

#### Южновепсский диалект

*sarkad ombliba hö* (Krl, ОВР, с. 260) “они сапоги шили”; *narošnjad ende oliba kožeunikad* (Krl, ОВР, с. 260) “были специальные кожевники”; *kerdan ehtä uk da mamš ištuiiba, ištuiiba* (Šid, ОВР, с. 245) “однажды вечером старик да старуха сидели, сидели”; *eliba uk da mamš* (Šid, ОВР, с. 245) “жили старик со старухой”; *tauveu mužikad radoiba, parzid čapoiba* (Kerč, ОВР, с. 202) “зиму мужчины работали, бревна валили”; *podruškoile ištutiba hö nevestan* (Sod, ОВР, с. 226) “к подружкам посадили они невесту”.

Пассивная по происхождению форма 3 лица мн. числа образуется от основы пассива имперфекта, имеющей показатель **-ti-**, **-di-**, включающий в свой состав исторически тот же показатель пассива **-t-**, о котором речь была выше в связи формами 3 лица мн. числа презенса, и **-i-** – суффикс имперфекта. К названной основе присоединяется лично-числовое окончание **-he**. Первичным в данных формах был праприбалтийско-финский звуковой комплекс **\*-sen** (после гласного **-\*zen>\*-hen**), который содержит в своем составе достаточно древний компонент **\*sV-**, издревле указывающий на 3 лицо. Предполагается, что он лучше всего сохранился в варианте **-kse**, употребляемом в эстонской грамматике (*loetakse* “читают

(кто-то)": Основы, 1975, с. 84), а также в функции рефлексивного показателя, например, в том числе, и в некоторых диалектах вепского языка (pestakse "мыться"), как мы об этом будем говорить еще в разделе о рефлексивном спряжении (см. L. Hakulinen, 1979, s. 240; Häkkinen K., 1985, s. 105). Правила употребления **-ti-** или **-di-** на конце основы имперфекта полностью совпадают с выбором **-ta-** или **-da-** при образовании формы 3 лица мн. числа презенса, о чем речь шла выше в разделе, посвященном формам презенса индикатива. Кроме того, следует отметить, что из показателя основы имперфекта **-ti-**, **-di-** достаточно часто выпадает **-i-**, оставляя после себя лишь смягчение, либо даже не оставляя такого, то есть **-ti~ -di-> -t'~ -d'** (**-t'~ -d'**): *mänd'he* "(они) пошли", *söd'he* "(они) поели", *ajet'he* "(они) уехали", *varastet'he* "(они) ждали", *ol'd'he* "(они) были", *sord'he* "(они) уронили".

В двухсложных лексических основах на **-a-** перед элементом основы имперфекта **-ti- ~ -di-** (**-t'-, -d'-**) **-a->e-**: *aja-n* "(я) еду" – *ajeti-he* "(они) ехали"; *vala-n* "(я) наливаю" – *valeti-he* "(они) наливают". В северновепском диалекте это же правило действует и в трехсложных основах на **-a-**: *varasta-n* "(я) жду" – *varastet'-he* "(они) ждут"; *kird'uta-n* "(я) пишу" – *kird'utet'-he* "(они) пишут"; *mäneta-n* "(я) использую" – *mänetet'-he* "(они) используют". В других диалектах подобного перехода в многосложных основах не происходит: *varastadi-he*, *kirjutadi-he*, *mänetadi-he*.

Проиллюстрируем употребление названной формы 3 лица мн. числа в диалектах вепского языка:

#### Северновепский диалект

*venčäle mänd'he* *hö da i venčäihe* (Št, NÄKM, s. 76) "поехали они под венец да и обвенчались"; *hö kozile tuldihe* (Št, NÄKM, s. 76) "они пришли сватать"; *hö verajad saubatihe* (Št, NÄKM, s. 76) "они двери закрыли"; *mänd'he* (Maša Annanke), *reig kaid'he*, *kudambas voi d'o mehele lähhta i lübutihe viškaiči katusen päle i seižut'he* *katusele* (Kask, NÄKM, s. 157) "пошли Маша с Анной, дыру сделали, через которую можно было (сбежать) и выйти замуж, и поднялись через чердак на крышу, и встали на крыше"; *lähttihe* *hö karzn'aha reigud kaimaha* (Kask, NÄKM, s. 157) "пошли они в подвал яму рыть"; *mändihe* *tanhala mougotid* (Mt, VRS, lp. 56) "пошли они оба во двор"; *söd'he*, *hö d'od'he dai magatta verd'he* (Mt, VRS, lp. 59) "поели они, попили и улеглись спать"; *hö akanke pagetaze*, *a Nastasjan d'ättihe* *kodihe* (Šokš, VRS, lp. 85) "они с женой убегают, а Настасью дома оставили"; *ende eletihe* *ukeine da akeine* (Kalag, VRS, lp. 100) "раньше жили старик да старушка"; *hö muga i teht'he* (Matv. Sel'g, VRS, lp. 103) "они так и сделали";

#### Средневепский диалект

*uksed verajad kiregat'he*, *seibhäd säregat'he* (L, NÄKM, s. 391) "двериворота заскрипели, столбы задрожали"; *ende eli uk da ak, semetihe* *pertin päle nagrišt* (Nažamj, NÄKM, s. 358) "раньше жили старик со старухой,

посеяли они на дом репу”; *velled jäd’he* ihaustusiš (Nažamj, NÄKM, s. 362) “братья с радостью остались”;

#### Южновепский диалект

*oldhe kaks’ roigad minā, oldhe mecas mechudō* (Sod, OBP, с. 209) “были у меня три брата, были они на охоте”; *tuldihe hō palonnost* (Čikl, NÄKM, s. 563) “пришли они к пожоге”.

Можно наблюдать и смешанное употребление обсуждаемых активных и пассивных по происхождению форм 3 лица мн. числа имперфекта даже в речи одного информанта в различных диалектах: *oldhe kaks’ roigad minā, oldhe mecas mechudō, ajoiba kondjale päle* (Sod, OBP, с. 209) “было у меня два сына, были они в лесу на охоте, попали на медведя”; *möst razbainikad varastiba, nähtihe, miše pit’kha ei nägu* (Šim, NÄKM, s. 225) “опять разбойники ждут, видят, что их долго не видно”; *ajoiba, ajoiba, tuleškat’he čigapan degūnaha* (NÄKM, Šim, s. 269) “ехали они, ехали, стали приближаться к деревне цыгана”; *kukoi da kaži sauvoiba pertižen da eläškat’he sigou* (NÄKM, Šim, s. 239) “петух да кот построили домик и стали жить в нем”; *möst razbainikad varastiba, nähtihe, miše pit’kha ii nägu* (NÄKM, Šim, 225) “еще разбойники подождали, увидели, что нет долго их”; *ende eliba uk da ak, semetihe pertin päle nagrišt* (Nažamj, NÄKM, s. 358) “раньше жили старик да старуха, посеяли они на дом репу”. Данный факт свидетельствует о том, что выбор формы еще не завершен, хотя уже сделаны некоторые предпочтения. В средневепском диалекте современного вепского языка произошло своеобразное перераспределение ролей: в презенсе, как об этом уже было сказано выше, в качестве формы 3 лица мн. числа употребляется пассивная по происхождению форма (*sōdas* “(они) едят”, *jādas* “(они) останутся”, *varastadas* “(они) ждут”), в то время как в имперфекте – активная (*sōiba* “(они) ели”, *jäiba* “(они) остались”, *varastiba* “(они) ждали”). В южновепском диалекте также доминирует активная по происхождению форма. В северновепском диалекте, в форме презенса 3 лица мн. числа индикатива можно встретить хотя бы единичное употребление активных по своему происхождению форм наряду с пассивными формами (*paḃa* “(они) кладут”, *tuloba* “(они) придут”, *mäḃa* “(они) идут”, а также *paḃaze, tulḃaze, mäḃaze* в том же значении). В имперфекте же активных по происхождению форм зафиксировать совсем не удалось. То есть здесь носители диалекта в имперфекте выбор сделали в пользу пассивной по происхождению формы в значении активной. Произошло это, вероятно, в том числе благодаря и влиянию карельского языка, которое достаточно заметно в названном диалекте (см. об этом также Tunkelo E.A., 1946, s. 902–903).

Отрицательные формы имперфекта в вепском языке, как и в других прибалтийско-финских языках, являются аналитическими. Они строятся с помощью отрицательного глагола в соответствующем лице и числе



и формы II причастия актива смыслового глагола. II причастие актива в современных диалектах вепского языка имеет различные суффиксы, хотя исторически они происходят из одного и того же источника. В северновепском диалекте суффиксом причастия является **-nu**, восходящий исторически к более древней форме суффикса **-nut**, **-nüt**, которая употребляется и сейчас в ряде родственных языков, и из которой на почве вепского языка отпал конечный **-t** (Tunkelo E.A., 1946, s. 125). Предполагается, что суффикс II причастия актива **-nu** исторически восходит к праприбалтийско-финскому звуковому комплексу **\*-nUt**; в свою очередь, происхождение же данного комплекса еще не нашло пока достаточно приемлемого объяснения. Полагают, что в нем, возможно, объединено несколько суффиксов, например, **-nA** (ср. финск *humina* “гул, звон”) и **-Ut** (ср. финск. *ohut* “тонкий” < *oha*: см. Häkkinen K., 1985, s. 128).

Суффикс причастия **-nu** присоединяется в вепском языке к основе одноосновных глаголов (**sö-nu** “поевший”, **väzu-nu** “уставший”, **luge-nu** “прочитавший”), а если глагол обладает двумя гласными основами, то чаще выступает *краткая* гласная основа (**raime-nu** “пасший”, **ga-nu** “работавший”, **sä-nu** “надевший”, **lükäi-nu** “бросивший”). Если глагол двухосновен, то показатель причастия присоединяется к *согласной* основе (**tul-nu** “пришедший”, **sord-nu** “уронивший”, **läht-nu** “ушедший”, **rap-nu** “положивший”).

В средневепском и южновепском диалектах суффикс причастия, употребляемого для образования именно отрицательной формы имперфекта, имеет несколько иную форму: **-nd** и **-n**. И в этом случае источником данного варианта суффикса является все тот же, названный выше, более древний звуковой облик суффикса **-nut**, **-nüt**, утративший в результате стяжения слога в вепском языке звук **-u**- (Kettunen L., 1922, I, lk., 47). Однако, и что важно, названные варианты суффиксов **-nu** и **-nd** (**-n**), имевшие в качестве своей праформы один и тот же вариант, стали все более расходиться в языке. Так, например, при образовании причастия присоединением суффикса **-nd** выступает всегда *гласная* основа, а если глагол обладает двумя гласными основами, то *долгая* гласная основа: en **sö-nd** “(я) не ел”, en **varasta-nd** “(я) не ждал”; en **paimenda-nd** “(я) не пас”, en **lükäida-nd** “(я) не бросил”; en **tule-nd** “(я) не пришел”, en **sorda-nd** “(я) не уронил”. Причастие с суффиксом **-nu** требует согласной основы (**tul-nu** “пришедший”) либо краткой гласной (**lükäi-nu** “бросивший”); и лишь в том случае, если глагол одноосновен, оба варианта причастия образуются от одной и той же основы (**sö-nu**, **sö-nd** “евший”). Различие в основах при образовании суффиксами **-nd** и **-nu** делает формы причастий достаточно непохожими: **paki-nu** и **pakiče-nd** “просивший”; **vali-nu** и **valiče-nd** “выбравший”. Причем, в языке произошло закрепление форм причастий на **-nu** и **-nd**

за разными формами глаголов: причастие с суффиксом **-nu** выступает во всех диалектах при образовании *положительной* формы перфекта, как это будет показано ниже (olen sönu “(я) поел”; за исключением южновепского диалекта, который и в этом случае часто использует причастие на **-nd**: olen valičend “(я) выбрал”); причастие с суффиксом **-nd** – в южновепском и средневепском диалектах отрицательной формы имперфекта, о которой в данном случае и идет речь: en valičend “(я) не выбрал”, en sönd “(я) не ел”.

Далее, в ряде западных говоров средневепского диалекта (Ладва, Ярославичи, Курба), а также отчасти в южновепском диалекте процесс сокращения форманта причастия пошел дальше, и в нем остался лишь один звук **-n**: en sö-n, en varasta-n, en paimenda-n, en lükäida-n, en tule-n, en sorda-n. Эта закономерность была отмечена в языке названных поселений вепсов уже в начале XIX века (**nt>nD>n**: Kettunen L., 1922, I, lk. 47). С другой стороны, в образцах речи прионежских и средних вепсов Сетяля и Кала 1951 года (NÄKM, 1951) в Ладве (западные говоры средневепского диалекта), например, регулярно употреблялся вариант суффикса **-nd** на месте современного постоянного и практически единственно встречающегося **-n**: enamb mužikad ei ištutand sömhä (NÄKM, Ladv, s. 309) “больше не посадила мужчину есть”; sen päle en kurkund, sen päle se en käreband (NÄKM, Ladv, s. 422) “на это-то не рассердилась, на это-то не разозлилась”. Данные примеры указывают на достаточно быстро протекающий процесс сокращения отдельных формантов, что, конечно же, отчасти зависит от того, что вепский язык функционирует лишь в форме разговорной речи и в нем не действует сдерживающий момент орфографии.

Приведем примеры отрицательных форм ед. числа по диалектам:

#### Северновепский диалект

mina en tehnu n'emida (Št, 2432) “я ничего не сделала”; mina en käunu niitile (Št, 3384) “я не ходила на покос”; en nähnu, ken raccast' siiriči (Š, СВЯ, с. 458) “не видела, кто проскакал на лошади мимо”; tälol en maganu (Š, СВЯ, с. 592) “сегодня ночью не спала”; hän ei väzunu nimitušš (Š, NÄKM, s. 159) “он совсем не устал”; Maša koje-kudgi kundel' battaze da mamtaze, ei otkažinu razbainikad (Š, NÄKM, s. 164) “Маша все-таки послушала мать и отца, не отказала разбойнику”; hän ičeze mužikad ei navednu (Š, NÄKM, s. 19) “она не любила своего мужа”; mina tedan, sina igan oružjad ed pidanu i koirad ed pidanu (Kask, 3385) “я знаю, ты никогда не держал ниружья, ни собаки”; ĩ ounu silai kanaštš (Perv, NVM, s. 158) “не было у тебя курочки”;

#### Средневепский диалект

mina hänt en sabutanu kodiš (Pnd, СВЯ, с. 493) “я не застала его дома”; ken-se siriči üukniš vüumaht', en ehtnü kacauta, ken oli (Pnd, КСВЯ) “кто-то мимо окон промелькнул, не успела заметить, кто был”; armast vajeht hän

*igas ii kuunu* (Pnd, КСВЯ) “ласкового слова она век не слышала”; *tahasai ii tuunu* (Pnd, СВЯ, с. 592) “до сих пор не пришел”; *hüväd elod en nägend* (VI, 2290) “хорошей жизни не видела”; *en rohtind küzuda* (Šim, СВЯ, с. 258) “не посмела спросить”; *šuukuizēd vastad katkoin, kus kägi ei kukkund i kündlid ei pāstand* (Pāž, ЁВЯ, с. 454) “наломала шелковые веники, где кукушка не куковала и слезы не роняла”; *en kohtha astund, vitlikoičin mecas* (Jä, СВЯ, с. 637) “не прямо шел, плутал в лесу”; *segoin, en toimetand, kuna lähtta* (Jä, СВЯ, с. 573) “заблудился, не сообразил, куда идти”; *en har'ganu ole min'ä verhale vilule randaižele* (ОВР, Рес, с. 98) “не привыкла я к чужой холодной сторонущке”; *en ajan nikuna t'ämbei, eļen mašinad* (L) “не уехал сегодня никуда, не было машины”; *ed mahtan necid'ä t'ehta, ka ed ozutanki* (L, 1502) “ты не умела этого делать, так и не показала”;

#### Южновепский диалект

*ed abutand tehta milen' pertid, ka en pāsta elāmaha* (Čg, СВЯ, с. 18) “не помог мне дом построить, так и жить не пушу”; *tähäsaē divuime, kut mä en kül'mähtun* (Sod, ОВР, с. 235) “до сих пор удивляюсь, как я не простыл”; *a toižes stvolaspäi en ambun* (Sod, ОВР, с. 235) “а из другого ствола не выстрелил”; *mä en aјand* (Sod, ОВР, с. 209) “я не поехала”; *mä en mahtand bastä venäks* (Sod, СВЯ, с. 42) “я не умел говорить по-русски”; *tändö käelin mecha, bolad en tond* (Vg, СВЯ, с. 593) “впустую сходила в лес, брусники не принесла”; *en olend kodiš, tuskkur tul'* (Vg, СВЯ, с. 586) “я не был дома, тоска напала”.

По свидетельству языкового материала, выбор вариантов суффикса **-nd** или **-nu** во II причастии актива, употребляющегося при построении отрицательных форм имперфекта ед. числа, по диалектам до сих пор не до конца сложился, и можно наблюдать их смешение в одном и том же пункте: *en kacel-nu jogehe* (J, СВЯ, с. 635) “не смотрел в реку”; *en tunde-nd, ken nese vastnik oli* (J, СВЯ, с. 617) “не узнала, кто был встречный”; *mä en mahta-nd bastä venäks* (Sod, СВЯ, с. 42) “я не умел говорить по-русски”; *tahasae divuime, kut mä en kül'mähtu-n* (Sod, ОВР, с. 235) “до сих пор удивляюсь, как я не простыл”; *sä ed dorahn-nu kagradse* (Sod, ОВР, с. 203) “ты не дождала овец”.

Любопытна в этом плане ситуация в восточных говорах средневепского диалекта. Большая часть говоров использует вариант **-nd**. В пондальских же говорах достаточно регулярно, за очень редкими исключениями (напр., *man päu ka nügutte šatib, a vedou päu minein' varaidust eilend* (P, ОВР, с. 109) “на земле так меня качает, а на воде я не боялся”) выступает вариант **-nu**, характерный для северновепского диалекта. Интересно то, что расстояния между населенными пунктами восточновепских говоров невелики: например, между Пондалой и Куей всего 16 километров, в то время как представители северновепского диалекта живут на достаточно

большой удаленности от Пондалы: это разные регионы – Вологодская область и Республика Карелия. Что повлияло на выбор варианта суффикса? Впоследствии можно будет наблюдать и некоторые иные явления, как бы выбивающиеся из общей картины восточных говоров, указывающие на их неоднородность и разноплановость, в основе которой, очевидно, лежит история происхождения говоров и контакты их носителей с другим вепсским населением – представителями иных диалектов.

Заслуживает внимания, кроме того, форма глагола *olda* “быть” в отрицательных конструкциях. Отрицательный глагол зачастую настолько сросся с основой, что невозможно определить, где заканчивается отрицательный глагол и где начинается основа основного глагола, а вместо ожидаемых форм *ei olend ~ ei olnu* “(он) не был” употребляется *iiländ, eļend, iilenu*: *a vozil iiländ nikut ni garbüd, ni babukoid* (VI, 2290) “а в некоторые годы не было ни клюквы, ни грибов”; *nimida ližad iilenu* (Pnd, СВЯ, с. 293) “ничего не помогло”; *eļend hiil hebod* (Jä, ОВР, с. 19) “у них не было лошади”.

Для вспомогательного глагола в отрицательных конструкциях наиболее характерным является положение перед основным глаголом, стоящим в форме II причастия актива: *hänes päliči en putund tämbei kodihe* (L, СВЯ, с. 452) “из-за него не попала домой”; *hän sinna ei tulend* (VI, 2290) “он туда не пришел”; *en nägend mina armoid* (Šim, СВЯ, с. 452) “не видела я ласки”; *nimittušť sötatišť en jätand* (Sod, ОВР, с. 203) “ничего съестного не оставил”. Однако, как и в презенсе, о чем речь шла выше, может наблюдаться употребление его в постпозиции, а также и на расстоянии от основного глагола: *Maša ei ni kubahtunu* (Š, NÄKM, s. 2) “Маша не шелохнулась”; *hän ei täspei nikuna lähtond* (VI, 2290) “он никуда не ушел отсюда”; *sina ošibitoi luktes, ed čomas lüğend* (Jä, СВЯ, с. 635) “ты ошибся при чтении, неправильно читал”; *hän männu ei, dubinale sanji – ota batog* (Š, NÄKM, s. 2) “он не пошел, а дубине приказал взять палку”; *min’ä tednu en* (ОВР, Рес, с. 399) “я не знала”.

Отрицательные конструкции мн. числа в диалектах вепсского языка чрезвычайно многообразны. Причем, отличия в конструкциях есть не только между диалектами, но и между говорами и группами говоров.

Вместе с тем, данные конструкции отличаются от отрицательных конструкций ед. числа тем, что в них отрицательный глагол имеет личнослововые окончания мн. числа, как и в презенсе. И вообще, подчеркнем, что отрицательный глагол, который в большинстве прибалтийско-финских языков имеет только одну парадигму – парадигму презенса, – и в вепсских отрицательных конструкциях имперфекта имеет окончания, идентичные презенсу, а значение имперфекта несет в себе смысловой глагол. Смысловой глагол, имеющий в названных конструкциях форму причастия, в диалектах вепсского языка стоит:

- а) в форме мн. числа II причастия актива;
- б) в форме ед. числа II причастия актива;
- в) в форме причастия пассива.

В северновепском диалекте, в котором наблюдается последовательная победа в 3 лице мн. числа пассивных форм над активными, в отрицательных конструкциях также используется в основном только пассивное причастие. Причастие пассива строится при помощи суффикса **-tud~dud**, который присоединяется к лексической основе глагола: *sanu-n* “(я) скажу” – *sanu-tud*, *a ja-n* “(я) еду” – *a je-tud*, *varasta-n* “(я) жду” – *varastadud*. Если глагол обладает двумя гласными основами, то суффикс пассивного причастия, как правило, присоединяется к краткой гласной основе: *paimeta* “пасти” – *paimetud*, *lūkäita* “отодвинуть” – *lūkäitud*, *čuta* “бросить” – *ču-tud*. У двухосновных глаголов в этом случае выступает согласная основа: ср. *tul-gat* “придите!” – *tul-dud*, *pan-gat* “положите!” – *pan-dud*, *astkat* “идете!” – *ast-tud*, *kast-kat* “полейте!” – *kast-tud*. В двусложных основах на **-a**- при образовании формы пассивного причастия **-a->e-**, как и в прочих пассивных формах: *a ja-n* “(я) еду” – *a je-tud*, *vala-n* “(я) наливаю” – *vale-tud*. Выбор вариантов суффикса **-tud**, **-dud** и правила присоединения их к основам те же, что и правила присоединения показателей основы 3 лица мн. числа презенса **-ta-**, **-da-** (*paimeta-s* “(они) пасут”, *varastada-s* “(они) ждут”, *nolda-s* “(они) лжуют”) и имперфекта **-ti-**, **-di-** (*paimeti-he* “(они) пасли”, *varastadi-he* “(они) ждали”, *noldi-he* “(они) лизали”); об этом шла речь в разделе “Лично-числовые формы глагола”, поэтому здесь мы ограничимся лишь упоминанием о тождественности данных явлений.

Суффикс причастия пассива **-tud**, **-dud** в своем составе содержит показатель пассива **-t-** (см. Häkkinen K., 1985, s. 129), который имеет место во всех пассивных формах. Происхождение же гласного **-u-** в составе суффикса причастия пассива пока не имеет достаточно четкого объяснения. Существует предположение о связи **-u-** с суффиксом отглагольных имен действия (Накулинен L., 1979, s. 221). Дискуссию вызывает и наличие в суффиксе причастия пассива конечного согласного **-d**.

Подобные формы причастия на **-tud** с конечным согласным **-d** в конце суффикса отмечены и в эстонском языке (*nähtud* “увиденный”, *lisatud* “прибавленный”), где предполагается, что они являются по происхождению аналогичными формам активных причастий (*näinud* “увидевший”, *lisanud* “прибавивший”: Kettunen L., 1929). Э. А. Тункело полагал, что подобное объяснение не годится для вепского языка. Дело в том, что если говорить об аналогии с причастием актива, то у него в вепском языке в ед. числе достаточно рано отпал конечный **-t** из суффикса, и теперь оно имеет в номинативе в основном без **t**-овый вид – *otnu* “взявший”,

poimnu “собравший” (исключение составляют, как уже указывалось, формы причастий на **-nd**, которые употребляются в отрицательных конструкциях). Если предположить, что в вепсском языке также действовал закон аналогии, то вполне закономерно считать, что данные формы причастий актива и пассива с **-t** в ауслaute должны были существовать в языке в одно и то же время. Но, в свою очередь, если таковое было возможно, то закон отпадения конечных согласных в номинативе должен был коснуться и формы причастий пассива, как это произошло в форме причастий актива: otnu “взявший”, sõnu “поевший”. Тем не менее, форма причастия пассива имеет сейчас в языке суффикс **-tud, -dud**. Думается, несмотря на то что в последнее время признание получила точка зрения появления ауслautного **-t** в суффиксе причастия пассива как результата аналогии с активными формами причастий (см., например, Häkkinen K., 1985, s. 129), следует еще раз вернуться к мнению Э.А. Тункело, выказанному им в “Исторической фонетике вепсского языка” (Tunkelo E.A., 1946). Он полагал, что вепсская форма причастия пассива (по его мнению, и эстонская, о которой мы упоминали, тоже) в ее синхронном состоянии есть не что иное как застывшая форма партитива с окончанием **-d**, которое исторически имело в своем составе еще и гласный звук: ottud “взятый” < \*ottađu-ta, anttud “отданный” < \*anttađu-ta (Tunkelo E.A., 1946, s.136). Впоследствии окончание партитива **-d** вошло в состав суффикса и, слившись с ним, образовало новый вариант суффикса причастия пассива **-tud (-dud)**. Поскольку это застывшая падежная форма, то она не позволила причастию иметь в языке какие-либо иные словоизменительные формы, поэтому форма причастия пассива остается всегда неизменной. Кроме того, в вепсском языке сохранились рефлексы бывшей, исходной формы причастия пассива, типа varastet (ср. современное varastadud “ожидаемый”), levitet (ср. современное levitadud “расстеленный”), jätet (ср. современное jättud “оставленный”), которые употребительны в северновепсском диалекте, где они сейчас воспринимаются достаточно архаичными, и в южновепсском диалекте: venez om kukert (<kukerttu: Kettunen L., 1943, s. 513) “лодка опрокинута”; su čumbištet, muga i ištub (<čumbištettu: Kettunen L., 1943, s. 513) “рот закрыт, так и сидит”. А. Кяхрик в одной из своих статей (Kährik A., 1980, s. 130) и вообще указывает в южновепсском диалекте лишь данную архаичную форму причастия на **-tu, (-t): anttu (andetu)** “данный”, otu (otettu) “взятый”, что, правда, не совсем корректно, поскольку в образцах вепсской речи из южновепсского диалекта, опубликованных и в России, и в Финляндии, обнаруживается в южновепсском диалекте и форма пассивного причастия на **-tud, -dud**. Она же имеется и в работе Л. Кеттунена “Синтаксис вепсских диалектов” (см. напр. mužikā kadjad pandud jaugha “у мужика кальсоны надеты”: Kettunen L., 1943, s. 512),

у которого иллюстративный материал из южно-вепсского диалекта исключительно богат. Для средневепсского диалекта вариант формы причастия пассива на **-t**, **-tu** практически не знаком. Таким образом, данные вепсского языка в его синхронном состоянии сохранили две формы причастия пассива: на **-tu** (~ **-t**), **-tud**, **-dud**.

Далее, в пользу точки зрения Тункело на происхождение показателя причастия пассива **-tud** говорят и некоторые языковые формы, не принятые почему-то ранее во внимание: **paštuid** “испеченных”: **paštuid’ nagrhid’ tehlim** (VI) “делали печеную репу” (ср. **paštud** “испеченный”); **löuttuid** “найденных”: **luuttuid’ babukoid’ oli vähähk, miše žard’ a hiid’** (Kuja, 3397) “найденных грибов было маловато, чтобы нажарить” (ср. **löuttud** “найденный”); **saduid** “добытых”: **saduid’ kalaižid’ süi kaži** (Pnd, 3401) “кошка съела добытые рыбки” (ср. **sadud** “добытый”). Это единственно возможные иные, кроме основной формы (**paštud**, **löuttud**), варианты форм причастия пассива в современном вепсском языке, которые употребляются уже от редких глаголов; и они имеют значение именно партитива мн. числа (!). Поскольку форма на **-tud** (**-dud**) исторически являлась партитивом ед. числа, то в языке и возможно было образование только формы партитива мн. числа при помощи суффикса мн. числа **-i-**, встающего после основы перед окончанием партитива **-d**. Можно, конечно, еще предположить, что в суффиксе причастия пассива **-tud** (**-dud**) в ауслaute мог выступать суффикс мн. числа **-d**, который свойствен сфере имен в формах номинатива. Но в этом случае трудно объяснить, почему в формах типа **paštuid** “испеченных” два показателя множественности употреблены одновременно, ведь у них разные функциональные нагрузки: **-d** указывает на множество в номинативе, **-i-** – во всех прочих падежах за исключением номинатива. Кроме того, и что важно, почему возможны в языке только формы мн. числа типа **paštuid** “испеченных” со значением именно партитива? Очевидно, потому что форма ед. числа причастия пассива исторически все-таки и являлась партитивом. В свете всего сказанного следует еще раз вернуться к объяснению происхождения вепсского варианта суффикса причастия пассива **-tud** (**-dud**), все-таки не исключая, возможно, в нем наличия исторически окончания партитива **-d**.

Приведем примеры употребления отрицательной конструкции, образованной с помощью отрицательного глагола и причастия пассива:

Северновепсский диалект

**rohttud em edahan mända** (Kaleig, 3388) “мы не смели далеко ходить”; **ka em kehitud nimida** (Kaleig, 3388) “так мы ничего не хотели”; **em ni däduđ sinna elämaha** (Kaleig, 3388) “мы не остались там жить”; **tö bohatadse et oldud** (Št, 3384) “вы и богатыми-то не были”; **prihad ii kävutud, vaiše ničed** (Št, 3384) “девушки не ходили, только парни”; **mö em eletud Kakarvos** (Št, 3384)

“мы не жили в Каккорове”; *mindei roditel'ad školha pästtud ei* (Kask, 3384) “меня родители не отпустили в школу”; *niiččed necida ii starinoitud* (Š, 3385) “девушки об этом не рассказывали”.

Подобные конструкции изредка можно встретить и в других регионах: *akad ende ei g'osketud olut* (Куја, 3403) “раньше женщины не пили пиво”; *amu ei oldud ičhiized kaumažil* (P, 3404) “давно уже родственники не были на кладбище”. Однако они нерегулярны и являются как бы исключением из общего правила в средневепском и южновепском диалектах.

В селе Шелтозеро, которое является центром северновецкого региона, удалось зафиксировать также редкие примеры, в которых смысловой глагол и в отрицательной конструкции мн. числа употребляется в форме причастия актива ед. числа. В этом случае значение множественности в отрицательной конструкции несет на себе отрицательный глагол: *a ende ved mö em d'onu vinad* (Št, 3385) “а раньше ведь мы вино не пили”; *siloi ved em ostnu vouktid ripakeižid* (Št, 3387) “а тогда мы не покупали белые тряпки”. Являются ли подобные примеры случайными, трудно сказать. Тем не менее, они напоминают южновепские отрицательные конструкции, в которых смысловой глагол также не меняет свою форму на мн. число;

#### Южновепский диалект

*me kondjad rikta emai voilen* (Sod, СВЯ, с. 638) “мы не могли убить медведя”; *emae voilen sabutada* (Sod, ОВР, с. 235) “мы не могли догнать”; *poigad eba ajand hänelest sina* (Sod, ОВР, с. 209) “сыновья туда к нему не поехали”; *händikas joks', emae ehtind nimida* (Sod, ОВР, с. 229) “волк убежал, ничего не успели мы”; *poigad pätihe irdha, eba ajand hänelest sina* (Sod, ОВР, с. 209) “сыновья попятнулись, не подъехали к нему”; *silö eba sönd kondjan lihad niken* (Krl, СВЯ, с. 146) “тогда никто не ел(и) мясо медведя”; *eba mänend niiččed* (Mg, СВЯ, с. 358) “девушки не пошли”; *hered mö em vedand nikuverdad kevadehesä* (Vg, СВЯ, с. 253) “навоз мы не возили нисколько до весны”; *a hö ebad mänend zapol'kale sile* (Čg, NEV, I, s. 60) “а они не поехали на эту поженку”; *ebad i ičtanze mujand* (Čg, NEV, I, s.55) “и себя не помнили”; *ebad voind tirpta* (Čg, NEV, I, s.56) “они не могли терпеть”; *ema i söhtan si päivää, ema ni johtan* (Krl, NEV, I, s. 110) “и не поели мы в тот день и не попили”; *ema voilen löuta kondjad* (Krl, NEV, I, s. 97) “мы не смогли найти медведя”; *kodiš mö söhtan ema* (Krl, NEV, I, s.93) “дома мы и не поели”.

Как показывают языковые иллюстрации, форма отрицательного глагола в отрицательных конструкциях в южновепском диалекте стоит во мн. числе соответствующей лично-числовой формы, а смысловой глагол имеет форму II причастия актива ед. числа, которая выступала и в отрицательных конструкциях ед. числа имперфекта. Подобные формы свойственны и части переходных говоров: шугозерским, корвальским, пязозерским:



*hö eba mahtand bastä venäks* (Šugarv; 3387) “они не говорили по-русски”; *emei lugend gazetoid* (Päžar’) “мы не читали газеты”; *etei tond kaladse?* (Päžar’) “рыбы-то вы не принесли?”

Для средневепского диалекта свойственны свои особые отрицательные конструкции мн. числа имперфекта. Для пондальских восточновепских говоров, а также для западновепских говоров характерны отрицательные конструкции, включающие в себя отрицательный глагол и форму II причастия актива, к которой присоединяется формант **-koi**, **-goi**, выступающий и в отрицательных формах презенса. М.М. Хмяляйнен называл эти формы причастий на **-nu** “восполнительными” формами глагола (Хмяляйнен М.М., 1966, с. 90). Они действительно занимают исключительно важное место в вепском глагольном формообразовании. Как будет показано в дальнейшем, они совершенно необходимы и при образовании форм вепского кондиционала. Причем названные причастия не просто помогают в аналитическом построении форм времен, но и служат своеобразной основой, к которой присоединяются другие формообразующие суффиксы.

Таким образом, отрицательные формы имеют следующий вид: *tuunugoi* “(мы) не пришли”, *et sönugoi* “(вы) не ели”, *ii varastanugoi* “(они) не ждали”. Приведем примеры подобной формы в названных говорах:

#### Средневепский диалект

*miid ii pästnugoi nikuna roditel’ad* (Pnd, 3405) “нас родители никуда не пускали”; *hö sanunugoi ii* (Pnd, 3397) “они не сказали”; *časounišpäi ii otnugoi niken haugoid* (Pnd, 93) “из часовни не брал никто дрова”; *ühca vai kahca vot besedalo vüu em käunugoi* (Pnd, 3400) “в девять или в восемь лет на беседу мы не ходили”; *pal’hau päu em käunugoi mecha* (Pnd, 13398) “мы простоволосыми в лес не ходили”; *mö em keradounugoiki mustikašt* (Pnd, 1400) “мы не собирали чернику”; *ved mö emei tehnuugoi hubad* (L) “ведь мы не сделали плохо”; *emei nähnugoiki, kuna kudesad uidiba* (ViI) “и не видели, куда ряженные ушли”; *etei, lapsed, ounugoi klubas?* (Kurb, 2239) “дети, вы в клубе не были?”; *emei sönugoi vuu* (Pec, 2239) “мы еще не ели”.

В говорах Куи и Войлахты, принадлежащих к восточным говорам средневепского диалекта, выступает особая, исключительно редкая форма, мало известная науке. Строится она также посредством личнословых форм отрицательного глагола и II причастия актива, которое, кроме собственно показателя **-nu**, обладает еще формантом **-hu**.

#### Средневепский диалект (говоры Куи и Войлахты)

*čudim vastaižen, da sinna em lähtnuhu* (Kuja, 3393) “бросили веник, да туда не пошли (гадать)”; *eduuse akad mužikime ei täunuha muga* (Kuja, 389) “раньше-то женщины так не ходило с мужчинами”; *lehmadne vastha ei*

*putnuhu* (VI, 3395) “коровы-то навстречу не попали”; *priheine kadoi, ka hõ eivinuhu löuta* (VI, 3395) “мальчик пропал, так они не нашли”; *kut em sõnhu?* (VI, 396) “как не ели?”; *tänna ved ei kõnuhu rahvaz časounakaha praznikil* (VI, 3391) “сюда ведь люди не ходили к часовне на праздник”; *prihad nikut ii kasnuhu* (VI, 3391) “парни никак не смотрели”; *lehad em löudnuhu* (VI, 3403) “корову мы не нашли”; *leihad mõ em keranuhu* (VI, 3392) “хлеба мы не собрали”.

Подобная конструкция была отмечена финскими исследователями вепского языка в населенном пункте Сяргозеро (Särggär), жители которого сегодня уже обрусели: *akad ei männuhud* “женщины не пошли”; *em annuhu* “мы не дали”; *hõ ei tuunuhud* “они не пришли” (Тункело Е.А., 1946, с. 210–211). Форма причастия, участвующая в образовании указанных отрицательных конструкций, напоминает в какой-то степени форму причастия ливвиковского наречия карельского языка, которая образует отрицательные конструкции ед. числа имперфекта: *häi ei tuonnuh dengua* (Sääm, Зайков П.М., 2000, с. 155) “она не принесла денег”; *eihän šaanuh ostaa* (Vitele, Зайков П.М., 2000, с. 155) “невозможно было купить”.

Тункело Е.А. предполагает, что обсуждаемая форма причастия произошла из формы мн. числа II причастия актива: *kuunuhud* “слышавшие” < \**kulnuðet*; *tuunuhud* “пришедшие” < \**tuľnuðet* < \**tuľnuðet* (Тункело Е.А., 1946, с. 210–211). Причем Тункело, написавший исследование по исторической фонетике вепского языка (Тункело, 1946), считал, что названный звукопереход объяснить на почве вепского языка невозможно; можно лишь предположить, что он свершился не в вепском языке, а был привнесен в него из карельского языка (Тункело Е.А., 1946, с. 211). Эти формы несомненно похожи на те формы, функционирующие в синхронном состоянии ливвиковского диалекта, которые были названы выше. Кроме того, современные углубленные исследования в области топонимии вепского ареала (устное сообщение. Муллонен И.И.; см. также 1988; 1994) свидетельствуют о том, что здесь имелись единичные, точечные поселения карелов, язык которых, очевидно, мог послужить источником для заимствования данной модели именно в восточный диалектный ареал языка вепсов. Больше обсуждаемая модель нигде не распространена. Лишь в речи пондальских вепсов, образующих одну с куйско-войлахотскими вепсами группу говоров и входящих в один сельский совет, можно обнаружить единичные примеры подобной формы (*mužikad ii kasnuhu-ki toheze* (P, 3395) “мужчины и не смотрели на бересту”), которые, конечно же, объясняются взаимовлиянием соседствующих говоров. В свою очередь, и в языке куйско-войлахотской группировки вепсов нам удалось найти одиночные формы отрицательного спряжения, сходные с пондальскими (*em sanugoi nikelle nimida* (VI, 3391) “никому ничего мы не сказали”), которые, однако, широко здесь неупотребительны.

## ПЕРФЕКТ

Перфект вместе с плюсквамперфектом относятся к сложным временным формам глагола. Предполагается, что названные временные формы возникли в более позднюю эпоху, нежели простое прошедшее время или имперфект (см. Серебренников Б.А., 1964, с. 110). Возможно, на развитие этих форм повлияли балтийские языки (Аристэ П.А., 1956, с.12; Основы, 1975, с. 83). Не отрицается и возможность возникновения данных форм на почве прибалтийско-финских языков самостоятельно (Ikola O. 1960, s. 367). Достаточно единодушно признается, что, например, в уральском праязыке не существовало сложных времен; он располагал единственно только презенсом и претеритом (см. напр. Häkkinen K., 1985, s. 116).

Перфект обозначает действие в прошедшем времени, которое длится до настоящего момента или результаты которого видны, наблюдаются в настоящее время. При этом действие может быть как законченным, так и незаконченным. Важен еще и тот факт, что действие, совершенное в перфекте, не привязано к определенному временному отрезку, например: *igan naku olen elanu* (VI) “я весь свой век тут живу”. Перфект в вепском языке, как и в других прибалтийско-финских языках, строится с помощью вспомогательного глагола *olda* “быть” (по диалектам *ouda, uuda, õda*) в личностных формах и смыслового глагола в форме II причастия актива ед. или мн. числа или причастия пассива.

Положительные формы перфекта ед. числа строятся в диалектах вепского языка практически по одной модели: вспомогательный глагол плюс форма II причастия актива в ед. числе:

### Северновепский диалект

*en teda ken om sõnu* *voin* (Š, Lonin, 2000, lp. 20) “не знаю, кто съел масло”; *lehman d’o olen kacnu* (Š, СВЯ, с. 163) “корову уже смотрела”; *han om lujas pahidunu* (Š, СВЯ, с. 390) “он очень рассердился”; *en mušta, kuna olen südeinu paidan* (Š, СВЯ, с. 532) “не помню, куда положила рубашку”; *kaneizen olen otnu* (Š, 3386) “курочку я взяла”; *kac, hän om varun pannu* (Št, СВЯ, с. 615) “он, смотри, напугал”; *vot olen kut elänu mina* (Št, 3385) “вот как я прожила жизнь”; *kulnu olen, dõktid vei mida ajetaze* (Št, 3384) “слышала я, что за дегтем или еще за чем-то едут”; *kuinu om d’ogi d’o* (Št, 3384) “река уже высохла”; *kacu Andr’uška om kästnu* (Št, 3385) “смотри, Андрюшка велел”; *mikš oled tulnu tänna?* (Št, 3389) “за чем сюда пришел?”; *lähkam, kuspei oled lähtnu* (Št, 3386) “пойдем, откуда ты пришел”; *bankaine om murenu, maksaine om erganu* (Št, Lonin, 2000, lp. 17) “баночка разбилась, да милый бросил меня”; *igan naku olen elänu* (Kask, 1501) “я век здесь живу”; *mina üksnein olen d’änu* (Kask, 1501) “я одна осталась”; *kus om d’ogutt d’oksnu* (Kal’l, VVS, lk. 147) “где речка бежала”; *sen d’o olen sõnu* (Kal’l, VVS, lk. 339) “я то уже съел”;

### Средневепский диалект

*mina olon nügüt' nainu* (Pnd ОВР, с. 154) “я теперь женат”; *püüd om kuinu* (P, СВЯ, с. 240) “поле высохло”; *nor om rattenu* (Pnd, СВЯ, с. 465) “веревка порвалась”; *prihaine om sureks kaznu* (Pnd, СВЯ, с. 185) “мальчик уже стал взрослым”; *mijau naku om g'ānu ak g'augatoi, revmatismaspäi* (Pnd, 3405) “у нас тут женщина осталась без ног, от ревматизма”; *ukse kurdištunu om* (VI, 3400) “старик-то оглох”; *vaza arktunu om* (Pž, СВЯ, с. 33) “теленочек одичал”; *barbik om kazvahtunu pedajil* (VI, 3404) “бор зарос соснами”; *hän kurttunu om* (VII, СВЯ, с. 441) “он сердится”; *miččid azjoid sina tänna oled putnu?* (Pec, СВЯ, с. 35) “по каким делам ты сюда пришел?”; *hän om jo nel'l'ästi nainu* (Jä, СВЯ, с. 355) “он уже четырежды женился”; *rugič om jo ehtnü* (Jä, СВЯ, с. 515) “рожь уже поспела”; *kaks'poližiš avaroiš armeižiš olen kaznu* (Jä, СВЯ, с. 34) “я выросла в двусторонней ласковой заботе”.

Как свидетельствует приведенный выше иллюстративный материал, в положительных формах ед. числа в средне- и северновепском диалектах отрицательный глагол употребляется в формах 1, 2, 3 лица ед. числа (ole-n “(я) есть”, ole-d, “(ты) есть”, om “(он) есть”), а II причастие актива с суффиксом -nu стоит в форме ед. числа (ole-n kaznu “я выросла”, ole-d kaznu “ты выросла”, om kaznu “она выросла”).

В южновепском диалекте в конструкциях перфекта, кроме лично-числовых форм вспомогательного глагола öda “быть”, выступает форма II причастия актива с суффиксом -nd. Эта же форма выступала и при образовании отрицательных конструкций глаголов в имперфекте:

### Южновепский диалект

*hän kolend om* (Krl, ОВР, с. 261) “она умерла”; *sur'kulu mam-händikaz om putund rādoihe* (Sod, СВЯ, с. 528) “большая мать-медведица попала в капкан”; *māngam, putund om kenni* (Sod, ОВР, с. 212) “пойдем, попал кто-нибудь”; *meles hairahtand om* (Krl, СВЯ, с. 102) “он с ума сошел”; *hän om lähtend pezaspää* (Sod, ОВР, с. 209) “он вышел из гнезда”; *mecoen jäl'gimu om bradind kunic* (Sod, ОВР, с. 233) “по следу глухаря прошла куница”.

Во мн. числе вспомогательный глагол стоит в лично-числовых формах мн. числа, а смысловой глагол по диалектам вепского языка может быть: 1) в форме II причастия актива мн. числа, 2) в форме II причастия актива ед. числа, 3) в форме причастия пассива.

Средне- и южновепский диалекты используют при образовании перфекта активное причастие:

### Средневепский диалект

*olem harg'anuded muga rata* (Pnd, 3400) “мы так привыкли работать”; *süumad oma häl'kastunuded* (Pnd, СВЯ, с. 139) “глаза помутнели”; *olod gö tuunudod mecaspeiso?* (VI, 3386) “вы уже пришли из лесу?”; *keik prihäd oma derüünäs gö neinudod* (VI, 3406) “все парни в деревне уже женаты”; *olemei*

*sönuded* jo (Päž) “мы уже поели”; *lapsed, tö oletei jo venuded lehman kodihe?* (Päž) “дети, вы уже отвели корову домой?”; *olemei tuunuded; olemei sönuded* (Šim, Зайцева М.И., 1981, с. 255) “мы пришли; мы поели”; *tii kuna oled putnuded?* (L) “вы куда попали?”; *akou necil pokoinical bašmakod jānuded oma* (NÄKM, L, s. 399) “у этой женщины, покойницы, башмаки остались”; *hõ jo nainudod oma* (Vil) “они уже поженились”; *molembad jo tuunudod oma mecaspei* (Kurb) “оба уже пришли из леса”.

II причастие актива, употребленное в показанных выше примерах, стоит во мн. числе, т.е. налицо полное согласование компонентов конструкции перфекта между собой. Причастия актива двухосновны. При образовании мн. числа выступает гласная основа причастия на **-de**. Предполагается, что в вепском языке в данной основе сохранилось достаточно древнее, по сравнению с родственными языками, положение вещей, напр.: *haranuded* “сгнившие” < \**happanuded* (Tunkelo E.A., 1946, 195). К названной основе при образовании формы мн. числа присоединяется показатель множественности **-d**: *tulnu* “пришедший” – *tulnude-n* “пришедшего”; *tulnuded* “пришедшие”; *lugenu* “читавший” – *lugenude-n* “читавшего”; *lugenuded*; “читавшие”; *varastanu* “ждавший” – *varastanude-n* “ждавшего”; *varastanuded* “ждавшие”; *raimenu* “пасший” – *raimenude-n* “пасшего”; *raimenuded* “пасшие”; *lūkäinu* “бросивший” – *lūkäinude-n* “бросившего”; *lūkäinuded*. Формы перфекта мн. числа, в которых выступают данные причастия актива, наиболее распространены в средневепском диалекте в обеих группах говоров, что наиболее сплачивает их в один диалект.

Подобная форма перфекта является наиболее древней и выглядит достаточно стройной и логичной. В ней, как отмечалось, и вспомогательный глагол, и причастие стоят в форме мн. числа, как это по логике вещей и должно быть в одной конструкции. Именно данная форма рекомендована в учебниках и пособиях по вепскому младописьменному языку в качестве литературной нормы и активно используется в настоящее время в молодой литературе:

#### Младописьменный язык

*Kut ezmäižen kerdan olem val' l' astanuded hebon, muga lugedas, miše mahtam nucidä tehta* (Kodir., lp. 72) “Как только впервые запрягли лошадь, так считается, что владеем этим ремеслом”. *Tõ olet tehnu ded radon* (Kodir., lp. 53) “Вы делали работу”. *Pažagsijäl kegalehed oma jānuded da hiled* (Kodir., 53); “На месте костра остались лишь головешки да угли”. *On'ka, a sinai kaik sel'g i ougad oma hūdesnuded* (Kodir., lp. 52) “Онька, у тебя вся спина и плечи заиндевели”.

В южновепском диалекте при построении конструкций перфекта вместе с лично-числовыми формами вспомогательного глагола можно встретить употребление II причастия актива в ед. и мн. числе, то есть

в говорах отмечается частичное или полное согласование причастия и вспомогательного глагола. Когда причастие выступает в ед. числе, оно имеет тот же самый суффикс **-nd**, о котором неоднократно шла речь выше: *üks' ühtem päle oma kurktund* (Sod, СВЯ, с. 651) “они обиделись друг на друга”; *olemā varastand ünāčen časun* (Krl, 1501) “мы ждали целый час”; *oletā käälend školhase?* (Mg, 1501) “вы в школу-то ходили?”

Интересно отметить, что подобное частичное согласование между компонентами конструкции перфекта наблюдается и в диалектах карельского языка: *üksin se jeännün* “одна осталась” и *olemma prouinnun* “(мы) испробовали” (Зайков П.М., 2000, с.161).

В южновепском диалекте при образовании перфекта, кроме уже названных выше вариантов формы, отмечена любопытная конструкция, в которой участвует необычная форма II причастия актива мн. числа, которая не встречается в других диалектах: *jānhed* “отставшие”, *vettunhed* “пропитавшиеся водой”, *kül' mehtunhed* “простывшие”, *tartunhed* “прилипшие”. По мнению исследователей исторической фонетики вепского языка, формы на **-nhed**, так же как и формы причастий мн. числа на **-nuded**, восходят по своему происхождению к одному и тому же источнику – **-hed<\*-ðed**: *idānhed* “просошие” < \**itānūðed* (Kettunen L., 1922, I, lk. 47; Tunkelo E.A., 1946, s. 195). В этом случае, с синхронной точки зрения, гласная основа формы II причастия актива оканчивается на **-nhe-**; к ней присоединяется показатель мн. числа **-d**: *parded oma vettunhed* (Krl, Kettunen L., 1943, s. 509) “бревна пропитались водой”; *milān' lapsed pert' he kilmehtunhed oma* (Čg, NEV, I, s. 46) “мои дети замерзли дома”.

Для северновепского диалекта в перфекте мн. числа характерна конструкция, включающая в себя, кроме лично-числовых форм вспомогательного глагола, причастие пассива на **-tud**, **-dud**:

#### Северновепский диалект

*ned ristitud oma d'o koldud* (Kask, 1501) “эти люди уже умерли”; *säkijin oma oldud* (Št, 3384) “они были всякими”; *lāhkam pordhile, prihad d'o oma mändud sires* (Št, 3364) “пойдем на крыльцо, парни уже прошли мимо”; *borthu oma mändud* (Št, 3384) “в бор пошли”; *ked oma zaveššanijan pandud...* (Št, 3387) “кто сделал завещание...”; *oledik mändud Kaleigehe* (Št, 3386) “вышли ли в Щелейки?”; *tägä om oldud akeized, heiteskel' the kibud* (Št, 3384) “тут были бабушки, умели снимать боль”; *mö nellävoččin olem dādudka mataspei* (Toižeg, 3403) “мы остались от мамы четырех лет”; *kut kibedas hö (voded) oma mändud heiden ozas päliči* (Št, 3393) “как больно годы прошли через их жизнь”; *lapsed bapkho oma ajetud* (Kl, 3386) “дети уехали к бабушке”; *mö olem dādud v okkupaciju* (Toižeg, 3386) “мы остались в оккупации”.

Отрицательные формы перфекта ед. числа включают в себя отрица-

тельные лично-числовые формы презенса вспомогательного глагола и формы II причастия актива:

#### Северновеппский диалект

*mina en ole nikuna kävunu tal' vel dei nügide kodiš ištun* (Št, 3386) “а я никуда зимой не ходила, да и теперь дома сижу”; *en ole nähnu, konz i kasarz'* (Š, ОВР, с. 183) “не видела, когда и очистил все”; *kandatesen kaiken olen viškeidanu, padad en ole murenu* (Št, 3387) “всю сметану вылила и горшка не разбила”; *nemida en ole nähnu* (Kask, 1501) “ничего не видела”; *hüvas en ole elänu* (Kask, 1501) “в довольстве не жила”; *venehid mina en ole tehnu* (Št, 3387) “лодок я не делал”; *mina en ole kävunu školha ni üht päivad* (Št, 3384) “я не ходила в школу ни одного дня”; *jesli polgust ed ole andnu, viikateh ei d'o čara* (Kask, 3387) “если у косы ты шаг не дал, то она не косит”; *iile tuunu* (Št, 3384) “он не пришел”

#### Средновеппский диалект

*mina en ole siga elanu* (Pnd, 3400) “я там не жила”; *en ole pannu zavetad nikonz* (Pnd, 3401) “я никогда заветы не ставила”; *g'oso ed ole nägeskelnu?* (VI, 3402) “неужели не видела?”; *en vuu ole sönu* (Pžž) “я еще не ел”; *en olo tuunu* (Šim, Зайцева М.И., 1981, с. 255) “я не пришел”; *en har'ganu ole min'ä verhale vilule randaižele i verhile viluile avaroile* (Рес, СВЯ, с. 37) “я не привыкла к чужому холодному краю да к чужим холодным ласкам”; *ele mahtnu ajada venhel* (L) “не умел грести на лодке”;

#### Южновеппский диалект

*igas en ole nägeskelnu* (Sod, 1502) “никогда не видела”; *ī ole tūnu sihesā* (Krl) “до сих пор не пришел”; *ī ole männu tämbā nikuna* (Čg, 1502) “никуда сегодня он не пошел”.

Полная форма отрицательного перфекта в южновеппском диалекте чрезвычайно редка. Вместо нее часто употребляется конструкция с опущенным вспомогательным глаголом: *mā en ehtind* “я не успела”. Причем такие конструкции перфекта (или плюсквамперфекта?) характерны как отрицательным, так и положительным формам. В них сложно определить, идет ли речь о форме перфекта или плюсквамперфекта: *mā verhā vilū göünāžō šuštunu i kattenu* (Vg, ОВР, с. 258) “я на чужой холодной сторонюшке устала и надломилась”.

Конструкции с опущенным вспомогательным глаголом необычайно употребительны в средновеппском диалекте:

*lōto uidnu* (Pnd, 3388) “лягушка ускакала”; *a prihäine g'o kuna männu* (Pnd, 3388) “а мальчик уже куда ушел”; *päiväine g'ō ülähän libunu* (Pnd, СВЯ, с. 654) “солнце уже высоко поднялось”; *mes keinu, ka mānom valim regehe* (Kuja, 3402) “лес подсох, так пойдем в сани навалим”; *konz d'üvä päličī kündod kattop, silei rugiš ehtnü* (Kuja, СВЯ, с. 187) “когда зерно через ноготь ломается, то рожь поспела”; *soreunaižuu kus' langenu soho* (Kuja, Овр, с. 174)

“на краю болота ель упала в болото”; *rugiš sihe langenu* (Karg, OBP, с. 55) “рожь сюда упала”; *soum’ jo küumnu* (Jä, СВЯ, с. 520) “пролив уже замерз”; *hebou ajanu-se* (OBP, Рес, с. 105) “на лошади уехал-то”.

Подобные конструкции в положительной и отрицательной формах можно наблюдать и в северновепском диалекте:

*poro se lähtnu tänna, kartaha* (Št, 3386) “щелок-то сюда, в корыто течет”; *hän sanunu d’o, miisebi vett todeiz* (Kask, 3380) “он уже сказал, чтобы воды принесли”; *midä pän riputanu?* (Š, СВЯ, с. 473) “что голову повесил?”; *voj mitte elo miil olnu* (Št, 3385) “вот какая жизнь у нас была”; *sinna võnu kaks’ sijad, od’alod* (Št, 3386) “он туда отнес два матраца, одеяла”; *läksin d’o iča mehele, kudamod navednu, ka sen taga* (Kask, 1501) “я уже и сама замуж вышла, кого любила, так за того”; *mina čajud embj d’oda, väznu d’o* (Kask, 1503) “я чаю пить не могу, уже устала”; *Pasa sizar’sē hōbol ajanu ka, d’o lujas kül’mnu* (Kask, 1503) “сестра Паша на лошади уехала, так замерзла очень”.

Исследователи вепского языка выделяют в южновепском диалекте еще одну – особую – форму вепского отрицательного спряжения, в которой смысловой глагол обладает формантом *-ške*: *kāmištod igas iliške* (Ars, Kährlik, 1978, S. 162) “кладбища век не бывало”; *ema nägeške teine tošt kōme vod* (Šid, Kährlik, 1978, S. 162) “не видели друг друга три года”; *polovikad t’āmävō en kudošek* (Ars, Kährlik, 1978, S. 162) “половики в этом году еще не ткала”.

Обсуждаемая форма имеет значение отрицания протекания действия в прошлом без точного указания на время, как это имеет место, например, в имперфекте, перфекте или плюсквамперфекте. Данной форме было присвоено наименование отрицательного претерита на *-ške*. Форма, кроме того, имеет явно чувствующийся оттенок каузативности-фреквентативности: *en tegiške* “не делывал”, *en nägiške* “не видывал”. Было высказано предположение о том, что форма отрицательного претерита на *-ške* возникла под воздействием русского языка, в котором всего одно прошедшее время. Таким образом, обсуждаемая форма с недостаточно четким определением времени действия в прошлом стала как бы соответствием по значению русскому прошедшему времени на *-л* (Кяхрик А., 1979, с. 50).

А. Кяхрик, занимавшаяся исследованием претерита на *-ške*, отмечала, что элемент *-ške* (или *-šek*, что объясняется перестановкой звуков) в преобладающем большинстве присоединяется к основе, “не имеющей никакой иной флексии” (Kährlik A., 1978, S. 163), то есть к основе презенса, а вся конструкция в этом случае имеет значение действия, совершенного в прошлом: *nižu mejâ nikōz ī kazva-šek* (Šid, Kährlik, 1978, S. 162) “рожь у нас никогда не росла”; *em poimi-šek* (Maigär’, Kährlik, 1978, S. 163) “мы не собирали”;



eba vō kehu-šek (Šid, Kährrik, S. 163) “еще не вскипели”. Но далее исследовательница делает следующее замечание: при присоединении -ške- к основе глаголов на -e- в последней e>-i-; кроме того, -a-, -ä- также может перейти в -i- (Kährrik A., 1978, S. 163) и т.д. На наш взгляд, в данном случае место имеет не что иное, как присоединение -ške- к основе имперфекта, содержащей суффикс -i-. Причем, по нашим наблюдениям, данное явление встречается нисколько не реже: vastha eba putui-ške “навстречу не попадали”; emä tehli-ške “мы не делали”; a ende bairid ajeli-ške ebad kellomu “а раньше богатые не ездили с колокольчиками”; emä sanui-ške nikelle “никому не сказали” и т. д.

В работах отечественных лингвистов по языку вепсов форма претерита на -ške в качестве особой не выделялась, и о ней не было даже каких бы то ни было упоминаний (см. Хямялайнен М.М.б 1966, с 81–101, Зайцева М.И., 1981, с. 242–283, Зайцева М.И., Муллонен М.И., 1972, с. 734–738). К форме отрицательного претерита наибольший интерес проявил в свое время великолепный знаток вепсского языка, известный исследователь исторической фонетики южновепсского диалекта и синтаксиса вепсских диалектов из Финляндии Лаури Кеттунен. Именно он назвал ее претеритом и одним из первых предложил объяснение происхождения данной формы. По его мнению, основой для происхождения суффикса претерита являются формы причастий от глаголов с суффиксом -škende-, где \*-škenut > -ške (см. Kettunen L., 1922, I: lk. 80; II: lk.69; 1943, s. 462). Им же были обнаружены и пассивные формы на -sket (< \*-skettu: i andišket “не давали”), которые, по нашим наблюдениям, сейчас в языке почти не встречаются. Причем, Кеттунен уточнил далее, что основанием для всей конструкции, похоже, послужил тип фреквентативных глаголов на -škanden (oleškanden “я стану, буду, начну быть, существовать”) с имперфектом на -škeñzin~škañzin; отрицательная конструкция: en \*oliškenut> en oliške: Kettunen L., 1960, s. 48–49), то есть в этом случае связываются исторически как бы два суффикса: -škande- и -škende-. По поводу суффикса -škande-, исключительно продуктивного в вепсском языке, было высказано предположение об его саамском происхождении (Tunkelo E.A., 1946, s. 258–259). Данный суффикс в форме -škuedde-, достаточно близкой, на наш взгляд, к вепсской по звучанию и значению (ср. вепсск. -škande-, -škende-), функционирует в саамском языке, образуя также начинательную форму (см. Керг Г.М., 1971, с. 194: sarniškuedde “(я) начал говорить”). Существует мнение и о возможном общем происхождении суффикса -škande- с мордовским суффиксом -kad(e)-, -gad(e)- (см. Зайцева М.И., 1978, с. 110).

А. Турунен, со своей стороны, полагал, что словообразовательный суффикс -škande (-škanz') сложен по своей структуре: он основывается на присоединении к основе кондиционала инхотативного словообразователь-

ного суффикса **-gande-** (А. Turunen, 1973, s. 448-449: \*jaka+isi+γanden>> d'agaškanden “(я) стану делить”). В свою очередь, данный суффикс послужил своеобразным толчком, по мнению Турунена, к формированию опять-таки на базе формы кондиционала и уже фреквентативного суффикса **-skende-** (**-skenz'**) со значением условности (“сделал было что-либо”, “чуть не сделал что-либо”: Зайцева М.И., 1978, с. 110), нового суффикса, который и лег в основу форманта отрицательного претерита **-ške**.

В суффиксе **-ške-**, а также и в форманте отрицательного претерита **-ške** особый интерес вызывает анлаутный **-š-**. Так, например, по мнению Т. Лехтинена, который также вслед за Туруненом считает, что суффикс **-ške-** сложен по своей структуре (**š+gande**), возможностей для объяснения появления анлаутного **š** не так уж много. Очевидно, он все-таки возник из **s**. Одно из главных условий при этом – перед **s** должен был быть гласный **i**, после которого **s>š**. Поскольку глаголы с суффиксом **-ške-** обладают значением инхоативности и фреквентативности, а с **-gande-** – только инхоативности (**bälegandeb** “заблеет”, **kobegandeb** “зашевелится”: Зайцева М.И., 1978, с. 105), то следовало найти суффикс или основу, которые бы обладали фреквентативным значением и могли иметь возможность в своем составе для появления **š**. Внимание Т. Лехтинена привлекли глаголы с основой на **-iže-**: **helišta** “звенеть”: основа **heliže-**; **värišta** “плакать”: основа **väriže-**. От данных основ посредством суффикса **-gande-** возникли последующие суффиксальные образования, типа **heliš-kande-** “зазвенеть”, **väriš-kande-** “заплакать”, которые в русском языке имеют значение начала действия. Впоследствии могло произойти перераспределение в составе основы, и **š** основы перешел в рамки суффикса, позволив образовать звуковой комплекс суффикса с анлаутом на **-š-** (Lehtinen T., 1985, s. 81).

Предложение Т. Лехтинена не лишено определенной привлекательности. Действительно, вепсский язык нуждался в передаче подобного русского начинательного значения (“запеть”, “заплакать”) и под давлением русского языка мог стремиться изыскивать возможность в его передаче, приспособив для этого наиболее близкие словообразовательные средства. И вообще, Т. Лехтинен во многих проявлениях вепсской грамматики склонен видеть русское влияние. Вепсский язык, действительно, находился и находится во взаимовлиянии и под воздействием русского языка. Можно лишь утверждать, что прямого заимствования грамматических аффиксов в нем не наблюдается. Влияние в грамматике, полагает Т. Лехтинен, как бы скрыто, запрято, наблюдается в “морфосинтаксисе” (Lehtinen T., 1990, s. 59). Оно, по мнению Т. Лехтинена, может сказываться и в значении форм отрицательного претерита. Возрастающая частотность употребления претерита на **-ške** отражает стремление перевести на вепсский

язык наиболее точно значение русского отрицательного “аспекта имперфекта” (Lehtinen T., 1990, s. 66). Со своей стороны, нам хочется задать вопрос: а что если вследствие влияния русского языка на вепсский на почве южновепсского, в первую очередь, диалекта могла сложиться модель употребления словообразовательного суффикса *-skēz'* после основы имперфекта именно с целью получения наиболее точного соответствия русскому прошедшему времени? В этом случае нет никаких сложностей при объяснении анлаутного *-š-* в отрицательном претерите: он возник в результате присоединения суффикса *-skēz'* к основе имперфекта на *-i-*; затем с течением времени конечный *z'* отпал. Причем, анлаутный *š* в форманте претерита *-ške* мог обобщиться и употребляться и после основ без суффикса имперфекта *-i-*: анлаутный *-š-* в форманте *-ške* сам по себе уже стал сигнализировать о том, что действие проходит в прошедшем времени.

А.Кяхрик, занимавшаяся проблемой сложения системы спряжения южновепсского диалекта, также обратила особо пристальное внимание на отрицательный претерит на *-ške*. За исходное положение она приняла точку зрения А.Турунена, изложенную выше. В последующем, по ее мнению, мог произойти следующий процесс развития: напр. \**en jagaškendend* “(я) не стал делить” > \**en jagaškend* > *en jagaške* (Kährik A., 1978, S. 167).

Современный сбор лингвистического материала показывает, что форма претерита утратила свою частотность и практически не встречается (если она там и существовала!) в северновепсском и средневепсском ареалах. Здесь употребительна лишь форма со словообразовательным суффиксом *-(e)ske(l)-*, типа *en nägeskelnu* “не видывал”, *en tegeskelnu* “не делывал” (напр.: *a toine nimida ii tegeskel-nu* (Št, VRS, lp. 34) “а другой ничего не делывал”), которую нельзя отнести в разряд словоизменительных.

В южновепсском же диалекте обсуждаемая форма достаточно употребительна:

*Jumā meile last ei andiške* (Čg, NEV, I, s. 54) “нам Бог детей не дал”; *ningošt pitkas igas en kuliške* (Čg, NEV, I, s. 52) “такого на долгом веку я не слыхивала”; *huh hu, ruskē duh, basib, mida ī mujuške, se mujuškanz', mida ī kuluške, se kuluškanz'* (Čg, NEV, I, s. 35) “ой-ой, русский дух, говорит, чего не чувствовали, то стало чувствоваться, чего не слыхивали, то услышали”; *mužik, ed nägiške händikast?* (Čg, NEV, I, s. 49) “мужик, ты волка не видел?”; *neižne ni sōške, ni joške ī kahtes nedališ* (Fedrum., NEV, I, s. 90) “девушка не ела, не пила две недели”; *a en oliške, ka nese mida?* (Fedrum., NEV, I, s. 90) “а не была, так что?”; *tānavoden en oliške adivōš, uden voden tarbiž mānda* (Krl, Kettunen, 1943, s. 245) “в этом году я не бывала в гостях, надо на будущий

год поехать”; *mä kuliške en* (Krl, OBP, с. 263) “я не слыхивала”; *ningošt mina en nähliškeki* (Sod, OBP, с. 238) “такого я и не выдывала”.

Кроме того, имеются примеры, в которых внутри суффикса *-ške* есть перестановки звуков: *-ške > šek ~ škek*: *kerdaleī andiškek* (Kettunen, 1943, s. 461) “с собой не дали”; *mehele en lähtišek* (Ars, Kährrik, S. 169) “замуж я не выходила”; *igas en nägišek i kulišek* (Sod, OBP, с. 240) “век не выдывала и не слыхивала”. Данные примеры, иллюстрирующие перестановку звуков в суффиксе: *-šek* вместо *-ške*, показывают, что она на содержании не сказывается, но как бы несколько “размывает” формообразующий характер морфемы. Отметим еще и тот факт, что в вепском языке имеется и достаточно употребительна побудительная частица *-ške, -ske*: *tule-ske* “иди-ка”, *aja-ske* “поезжай-ка”. Глаголы с побудительной частицей, несомненно, формально очень напоминают обсуждаемую форму отрицательного претерита, а иногда их просто невозможно отличить друг от друга. Данный момент отмечал и Л. Кеттунен (Kettunen L., 1943, s. 469). Различие сложно сделать еще и потому, что форма отрицательного претерита, возможно, повлияла со временем на конструкции с побудительной частицей (а, возможно, наоборот?), и в них вместо презенса стала употребляться основа имперфекта с суффиксом *-i-*: *lugiške* “почитай-ка”, *mäniške* “пойди-ка”; *tamš, nägehtiške, basib, miččen mä prihaižen se tegin* (Ĉg, NEV, I, s. 74) “мама, посмотри-ка, говорит, какого я мальчика-то сделала”; *käskiške hälle vändöta* (Ĉg, NEV, I, s. 42) “заставь-ка его поиграть”. И лишь контекст позволяет различить формы. На наш взгляд, следует более сдержанно относиться к форме претерита на *-ške*. Хотя и есть соблазн выделить в вепском языке особую, отличную от других, форму прошедшего времени и тем самым пополнить копилку вепских раритетов в грамматике прибалтийско-финских языков, но, тем не менее, надо найти другие доказательства. Если бы сам суффикс *-ške* имел значение прошедшего времени, тогда бы вопросов было меньше. Но он чаще всего употребляется с основой имперфекта, которая и придает глагольной словоформе значение прошедшего времени. А суффикс *-ške* дополняет данное значение длительностью, продолжительностью протекания действия, делая его как бы менее соотносенным с имперфектом, перфектом или плюсквамперфектом. Любопытно отметить, что А. Кяхрик пыталась идентифицировать форму отрицательного претерита с формой положительного претерита, поскольку в прибалтийско-финских языках в грамматике глагола должен существовать коррелят по позитивности-негативности. В качестве такого коррелята она предложила рассматривать форму с суффиксом *-škēz'*, передвинув последний из разряда словообразовательных в разряд словоизменяющих суффиксов (*nägiškēzin* “(я) видел” – *en nägiške* “(я) не видел”: Kährrik A., 1980, s. 128–130). Несмотря на то, что эстонская исследовательница

приложила немало усилий для приведения доводов в пользу высказанного ею положения, очень трудно отделаться от внутреннего чувства сопротивления не видеть в формах на -škež' словообразовательный отблеск некоторой условности или неоднократности действия, что не должно быть свойственно словоизменительным формам.

Тем не менее, форма отрицательного претерита на -ške в южно-вепском диалекте существует, и не принимать во внимание это нельзя. Вопрос заключается в том, чем считать ту словоизменительную форму, которая возникает при присоединении форманта -ške. По аналогии с другими отрицательными формами перфекта, в которых при их построении принимает участие отрицательный глагол и причастие, и здесь бы логично было полученную при помощи суффикса -ške форму называть причастием, выделив тем самым еще одну форму причастия. Тем не менее, в работах, посвященных данной проблеме, нет каких-либо определенных предложений. Претерит на -ške, а также и отдельные иные явления грамматики вепского глагола, значительно выделяющие последний на фоне родственных прибалтийско-финских языков, на которых мы постоянно фиксируем внимание, свидетельствуют, очевидно, о том, что в историческом развитии вепского языка имели место как некие возможные субстратные включения, что подтверждается и некоторыми положениями работ известного исследователя вепской ономастики И. И. Муллонен (см. напр. Муллонен И. И., 1999, с. 102), так и сказывается сильное влияние иносистемного русского языка, с которым вепский язык находился и находится в тесном и длительном контакте. Наличие данных явлений делает грамматику вепского языка исключительно нестандартной и многоплановой, а иногда достаточно трудно объяснимой с точки зрения известной прибалтийско-финской грамматической теории.

В построении *отрицательной формы* перфекта мн. числа участвуют отрицательные лично-числовые формы глагола *olda* во мн. числе и форма II активного причастия во мн. числе или форма причастия пассива.

Согласование между обоими компонентами формы отрицательного перфекта наблюдается в средневепском диалекте, как это было отмечено ранее и в положительной форме перфекта: *pertiižespäise hö ei uugoi lähtnudod* (Kuja, 3403) "они не ушли из домика"; *ked tägäpäi ei uugoi ajanudod* eduu, ka elotas (P, 3403) "кто отсюда раньше не уехал, так живут"; *emei uugoi kuunuded* (Šim, Зайцева М.И., 1981, с. 255) "не слышали"; *etei olgoi sönuded* (Päž) "не ели". Но и в этом случае чаще употребляется конструкция перфекта с опущенным отрицательным глаголом: *iī sanunudod hö prihäizes nemida* (VI, 3404) "они ничего не сказали о мальчике"; *mei nügüde tünuded, emei tekoī nimidā* (NÄKM, Ladv, s. 413) "мы только что пришли, ничего не знаем".

В северновепском диалекте при построении отрицательной формы пер-

фекта мн. числа употребляются лично-числовые формы вспомогательного глагола во мн. числе и причастие пассива: *mõ em olgi paimetud lehmid mõha* (Kl, 3385) “мы долго коров не пасли”; *ka d'o neciš hõ ii olgi mušteltud* (Kask, 3386) “так уж об этом они не вспоминали”. В данных конструкциях также отмечается частое выпадение вспомогательного глагола: *mõ em mahttud venäks pagišta* (Št, 3384) “мы не умели говорить по-русски”; *ii voitud roditel'ad opeta lapsid pit'kha* (Kask, 3385) “родители не могли долго учить детей”.

В южновепском диалекте в качестве отрицательной формы перфекта мн. числа употребительна также форма претерита, в которой вспомогательный глагол имеет форму мн. числа:

*a voinihesä mö emä tegiške iče* (Krl, ОВР, с. 260) “а до войны мы так не делали”; *igas mugoš emä kuliške* (Čg, NEV, I, s. 55) “такого мы век не слышали (не слыхивали)”; *ebat kälišek Lepojale* (Kährik, 1978, S. 163) “они не ходили в Лепручей”; *vastha eba putuške* (Krl, Kettunen, 1943, s. 460) “навстречу не попадали”.

## ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ

Конструкции плюсквамперфекта, или предпрошедшего времени, строятся и в ед., и во мн. числе параллельно конструкциям перфекта. Лишь вспомогательный глагол употребляется в форме имперфекта:

### Северновепский диалект

*minase pannu olin munad kananpoigile* (Toiřeg, 3386) “я посадила курицу выводить цыплят”; *zver oli läbi kol'l'os tehnu geigun* (КСВЯ) “зверь сделал дыру сквозь скалу”; *oli üks' siga mužik tulnu* (Št, 3383) “пришел один мужчина”; *Ondrei Matveič oli ougotanu mindei kursile Toižegespei* (Tožeg, 3386) “Андрей Матвеевич оправил меня на курсы из Другой Реки”; *nese d'o oli lujas amu olnu* (Št, 3384) “это уже очень давно было”; *hänen vel'l' oli tulnu mugážno* (Šokš, NÄKM, s. 8) “его брат тоже пришел”; *nese mužik küz' vot oli pannu, mise ei mända anopenno* (Št, NÄKM, s. 49) “этот мужчина установил срок в восемь лет, что не пойдет к теще”; *nemcad ol'dhe tuldud, nemcad* (Kaleig, 3387) “немцы пришли, немцы”;

### Средневепский диалект

*hän edahanpei oli tuunu tarantasuu* (Kuja, 3402) “он издалека приехал на тарангасе”; *hän kadotanu lehmaižen oli* (Kuja, 3393) “он потерял коровушку”; *mellis oli olnu Sürgäs* (Pnd, 3394) “мельница была в Сюръге”; *tuunu oli möstna mamazo* (Pnd, 3400) “опять мать пришла”; *kalha oli mužik männu* (Pnd, 3338) “муж на рыбалку ушел”; *lehmad karhu putnuded oliba* (Pnd, 3401) “коровы в яму попали”; *sihe gänudod oliba agentad rajonaspäi* (Pnd, 3401) “пред-

ставители из района остались”; Valerik *oli segoinu mecha* (VI, 3403) “Валерик заблудился в лесу”; Kol’ a tuli, ka hõ gö *uidnudod oliba* (VI, 3402) “Коля пришел, так они уже ушли”; tätä da mam gö *kuunudod oliba* (VI, 3403) “папа да мама уже умерли (к тому времени)”; *tõ olitei jo sõnuded* (Päž) “вы поели”; *tat oli sil’ aigou ajanu heinha* (Šim, NÄKM, 222) “отец в то время уехал за сеном”; *nece reboi, kut oli kalan dorogale rojind i ičeze uidind, mäni, kaiken kalan dorogadme keraz’* (Šim, NÄKM, s. 237) “эта лиса, как всю рыбу на дорогу выбросила и сама ушла, всю рыбу на дороге собрала”;

#### Южновепсский диалект

a mina *olin* hänen *sijä jänd* *predsedatel’aks* (Krl) “а я остался на его месте председателем”; *nu ka korjanse kaiken murendand oli* *nece mužik* (Čg, NEV, I, s. 36) “ну а карету всю этот мужик разбил”; *mužik pörastund ol’* (Čg, NEV, I, s. 36) “мужчина заблудился”; *ol’ uk nailend, da lesktü* (Krl, Kettunen L., 1943, s. 468) “мужчина женился, да опять овдовел”.

Отрицательные формы плюсквамперфекта строятся с употреблением вспомогательного глагола в отрицательной форме имперфекта и II причастия актива, а во мн. числе в северновепсском диалекте используется причастие пассива:

#### Северновепсский диалект

*mina en olnu nikonz olnu, en keradolounu* (Št, 3384) “я никогда там не была, не собирала”; *öks en olnu käunu, päiväiči* (Kask, 3386) “к ночи не ходила, только на день”; *ses pertiš eli Miša, vøl ii olnu nainu* (Št, 3389) “в том доме жил Миша, еще женат не был”; *em oldud tuldud vøl* (Št, 3383) “мы еще тогда не приехали”; *ičevägel künttud olim* (Toižeg, 3386) “мы на себе пахали”; *mo olim oldud nakka, edahan* (Kaleig, 3387) “мы были вон там, далеко”; *siga olim mužikankese eletud* (Kaleig, 3387) “мы там с мужем жили”;

#### Средневепсский диалект

*hän ei vüu nainu olond* (VI, 3404) “он еще не был женат”; *emei uudet tuunuded* (Šim, Зайцева, 1981, с. 255) “мы не пришли”; *hõ eba olend sõnuded* (Päž) “они еще не поели”;

#### Южновепсский диалект

*en olen nähnu nikeda* (Krl) “никого не видела”; *männuižin, da ei olen kucnu niken* (Krl) “пошла бы, да никто не звал”.

Частотность употребления форм перфекта и плюсквамперфекта в речи вепсов стала со временем несколько снижаться. Сказывается влияние русского языка, в котором нет названных сложных времен. Не без влияния русского языка отмечается и выпадение из форм перфекта и плюсквамперфекта вспомогательного глагола, о чем речь была выше. Однако следует отметить, что обе формы живы в языке, и старшее поколение остро чувствует разницу в употреблении времен.

Для младописьменного языка рекомендуются формы всех прошедших

времен, которые, несомненно, являются ценностью грамматики вепсского языка. При употреблении плюсквамперфекта настоятельно рекомендуется помнить о значении его как предпрошедшего времени, имеющего значение действия, которое произошло в прошлом до другого действия (тоже в прошлом), обозначаемого имперфектом. В учебных пособиях постоянно констатируется внимание на том, что плюсквамперфект нельзя употреблять тогда, когда действие связано с определенным моментом в прошлом (в этом случае употребителен имперфект; причем, если действие в имперфекте не обозначено, оно все равно мыслится):

*Olid-ik kül'mnu sil kerdal* (Kodir., 52) “Ты замерз в тот раз?”. *A sinä nägid, kuna hän ambunu oli?* (Kodir., lp. 51) “А ты видел, куда он выстрелил?”. *Hö oliba männuded školaspäi* (Kodir., lp. 43) “Они ушли из школы”. *Hän muštli, miše järvehe oli libunu sur' lainiž* (Kodima., 1998, №10) “Он вспоминал, что тогда на озере поднялась большая волна”.

## ФОРМЫ НАКЛОНЕНИЙ

Как уже отмечалось ранее, система грамматических форм глагола, показывающих отношение действия к действительности, является категорией наклонения. В вепсском языке существует три наклонения: индикатив, императив и кондиционал. В прошлом в вепсском языке функционировал еще потенциал, одиночные примеры которого находятся в фольклорных текстах и будут также показаны в работе в дальнейшем.

### ИНДИКАТИВ

Значение реальности существования, протекания действия воплощается в индикативе, или изъявительном наклонении. В прибалтийско-финских языках нет особого показателя индикатива. Его выделение основано на противопоставлении другим, существующим в языке, наклонениям, которые обладают такими показателями: императив – *-ka-(-ga-, -g-)*; кондиционал – *-iži-*. И, таким образом, наличие триады форм – *tule-m* “(мы) придем”; *tul-ga-m* “давайте (мы) придем”; *tul-iži-m* “(мы) пришли бы” – позволяет достаточно наглядно на фоне компаратива с показателем *-ka-, -ga-, -g-* и кондиционала с показателем *-iži-* выделять и индикатив с нулевым показателем или с нулевой характеристикой. Названные три наклонения обладают одной и той же системой лично-числовых окончаний, которые в каждом из наклонений обладают лишь некоторыми модификациями. Индикатив и воплощается во всей системе лично-числовых и временных



форм, специфика которых на материале вепского языка уже была раскрыта в разделе “Лично-числовые формы глаголов” и “Формы времени”.

## ИМПЕРАТИВ

Грамматические формы глаголов, стоящих в императиве, или повелительном наклонении, имеют значение приказа, побуждения, воли или приглашения говорящим к совместному действию (**tule tänna!** “иди сюда”; **mängam** кино “пойдем в кино!; **tehkaha**, **kut olen käsknu** “пусть они делают, как я велел”). Серебренников Б.А. относит повелительное наклонение вместе с условным к слою древних “косвенных” наклонений (Серебренников Б.А., 1964, с. 142).

Императив в вепском языке представлен очень широко и является исключительно востребованным и употребительным. Причем, следует отметить, что если, например, в финском языке, имеется три варианта показателя императива: \*(**-k-**), **-ka-**, **-kä-** и **-ko-**, **-kö-**, которые, как предполагается, все восходят к единой более древней форме **\*k** (Hakulinen L., 1979, 243–244; Häkkinen K., 1985, s. 107), то в вепском языке в его синхронном состоянии показателем императива является лишь вариант **-k(a)-** (**-g(a)-**). Историки языка полагают, что **-k-**, входящий в состав данного суффикса, идентичен суффиксу презенса, который сохранился в вепском языке в отрицательных формах мн. числа презенса на **-koi**, **-goi** (**em tulgoi** “(мы) не придем”, **et valatagoi** “(вы) не крестите”); названный суффикс являлся общим для презенса и императива и ранее объединял их (Серебренников Б.А., 1963, с. 142; Основы, 1975, с. 83; Collinder B., 1965, p.131; Hakulinen L., 1979, s. 244). На почве вепского языка в результате его исторического развития в интервокальной позиции и в позиции после звонких согласных в начале слога, – а суффикс имперфекта состоит из целого слога, – и **-k-** начинает слог – **k>g** (Tunkelo E.A., 1946, s. 55). Таким образом, в вепском языке возник и второй вариант суффикса императива со звонким началом: **-ga-**, употребление которого со временем возросло по аналогии, и он стал встречаться в определенных позициях и дальше второго слога.

## Единственное число

Ед. число в вепском языке, как и в других прибалтийско-финских языках, обладает двумя формами императива: формами 2 и 3 лица. 1 лицо обычно в повелительном наклонении отсутствует, хотя в прибалтийско-финских языках отмечались формы приказаний самому себе (см. Hakulinen L., 1979, 244–245). 2 лицо ед. числа в вепском языке показателем импера-

тива не обладает. В этом отношении вепсский язык напоминает такие языки как эстонский, марийский, пермские, саамский, мансийский (Серебрянников Б.А., 1963, с. 142). Например, в финском языке в качестве показателя формы императива во 2 лице выступает ' (аспирация; в некоторых финских диалектах сохранился и -k), создающая эффект закрытого слога, что для последнего как языка, обладающего чередованием ступеней согласных, важно, поскольку в этом случае выступает слабая гласная основа. Наличие слабой гласной основы в открытом слоге в современном финском языке и является своеобразным показателем формы императива 2 лица ед. числа. Это же явление характерно и для большинства глаголов карельского языка (Зайков П.М., 2000, с. 179). В вепсском языке никаких следов от бывшего присутствия \*-k- не обнаруживается; он и должен был отпасть в соответствии с законами развития языка (Kettunen L., 1943, s. 474). Для вепсского языка открытость-закрытость слога не столь важна, поскольку чередование ступеней согласных в нем отсутствует (см. об этом напр. Tunkelo EA, 1938; Kettunen L., 1960, s. 27), хотя и имеются некоторые виды иных чередований.

Итак, 2 лицо ед. числа в диалектах вепсского языка представлено следующим образом:

#### Северновепсский диалект

*d'olda, d'olda, d'oloine, lasketaskeb mecaine* (Št, Lonin, 2000, lp. 37) “дуй, дуй, ветерок, опускайся, лесок”; *Nata, mäne teramba, sata höbo* (Št, 3383) “Ната, иди быстрее, проводи лошадь”; *härkiče tol'ko, kac, muga* (Št, 3384) “только так взбивай”; *neidine, neidine, pezeta mindei* (Št, КСВЯ) “девушка, девушка, умой меня”; *n'ugude tule minunke magatta* (Perv, NEV, s. 160) “а теперь иди со мной спать”; *toske vett kaivospei* (Š, СВЯ, с. 170) “принеси-ка воды из колодца”; *pašta ičeiz maidos kolob* (Š, NÄKM, s. 11) “испеки колоб из своего молока”; *ezmäks duumai, a askei sanu* (Vhk, VVS, lk. 144); “сперва думай, потом говори”; *abuta leta, ala abuta lasketada* (Vhk, VVS, lk. 112) “помоги поднять, не помогай упасть”; *aja hilläšti edahamb liined* (Kaleig, VVS, lk. 118) “поезжай тише, дальше будешь”; *pästaške, kukša, lapaižid lämbitamha* (Kask, СВЯ, с. 243) “пусти-ка, петушок, лапок погреть”; *löuda mugeine ičelei neveta, miše oliš sizaren čomutte* (Kask, NÄKM, s. 176) “найди себе такую невесту, чтобы красотой была как сестра”;

#### Средневепсский диалект

*tulo naku nečile sijaiželo* (Pnd, ОВР, с. 155) “приди вот на это местечко”; *mäne, kucu tataiš longile* (Pnd, КСВЯ) “иди, зови отца на обед”; *erigando sina minussaišpäi* (Pnd, КСВЯ) “отстань ты от меня”; *tunge regi gäl'güpäi* (Pnd, СВЯ, с. 584) “подтолкни сани сзади”; *kingita kel' hambhide keskhe* (Pnd, КСВЯ) “спрячь язык за зубами”; *Matr'a, tu'lo kodihe, embjigi varastada* (Kuja, 3393) “Матря, иди домой, не можем дождаться”; а *potom mustikašt mecas*

*sö* (VI, 2290) “а потом черники в лесу ешь”; *naku levita pälo* (VI, 2290) “да вот расстели на себе”; *sö čomad lent i pida čomad mel't* (Pk, КСВЯ) “ешь хорошую уху и будь в хорошем настроении”; *ištuta laps' regudele* (Päž, СВЯ, с. 26) “посади ребенка на санки”; *long' tege miilemoi* (Šim, NVM, s. 125) “приготовь нам обед”; *na sini kelloine i g'oksende* (Šim, КСВЯ) “вот тебе колокольчик и бегай”; *mäno, mužik, bairil pakiče vüugha dengoid* (Jä, ОВР, с. 27) “иди, мужик, попроси у барина в долг денег”; *kirgu tatad longile* (Jä, СВЯ, с. 208) “окликини отца на обед”; *kiruhta panda hiin* (Jä, СВЯ, с. 208) “поспеш сено поставит”; *minun tagut, kut mel'heiž, mänet ka mäne* (N, СВЯ, с. 557) “для меня, так как хочешь, пойдешь, так иди”; *sija valiče nemen kohtas* (Рес, ОВР, с. 80) “место выбери напротив полуострова”; *tule raksumba* (L, КСВЯ); “приходи почаще”;

#### Южновепский диалект

*ka mäne, mamš, taci hälle bušine* (Šid, ОВР, с. 245) “так иди, жена, брось ему ягненка”; *libu pigemba* (Sod, ОВР, с. 203); “вставай скорее”; *a sä rahno nese sötatiž* (Sod, ОВР, с. 203) “а ты скоси эту траву”; *tuhahtoitaške ožužjaspää kerd* (Sod, ОВР, с. 203) “выстрели-ка еще раз из ружья”; *Kost'a, näähtašek, kondise jo tagana* (Sod, ОВР, с. 223) “Костя, посмотри-ка, медведь-то уже сзади”; *ehtnu rugiž ali i, ota nägjääne* (Krl, СВЯ, с. 147) “чтобы узнать, поспела рожь или нет, возьми образец”; *kuida nese neižne minhün'* (Krl, СВЯ, с. 240) “присуши эту девушку ко мне”; *setää tatkö, näeha minun päle* (Vg, ОВР, с. 250) “кормилец-батюшка, посмотри на меня”; *aja sä tedmu* (Čg, КСВЯ) “поезжай по дороге”.

Таким образом, в качестве формы 2 лица ед. числа императива выступает лишь чистая основа глагола: *sanuda* “сказать” – *sanu* “скажи”; *mülüda* “вместиться” – *mülü* “вмещайся”; *veda* “вести” – *ve* “веди”; *ajada* “ехать” – *aja* “поезжай”. Поскольку формы вепских глаголов могут иметь краткую и долгую гласные основы, то отметим, что во 2 лице императива ед. числа выступает всегда долгая гласная основа: *raimeta* “пасти” – *raimenda* “паси”; *valita* “выбирать” – *valiče* “выбирай”; *nütkäita* “выдергивать” – *nütkäida* “выдерни”; *čuta* “бросать” – *čuda* “брось”. Если глагол обладает гласной и согласной основами, другими словами, он двухосновен, то в качестве формы императива выступает только гласная основа: *tehta* “делать” – *tege* “делай”; *astta* “идти” – *astu* “иди”; *kodvda* “проверять” – *kodvi* “проверь”; *nolda* “лизать” – *nole* “лижи”. Следует отметить, что форма 2 лица ед. числа является именно той формой, в которой лучше всего демонстрируется гласная основа одноосновных и двухосновных глаголов и долгая гласная основа глаголов, обладающих двумя гласными основами.

Форма императива 2 лица ед. числа часто сопровождается в вепском языке употреблением побудительных частиц *-ške*, *-ske*, *-kop*, которые придают приказу или побуждению менее строгий характер: *tuleske* “иди-

ка”; *paneške tänna* “положи-ка сюда”; *joske* nese čaj “выпей-ка этот чай”; *lugekop* nese kirgeine “прочитай-ка мне письмо”. В языке южных вепсов частица *-ške* может употребляться после основы имперфекта, но вся образовавшаяся конструкция имеет, тем не менее, значение императивности: *nägiške!* “посмотри-ка”; *lugädiške dengad* “посчитай-ка деньги”; *lambhāzet pästiške irdha* “отпусти-ка овец на улицу” (Kettunen, 1943, s. 475). В этом случае сказывается влияние формы претерита на *-ške*, достаточно употребительной в южновепском диалекте.

Формы 3 лица ед. числа императива образуются при помощи уже названного выше показателя императива **-ka-**, **-ga-**:

#### Северновепский диалект

*d'ogha viinse* (Št, 3385) “пусть пьет вино”; *ka mängha iče mecha da kerakaha mardid* (Št, 3384) “так пусть сама идет в лес да собирает ягоды”; *tulgha höki pert'he, midažo* (Kask, 3387) “так пусть и они в дом входят, что же”; *muga i udeks vodeks lähtmeine olgha boiki da zdorovi* (Kask, 1502) “пусть и на новый год теленочек будет бойким и здоровым”; *säkaha lastse hän, embi varasatada hätken* (Kl, 3384) “пусть одевает ребенка-то, я не могу долго ждать”; *otkaha dengad da mängha loukha* (Kaleig, 3387) “пусть берет деньги да идет в магазин”;

#### Средневепский диалект

*tuugha minuhiin* (Vl, 3404) “пусть ко мне придет”; *ku G'umou om, ka rageigha miid* (Vl, 3391) “если Бог есть, так пусть нас накажет”; *sögha, sögha nenoki priheized* (Vl, 3391) “пусть и эти мальчики едят”; *kuna mina, ka sina nene vaihedki astkaha* (Vl, 3398) “куда я, туда и эти слова пусть идут”; *käugaha koumeizile hän, ka neco mänop siriči* (Kuja, 3392) “пусть на кладбище сходит, так все пройдет”; *togha tütär lehm kodihe* (Kuja, 3392) “пусть дочь корову домой приведет”; *valagaha samvarastei mama čajudse, ii čainikastei* (Kuja, 3392) “пусть мама наливает чай из самовара, а не из чайника”; *a hänse otkaha da tuugaha hijalo, mida hän sanuži siloi* (Pnd, 3389) “а она возьми да приди к ним, что бы она на это сказала”; *udou voduu necen pitte piuvaz kazgaha* (Pnd, СВЯ, с. 595) “в новом году пусть лен растет вот такой длины”; *tehkha; sögha* (Šim, Зайцева М.И., 1981, с. 262) “пусть сделает; пусть съест”; *min ulütte tacin necen sereižen, sen kortte kazgaha kivine siin* (Šim, СВЯ, с. 653) “на какую высоту заброшу я этот брусок, такой высоты пусть вырастет каменная стена;

#### Южновепский диалект

*Jumā prost'kaha* (Krl) “пусть Бог простит”; *olob ka ögha* (Sod) “есть так пусть будет”; *jogha da sögha hänki* (Sod) “пусть и он ест и пьет”; *vändgha garmonjahase* (Ars) “пусть играет на гармони”.

При образовании формы 3 лица ед. числа выступает суффикс императива **-ka-**, **-ga-** и лично-числовое окончание **-ha**, восходящее к более древнему прибалтийско-финскому облику **\*-hen**, который по своему происхождению имеет местоименный характер (Основы, 1975, с. 83).

Суффикс императива **-ka-**, **-ga-** присоединяется к *согласной* основе двухосновных глаголов. Если согласная основа оканчивается на звонкий согласный, то после него употребляется вариант суффикса **-ga-**, **-g-**; **kodv-ga-ha** “пусть (он) проверит”, **tul-g-ha** “пусть (он) придет”, **män-g-ha** “пусть (он) идет”, **pol-g-ha** “пусть (он) лижет”; **pur-ga-ha** “пусть (он) откусит”. Если же основа оканчивается на глухой согласный, то выступает вариант суффикса **-ka-**, **-k-**: **ast-ka-ha** “пусть (он) идет”, **ost-ka-ha** “пусть (он) купит”; **kas-ka-ha** “пусть (он) посмотрит”, **lič-ka-ha** “пусть (он) впихнет”, **kuc-ka-ha** “пусть (он) позовет”.

*Одноосновные* глаголы при присоединении суффикса императива обладают в вепсском языке также рядом особенностей. *Односложные* основы в большинстве своем требуют суффикса **-ga-** или его варианта **-g-**: **sö-g-ha** “пусть (он) ест”, **jo-g-ha** “пусть (он) пьет”, **ve-g-ha** “пусть (он) отведет”.

*Двусложные* основы одноосновных глаголов также тяготеют к употреблению суффикса императива со звонким началом, то есть **-ga-**: **vala-ga-ha** “пусть (он) нальет”, **kado-ga-ha** “пусть (он) исчезнет”, **sanu-ga-ha** “пусть (он) скажет”, **kudo-ga-ha** “пусть (он) ткет”. Однако здесь могут быть и исключения из данного правила, когда вместо варианта суффикса **-ga-** употребляется **-ka-**: **vala-ka-ha**, **kado-ka-ha**, **sanu-ka-ha**, **kudo-ka-ha**. Следует ли считать появление данной инновации в вепсском языке результатом влияния количества слогов в основе? Хотя в этом случае вепсский язык идет как бы вразрез с прибалтийско-финской теорией, в соответствии с которой при суффиксальном чередовании должна была бы выступать слабая ступень и, таким образом, вариант суффикса **-ga-**. Возможно, здесь просматривается обобщение употребления варианта **-ka-**, которое связано с глаголами, обладающими двумя гласными основами, в которых краткая гласная основа была исторически согласной, например, **rage-ka-t** “исчезайте”: исторически было **\*raçet-ka-te** (Tunkelo E.A.; 1946, s. 84), где после глухого согласного следовал показатель императива **-ka-**. В вепсском языке, как это было показано в разделе “Типы основ в вепсском языке”, подобных глаголов достаточно много, и они могли послужить образцом для аналогии даже и в тех случаях, когда глагол был исторически одноосновным с двусложной гласной основой, типа **vala-ka-ha** “пусть он нальет”, **sido-ka-ha** “пусть он завяжет”.

Для *трехсложных* основ, где суффикс императива стоит в заударном слоге, вариант суффикса императива с глухим началом совершенно нехарактерен. В них употребляется вариант суффикса со звонким началом, то есть **-ga-** или его вариант **-g-**: **varasta-g-ha** “пусть (он) подождет”, **mäneta-g-ha** “пусть (он) использует”, **sädata-g-ha** “пусть (он) оденет”; **oigeta-g-ha** “пусть (он) пошлет”.

У названных выше групп глаголов в форме императива имеется еще

одна особенность, ставшая общим явлением для всех вепских диалектов – суффикс императива может утрачивать из своего состава звук **-а-**, сократившись, таким образом, до одного звука **-g-**. Прежде всего, исследователи вепского языка отмечают, что для вепского слова вообще характерно выпадение гласных звуков перед слогом, который начинается на **-h-**. Оно происходит независимо от того, является ли предшествующий слог долгим или кратким и находится ли гласный звук под ударением или без ударения (Kettunen L., II, 1922, lk. 46–47; Tunkelo E.A., 1946, s. 734–736). Оно характерно как для глаголов, так и для имен (mes-**ha** “в лес”, но – mеса-**s** “в лесу”, pert’-**he** “в дом”, но – perti’-š “в доме”; см. об этом, напр. Зайцева Н.Г., 1981, с. 104–105). О данной черте и ее особенностях и характеристиках с синхронной точки зрения в работах, так или иначе касающихся грамматики вепского языка, упоминается лишь вскользь (Kettunen L., 1943, s. 474; Хмяляйнен М.М., 1966, с. 91; Зайцева М.И., Муллонен М.И., 1972, с. 736; Зайцева М.И., 1981, с. 263). Условия же существования названного явления в синхронном состоянии языка практически не исследовались. Тем не менее, ряд подобных условий достаточно четко уловим. Назовем те из них, которые нам удалось выявить. Выпадение **-а-**, по нашим наблюдениям, наиболее регулярно, когда суффикс императива стоит:

1) после *односложной* основы одноосновных глаголов: sō-**g-ha** “пусть (он) ест”, to-**g-ha** “пусть (он) принесет”, sa-**g-ha** “пусть (он) достанет”, ve-**g-ha** “пусть (он) ответит”, lö-**g-ha** “пусть (он) ударит”, mō-**g-ha** “пусть (он) продаст”); jä-**g-ha** “пусть (он) останется”;

2) после *трехсложной* основы одноосновных глаголов: anasta-**g-ha** “пусть (он) отберет”, valata-**g-ha** “пусть (он) крестит”, seižuta-**g-ha** “пусть (он) остановит”, lasketa-**g-ha** “пусть (он) опустит”, nimita-**g-ha** “пусть (он) назовет”; ozuta-**g-ha** “пусть (он) покажет”; paneta-**g-ha** “пусть (он) уложит”; rehmita-**g-ha** “пусть (он) размягчит”.

В том же случае, когда основа одноосновных глаголов *двусложна*, выпадение **-а-** нерегулярно, единично. Отметим, что в случае двусложности основы суффикс императива занимает положение третьего, то есть второстепенно ударного слога. Поэтому выпадения **-а-** из суффикса императива у таких глаголов в основном не происходит: kudo-**ga-ha** “пусть (он) ткет”, vala-**ga-ha** “пусть (он) нальет”, sanu-**ga-ha** “пусть (он) скажет”, kävu-**ga-ha** “пусть (он) сходит”, sido-**ga-ha** “пусть (он) завяжет”, luge-**ga-ha** “пусть (он) почитает”; pida-**ga-ha** “пусть (он) держит”; pala-**ga-ha** “пусть (он) горит”; aja-**ga-ha** “пусть (он) едет”; elä-**ga-ha** “пусть (он) живет”.

Звук **-а-** из суффикса императива выпадает и в *двухословных* глаголах, имеющих в конце согласной основы звонкий согласный: män-**g-ha** “пусть (он) пойдет”, tul-**g-ha** “пусть (он) приедет”, nol-**g-ha** “пусть (он) лижет”, ol-**g-ha**

“пусть (он) будет”. Однако в тех случаях, когда согласная основа оканчивается на глухой согласный, после которого употребляется вариант суффикса **-ka-**, гласный из состава суффикса не выпадает: *ot-ka-ha* “пусть (он) возьмет”; *ast-ka-ha* “пусть (он) идет”; *maht-ka-ha* “пусть (он) умеет”; *hašk-ka-ha* “пусть (он) шагает”; *teh-ka-ha* “пусть (он) делает”.

Если же форма императива образуется от глаголов, обладающих *двумя типами гласных основ*, то в средневепском и особенно в северновепском диалекте наиболее употребителен вариант суффикса **-ka-**, присоединяющийся к краткой гласной основе, из которого **-a-** никогда не выпадает: *raime-ka-ha* “пусть (он) пасет”; *lūkai-ka-ha* “пусть (он) бросит”; *vali-ka-ha* “пусть (он) выберет”; *kargai-ka-ha* “пусть (он) пляшет”; *mārai-ka-ha* “пусть (он) мычит”; *buzai-ka-ha* “пусть (он) жужжит”; *muha-ka-ha* “пусть (он) улыбается”; *taba-ka-ha* “пусть (он) поймает”. Для южновепского диалекта, а также для переходных говоров при образовании формы императива в этом типе глаголов достаточно употребительна долгая основа, из которой **-a-** выпадает, поскольку большая часть названных глаголов имеет трехсложную основу: *raimenda-g-ha*; *lūkāida-g-ha*; *valiče-g-ha*; *kargaida-g-ha*; *māraida-g-ha*; *buzaida-g-ha*; *muhada-g-ha*; *tabada-g-ha*.

Форма императива 3 лица ед. числа, по нашим наблюдениям, наиболее регулярна и широко употребительна в восточных говорах средневепского диалекта и в северновепском диалекте. В южновепском и отчасти в восточных говорах средневепского диалекта, а также отчасти и в северновепском диалекте в передаче императивности в 3 лице ед. числа распространение получила, по модели русского языка, аналитическая конструкция, включающая в себя форму **laske**, которая воспринимается сейчас, по утверждению “Словаря вепского языка” (1972, с. 277) как частица со значением “пусть” (<3 л. ед. числа императива от глагола *laskta* “спустить, опустить; разрешить”), и форму глагола 3 лица ед. числа презенса: *laske abutab* “пусть поможет”; *laske tegeb* “пусть сделает”; *nägehtab laske* “пусть взглянет” (см. об этом также Kettunen L., 1943, s. 478). Подобная аналитическая конструкция свойственна и западным говорам средневепского диалекта. Особенность ее в названных говорах заключается в том, что вместо словоформы **laske** в них употребляется **okha** “пусть” <*\*olkha* (<*\*olkahan*; Kettunen L., 1943, s. 474) – императив от глагола *olda* “быть”: *okha mäneb ongitamha* (L) “пусть идет рыбачить”; *okha hän tuleb tagaze* (L) “пусть придет обратно”; *okha opendab* (Vil) “пусть учит”; *okha kacahtab minun päle* (Vingl) “пусть на меня посмотрит”.

Отрицательные конструкции ед. числа императива строятся с помощью форм отрицательного глагола в императиве, который на почве вепского языка имеет форму **ala** (особая форма отрицательного глагола в императиве), и чистой гласной, в случае наличия двух гласных основ – долгой гласной, основы глагола.

### Северновепский диалект

*iilä Nataškad, ala kidasta* (Št, 3389) “Наташки нет, не кричи”; *ala hot'edahaks dä* (Št, 3389) “не отставай далеко”; *ičeiz čestid nikonz ala kadota* (Št, VVS, lk. 136) “своей чести никогда не теряй”; *nu ladno, lübu, ala voika* (Št, 3387) “ладно, вставай, не плачь”; *ala paina mindai* (Š, NÄKM, s. 15) “не дави на меня”; *ala verdu minun päle* (Š, NÄKM, s. 15) “не сердись на меня”; *ala aja hebod kunutal* (Kaleig, VVS, lk. 173) “не погоняй кнутом лошадь”; *ala sömas holdu, holdub D'umal* (Kaleig, VVS, lk. 150) “не заботься об еде, Бог позаботится”;

### Средневепский диалект

*ala koske last* (Pnd, СВЯ, с. 229) “не трогай ребенка”; *ala küksende mindain'vedele* (Pnd, СВЯ, с. 254) “не гоняй меня по воду”; *ala ole möhäzesai* (Pnd, СВЯ, с. 348) “не будь допоздна”; *tesaroikaz te, ala segoi* (Pnd, СВЯ, с. 568) “дорога со множеством развилоч, не заблудись”; *ala pajata ningiieid pajid* (Kuja, 3389) “не пой таких песен”; *seda g'o ala otaki* (VI, 2291) “и не бери этого”; *tanhalo mäno ala* (VI, 3403) “на двор не ходи”; *ala nuustata* (L) “не буди”; *ala jäta, varasta* (Vil) “не оставь, подожди”; *sinä tämbei ala kubahta* (Jä) “ты сегодня и не шевелись”; *sanu oiktaha, ala kuukuižil sanu* (Jä, СВЯ, с. 252) “скажи прямо, не говори вокруг да около”; *tule aigemba, ala möhästu* (Jä, СВЯ, с. 348) “приходи раньше, не опаздывай”; *ala virka nimidä* (Jä, СВЯ, с. 115) “ничего не говори”; *ala ota verast* (Vingl) “чужого не бери”; *ala käreida minun päle* (Pec, СВЯ, с. 263) “не сердись на меня”;

### Южновепский диалект

*ala poiġäne tabada, i voi tabata* (Sod, ОВР, с. 228) “мальчик не лови, нельзя ловить”; *ala siga laji nikeda* (Sod) “там никого не ругай”; *ala voi jo muga tehta* (Čg, NEV, I, s. 31) “не смей так делать”; *ala seižu minun edū* (Krl) “не стой передо мной”; *ala nagra minus ümbri* (Krl) “не смейся надо мной”; *ala topsi liibad* (Krl) “не топчи хлеб”; *ala iżandōče, i sinun tō* (Vg) “не хозяйничай, не твое дело”.

Как свидетельствовали примеры, отрицательный глагол в отрицательной конструкции 2 лица ед. числа императива стоит обычно перед смысловым глаголом, и здесь так же, как это наблюдается и в презенсе, отрицательный глагол может следовать за основным глаголом, придавая в этом случае всей конструкции значение более категоричного отрицания: *zvoni ala* “не звони”; *tule ala, en pästa* “не приходи, не пущу”; *i pagiže sina ala, en mišta* “и не говори, не помню”.

Отрицательная форма 3 лица ед. числа включает в себя также отрицательный глагол в форме 3 лица ед. числа императива и смысловый глагол, обладающий тем же самым формантом *-koī, -goī*, о котором речь шла выше в связи с отрицательными конструкциями презенса и где были сформулированы и правила присоединения его к основам глагола. При-



чем, Л. Кеттунен считает (Kettunen L., 1943, s. 474), что на употреблении смыслового глагола с названным формантом сказывается влияние отрицательных конструкций других вепсских диалектов, где наряду с формой императива отрицательного глагола употребляется смысловой глагол в отрицательной форме 3 лица ед. числа (*laske ii tulgoi* “пусть не приходит”), о чем пойдет речь несколько ниже.

#### Средневепсский диалект

*augha hän māngoi öks* (Pnd, 3397) “пусть на ночь он не идет”; *augha manitagoi, nikut en usko* (Pnd, 3397) “не обманывайте, никак не верю”; *pästa en, augha i kuckoiki* (Pnd, 3399) “не отпущу, пусть не зовут”; *ougha sögoi kaiked, vacan kibištaškab* (VI, 3402) “пусть все не ест, живот заболит”; *hot' varastagha, hot' ougha varastagoi, a en kirgita* (VI) “хоть пусть ждет, хоть не ждет, а не напишу”; *oukha päimekoi edahan* (L) “пусть далеко не пасет”; *kac, säse mitte, oukha māngoi kalha* (Vil) “посмотрите, какая погода, пусть не идет на рыбалку”.

Данная конструкция наиболее употребительна в средневепсском диалекте в обеих группах говоров. Однако в западных говорах достаточно часто встречается и аналитический способ передачи значения 3 лица ед. числа императива, являющийся точной копией русской фразы “пусть не смотрит”, “пусть не делает”. В этом случае отрицательный глагол имеет форму императива, смысловой же глагол стоит в форме 3 лица ед. числа презенса: *okha ii māno* “пусть не идет”; *okha ii sanu* “пусть не говорит”; *okha ii tule* “пусть не приходит”. Названный способ передачи характерен и для южновепсского диалекта:

#### Южновепсский диалект

*laske tule ī* (Sod) “пусть не приходит”; *hän laske ī kacu, kōz lehm rikoba* (Sod) “пусть она не смотрит, когда корову забьют”; *laske ī otle last sadikaspää* (Ars) “пусть ребенка из садика не берет”; *sābakad koir, laske nuta ī* (Mg) “заприте собаку, пусть не лает”.

Кроме того, в южновепсском диалекте нам удалось зафиксировать отдельные примеры, в которых отрицательный глагол стоит в форме 3 лица ед. числа императива, смысловой же глагол – в форме гласной основы, как это, очевидно, исторически и должно было быть: *āgha basi komedas, last nōstatab* (Krl) “пусть громко не говорит, разбудит ребенка”; *āgha astu klubha humalas* (Sod) “пусть пьяным в клуб не идет”.

В северновепсском диалекте в 3 лице ед. числа императива распространена отрицательная конструкция, в которой и отрицательный глагол, и смысловой глагол имеют одну и ту же форму, содержащую формант **-goi**; на почве северновепсского диалекта, где происходит сужение дифтонга, **-goi>-gei**. Очевидно, в данном случае сказалось действие закона аналогии, в соответствии с которым окончание императива 3 лица

ед. числа **-ha** заместилось на **-goi (-koi)** в результате влияния формы смыслового глагола, содержащей названный формант, идентичный тому, что выступает в формах отрицательного презенса и имперфекта мн. числа индикатива. По поводу происхождения форманта **-goi (-koi)**, состоящего исторически из двух частей [**-k(a)** – древний суффикс презенса + **i** – суффикс множественности (Kettunen L., 1943, s. 474)], речь шла выше в разделе, посвященном отрицательным формам мн. числа презенса. Некоторые языковеды в названной северновепсской отрицательной форме императива (*algei vögei* “пусть они не ведут”) склонны видеть былой прибалтийско-финский II императив, или оптатив (об оптативе см. Бубрих Д.В., 1955, с. 51; Itkonen T., 1971, s. 161; Leskinen H., 1970, s. 15; 1972, s. 398–408; Hakulinen L., 1979, s. 244–245), следы которого и сейчас проявляются, например, в современном финском языке, где в качестве суффикса императива 3 лица ед. и мн. числа выступает **-ko-**, а не **-ka-**, как в других личных формах.

#### Северновепсский диалект

*algei vögei laps' kil'betihe* (Št, 3386) “пусть не берут ребенка в баню”; *algei hän soupkei veraise* (Št, 3386) “пусть он не закрывает дверь”; *augei ištkei hätken* (Kask, 3387) “пусть он долго не сидит”; *augei varastagei miid, sögha* (Kask, 3388) “пусть он не ждет нас, пусть ест”; *algei kackei lampeižele, kibed liinob* (Š, 3384) “пусть не смотрит на лампочку, больно будет”; *algei lüpskei pezmata lehm* (Kaleig, 3386) “пусть не доит корову, не помыв (вымя)”; *ougei sanugei nikelle* (Pr, 3384) “пусть не говорит никому”.

### Множественное число

Формы мн. числа императива в вепсском языке довольно употребительны. Строятся они также с помощью суффикса императива **-ga-** (**-ka-**), к которому присоединяются лично-числовые окончания, выступающие в индикативе. В близко родственном вепсскому карельском языке, например, подобные окончания выступают редко, лишь в отдельных случаях (*kaččokkama* “давайте мы посмотрим”, *läkkämä* “давайте мы пойдем”), а личными окончаниями стали называть форманты, возникшие на базе самого суффикса императива **-kua**, **-kkua**, **-kka**, **-ka** и т.д. (см. Зайков П.М., 2000, с. 200, 187).

Условия присоединения показателя императива к основам глаголов те же, что и в 3 лице ед. числа, о чем речь шла выше. Сам же суффикс императива в 1 и 2 лицах мн. числа выступает всегда в вариантах **-ka-** или **-ga-** и никогда не утрачивает из своего состава гласный **-a-**, как это случается в форме 3 лица ед. числа (и 3 лица мн. числа), о чем было сказано раньше.

Так, форма 1 лица мн. числа может иметь по диалектам следующий

вид: *tul-ga-m*, *tuu-ga-m*, *tuu-ga-mā* “давайте придем”. То есть в языке присутствует оформленность данного значения суффиксом императива, в отличие, скажем, от карельского, в котором формы I лица мн. числа суффиксально выраженными являются лишь в собственно-карельском наречии. В ливвиковском и людиковском наречиях, наиболее близких вепсскому языку, значение императивности I лица мн. числа чаще всего передается формой презенса I лица мн. числа (Зайков П.М., 2000, с. 200). Покажем на примерах употребление форм I лица мн. числа императива в диалектах вепсского языка:

#### Северновепсский диалект

*nu, veikei, pagekam* (Št, NÄKM, s. 63) “ну, братец, давай сбежим”; *lähkam besedale nakkana* (Št, 3386) “давайте пойдём на беседу”; *kaži sanub boranale: zavot'kam stroida pertine* (Š, NÄKM, s. 167) “кошка говорит барану: давай построим домик”; *lähkam minunke kül'bmalha Änižes* (Š, СВЯ, с. 167) “давай пойдём со мной купаться в Онежском озере”; *uitkam posadaspei* (Kask, 1504) “давайте уйдём из деревни”; *astkam, podrušk, pordhile* (Kaleig, 3386) “давай, подружка, пойдём на крыльцо”; *rakam hotkašti, ka päise lopiše* (Tožeg, 3387) “давай будем работать побыстрее, так день и закончится”; *tackam kivi nakkana* (Tožeg, 3387) “давай бросим камень туда”;

#### Средневепсский диалект

*davai, vel'l'*, *rap rikkam* (Pnd, ОВР, с. 167) “давай, брат, попа убьём”; *minun šauguspäi sögam* (Pnd, ОВР, с. 163) “давай из моего мешка поедим”; *laptaha uitkam tüüpäi* (Pnd, ОВР, с. 163) “давай уйдём в сторону с дороги”; *tehkam mö hot' savesiine glinka* (Pnd, ОВР, с. 156) “давай сделаем хоть глиняного мальчика”; *astkam babukoihe* (Pnd, СВЯ, с. 39) “давайте пойдём по грибы”; *pajatagam, niiččed, rajoid, tulgat vaiše kelele* (Pnd, Lonin, 2000, lp. 38); “давайте, девушки, попойем песен, только пусть на язык приходят”; *elägam mindeime* (Vl, 3391) “давай будем жить со мной”; *Aleksei, otkam vazeine* (Vl, 3403) “Алексей, давай возьмем теленочка”; *eig vüu lämiin tehta, hämäroikam väheižen* (Šim, КСВЯ) “рано еще огонь зажигать, давайте немного посумерничаем”; *piring astub, pagekam pert'he* (Päž, СВЯ, с. 420) “буря идет, давайте скроемся в доме”; *astkam, niiččed, Pašale vaumhele kašale* (Vil, Lonin, 2000, lp. 34) “пойдемте, девушки, к Паше на готовую кашу”; *mängam, huššahtagam čubul* (Vil, СВЯ, с. 135) “давайте пойдём, качнемся на качелях”; *a necil, kackam, mi om kartinaičuu* (Kurb) “а здесь давай посмотрим, что на картинке”; *iškamoiško da lodeikam sinunke* (Jä, СВЯ, с. 294) “давай-ка сядем да поговорим с тобой”; *erigakam necid' soudatas* (Jä, ОВР, с. 23) “давай отстанем от этого солдата”; *zavot'kamei rajo agjaspei* (Jä, КВСЯ) “давай начнем песню с начала”; *pangamei kohtati kaksin sadoin rublöin* (Pec-L, NVM, s. 102) “давай кладем рядом по две сотни рублей”;

### Южновепсский диалект

*ajagam mö sinna öks* (Sod, OBP, с. 203) “давайте поедем туда к ночи”; *enamb ii tulo, pangam* (Sod, OBP, с. 203) “больше не придет, давай положим”; *otkam oružjad da regud da rikomā* (Sod, OBP, с. 209) “давай возьмем ружья да санки да убьем”; *ka ankam hälle mini* (Sod, OBP, с. 245) “давайте дадим ему что-нибудь”; *löčaköd tämbää ile, ajagam löudama* (Sod, OBP, с. 230) “лончаков сегодня нет, давайте поедем да найдем”; *uitkam pigemba, eka surm kaikile meilemō* (Čg, Kettunen, 1943, s. 376) “давайте уйдем побыстрее, а то нам всем смерть”; *magakam nügüd da nül’kkam nahk* (Krl, NEV, I, s. 95) “давайте поспим да сдерем шкуру”; *māngam, segam* (Mg) “давайте пойдем, поедем”; *sanugam tuga* (Vg) “давайте скажем так”; *vāmičegam nese rad* (Ars) “давайте закончим эту работу”; *ridelkam, hot’ emae ridelkoi, a jagada īsa* (Sod) “хоть давайте поспорим, хоть нет, но разделить нельзя”; *māngamai, ozutan, miččō tahō putund om* (Sod, OBP, с. 211) “пойдемте, покажу, на каком месте он попал”; *māngāmää mechudele* (Sod, OBP, с. 222) “давайте пойдем на охоту”.

Как свидетельствуют примеры, в употреблении лично-числовых окончаний между формами индикатива и императива есть разница, на которую ранее в работах по вепсскому языку не обращали внимания. Эта разница прослеживается в западных говорах средневепсского диалекта и в южновепсском диалекте. Если в формах индикатива 1 лица мн. числа в названных говорах употребляется так называемый “долгий” вариант лично-числового окончания (*tegemai, tegeme, tegemei, tegemā* “(мы) сделаем”; *tegi mai, tegime, tegime i, tegimā* “(мы) делали”), то в императиве в 1 лице мн. числа более употребителен краткий вариант окончания, что нивелирует различия между вариантами лично-числового окончания 1 лица мн. числа на базе императива между вепскими диалектами, делая их более близкими друг другу. Из всех приведенных выше примеров лишь в двух случаях в западных говорах средневепсского диалекта и в двух – в южновепсском диалекте (в примерах это отмечено) был употреблен долгий вариант окончания. Чем вызвано такое явление? Потребовала ли интонация приказа или побуждения более краткой формы? Или язык стал стремиться к созданию различий между формами индикатива и императива также на уровне грамматических лично-числовых показателей, закрепляя разные варианты окончаний за разными формами наклонений? Такой пример как: *ajagam, löudamā* (Sod, OBP, с. 230) “давайте поедем, найдем”, в котором употреблены сразу форма императива 1 лица мн. числа и форма 1 лица мн. числа презенса и где налицо разница в окончаниях, подсказывает такое решение. Можно обнаружить ряд примеров, в которых под влиянием русского языка в значении императива выступает презенс: *davai löudamei nese kivi* (L) “давайте, найдем этот камень”; *pajatameiko vessel’ pajoine*

(Kurb) “давайте споем веселую песенку”. В языке северных вепсов употребительна конструкция со значением императивности, в которой выступает глагол *antta* “давать” в форме императива 2 лица ед. числа *anda* и формы императива или презенса 1 лица мн. числа: *anda tulem, tegem* “давайте придём, сделаем”; *anda taiginrandašt pangam* пе́че (Št, 3386) “давайте кладем сюда закваски”. Подобные конструкции не знакомы другим диалектам вепского языка, но они известны говорам карельского языка, а также и некоторым другим прибалтийско-финским языкам (Зайков П.М., 2000, с. 243; Leskinen H., 1965, s. 307). Очевидно, не без влияния карельских диалектов они и появились в северновепском диалекте, находящемся по многим позициям под их влиянием.

Форма императива 2 лица мн. числа строится параллельно форме 1 лица мн. числа. Покажем это на примерах:

#### Северновепский диалект

*vardeikat* nece neižne i *tabakat* hänt (Št, NÄKM, s. 45) “сторожите эту девушку и поймайте ее”; *libugat* i *čapkat* necil zmejäl päd (Št, NÄKM, s. 63) “поднимитесь и отрежьте у этого змея головы”; *lämbitagat* kül’bet’ (Št, NÄKM, s. 55) “натопите баню”; *otkad* vai *mujagat* (NÄKM, s. 66) “возьмите или попробуйте”; *pästkat* minun živateine (Št, 3386) “пустите мое животное”; *rebitagat* hänel ned ristad kaik erdale i *ankat* vištošküme rozgat (Š, NÄKM, s. 9) “сорвите с него все те кресты и дайте ему пятнадцать розог”; *mängat* merirandale i peskatei hüvin (Š, NÄKM, s. 65) “идите на берег моря да умойтесь хорошо”; *mängat* sinnase, *löukat* lehm (Kaleig, 3387) “идите туда-то и найдите корову”; *mängat*, sanup, *čapkat* pühutt (Perv, NVM, s. 154) “идите, говорит, срубите деревце”; *tuugat* kodihe (Kask, 1503) “идите домой”; *blahoslovigat* pert’he da *pästkat* mindei (Kask, 1503) “благословите в доме да отпустите меня”;

#### Средневепский диалект

*nu*, *lapsod*, *tö ištkađ* kodiš (Pnd, OBP, c. 118) “ну, дети, сидите дома”; *velled*, *varastagat* (Pnd, OBP, c. 163) “братцы, подождите”; *mängat* nakkana, *sigou* om läm’ (Pnd, СВЯ, c. 52) “идите вон туда, там тепло”; *sötkat* i *g’otkat* i *beregoikat* minun živataine (Pnd, 3389) “кормите и поите и берегите моих животных”; *oi*, *prost’kät* *tö mindai*, *grähkišt* (Pnd, 3398) “ой, простите меня, грешницу”; *elagat* minun *vozihesai* (Kuja, СВЯ, c. 78) “живите до моих лет”; *ken tahteib* ka *g’ogat* (Kuja, 3389) “кто хочет, так пейте”; *tackat* hänt *gärvhe* (Kuja, 3389) “бросьте его в озеро”; *vegat*, *sanj*, *mindei päčile* (VI, 2290) “отнесите, говорит, меня на печь”; *astkat*, *sanj*, *eitkat* (VI, 2290) “пойдем, говорит, уйдем”; *sögat*, *mina* *g’o murgneičün* (VI, СВЯ, c. 338) “ешьте, я уже позавтракала”; *abutagat* *mini* *kodihe* *putta* (VI, 3391) “помогите мне попасть домой”; *ka* *na des’at’* *rublei dengad pangatei* *prestolale* (Särg, OBP, c. 74) “так эти десять рублей денег положите на престол”; *ehtemba tuugat* (N, СВЯ, c. 75)

“приходите поближе к вечеру”; *ankat*, *minä hot’ tiile vändoudan* (Jä, ОВР, с. 230) “дайте, я хоть вам поиграю”; *nu, mudeikat hotkemba* (Jä, СВЯ, с. 332) “ну, пошевеливайтесь быстрее”; *laskkat* *verkod randpolhe* (Jä, СВЯ, с. 463) “бросьте сети в сторону берега”; *susedad, kuigakatei suhrid* (Jä, ОВР, с. 21) “соседи, сушите сухари”; *tehkatei sur’ kurik* (Jä, ОВР, с. 23) “сделайте большую колотушку”;

#### Южновепский диалект

*käägat* *minulost kāmale* (Virtaranta P., 1967, s. 111) “ходите ко мне почаше на могилу”; *te minē gon’gat* (Sod, ОВР, с. 230) “вы меня гоните”; *te, basin, varjoikat hänt* (Sod, ОВР, с. 209) “вы, говорю, сторожите ее”; *laigat hot’ āgat, kondjale ī tabata mindā* (Sod, ОВР, с. 206) “ругайте, хоть нет, но медведю меня не поймать”; *ištkat meiden hebole i ajagat kod’he* (Sod, ОВР, с. 23) “садитесь на нашу лошадь и поезжайте домой”; *johtutagat mindān’ verhā vilū rōināižō* (Vg, ОВР, с. 257) “вспомните меня на чужой холодной сторонушке”; *nāehtagat, setjat čičkōhuded, minun rākōn’ päle* (Vg, ОВР, с. 256) “посмотрите, любимые сестрички, на меня горе-горькую”; *lapsed, aigemba nouskat* (Mg, СВЯ, с. 616) “дети, раньше вставайте”; *johtutagatā mindān’* (Vg, ОВР, с. 257) “вспомните меня”.

В иллюстрируемой форме к основе императива присоединяется лично-числовой показатель 2 лица мн. числа, общий с формами индикатива. Любопытно отметить, что и в этом случае в западных говорах средне-вепского диалекта, а также в южновепском диалекте наиболее употребителен краткий вариант лично-числового окончания *-t* вместо вариантов индикатива *-tai*, *-tei*, *-tā*, как с этим обстояло дело и в 1 лице мн. числа. Долгий вариант исключительно редок, как это видно из приведенных примеров, хотя при специальном опросе информантов они могут любой глагол употребить и в форме императива с долгим вариантом окончания.

Форма 3 лица мн. числа императива совпадает с формой 3 лица ед. числа. Лишь контекст обнаруживает, о какой форме идет речь:

#### Северновепский диалект

*paŋgha kaik mäčud sijale* (Št, 3385) “пусть положат все мячи на место”; *lōutkaha parahim kalasija, miise kaikile tōudeiž* (Št, 3385) “пусть найдут более рыбное место, чтобы всем хватило”; *satkaha priheized tagemba gostid, ika segoidaze* (Kask, 3388) “пусть мальчики подальше гостей проводят, а то заблудятся”; *vegaha heid mecciine* (Kask, 3388) “пусть черт их поберет”; *mardid enamba poimekaha, om ved perehnikoid* (Matvejansel’g, 3389) “пусть ягод больше собирают, ведь членов семьи у них много”;

#### Средневепский диалект

*varastagha meid nene lapsed* (Pnd, 3393) “пусть эти дети нас подождут”; *kaikaha mušt ičhižiš kaik kanznikad* (Pnd, 3394) “пусть хранят память о родных

все члены семьи”; *sanugaha hõ kaikile* (Pnd, 3393) “пусть они всем скажут”; *māngha hotkemba, ika anastadas hiil dengad* (VI, 3404) “пусть идет быстрее, иначе отберут у них деньги”; *tuuugaha keik, uks’ avaitud* (VI, 3403) “пусть все приходят, дверь открыта”; *valagaha niičukeižed čajudse adivoile* (L) “пусть девочки нальют чаю гостям”; *mužikad māngha sinnä, a akad tänna* (Vil) “мужчины пусть идут туда, а женщины сюда”.

Отметим, что синтетическая форма императива наиболее употребительна и регулярна, как это было показано в примерах, в восточных говорах средневепского диалекта, а также в северновепском диалекте. Кроме того, в северновепском диалекте Л. Кеттуненом (Kettunen L., 1943, s. 480) было зафиксировано употребление императивных форм пассива в значении 3 лица мн. числа императива актива: *hõ ottagaha vilud vet da mändagaha* (Kask) “а они пусть возьмут холодной воды да пойдут”. Однако в настоящее время подобные формы практически не встречаются. Нам удалось выявить в названном диалекте аналитические конструкции с формой *anda* (2 лицо ед. числа императива от глагола *antta* “давать”) и формы 3 лица мн. числа презенса, имеющих пассивное происхождение: *anda tama da papa ihasutetaze* (Št, 3385) “пусть отец да мать радуются”; *anda hõ magataze* (Kask, 3384) “пусть они переночуют”; *hõ anda tuldaze mijale* (Kaleig, 3386) “пусть они к нам придут”. Налицо опять тот же вариант аналитической конструкции, о которой шла речь в разделе, посвященном формам 3 лица ед. числа императива, характерной для карельского языка (Зайков П. М., 2000а, с. 254): *anna hüö tullah* (Sääm) “пусть они придут”; *anda hüö pandah kartofelit muah* (Pühäjärvi) “пусть они заложат картофель в яму”, – под воздействием которой она, очевидно, и появилась в северновепском диалекте.

Для южновепского диалекта более употребительна, как и в 3 лице ед. числа императива, аналитическая конструкция, в которой, однако, в этом случае смысловой глагол стоит в форме 3 лица мн. числа презенса: *laske pajatabad* (Mg) “пусть поют”; *laske mujahatabad* (Krl) “пусть пощупают”; *laske hõ andabad* (Kettunen L., 1943, s. 480) “пусть они отдадут”; *hõ maksabad laske* (Vg) “пусть они заплатят”. Названные конструкции употребительны и в западных говорах средневепского диалекта. Здесь в качестве вспомогательного глагола, так же как и в 3 лице ед. числа, берется форма *okha* “пусть” (<*olgha*) и пассивная по происхождению форма 3 лица мн. числа презенса; то есть в том и в другом случае налицо воздействие русского языка, вытеснившего собственные компаративные конструкции: *okha valitas hiväd jiväižed* (Kurb) “пусть выберут хорошие зернышки”; *okha pandas päč lämhä* (Vil) “пусть затопят печь”; *okha siištas ühtüu sijou* (L) “пусть стоят на одном месте”; *okha pagetas täspei* (Vingl) “пусть исчезнут отсюда”.

Отрицательные конструкции мн. числа императива образуются с помо-

щью вспомогательного глагола в форме императива соответствующего лица и числа и смыслового глагола с формантом **-koi, -goi** (*augat käskkoi* “не приказывайте”). В северновепском диалекте названный формант чаще всего выступает, например, во 2 и 3 лицах мн. числа и в отрицательном глаголе, и в смысловом глаголе (*algei tulgei* “не приходите”). В этом случае формы 2 и 3 лиц формально совпадают, их значение выявляется лишь из контекста, напр.: *rangat kukjine, augi kubahtagi* (Št, 3386) “положите петушка, не трогайте”. В южновепском диалекте смысловой глагол во мн. числе императива может стоять:

а) в форме 3 лица ед. числа презенса (*āgat basī* “не говорите”);

б) в форме 1 или 2 лица императива (*āgat pōl’gästugat* “не пугайте”);

в) в аналитической конструкции императива с формантом **-koi, -goi** (*laske ī kukkoi* “пусть не зовут”). Приведем примеры употребления отрицательных конструкций мн. числа императива по диалектам:

#### Северновепский диалект

*lähkam, algei vareikei nimida* (Št, NÄKM, s. 159) “пойдем, не бойтесь ничего”; *algam tehki pertine* (Št, 3387) “давайте не будем строить домик”; *algei nimida minus varastagei* (Št, NÄKM, s. 64) “пусть не ждут от меня ничего”; *algat mängi mehele, niicčed* (Kask, 3388) “девушки, не выходите замуж”; *algoi piitkoi herget* (Pr, 3385) “пусть не прячут навоз”; *algoi viritagoi lampad* (Št, 3385) “пусть не зажигают лампы”; *augoi siiškoi čuuras, proitkaha* (Kask, 3388) “пусть не стоят в углу, пусть проходят”; *augam voikkj* (Kask, 3388) “давайте не будем плакать”;

#### Средневепский диалект

*davai sorkam padai, augam epambpidagoi* (Pnd, ОВР, с. 159) “давай бросим сосну, не будем держать”; *augam väkoi vaikkulhu* (Pnd, 3393) “давайте не будем играть в молчанку”; *māngat nakkana, augat mindain’ nimitagoi* (Pnd, ОВР, с. 162) “убирайтесь отсюда, не дразните меня”; *augat i kükskoi, kävuim i käveleškam* (Pnd, 3390) “и не гоните, ходили и будем ходить”; *augat üu nagrkoj* (Pnd, 3398) “ночью не смейтесь”; *sögat, augat pagiški nimida* (Pnd, 3400) “ешьте не разговаривайте”; *ougat mängei, ika putud soho* (VI, 3404) “не ходите, а то попадете в болото”; *ougam sögoi lukunke* (VI, 3403) “давайте не будем с луком есть”; *ougat voikkoi, söruuno ton kivuden* (Kuja, 3389) “не плачьте, все равно принесу мельничку”; *augat hondou g’ohtutagoi* (Särg, СВЯ, с. 87) “не поминайте лихом”; *ougat mokikoi mindei* (Jä, ОВР, с. 23) “не мучьте меня”; *okha ii mängoij mecha, möheij om hiile mända* (Jä) “пусть они не идут в лес, поздно идти”; *joskat, uugat siiškoi* (L) “бегите, не стойте”; *uugat väkoi garmonjou, laps’ magadab* (Kurb) “не играйте на гармони, ребенок спит”; *ougat togoi jügedad* (Vil) “не несите тяжелого”; *ougat magakoi pit’kha* (Vingl) “не спите долго”;



### Южновепский диалект

*āgat basī komedas* (Vg) “не говорите громко”; *āgam māngoi borhu* (Ars) “давайте не пойдем в бор”; *āgat mindān’ pōl’ gāstugat, āgat mindān’ varegakat* (Vg, ОВР, с. 258) “вы не пугайте меня, не предостерегайте меня”; *augat iorakat koiriden tagut* (Krl, NEV, I, s. 100) “не деретесь из-за собак”; *laske ī kackoi tagaze* (Ars) “пусть не смотрят назад”; *laske ī togoi redud kod’he* (Sod) “пусть не несут грязи в дом”.

Для младописьменного языка настоятельно рекомендован суффиксально оформленный императив во всех лицах, что, как свидетельствовал разбор диалектного материала, вполне правомерно и обоснованно, поскольку все формы императива функционируют в живом состоянии языка, в большей или меньшей степени знакомы всем диалектам (см. Zaiseva N., 2000, pp. 144–148). Покажем это в таблице:

### Положительные формы

Ед. число	Мн. число
1.	<i>sanugam</i> “давайте скажем”, <i>antkam</i> “давайте дадим”, <i>kaikam</i> “давайте сбережем”
2. <i>sanu</i> “скажи”, <i>anda</i> “дай”, <i>kaiče</i> “береги”	<i>sanugat</i> “скажите”, <i>antkat</i> “дайте”, <i>kaikat</i> “берегите”
3. <i>sanugaha</i> “пусть он скажет”, <i>antkaha</i> “пусть он даст”, <i>kaikaha</i> “пусть он бережет”	<i>sanugaha</i> “пусть они скажут”, <i>antkaha</i> “пусть они дадут”, <i>kaikaha</i> “пусть они сберегут”

### Отрицательные формы

Ед. число	Мн. число
1.	<i>algam sanugoi</i> “давайте не скажем”, <i>algam antkoi</i> “давайте не дадим”, <i>algam kaikoi</i> “давайте не сбережем”
2. <i>ala sanu</i> “не говори”, <i>ala anda</i> “не давай”, <i>ala kaiče</i> “не береги”	<i>alगत sanugoi</i> “не говорите”, <i>alगत antkoi</i> “не давайте”, <i>alगत kaikoi</i> “не берегите”
3. <i>algha sanugoi</i> “пусть не говорят”, <i>algha antkoi</i> “пусть не не дают”, <i>algha kaikoi</i> “пусть не бережет”	<i>algha sanugoi</i> “пусть не говорят”, <i>algha antkoi</i> “пусть не дают”, <i>algha kaikoi</i> “пусть не дают”

## КОНДИЦИОНАЛ

Кондиционал, или условное наклонение, дает представление о действии, которое воспринимается как желаемое, возможное или чем-либо обусловленное. В вепском языке, как и в других языках северной группы прибалтийско-финских языков, кондиционал обладает суффиксом *-iži-*: *kasu-iži-n* “(я) смотрел бы”; *tul-iži-n* “(я) пришел бы”; *varasta-iži-n* “(я) ждал бы”. Предполагается, что суффикс кондиционала *-iži-* состоит из двух частей: *-iž-* и *-i-*, где вторая часть (*-i-*) – не что иное, как показатель имперфекта. Первая же часть *-iž-*, по мнению ученых, это по происхождению один из словообразовательных суффиксов, который со временем приобрел формообразующий характер (Бубрих Д.В., 1955, с. 12; Серебренников Б.А., 1964, с. 152–153; Майтинская К.Е., 1974, с. 23; Основы, 1975, с. 83; Lehtinen T., 1983, s. 495–496). Л. Хакулинен считает, что обсуждаемый суффикс первоначально мог иметь вид *-\*ηsi-*, *-\*ηt'si* и выступал в ряде глаголов типа современного финского *vala-ise-n* “освещаю” (Hakulinen L., 1979, s.s. 38, 246). В ряде прибалтийско-финских языков (эстонском, ливском) употребителен другой суффикс кондиционала *-ks(i)*: *annaksin* “я дал бы” (Häkkinen K., 1985, s. 111), который, очевидно, имеет иное происхождение, и в вепском языке он не знаком.

Суффиксом кондиционала в вепском языке является *-iži-*, а не *-isi-*, как, например, это имеет место в финском языке, что вполне объяснимо: находясь в интервокальной позиции, по законам развития вепского языка *s>z* (Tunkelo E.A., 1946, s. 245–246). Кроме того, в вепском языке действует закон, в соответствии с которым *z>ž* или *s>š*, если *s* или *z* стоят после *i*. Названное явление – общее для всех вепских словоформ, например, *verhas kanzas* “в чужой семье”, *lujas* “очень”, но – *verhiš kanzoiš*. “в чужих семьях”, *mataleiž* “твоей маме”. И таким образом суффикс кондиционала в современном вепском языке приобрел вид *-iži-*. Интересно отметить, что в работах ученых XIX века суффикс кондиционала постоянно указывался в форме *-is(i)-* или *-iši-* (см. Lönnrot, 1853, s. 44; Ch.E. Hunfalvi, 1875, s. 34; J. Szinyeyi, 1881, s. 426). То ли к тому времени еще не сформировался в качестве закона в данной позиции переход *s* в *š*, а потом и *z* в *ž*, то ли это влияние фонетики финского языка, под воздействием которой в основном записывались образцы вепской речи, трудно сказать.

Находясь в глагольной форме в позиции второстепенного ударения, первый *-i-* в отдельных говорах может удлиняться, то есть *-iži->-iži-*. Это случается чаще всего в северно- и южновепском диалектах, когда суффикс кондиционала присоединяется к глаголам с основой на *-i-*: *dōgon-iži-n* “(я) догнал бы”, *zavod-iži-n* “(я) начал бы”, *naved-iži-n* “(я) любил бы”, либо к глаголам с основой на *-e-*, где при присоединении суффикса кондиционала это

-е- выпадает, и первый -i- суффикса -iži- удлиняется: kävel-tži-n “(я) ходил бы”, rakič-iži-n “(я) просил бы”, valič-iži-n “(я) выбрал бы”. Кроме того, в названных диалектах первый -i- может удлиниться и в первом заударном слове в глаголах, имеющих основу на -e-: ole-n “(я) есть” – ol-iži-n “(я) был бы”, tege-n “(я) сделаю” – teg-iži-n “(я) сделал бы”, pole-n “(я) лизу” – pol-iži-n “(я) лизал бы”. Любопытно отметить, что северновепсский и южновепсский диалекты обладают очень немногими, объединяющими их между собой элементами. Они как бы стоят на разных полюсах. Удлинение -i- в варианте суффикса кондиционала -iži-, а также и долгий -ī- в той же позиции в качестве показателя имперфекта индикатива, как это было указано ранее, одни из таких немногих явлений, связывающих названные диалекты между собой и противопоставляющих их по данным признакам другим говорам.

В современном вепсском языке кондиционал обладает четырьмя временными формами: презенсом, имперфектом, перфектом и плюсквамперфектом. В истории исследования грамматики языка вепсов не все названные временные формы выделяются как самостоятельные. В наиболее ранних работах, принадлежащих, в основном, перу лингвистов Финляндии, четкого представления о временах в кондиционале не наблюдается. Так, например, Э. Ленирот в своей работе, являющейся первым описанием структуры вепсского языка, лишь в примерах показывает, что в языке имеется форма кондиционала, точнее сказать, судя по примерам, кондиционала пассива, которая в современном вепсском языке употребляется в качестве 3 лице мн. числа: andtais “дали бы”, tehtais “сделали бы”, salbatais “закрыли бы” – ei andtais “не дали бы”, ei tehtais “не сделали бы”, ei salbatais “не закрыли бы” (Lönnrot E., 1853, s. 44).

Венгерский языковед Й. Синнеи, специалист по сравнительному урало-алтайскому языкознанию, в своей работе по вепсскому языку 1881 года, в которой он попытался систематизировать все знания по грамматике вепсского языка того времени, выделяет у кондиционала три временные формы: презенс (andaišin “(я) дал бы”), претерит (andnuisin “(я) дал бы”) и так называемый “эвентив” (andneisin), который еще классифицируют как “конъюнктив” (Genetz A., 1885, s. 165), отличие которого от “претерита” на почве вепсского языка не совсем понятно; точнее, можно предположить, что имеется в виду смешанная форма потенциала-кондиционала (-ne+isi-). А с точки зрения современного вепсского языка, здесь быстрее всего налицо специфическая, сугубо вепсская форма имперфекта кондиционала (показатель -nuīži-) с дифтонгом, подвергнувшимся сужению (ui>ei), что является для вепсского языка достаточно обычным фактом. В северновепсском диалекте форма кондиционала имперфекта звучит сейчас как andnižin “(я) дал бы” вместо andnuīžin других говоров, то есть **и** совсем исчез. Перед полным исчезновением -и- из суффикса

кондиционала в языке было несколько переходных ступеней: *ui>ei>ii>i*. Еще и сейчас в северновепсском диалекте можно обнаружить параллельные формы имперфекта кондиционала *andneiz̄in* и *andnižin* “(я) дал бы”. Вполне возможно, что в работах XIX века отражено именно данное явление.

В последующем, в вепсском языке в формах кондиционала Л. Кеттунен, например, выделял две формы времени: презенс (*oližin* “(я) был бы”) и перфект (*voinuiz̄in* “(я) смог бы”: Kettunen L., 1943, s. 470–473; 1960, s. 21).

В отечественных исследованиях относительно количества времен кондиционала также нет единства. М.М. Хмяляйнен, который написал для III тома “Языков народов СССР” один из первых отечественных научных очерков по грамматике вепсского языка, выделял два времени: презенс (*toižin* “(я) принес бы”) и имперфект (*tonuižin* “(я) принес бы”: М.М. Хмяляйнен, 1966, с. 91). В “Словаре вепсского языка” М.И. Зайцевой и М.И. Муллонен, содержащем и краткий грамматический очерк, указаны две интересующие нас формы: презенса и перфекта (Зайцева М.И., Муллонен М.И., 1972, с. 736). В работе М.И. Зайцевой по грамматике шимозерских говоров дано уже три времени: презенс, перфект и плюсквамперфект (М.И. Зайцева, 1981, с. 256); то есть формы, типа *tonuižin*, определяемые Хмяляйненом как имперфектные, Зайцева отнесла в разряд перфектных.

Такой же разницей в отношении количества времен кондиционала отмечается и в карельском языке. Например, финские исследователи карельского языка Генец А. (Genetz A., 1880, s. 211) и Ахтия Э.В. (Ahtia E.V., 1936, s. 76–77) выделяли у кондиционала всего две временные формы: презенс и перфект. Отечественные исследователи карельских диалектов Рягоев В.Д. (Рягоев В.Д., 1977, 141–143) и Макаров Г.Н. (Макаров Г.Н., 1966, с. 71) выделяют также по две временные формы. Зайков П.М., посвятивший исследованию сложения грамматики карельского глагола докторскую диссертацию, указывает на наличие в двух наречиях языка карелов – ливвиковском и людиковском, в формировании которых, по мнению ученых, принял активное участие вепсский язык (Бубрих Д.В., 1947; 1948, с. 42–50; Itkonen T., 1971, 153–185; Virtaranta P., 1972, S. 7–27), – четырех времен кондиционала (Зайков П.М., 1997, с. 39; 2000, с. 225–246).

Лингвистический материал по грамматическим категориям глагола всех вепсских диалектов, имеющийся в нашем распоряжении, также ориентирует на выявление оппозиции из четырех временных форм кондиционала: презенса, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта. Если подвергать анализу материалы только опубликованных образцов речи, то, вполне возможно, к такому выводу можно и не прийти. Материалы образцов речи и не ориентированы на представление всех грамматических

форм. Многие образцы речи демонстрируют нам материалы монологического характера, где постоянно, многократно повторяются одни и те же глагольные формы. Подробный анализ текстов, например, “Образцов вепсской речи” Зайцевой М.И. и Муллонен М.И. (1969) показал, что в них глаголы чаще всего употребляются в форме 3 лица мн. числа, напр.: **todas lunt, pandas herno hg’auhod, pandas solad, sihesai pekstas, kuni ii libu padas. konz padas libub ka siloi pandas načinkan korel** (с. 111) “принесут снегу, положат гороховой муки, положат снегу, взбивают до тех пор, пока не поднимется (тесто) в горшке, а как поднимется в горшке, так кладут начинку на сканец”; **nahkan ligotaba vedhe, pidäba nedalin vedes. vedespää otaba, lačhu paneba, izveskad paneba, segoitaba. koumed-neläd sutkad pidäba izvezkas neciš, izveskan heitaba, pezeba kaiken...** (с. 214) “кожу замачивают в воде, держат неделю в воде; из воды снимают, кладут в бочку, извести кладут, перемешивают; трое – четверо суток держат в этой извести, известь счищают, снимают всю”. Довольно употребительны и формы 1 или 2 лиц ед. или мн. чисел, которые имеют в названных отрезках образцов речи обобщенно-личное значение. В этих случаях не предполагается, что некто выступает в качестве деятеля, и им может быть любой субъект: **nuuzon homesuu, mänon sareile, otan sômät, panon košpuzuho, mänon läühä lehmanloks, panon hänle däslihe heinan, tulong pert’he, panon d’ömän...** (с. 177) “встану утром, пойду на сарай, возьму корм, положу в корзину для мякины, иду в хлев к корове, положу ей в ясли сена; приду домой, положу пить”; **lehman lüpsad, valad padeihe maidon, hiitäd irdale, miignor sigäna, potom hiitäd kandatesen, skopid padaha...** (с. 43) “корову подоишь, разольешь по горшкам молоко, поставишь на улицу; прокиснет там, потом снимешь сметану, скапливаешь в горшке” и т. д. И лишь целенаправленный и специализированный сбор лингвистического материала по интересующим проблемам позволяет более квалифицированно решить те или иные вопросы. В нашем случае мы можем утверждать, что информантам хорошо знакомы все формы четырех времен кондиционала; знатоки языка остро чувствуют разницу в их значениях и достаточно осознанно и с пониманием объясняют ее.

### Презенс

Формы презенса кондиционала имеют значение возможного действия в будущем. Они строятся при помощи суффикса **-iži-** и лично-числовых окончаний, общих с индикативом. Суффикс кондиционала всегда присоединяется к гласной основе глаголов. Если глагол обладает двумя гласными основами, то в этом случае выступает всегда долгая гласная основа.

Присоединяясь к основам глаголов, суффикс *-iži-* с конечными гласными звуками основ образует дифтонг *-oi-*, *-öi-*, *-ui-*, *-üi-*, *-ai-*, *-äi-*, а если основа *односложна* и оканчивается на *-e-*, то и *-ei-*: *ve-n* “(я) отведу” – *ve-iži-n* “(я) отвел бы”; *to-n* “(я) принесу” – *to-iži-n* “(я) принес бы”, *sö-n* “(я) ем” – *sö-iži-n* “(я) ел бы”, *sido-n* “(я) завяжу” – *sido-iži-n* “(я) завязал бы”, *kasu-n* “(я) смотрю” – *kasu-iži-n* “(я) смотрел бы”, *mülü-n* “(я) помещусь” – *mülü-iži-n* “(я) поместился бы”, *saupta-n* “(я) закрою” – *saupta-iži-n* “(я) закрыл бы”, *raimenda-n* “(я) пасу” – *raimenda-iži-n* “(я) пас бы”, *pidä-n* “(я) держу” – *pidä-iži-n* “(я) держал бы”; *hiitä-n* “(я) сниму” – *hiitä-iži-n* “(я) снял бы”.

Если же основа оканчивается на *-e-*, и она *двусложна* или *трехсложна* и т. д., то в этом случае конечный *-e-* основы при присоединении суффикса кондиционала всегда выпадает: *kaiče-n* “(я) берегу” – *kaič-iži-n* “(я) берег бы”, *valiče-n* “(я) выбираю” – *valič-iži-n* “(я) выбирал бы”, *kävele-n* “(я) хожу” – *kävel-iži-n* “(я) ходил бы”, *sanele-n* “(я) говорю” – *sanel-iži-n* “(я) говорил бы”. Однако в настоящее время из данного правила стала намечаться устойчивая тенденция на исключение, когда конечный гласный *-e-* стал сохраняться, образуя с начальным гласным суффикса кондиционала дифтонг *-ei-*: *tuleiž* вместо *tuliž* “(он) пришел бы”, *tegeiž* вместо *tegiž* “(он) сделал бы”, *nägeiž* вместо *nägiž* “(он) видел бы”. В этом случае, очевидно, стало сказываться действие закона аналогии, выравнивания явления присоединения суффикса к основе глагола: поскольку в большей части словоформ образуется дифтонг, то он стал иметь место и в случае основ на *-e-*. Причем данный момент наиболее характерен для северновепского диалекта.

В южновепском диалекте при присоединении к основе суффикса кондиционала первый *-i-* суффикса *-iži-* вместе с конечным гласным основы образует долгий гласный, качество которого зависит от конечного гласного основы: *raimendāžin (ai>ä)* “(я) пас бы”, *sanūžin (ui>ü)* “(я) сказал бы”, *rahnōžin (oi>ō)* “(я) сжал бы”. Названное явление идет в русле тех звукопереходов, которые характерны для южновепского диалекта: в данном случае это образование долгих гласных вторичного происхождения на месте дифтонгов на *-i-* (см об этом Kettunen L., II, 1922, lk. 39–41; Tunkelo E.A., 1946 s. 618–619).

Приведем примеры на употребление форм кондиционала I лица ед. числа:

#### Северновепский диалект

*ostaižin ningiman, da ei kus ostta (Št, 3386)* “купил бы такую же, да негде купить”; *sindai otažin mina (Št, NÄKM, s. 55)* “тебя я взял бы”; *iilä, iilä emagašt', om kaks'toškime časud, otažin ku haugižen, katkaidaižin d'augaižen (Št, Lonin, 2000, lp. 26)* “нет, нет хозяйшки, уже двенадцать часов, купил бы я дровец, да обломал бы ей ноги”; *kaburiš mö käveližim, ühtes püdooil*

*radeižim* (Št, Lonin, 2000, lp. 19) “ходили бы мы обнявшись, да вместе бы на поле работали”; *pajataižin* pajaižid, alei änútt ii d’okse, *hüikal daižin* maksaižen, iilä ičiin valdaine (Kask, Lonin, 2000, lp. 8) “спела бы я песенку, да голос не звучит, окликнула бы я милого, да нет моей воли”; *saižin* ku kalad, ka *pašteižin* kornikan (Š, 3386) “достала бы я рыбы, так испекла бы пирог с рыбой”; *veseližin* vändol niiččid (Toižeg, 3387) “я бы веселил игрой девушек”; *oste ižin* kanfetoid, da iilä kästtud (Pr, 3390) “купила бы конфет, да не велено”;

#### Средневепский диалект

*mina tedižin*’ ka *paromba sanuižin*’ (Kuja, 3389) “если бы я знал, так лучше бы сказал”; *samavaran valeižin*’, ka čajud g’oižid’ (Kuja, 3389) “я бы самовар налила, если пить будете чай”; *tuližin*’ tijalese affatou (P, 3394) “я бы охотно к вам пришла”; *lugižin*’, da en mahta (Pnd, 3394) “почитала бы да не умею”; *ku keza hüvä*, ka *amu g’ö nitaižin*’ hiinad (Pnd, 3394) “было бы лето хорошим, так я давно накопил бы сена”; *seižin*’ (Pž) “я поел бы”; *g’üižin*’ (Šim, Зайцева М.И., 1981, с. 257) “я попила бы”; *ka pästeižin*’ öks, da ičemoile eļe sijad (Jä, ОВР, с. 22) “пустили бы к ночи, да самим места мало”; *kirjutaižin*’ da ei kirjutade (L) “писал бы да не пишется”; *tuližin*’ vastha, ku *sanuižid*’ (Kurb) “пришел бы навстречу, если бы сказал”; *läksižin*’ tiideke (Vil) “пошла бы с вами”; *malitval pakič ižin*’ proššenjad (Vingl) “я молитвой просила бы прощения”;

#### Южновепский диалект

*čoman pövun voižin* tehta (Čg, NEV, I, s. 52) “смог бы сделать хорошую шубу”; *silitäžin*’ kažid’, da varādan, künziže (Krl) “погладила бы кошку, да боюсь, царапается”; *abutäžin*, da käded kibedad (Krl) “помогла бы, да руки болят”; *god ižin*’ vö vähääžen (Mg) “еще немного подождала бы”; *astuhtäžin*’ sindämu (Vg) “я бы с тобой прошлась”; *mukahtäžin*’ mučūžen udü sijä (Sod) “чуть-чуть полежала бы на новом месте”; *pajatažin*’ tiile, da en voi bast’a, änd’ eļe (Ars) “спела бы вам что-нибудь, да даже говорить не могу, голоса нет”.

Форма 2 лица ед. числа кондиционала также включает себя суффикс *-iži-* и лично-числовое окончание 2 лица ед. числа:

#### Северновепский диалект

*lugižid* kniganse äñ’heze (Št, 3384) “книгу-то читай вслух”; *soupteižid* iknan, vilu om (Št, 3384) “окно закрыл бы, холодно”; *ougoteižid* kirjeižen Simanke (Kask, 3385) “письмо отправила бы с Симой”; *veslemb oleiz*, ku *pajateižid* “было бы веселее, если бы спела” (Kask, 3385); *sideižid* hebose tanhan taga (Kaleig, 3386) “лошадь-то привяжи за двором”; *d’oižid* čaškeine čajud (Toižeg, 3385) “выпила бы чашечку чаю”;

#### Средневепский диалект

*andaižid*’ sina miile liibatse vüugha (Pnd, 3394) “дала бы ты мне хлеба-то в долг”; *tuližid*’ mijalo adivoihe (Pnd, 3394) “пришла бы к нам в гости”; *vasteižid*’ lastse (Kuja, 3393) “встретила бы ребенка”; *sidoižid*’ vastoid’

enamban da müüizid' (Kuja, 3393) “навязала бы веников побольше да продала бы”; lämbiteizid' küubetin' (VI, 3404) “истопила бы баню”; g'üüzid' (Šim, Зайцева М.И., 1981, с. 257) “попил бы”; süüzid' (Páž) “поел бы”; ka sinä miid muga opendeizid' vändmaha (Jä, ОВР, с. 23) “так ты нас так научил бы играть”; kargaidaižid', ozutaižid' ičtäiž (L) “сплясал бы, показал себя”; sötaižid' lehmid' (Šondjal) “накормила бы коров”; valaižid' vet samvarha, da panižid' lämbitamha (Vil) “налила бы воды в самовар, да поставила греться”; toižid' (Рес, Хямяляйнен М.М., 1966, с. 91) “принес бы”;

#### Южновепский диалект

a minunse, basib, otāžid, ka linižid poigamu (Čg, NEV, I, s. 53) “а мою-то, говорит, взяла бы, так с сыном была бы”; varastāžid' mindā tesarū (Ars) “подождала бы меня на перекрестке дорог”; koeramu läksīžid' (Sod) “пошел бы собакой”; toižid' vet kaivospää (Mg) “принес бы воды из колодца”; voikahtäžid' vähääzū, kebnenzötāž (Vg) “поплакала бы немного, полегчало бы”.

Особенностью лично-числовых окончаний, употребляемых в 1 и 2 лицах ед. числа в форме кондиционала, является то, что в средне- и южновепском диалектах они почти без исключений смягчаются (tuližin'-tuližid' “(я, ты) пришел бы”, süižin'-süižid' “(я, ты) поел бы”). Здесь сказывается результат действия того же закона, о котором речь была в разделе “Имперфект”: после -i- согласные звуки, а в данном случае это окончания 1 и 2 лиц ед. числа, в названных диалектах смягчаются. А поскольку суффикс кондиционала оканчивается на -i- (-iži-), то мы и имеем на конце глагольных словоформ мягкий -n' или -d'. Для северновепского диалекта данное явление нехарактерно.

Формы 3 лица ед. числа характеризуются тем, что в них лично-числовое окончание отсутствует. Более того, конечный -i- из суффикса кондиционала также достаточно часто выпадает; и суффикс, таким образом, имеет вид: -iž-, хотя наряду с ним можно встретить, как об этом будут свидетельствовать примеры, и полный вариант суффикса -iži-:

#### Северновепский диалект

misebi laps' tünäs magadeiž (Št, 3384) “чтобы ребенок хорошо спал”; pidab misebi oliž kodiš kudotud kangaz (Št, 3386) “надо, чтобы было домотканое полотно”; misebi nägizi, kut mahtab (Kaleig, 3387) “чтобы видно было, как умеет”; löuda mugeine ičeleiž nevesta, mise oliž sizaren čomutte (Kask, СВЯ) “найди себе такую невесту, чтобы была красотой как сестра”; мама, oliš ku naku pertiine (Š, NÄKM, s. 11) “мама, был бы тут домик”; andeiž hän mini kahca rubl'ad, ka osteižin (Toižeg, 3386) “дал бы он мне восемь рублей, так я купил бы”; tuliž boža mijale (Perv, 3388) “пришла бы к нам крестная”;



### Средневеппский диалект

*varastaiži hot' mindaise* (Pnd, 3391) “хоть бы меня подождал”; *paimendaiži nakkau, püudoiden taga* (Pnd, 3391) “нас бы там за полями”; *kut neso g'üvä kazvab, ka muga živateine kazveiž* (Vl, 3391) “как это зерно растет, так бы и скотинка росла”; *kut hänt kuctas, hot' sanuiž miile* (Vl, 3404) “как его зовут, хотя бы мне сказал”; *vei, tuliž hot' tänna, muga nägištada tahtoižin* (Kuja, 3392) “ой, хоть бы к нам зашла, так увидеть хочется”; *kivestei lämoi tuliž* (Kuja, 3392) “из камня бы огонь пошел”; *hot' süiž* (Päž) “хоть поел бы”; *veseliž mid' (L)* “нас веселил бы”; *lüpsaiž lehman* (Vil) “корову бы подоила”; *sanuiži kodiš, a ei püudu* (Šondjal) “сказала бы дома, а не в поле”; *dorogou kazveiž* (Vingl) “если бы на дороге рос”;

### Южновеппский диалект

*nu ka ik oliš siläš korjad* (Čg, NEV, I, s. 36) “а если бы не было у тебя саней”; *nese igan ku oliš ka, meit sötäž* (Čg, NEV, I, s. 74) “если бы это век так было, чтобы он нас кормил”; *ku tuliž mejale* (Mg) “если бы к нам пришел”; *hot' valäž čajud čaškāžen* (Sod) “хоть чашку чаю бы налила”; *da ik hän mindān' kalareghese panetäž* (Ars, NEV, I, s. 15) “да положил бы он меня в сани с рыбой”; *sanūž silēž* (Vg) “сказала бы она тебе”.

Формы кондиционала презенса 1 и 2 лица мн. числа строятся с помощью суффикса кондиционала и лично-числовых окончаний, идентичных презенсу индикатива:

### Северновеппский диалект

*kaburiš mö käveližim, ühtes püudol radeižim* (Št, Lonin, 2000, lp. 19) “ходили бы мы обнявшись, вместе бы на поле работали”; *kaik siižužim i kaik kacuižim* (Št, 3384) “все стояли бы мы да смотрели бы”; *olizitt ku noremb* (Št, 3384) “были бы вы помоложе”; *valičžit tö koivheižid da vastoid tegižit* (Št, 3385) “выбрали бы вы березки да веников сделали бы”; *lapsed, toižid vet* (Kask, 3387) “дети, принесли бы воды”; *lähteižim mö da lendahteižim neche tundmatomha dorogaižhe* (Kaleig, 3387) “пошли бы мы да полетели в эту незнакомую дороженьку”; *toižim liibad da söižim* (Toižeg, 3387) “принесли бы хлеба да поели”; *kasteižit tö cvetadne* (Š, 3385) “полили бы вы цветы-то”;

### Средневеппский диалект

*pajataižim rajoižen, pajataižim tiile kaks'* (Pnd, 3393) “спели бы мы песенку, спели бы две”; *sauptaižim verain'*, *ka niken ii tuliž* (Pnd, 3394) “если бы дверь закрыли, так никто бы не пришел”; *g'agaižid' nepo supalad koirile* (Pnd, 3393) “поделили бы вы эти куски собакам”; *pezižid' lävan, da läksižit-ki küubmahas keik ühtes* (Vl) “помыли бы вы пол, да и пошли бы купаться все вместе”; *kuna mö, gor'o-gor'kijad, pädne prislonižim* (Kuja, 3397) “куда мы, горе-горькие, головы то прислонили бы”; *tuližim, da ii g'üuto* (Kuja, 3397) “мы пришли бы, да нет времени”; *tö süižitei* (Päž) “поели бы вы”; *sädeteižitei*

lapsense, niičukeižed (L) “одели бы вы ребенка-то, девочки”; *mušteižitei ningimadne primetad* (Vil) “помнили бы вы эти приметы”; *varastaižitei miid'* (Šondjal) “подождали бы вы нас”; *prihad, toižitei hougod* (Jä) “мальчики, принесли бы дров”;

#### Южновепский диалект

*ištūžitā krincā da pajatāžitā* (Sod) “сидели бы вы на крыльце да пели бы”; *seižuhtāžimā māgudō* (Mg) “встали бы мы на пригорочке”; *amu jo eņā joliške vet necit' kaivoispāā ka muga jo tahtōžimai jolāta* (Ars) “давно мы уже не пили воды из этого колодца, так уж так бы хотелось попить”; *tulžiitā mejale, mejal'čed niiččed ani čomad oma* (Vg) “пришли бы вы к нам, наши девушки очень красивые”; *lebastāžimā setjan mamkōlost* (Sod) “полетели бы мы к родной матушке”; *valāžitā čajud minē* (Čg) “налили бы мне чаю”.

В 3 лице мн. числа в северновепском диалекте в качестве формы кондиционала актива употребляется повсеместно пассивная по происхождению форма, которая строится из основы пассива и суффикса кондиционала практически всегда в усеченном варианте, то есть *-iž*:

*tuldeiž hō mijale* (Št, 3385) “пришли бы они к нам”; *antteiž lehmale hiinan* (Št, 3385) “дали бы они корове сена”; *sanuteiž hiile dei tuldeiž tagaze* (Kask, 3388) “сказали бы они да и шли обратно”; *maksteiž hō velgse* (Kask, 3388) “долг-то они заплатили бы”; *oldeiž hijal kaks' hōbošt* (Kaleig, 3389) “было бы у них две лошадки”; *māndeiž hō hot' mecha, ei ištteiž herekogoin* (Perv) “шли бы они хоть в лес, не сидели бы как навозные кучи”.

Подобным образом представлено 3 лицо мн. числа кондиционала презенса и в шимозерском говоре средневепского диалекта: *g'ōdeiž* “(они) пили бы”, *antteiž* “(они) дали бы”: Зайцева М.И., 1981, с. 257).

В других говорах средневепского диалекта при построении формы кондиционала презенса после суффикса *-iži-* стоит окончание 3 лица мн. числа *-ba*. Здесь налицо любопытный факт: кондиционал, так же как и имперфект индикатив, избирает в качестве лично-числового окончания активный по происхождению вариант *-ba*:

*oližiba g'augaižed nored da süumažed teravad* (P, 3394) “были бы ножки молодые да глазки острые”; *bahatirid pādne zmei goriničal čapaižiba* (P, 3396) “богатыри головы-то у того змея горыныча отрубили”; *rosskažižiba hō keiken, da g'o ii muštkei* (VI, 3403) “они бы все рассказали, да не помнят уже”; *keik kodihe munižiba* (VI, 3391) “все бы дома (курицы) неслись”; *tüubetišpei mužikad tuližiba hotkempa, ka mōki läksizim* (Kuja, 3391) “мужчины бы побыстрее из бани пришли, так и мы бы пошли”; *laske otaižiba tuskan* (Kuja, 3403) “пусть бы тоску сняли”; *hōki süižiba ühtes* (Pž) “и они бы поели вместе”; *hii hiinan kegoihe panižiba, ku vihm ii telustaž* (L) “они сено в стоги бы сложили, если бы дождь не помешал”; *mahnižiba kāduu* (Kurb) “махнули бы рукой”; *keradeižiba učitel'ad lapsid*

kogoho (Vil) “собрали бы учителя детей в кучу”; *saižiba kuspeini vanhad sobad da toižiba muzejaha* (Vingl) “собрали бы где-нибудь старую одежду да принесли бы в музей”.

Отрицательные формы презенса кондиционала имеют в своей конструкции в ед. числе отрицательный глагол в лично-числовых формах, свойственных для каждого говора и охарактеризованных в разделе “Лично-числовые формы глаголов”, и смысловой глагол с суффиксом кондиционала *-iži-* или его укороченным вариантом *-iž-*:

#### Северновеппский диалект

*oi, ii tuliž hot' mehelese* (Kask, 1501) “ой, хоть бы замуж не пошла”; *en lugiz mina sinun dengid* (Kask, 1501) “я бы не считала твоих денег”; *mina ob'azatel' no pidab panda, mise ii vodeiž* (Toižeg, 3386) “яйцо надо класть обязательно, чтобы не протекала”; *tulda pidab uudhe kodihe öl, misebi niken ii nägiž* (Št, 3387) “идти жить в новый дом надо ночью, чтобы никто не видел”; *en oliž siga, ka en sanuiž* (Toižeg) “не была бы, так не говорила бы”; *kackat, hot' ii koskiž koir lastse* (Kaleig, 3385) “смотрите, хоть бы собака ребенка не тронула”; *manitaižid, ed manitaiž, keikense söguuno* (Kaleig, 3385) “обманула ты или не обманула, все равно”;

#### Средневеппский диалект

*varaidan, ii tegiž nemida hot' lapsile* (Pnd, 3393) “боюсь, хоть бы ребятам что-нибудь не сделал”; *täutaižid bučun veduu, miše se ii väheniž* (Pnd, 3394) “наполнил бы бочку водой, чтобы она не убывала”; *sä ku ed sanuiži komaižele pečiš, ka kuspäi hän tedištaiži* (Pnd, 3394) “если бы не сказала куманьку об этом, так откуда бы он об этом узнал”; *siloi kartoškki ii kazveiž* (Kuja, 3397) “тогда и картошка бы не росла”; *en mäniž hijalo, en navedi* (VI, 3403) “не пошла бы я к ним, не люблю”; *puzud ed kumardeiž, ka täuz' oliži* (VI, 404) “корзину бы не перевернула, так была бы полная”; *ii süiž hän kodiš, mina sötan* (Päž) “не ел бы он дома, я накормлю”; *ed andeiž* (Šim, Зайцева М.И, 1981, с. 257) “(ты) не дал бы”; *ii libuiž hän aigalaze, ka midä* (L) “и не встал бы он вовремя, так что”; *en toiž* (Pec, Хямяляйнен М.М., 1966, с.91) “(я) не принес бы”; *en tedaiž necidä, ka kebnemba oleiž* (Šg) “не знала бы этого, так легче бы было”; *vändaiž, hot' ii vändaiž üks'kaik* (Vil) “хоть играл, хоть не играл бы, все равно”; *ende ka en libuiž mugoičele mägele* (Kurb) “раньше так на такую гору бы не поднялась”;

#### Южновеппский диалект

*ī liniž hondomb* (Sod) “не было бы хуже”; *en andäzi, da žal' om* (Sod) “не дал бы, да жаль”; *iliž ku roditelid', ka ken abutāž* (Mg) “не было бы родителей, так кто бы помог”; *oliž ahavod, ka säskid' ilīž* (Čg, Kettunen, 1943, s. 470) “был бы ветерок, так комаров бы не было”; *lahteiž, ī lähteiž, ken tedāž* (Krl) пошел бы он или не пошел бы, кто знал бы”; *en lebastāž mina, norikāne, hiidelost* (Vg) “не полетела бы я, молоденькая, к ним”.

В отрицательных формах мн. числа кондиционала в северновепском диалекте широко используются вместе с отрицательным глаголом пассивные по происхождению формы смыслового глагола, когда суффиксные кондиционалы присоединятся к основе пассива, например: *d'ode-iž* “(они) пили бы”, *sanute-iž* “(они) сказали бы”, *elete-iž* “(они) жили бы”:

*em nägišteiž händast* (Št, 3384) “мы бы не увидели его”; *mise bi paranba gahvaz eleteiž* (Št, 3384) “чтобы люди лучше жили”; *em sul'deiž nemida* (Kask, 3387) “мы бы ничего не обещали”; *tö et i kacteiž hänehe* (Toižeg, 3387) “вы бы на него и не смотрели”; *em lübudeiž da piddab* (Kaleig, 3385) “мы бы не вставали, да надо”; *ii kucteiž, ka ken lähteiž* (Š, 3380) “не звали бы они, так кто пошел бы”.

К северновепскому диалекту в образовании названной формы примыкает шимозерский говор средневепского диалекта (*emei g'ödeiž* “(мы) не пили бы”, *etei g'ödeiž* “(вы) не пили бы”, *ii g'ödeiž* “(они) не пили бы”: Зайцева М.И., 1981, с. 257).

В средне- и южновепском диалектах конструкции отрицательного кондиционала презенса мн. числа параллельны формам ед. числа. Основную нагрузку в различении форм, кроме контекста, несет на себе отрицательный глагол, обладающий лично-числовыми окончаниями:

#### Средневепский диалект

*händikaz i reboi ei pajataiž rajoid, da näug käskeb* (Pnd, 3390) “волк да лиса не пели бы песен, да голод заставляет”; *em paimendeiž vunukame živatoid'*, *da söda tari* (VI) “мы бы не пасли скот, да есть надо”; *Paša-töt Ženāme ii geiž täna* (Kuja, 3396) “тетя Паша с Женей здесь не остались бы”; *mö em saiz heboid'* (Kuja, 3396) “мы не получили бы лошадь”; *emei tuliž* (Päž) “мы не пришли бы”; *hö eba seiž* (Päž) “они не съели бы”; *ii antteiž* (Šim, Зайцева М.И., 1981, с. 257) “они не дали бы”; *tii etei mahteiž luggedaki* (L) “вы бы и читать не умели”; *etai toiž* (Pec, Хмяляйнен М.М., 1966, с. 91) “вы не принесли бы”; *emei lübiž vanhid' prihid'* (L) “мы не любили бы старых холостяков”; *emei lämbiteiž kil'betid'*, *ka kuna tii läksižid'* (Vil) “если бы мы не истопили баню, то куда вы пошли бы”;

#### Южновепский диалект

*etā nägištāž, ku ī sanūž prihāne* (Sod) “вы бы не увидели, если бы мальчик не показал”; *emā sulīž tiiletei nemida, ka ved tulemā* (Krl) “ничего бы мы вам не пообещали, так ведь придем”; *ema vāzutāž teid'*, *da iče rakīčeta* (Vg) “мы бы не дали вам устать, да сами напросились”; *mamsīzed eba rohtīž zavotta bast'a, da mužik heid' pagīštöt'* (Mg) “бабушки не смели бы начать говорить, но мужчина их разговорил”; *kalanikad eba jātāž verkōd'*, *ku ei tarbiž rigehtida* (Ars) “рыбаки не оставили бы сетей, если бы не надо было спешить”; *ajagam hotkamba, eka eba kenni jāl' gūpā sabutāž* (Krl, NEV, I, s. 94) “давайте поедem быстрее, а то как бы кто-нибудь не догнали нас”.

## Имперфект

К имперфекту кондиционала мы относим синтетические формы, образующиеся при помощи форманта **-nuiži-**, **-nuiž-** (**sö-nuiži-n** “(я) съел бы”, **and-nuiži-n** “(я) дал бы”) и имеющие значение однократного возможного действия в прошлом, связанного с определенным моментом речи. Среди языковедов нет единства в отношении определения временной принадлежности названной формы. Финский исследователь Л. Кеттунен (Kettunen L., 1943, s. 472), который, по сути дела, первым занимался происхождением форманта **-nuiži-**, предложил считать данные конструкции формами перфекта кондиционала. Подобная точка зрения характерна и для отечественного языковедения: она изложена и в очерке Хямляйнена М.М. (1966, с. 91), и в работе Зайцевой М.И. (1981, с. 256–259).

Какие формы времен принято считать синтетическими, какие аналитическими? Как известно, в индикативе презенс и имперфект относятся к синтетическим глагольным временным формам, а перфект и плюсквамперфект, пользуясь, кроме смыслового, услугами вспомогательного глагола при образовании форм, относят к аналитическим временным формам. С этой точки зрения глагольные конструкции с формантом **-nuiži-** исторически можно бы было отнести к аналитическим временным формам. Данная форма, по предположению Л.Кеттунена (Kettunen L., 1943, s. 472; 1960, s. 21), является как бы слиянием двух временных форм – презенса и перфекта: **to-iži-n + tonu(t) oližin = tonu+iži-n** “(я) принес бы”. В процессе развития вепсского языка суффикс кондиционала стал присоединяться к форме II причастия актива с суффиксом **-nu-** (**tonu** “принесший”), образовав новую синтетическую форму времени, в которой новый формант **-nuiži-** стали рассматривать с синхронной точки зрения как единый показатель. Таким образом, формант **-nuiži-** распадается на две части, его составляющие: **-nu** (суффикс II причастия актива) + **-iži** (суффикс кондиционала). Интересно отметить, что форма II причастия актива в вепсском языке уже рассматривалась нами в качестве исходной при образовании отрицательных форм имперфекта индикатива (**em tonu-goi** “(мы) не принесли”, **em tehnu-goi** “(мы) не сделали”). Это свидетельствует в пользу активного поведения формы II причастия актива в построении форм глагола в вепсском языке. Вновь же возникшая особая форма кондиционала имперфекта стала регулярно образовываться от каждого глагола в языке, заняв в нем определенную нишу. Кроме того, предполагается, что и в ливвиковский и в людиковский наречия карельского языка она была привнесена из вепсского языка (Kettunen L., 1960; Зайков П.М., 2000, с. 234). В дальнейшем развитие пошло в следующем направлении: в языке появилось стремление выстроить пара-

дигму кондиционала, равнозначную и идентичную парадигме индикатива, то есть парадигму из четырех времен. И поскольку сложные глагольные времена перфект и плюсквамперфект в индикативе строятся при помощи вспомогательного глагола, то они также стали выстраиваться в сложных временах кондиционала: вспомогательный глагол *olda* “быть”, оформленный суффиксом либо **-iži-**, либо **-nuiži-**, стал принимать участие в образовании соответственно перфекта и плюсквамперфекта. И полная парадигма глагольных времен в кондиционале стала носить следующий характер – глагол *toda* “принести”: презенс – *toižin*, имперфект – *tonuižin*, перфект – *oližin tonu*, плюсквамперфект – *olnuižin tonu*. При целенаправленном сборе лингвистического материала по грамматике вепского глагола нам достаточно легко удавалось найти такую парадигму практически от любого глагола, что подтверждает сложившуюся в языке закономерность в образовании четырех времен кондиционала.

Таким образом, имперфект кондиционала образуется присоединением форманта **-nuiži-** к гласной основе одноосновных глаголов: *sa-nuiži-n* “(я) достал бы”, *ve-nuiži-n* “(я) отнес бы”, *varasta-nuiži-n* “(я) ждал бы”. Если глагол обладает двумя типами гласных основ, то в этом случае можно встретить употребление обоих вариантов основы с наметавшейся тенденцией к обобщению краткого варианта: *raime-nuiži-n* и *raimenda-nuiži-n* “(я) пас бы”. Если глагол двухосновен, то названный формант присоединяется к согласной основе: *teh-nuiži-n* “(я) сделал бы”, *läht-nuiži-n* “(я) пошел бы”, *kač-nuiži-n* “(я) смотрел бы”. В северновепском диалекте, а также и в восточных говорах средневепского диалекта, отчасти и в иных говорах отмечается стяжение дифтонга **-ui-** до монофтонга **-i-** в форманте **-nuiži-**, то есть **-nuiži->-niži-**: *te-niži-n* “(я) знал бы”, *d'ä-niži-n* “(я) остался бы”, *ve-niži-n* “(я) вел бы”. Следует, кроме того, отметить, что в форме 3 лица ед. числа из форманта **-nuiži-** отпадает конечный звук **-i-**, как это происходит и в форме кондиционала презенса: *varasta-nuiž* “(он) ждал бы” (ср. *varasta-iž*), *löuda-nuiž* “(он) нашел бы” (ср. *löuda-iž*), *sö-nuiž* “(он) поел бы” (ср. *sö-iž*).

Отпадение звуков из формы 3 лица ед. числа имперфекта кондиционала в некоторых говорах на этом не завершилось. Так, в работе М.И. Зайцевой, посвященной грамматике шимозерского говора, отмечено, что в последнем в стадии свободного варьирования находится компонент **-ž-** суффикса **-nuiž-** (**-nuiž->-nui-**), то есть в названном говоре встречается как форма *g'ö-nuiž*, так и *g'ö-nui* “(он) пил бы”, как *anda-nuiž*, так и *anda-nui* “(он) отдал бы” (Зайцева М.И., 1981, с. 259). Подобное явление нам пришлось наблюдать и в речи жителей с. Пяозеро, которое расположено в 25 километрах от Шимозера. Население этих пунктов всегда находилось в активных контактах друг с другом, поэтому наличие

одинаковых явлений в их речи вполне объяснимо. Больше подобное явление не удалось зафиксировать ни в одном из говоров вепсского языка.

Таким образом, имперфект кондиционала, который Л.Кеттунен назвал “достаточно популярной и излюбленной формой” (Kettunen L., 1943, s. 472), в диалектах вепсского языка в ед. числе представлен следующим образом:

#### Северновепсский диалект

*tenižin*, en *katkaniž lepašt’ mina batogašt’*, *tenižin*, en *sanuniž maksaižele kaikuttušt’* (Št, Lonin, 2000, lp. 7) “если бы я знал, так не ломал бы ольховый батожок, если бы знал, так не сказал бы своей милой всячины”; *olnižin mina ku noremb* (Št, Lonin, 2000, lp. 19) “если бы был я помоложе”; *olniž nähta mamān radoine*, *olniž kuulištada hänen äniine* (Št, 3385) “эх, если бы смогла я видеть тогда мамину работушку да слышать бы мамин голосок”; *ii voinu lõuta niidišt’, mise olniž niizne mel’t möto* (Št, Lonin, MRF, lp. 12) “не мог найти девушку, которая бы была ему по душе”; *pezin*, *pezin kofteizen*, *mise olniž puhthemb* (Kask, Lonin, 2000, lp. 13) “мыла, мыла кофточку, чтобы была почище”; *panniž hän hot’ batogaižen verjaha* (Toižeg, 3389) “положила бы она хоть палочку в дверь”; *tonižid sina mijale siloi necen vestinse* (Kaleig, 3386) “если бы ты тогда принесла нам это известие”; *sanunižid hiile, muga i muga* (Kaleig, 3386) “сказала бы им, так и так”;

#### Средневепсский диалект

*pidanuižid’ noranse rahemba* (Pnd, 3394) “крепче бы веревку-то держал”; *vastnuižin’ hiid’*, *da ved’ niken ii rakinu* (Pnd, 3392) “я встретил бы их, да ведь никто не просил”; *ka hot’ enamba ouniž* (VI, 3403) “так хоть больше было бы”; *en tedand, kuna tiid’ pannižin’ki* (Куја) “не знала, куда их и положила бы”; *sõnuižid’ lihädse* (Päž) “съела бы мясо-то”; *g’õnuižin’* (Šim, Зайцева М.И., 1981, с. 258) “я выпил бы”; *venižid’ tanhale amu jo necen hiinän dei lehm sõniž* (L) “отнесла уже давно во двор это сено, и корова бы его съела”; *tuunuižin’*, *midäk ii* (Vil) “пришла бы, почему бы и нет”; *varaidanuižin’*, *da koiranke olin’ ka nimidä* (Vingl) “боялся бы, да собакой был, так ничего”; *tonuiž* (Рес, Хямяляйнен М.М., 1966, с. 91) “он принес бы”;

#### Южновепсский диалект

*hän tabadanuiž kunican*, *a se kužiine i rohtind fat’t’agi* (Sod, ОВР, с. 233) “она поймала бы куницу, а этот щенок не смел и ухватить ее”; *mugase mina varaedanuižin’* (Sod) “так-то я боялась бы”; *tünūžin’*, *da jägād kibištībad* (Vg) “пришла бы, да ноги болели”; *amu tagāpää lähtnūžin’ ka pidība* (Krl) “вышла бы давно, да удерживали”; *lebāstanuižin’ vähääžen* (Vg) “отдохнула бы немножко”; *olniž lebokur ka en voiniž muga äjan tehta* (Ars) “если бы был перерыв на отдых, тогда так много не смогла бы я сделать”.

Формы 1 и 2 лица мн. числа имперфекта кондиционала строятся параллельно формам мн. числа презенса кондиционала:

### Северновеппский диалект

mö *küksnižim* hiidazei pertišpei da *elänižim* (Kask, 3387) “мы прогнали бы их из дома да сами стали бы жить”; *männižim* kahten kesken ühten d’änišen rikmaha, ilo (Št, 3386) “пошли бы мы вдвоем одного зайца убивать, смех”; pit’kkelenke *pagižnižim* ii muga (Š, 3385) “с болтуном мы бы не так говорили”; sakhuse siloi kalad ka *sanižid* (Kaleig, 3387) “саком-то вы тогда рыбы достали бы”; bat’an tagiči ka *lähtnižim* (Toižeg, 3380) “вместо отца так пошли бы”; *tenižitt* ka ed lähtniž (Toižeg, 3380) “если бы знали, не пошли бы мы”;

### Средневеппский диалект:

*tahktanuižim* iče mö g’ö vitakehed (Pnd, 3393) “уж сами мы бы сумели косы наточить”; tō sauman taga *varastanuižid’* (Pnd, 3394) “а вы за углом бы ждали”; siloi tō pertin’ muga *savustanuižid’* (Pnd, 3393) “тогда вы бы дом так закоптили”; *eidnižim* mö siloi hijoupei (Vl, 3403) “тогда бы мы от них ушли”; tägäli *tulnižim* (Vl, 3403) “пришли бы этой дорогой”; riigud hot’ kaik *täptanižitei* (L) “хоть все щели бы вы заделали”; *näpseinuižitei* kut hälle (Jä) “как шлепнули бы его”; *töutnuižimei* necen bučun, toižen *zavodnuižimei* (Jä) “наполнили бы эту бочку, так другую бы начали”;

### Южновеппский диалект

täädēl’jääžen puzun nabolad *tonžimā* (Sod) “целую корзину брусники бы принесли”; teveru *išnīžitā* (Sod) “сидели бы вы на обочине дороги”; vikatesed *otnūžid’* (Ars) “взяли бы вы косы”; mö *pauktanūžimā* voikajid’ (Ars) “мы бы плакальщиц наняли”; *voiknuižitā* seka buid’ zdorov (Vg) “плакали бы вы, так будь здоров”; savō razud *voidnūžimā* (Vg) “глиной бы мы пазы замазали”.

В 3 лице мн. числа в средне- и южновеппском диалектах употребляется форма с таким же лично-числовым окончанием, как и в презенсе кондиционала, то есть **-ba** или **-bad**:

### Средневеппский диалект

*hilestunuižiba* kaik kädēd (Pnd, 3393) “все бы руки запачкались углем”; *koknuižba* siloi uden venehen (Pnd, 3393) “тогда бы новую лодку выдолбили”; kezaližed sobad hot’ siloi *pannuižiba* päle (Pnd, 3393) “хоть летнюю одежду тогда бы одели”; *kezernuižiba* keiken ehtkičen staruhežed (Vl) “весь вечер старушки бы пряли”; *libunuižiba* mägele, ka ved mišš (L) “поднялись бы и на гору, только для чего”; *oleskelnuižiba* hōki hijou (Jä) “пусть бы и они у них бывали”; *kirjutanuižiba* Piterihe (Jä) “написали бы они в Питер”; a ku pakežed *tōndnuižiba* (Vil) “а если бы морозы наступили”.

### Южновеппский диалект

homenčepää *nouznuižibad* (Sod) “под утро бы они встали”; jäl’gičūžen hō *ōgotanuižiba* raffaze (Mg) “своего последенького (сыночка-последыша) они отправили в люди”; *otnūžibad* murmōd’ kahmalō (Ars) “взяли бы морошки в пригоршню”; *lad’n’ūžibad* sijädne emagaižed (Krl) “заправили бы постели-то хозяйошки”.



В северновепском диалекте удивительно редко употребляется форма 3 лица мн. числа имперфекта кондиционала. На ее месте, где должна бы быть, по логике вещей, употреблена названная форма, стоит форма кондиционала презенса, которая в данном диалекте является пассивной по своему происхождению, что, очевидно, тем более позволяет ей выполнять обе функции: кондиционала презенса и кондиционала имперфекта: *manitaden todeiz, ved' oli hiile sanutud d'o edelpei* (Št, 3387) “привели они бы обманом, ведь им же было все сказано уже наперед”; *varastadeiz hõ, mõ olnižim tuldud* (Kask, 3387) “подождали бы они, мы бы пришли”. В названном диалекте можно бы было реально ожидать в построении 3 лица мн. числа имперфекта кондиционала наличие пассивной по происхождению формы, которую удалось обнаружить в говоре с. Шимозеро средневепского диалекта Зайцевой М.И. (Зайцева М.И., 1981, с. 258): *g'õdanuiž* “(они) попили бы”, *anttanuiž* “(они) отдали бы”. К сожалению, в ее работе нет ни одного контекста на употребление названной формы, и трудно предположить, как она была бы представлена в предложении, но, тем не менее, она зафиксирована. Такая же форма показана и в работе Л.Кеттунена в северновепском диалекте и шимозерском говоре, правда, она включена в раздел “Пассивные формы”: *tuudanuiž adivoihe, ka mina lehman annuižin* (Šim, Kettunen I., 1943, s.473) “пришли бы в гости, так я корову бы дала”; *bohattaha pert'he mändaniž, olniž mida otta, a bednaha mänd'he* (Pr, Kettunen I., 1943, s. 473) “пошли бы в богатый дом, было бы что взять, а пошли в бедный”.

Отрицательные конструкции имперфекта кондиционала включают в себя вспомогательный глагол в личных формах ед. или мн. числа и форму смыслового глагола с элементом **-nuiž-, -nuiž-**, которая одинакова в ед. и мн. числе:

#### Северновепский диалект

*mise ei hapnižse* (Toižeg, 3386) “чтобы не сгнило бы”; *misebi niken nähniž ii* (Št, 3385) “чтобы никто не увидел бы”; *uskalnuižid ku sina, ed dāniž ni vodudeks* (Št, Lonin, 2000, lp. 17) “если бы ты поверила, не осталась бы ни на год”; *tenižin, en katkaniž lepašt' mina batogašt'* (Št, Lonin, 2000, lp. 19) “знал бы, не сломал ольхового батожка”; *mise toižed rahvast ii kaciiži, ii nähniž* (Št, 3385) “чтобы другие люди не смотрели, не видели бы”; *em i tulniž kil'betihe* (Kask, 3389) “и не пришли бы в баню”; *ii saniž koskta nimida* (Kask, 3389) “нельзя было бы ничего трогать”; *lehmadneki ii söniž necida hiinad* (Kaleig, 3386) “и коровы то бы не ели этого сена”; *noidetihe, mise ženihol nimi-da ii olniž* (Kaleig, 3387) “колдовали, чтобы жениху ничего не могли сделать”;

#### Средневепский диалект

*mad tačid' grobulo pälo, mise ed varaidanuiž* (Pnd, 3390) “земли бросишь на гроб, чтобы не боялся бы”; *en lähtnuiški sinna, en langenuiž* (Pnd, 3398) “и не пошел бы туда и не упал бы”; *tari päčindosos ševel'dä hüumatos, miše*

kanad laptaha *ii munniz* (VI, 3391) “надо бы в загнетке пошевелить на шестке, чтобы куры в стороне бы не неслись”; *emei poimniž* *neceverdan marjoid'* (L) “мы не набрали бы столько ягод”; *mö emei sönuiž* *hijou, da väges ištutiba* (Päž) “вы бы у них не ели, так они силой усадили”; *etei ladniž* *kegonsijad, ka ved ii kelle ouniž* (Jä, 1501) “если бы вы не сделали место для стога, так не кому бы было”; *en nukkahtiniž*, *ka en voiniž* *öd ištta* (Jä) “не вздремнула бы я, так не смогла бы ночь сидеть”; *mida, muloise etei poimniž* *sigou vädradki* (Vil) “а вы что, в прошлом году там даже и ведра не собрали бы”; *emai tonuiž, etai tonuiž, ii tonuiž* (Рес, Хямяляйнен М. М., 1966, с. 91) “(мы) не принесли бы, (вы) не принесли бы, (они) не принесли бы”.

В восточном средневепском диалекте с. Шимозеро М. И. Зайцева (1966, с. 259) отметила в качестве регулярного факта в построении отрицательных форм мн. числа кондиционала перфекта (мы считаем его имперфектом) употребление пассивных по происхождению форм: *emei g'ädanui(ž)* “(мы) не пили бы”; *etei g'ädanui(ž)* “(вы) не пили бы”; *ii g'ädanui(ž)* “(они) не пили бы”. К сожалению, как уже было сказано выше, в названной работе нет ни одного примера на употребление этих форм в речи. Поэтому трудно судить, реконструированы ли они автором либо действительно еще несколько десятилетий назад были употребительны в речи. В настоящее время при опросе и представители шимозерских вепсов при построении отрицательных форм мн. числа употребляют активную по происхождению форму. Она же в данных конструкциях выступает и в речи пязозерских вепсов, территориально соседствующих с шимозерскими вепсами и в некоторых отношениях имеющих одинаковые черты в развитии отдельных форм.

#### Южновепский диалект

*sur' ahā oli, vägō ka em toniži* (Sod) “большой ветер был, даже если бы сила была, так не принесли бы”; *mugase mö em varaedanuiž* (Sod) “так-то мы не боялись бы”; *ema käsknūš*, *ka ema kargadanūš* (Čg, NEV, I, s. 439) “не велели бы мы, так и не плясали бы”; *emā sabutaniž*, *mašinā toibad* (Ars) “не догнали бы мы, на машине подвезли”; *etā tartniž* *muga, ka kaik statjom õniž* (Mg) “вы бы не приставали, так все бы нормально было”; *ī samādaniž* (Krl) “(молния) бы не сверкала”; *iisaniž* *netidä ristad otta* (Mg) “не следовало бы брать этого креста”.

#### Перфект

Перфект кондиционала, как и плюсквамперфект, в диалектах вепско-го языка известен и понимаем знатоками языка, хотя в изданных образцах вепской речи его обнаружить достаточно сложно. Тем не менее, информа-

торы достаточно точно объясняют разницу в значении всех временных форм кондиционала и умеют их выстроить, что позволило набрать необходимый иллюстративный материал. Форма перфекта, имеющая значение возможного действия в прошлом без обозначения точного времени, образуется с применением вспомогательного глагола *olda* “быть” в личностных формах ед. и мн. числа кондиционала презенса и II причастия актива смыслового глагола (*oližin tulnu* “(я) пришел бы”, *oliž sanunu* “(он) сказал бы”). Когда конструкция перфекта стоит во мн. числе, то II причастие актива также имеет форму мн. числа (*oližiba tulnuded* “(они) пришли бы”, *oližim sanunuded* “(мы) сказали бы”). В северновепском диалекте при построении формы мн. числа перфекта используется вместо II причастия актива причастие пассива, и вспомогательный глагол стоит также в пассивной по происхождению форме, как об этом было сказано в соответствующих разделах работы (*oližim tuldud* “(мы) бы пришли”; *oldeiž sanututud* “(они) бы сказали”):

#### Северновепский диалект

*siloi kird' kazi paikan ombeltes oleižin otnu* (Nastasjuškál, Št, 3384) “тогда узор для вышивания взяла бы у Настасьюшки”; *oleižim nägištet niičukeižid silžo minutal* (Št, 3384) “мы увидели бы девочек в ту же минуту”; *küşšomas kak raz oližin vastnu händastaze* (Št, 3384) “как раз бы я встретил их в ельнике”; *koukižele oleižid verjan souptanu* (Kask, 3388) “закрыла бы дверь на крючок”; *mulei oližid d'o sanunu mili* (Tožeg, 3389) “в прошлом году уже сказала бы мне”; *hõ oldeiž kásttud lapsid erdale* (Š, 3389) “они велели бы детям идти на улицу”; *oleižin andnu kätt hänele, ka ii kasnu* (Kaleig, 3386) “я подала бы руку, да он не смотрел”;

#### Средневепский диалект

*sarafoniš lepked siloi hån oliži tehnu toižin'* (Pnd, 3391) “подол у сарафана она тогда по-другому бы сделала”; *malang' oliž vändnu ii muga* (Vl, 3396) “молния бы не так сверкала”; *ved läm oli, jäse oliž noiknu* (Páž) “ведь тепло было, лед-то мог гнуться”; *lehm prapadnu oliž* (Jä) “корова бы погибла”; *hii sinulest oližiba tuunuded* (Vil) “они бы к тебе пришли”; *sinä tähässei oližid' prihastanu* (Vil) “ты до сих пор в холостяках бы ходил”; *vei, i miččou elou oližime i elänuded* (Vil) “ой, и какой бы жизнью мы жили”; *tiise oližitei ehtnuded, a miise* (Kurb) “вы-то успели бы, а мы-то”;

#### Южновепский диалект

*tõ oližitā rādōd' ehtnuded parata* (Ars) “вы бы успели силки поставить”; *mina oližin' parā tedmu ajanu* (Čg) “а я бы на паре (лошадей) по дороге проехал”; *miččid' azjōd' oližitā tänna tūnuded* (Vg) “по каким делам бы вы сюда пришли”; *rōdnāāči oližimā tūnuded* (Vg) “пришли бы мы по краю, стороной”; *oližin' seižnu teverō* (Sod) “стояла бы я на обочине”; *surdijāhod' oližin' pannu lehmale* (Sod) “высенок от крупы положила бы я в корм корове”; *tagarää oližimā seižnuded* (Krl) “стояли бы мы сзади”.

Отрицательные формы перфекта кондиционала строятся также с помощью отрицательных форм вспомогательного глагола в ед. и мн. числе и II причастия актива в ед. или мн. числе (*emei oliž tuunuded* “(мы) не пришли бы”; *en oliž tuunu* “(я) не пришел бы”); в северновепсском диалекте во мн. числе употребляется, так же как и в положительных формах, пассивная форма смыслового глагола (*em oldeiž tuldud* “(мы) не пришли бы”):

#### Северновепсский диалект

*silei hõ ii oldeiž makstud kazvatest* (Št, 3385) “тогда бы они не платили выкуп за невесту”; *nece priha oliž katkainu keiken elon adivol, ii oliž olnu nimittušt’ ozad* (Št, 3385) “тогда этот парень сломал бы всю жизнь девушке, никакого бы счастья не было”; *maidnedalil nece rad oleiž olnu* (Kask, 3389) “это дело могло бы быть в масленицу”; *siloi em oldeiž lübutet aigalaze* (Toizæg, 3389) “тогда бы мы не встали вовремя”;

#### Средневепсский диалект

*petkloižuu mina en oliži survonu sōmād lehmale, vaiše petklou, sid’ omki gaznica* (Pnd, 3393) “пестиком я бы не толкла корм корове, только пестом, тут и есть разница”; *Šalas em oliži uunuded süu aigou* (Vl, 3400) “в Шоле мы бы не были в то время”; *pečil’ järvuu mõ emei oliži ounuded* (Päž) “на этом озере мы не могли бы быть”; *razve petkos en oliž händast vasttanu* (Jä) “а разве случайно я бы не могла его встретить”; *en oliži racnu minä iče södä* (L) “я бы сама не смела есть”; *emei oliž löudnuded lehmad, ku ii baboi* (Vil) “мы бы не нашли тогда корову, если бы не бабушка”;

#### Южновепсский диалект

*emä oliži homäčenedud busišt* (Ars) “мы бы не заметили ягнечочка”; *en oliži sanunu silēž* (Sod) “я бы тебе не сказала”; *emä oliž varaedanuded* (Sod) “мы бы не боялись”; *etä silõ oliži lähtnuded lebule* (Krl) “вы бы тогда не пошли на отдых”; *külääžed prihad eba oliž otmuded mehele* (Sod) “деревенское парни не взяли бы замуж”.

### Плюсквамперфект

Форма плюсквамперфекта кондиционала в диалектах вепсского языка, по нашим наблюдениям, встречается даже несколько чаще, нежели форма перфекта. Возможно, это связано с особой употребительностью формы имперфекта кондиционала, которую и имеет вспомогательный глагол в плюсквамперфекте. Смысловой же глагол, как и в перфекте, стоит в зависимости от числа в форме II причастия актива ед. или мн. числа (*ounižin’ tuunu* “(я) бы пришел”; *ounižim tuunuded* “(мы) бы пришли”). В северновепсском диалекте во мн. числе употребляется форма пассивного причастия (*olnižim tuldud* “(мы) бы пришли”):

#### Северноевепский диалект

*olnizim ku lübuted mö sil aigal* (Št, 3384) “мы бы уже встали в то время”; *olnizim necen piikon hiitnu* (Št, 3385) “я бы эту занозу сняла”; *olnizim ehtnu d’o ühcan rüustod tehta* (Št, 3385) “я успела бы уже сделать девять прясел изгороди”; *hö olniž starinoitud sili äjan* (Kask, 3386) “они бы тебе много рассказали”;

#### Среднеевепский диалект

*stolau kaik g’o ouniž ounu* (Pnd, 3396) “на столе бы все уже было”; *tanazsijän olnizim amu lüudnuded* (Pnd, 3395) “место для хлеба уже давно бы нашли”; *uunižim uunudod g’o g’ögensus* (Vl, 3404) “мы были бы уже у истока реки”; *ounižim siizutanu pertin’ süüdan korvha* (Jä) “я построил бы дом около моста”; *lagilampuu uunižim ištñuded* (Jä) “сидели бы мы с висячей лампой”; *uunižim ku lendanuded tundmatomaha tahoze* (Vil) “да улетели бы мы в неизвестные края”; *vei, veikoi, midä mö siloi zavod’n’ udedse uunižim* (Kurb) “ой, братец, чтобы мы тогда делать стали”;

#### Южноевепский диалект

*mugõžid’ pun’küžid’ ounüžin otñu* (Vg) “таких малюток я взяла бы”; *pezičuspää jose ounüžin jonu vet* (Sod) “разве я стала бы пить воду из ручноймойника”; *orä mecamu vaise ounüži puitñu* (Sod) “а белка только бы по верху деревьев скакала”; *a minun roig jo nainu õniž* (Krl); “а мой сын уже бы женился”.

Отрицательные конструкции плюсквамперфекта кондиционала строятся аналогично конструкциям перфекта; в них лишь вспомогательный глагол имеет форму имперфекта кондиционала:

#### Северноевепский диалект

*em olniž semetud nagrišt’ nagrižmale* (Št, 3386) “мы бы не посеяли репы на репное поле”; *hän-se ka ii olniž tulnu hijale* (Št, 3386) “он-то к ним не пришел бы”; *ed sä olniž hus s’ utanu, ka nemida ii olniž olnu* (Kask, 3387) “если бы ты не науськивала, так ничего бы не было”; *olnižid väzutanu, ka mina en olniž ištñu sinunke pimedahassei* (Toižeg, 3387) “если бы утомила меня, так я не сидела бы с тобой дотемна”; *em olniž pagištud sinunke pit’kha* (Tožeg, 3387) “я не говорила бы с тобой так долго”;

#### Среднеевепский диалект

*Pondlau mö em uuniž varastanuded* (Pnd, 3397) “мы в Пондале бы не ждали”; *ed uuniž tuunudod koumeižile, ka mida* (Vl, 3405) “если бы и не пришла на кладбище, так что”; *a küdno ii uuniž uunudod ningižed pit’kad, ka mina en rðugastuniž* (Vl, 3405) “а змеи-то если бы не были такими большими, так я бы не так испугалась”; *emei uuniž ol’otanuded, varaižim haikta da mugoinē statj tuli* (Vil) “мы бы не кричали, боялись кричать, да уж так получилось”; *jose ed uuniži tuunu mijale* (L) “неужели ты бы не пришла к нам”; *ed uuniži sanunu mini, ka minä nikonz en uuniži tuunu epamb tijale* (Kurb) “если бы ты мне не сказала, так я бы никогда к вам не пришла”;

### Южновепский диалект

rebõne *ei ouniž manitanu händikhad*, da seda tahtoi (Sod) “лисичка бы не обманула волка, да есть хотела”; *en ouniži mina otnu sinun kãsthid’* (Vg) “я бы не взял твоих накопильников”; *en ouniž kohtendanu upakõd’* (Vg) “я бы не починил сапог”; *emã õniž homãčenuded susedõd’* (Krl) “мы бы не заметили соседей”; *koigad eba õniž urãdanuded*, da ved’ lihan mujõba (Krl) “собаки бы не зарычали, да мясо почуяли”.

В младописьменном вепском языке в качестве рекомендованных и уже достаточно употребительных признаны все четыре формы времен кондиционала (см. Zaiceva N., 2000, pp.148–153). В таблице показаны свойства временной парадигмы младописьменного языка, которые выбраны из ряда диалектных форм, как наиболее стройно создающие всю временную совокупность форм кондиционала.

### Презенс

Ед. число	Мн. число
1. mänižin “я пошел бы”, en mäniži “я не пошел бы”	mänižim “мы пошли бы”, em mäniži “мы не пошли бы”
2. mänižid “ты пошел бы”, ed mäniži “ты не пошел бы”	mänižit “вы пошли бы”, et mäniži “вы не пошли бы”
3. mäniži “он пошел бы”, ei mäniži “он не пошел бы”	mänižiba “они пошли бы”, ei mäniži “они не пошли бы”

### Имперфект

Ед. число	Мн. число
1. männuižin, en männuiži	männuižim “, em männuiži
2. männuižid, ed männuiži	männuižit, et männuiži
3. männuiži, ei männuiži	männuižiba, ei männuiži

### Перфект

Ед. число	Мн. число
1. oližin männu, en oliži männu	oližim männuded, em oliži männuded
2. oližid männu, ed oliži männu	oližit männuded, et oliži männuded
3. oliži männu, ei oliži männu	oližiba männuded, ei oliži männuded

## Плюсквамперфект

Ед. число	Мн. число
1. olnuiz̄in mǎnnu, en oluiz̄i mǎnnu	olnuiz̄im mǎnnuded, em olnuiz̄i mǎnnuded
2. olnuiz̄id mǎnnu, ed olnuiz̄i mǎnnu	olnuiz̄it mǎnnuded, et olnuiz̄i mǎnnuded
3. olnuiz̄i mǎnnu, ei olnuiz̄i mǎnnu	olnuiz̄iba mǎnnuded, ei olnuiz̄i mǎnnuded

## ПОТЕНЦИАЛ

Потенциал, или возможностное наклонение, в вепском языке хоть и выделяется в работах некоторых исследователей, однако уже не может быть в настоящее время признанным как функционирующее наклонение. В исследованиях вепского языка XIX века потенциал постоянно выделялся по образцу финского языка (см. напр. Lonnröt E., 1853, s. 43; Uifalvy Ch.J., 1875, s. 34; Szinyei J., 1881, s. 426), хотя примеров в образцах речи, приложенных к их трудам, найти не удалось. Л.Кеттунен в свое время писал, что "...действительный потенциал не может быть не признанным в вепском языке, но примеры его употребления крайне скудны" (Kettunen L., 1943, s. 469). В небольшом разделе его работы, посвященном потенциалу (всего одна страница), кроме северновепского диалекта, он привел всего два примера на употребление потенциала в других диалектах: **tervehtanek** mä sindaiž "поцелую ли я тебя"; **andanek** mä sinei "дам ли я тебе" (Noid, s. 469), которые мы бы не стали рассматривать в качестве потенциальных; скорее всего, здесь имеет место вопросительная частица **-ek**, которая, присоединившись к форме I лица ед. числа с окончанием **-n**, создала внешнюю видимость совпадения с формой потенциала.

М.М. Хмяляйнен в своей статье "Вепский язык" (1966) форму потенциала даже не упоминает. М.И. Зайцева в шимозерском говоре выделяет потенциал, поясняя: "Употребляется (потенциал) в вепском языке довольно редко, причем неравномерно по диалектам" (1981, с. 260). Кроме приведенных ею одиночных форм потенциала в шимозерском говоре, и бессистемных и словно изастывших форм потенциала, обнаруженных нами в фольклорных текстах на северновепском диалекте, последние нигде не встречаются. Наличие же потенциальных форм в северновепском диалекте, очевидно, можно считать влиянием карельского языка, которое названный диалект испытывал во многих областях.

Думается, что в отношении форм потенциала следует согласиться с исследователем грамматики карельского глагола Зайковым П.М., который считает, что “из прибалтийско-финских языков возможностное наклонение, или потенциал, является живой грамматической категорией, главным образом, в финском и карельском языках. Существование форм потенциала в северновепском диалекте является, вероятно, результатом влияния на него ливвиковского наречия” (Зайков П.М., 2000, с. 246). В настоящее время значение потенциала в вепском языке передается формой кондиционала. Даже представители северновепского диалекта, где нами обнаружены отдельные глаголы в форме потенциала, не смогли дать точное объяснение их значений.

Предполагается, что суффикс потенциала *-ne-* по своему происхождению – один из словообразовательных суффиксов, приобретших формообразующий характер (Накулинен Л., 1979, s.245). В северновепском диалекте нам не удалось установить полную парадигму какого-либо глагола в потенциале, чтобы выявить количество времен. Из образцов фольклорной речи мы выбрали некоторое количество примеров формы потенциала, которые и приводим здесь:

därven randal puhthal vedel pezen sil'mad d'on i vedutt, *tulnob* hengudele kebnuz', *tulnob* südäimele hüvuz' (Št, Lonin, MRF, s. 42) “на берегу озера чистой водой помою глаза, тогда придет на сердце легкость, придет в сердце доброта”; ota pirgad, anda kažiile, kaži sindei *ii raškne*, ota lihad, anda koirale, koir sindei *ii purne*, veraihe irdažihe pane void, siloi verajad *ii kidžetaškaneze* (Š, Lonin, MRF, lp. ii) “возьми пирог, дай кошке, кошка тебя не будет царапать, возьми мяса, дай собаке, собака тебя не укусит, в уличные двери масла налей, дверь не будет скрипеть”; Maša, anda oland'ad, a *anned*, ka mina lujas sili abutan (Št, Lonin, MRF, lp. 14) “Маша, дай оладью, если дашь, я тебе очень помогу”; *d'oksnob*, taci suug (15) “бежит, брось гребень”; i vöi sanui Maša: bud' o bat't' *ii pästne*, ka väges tarikad i iče mängad pert'he (Š, Lonin, MRF, lp., 18) “если отец не будет пускать, так силой проситесь, и сами в дом идите”; *ed ehtne* tabata mindei, mina petl'ha män (Št, Lonin, MRF, lp. 81) “если не успеешь подхватить, так я удавлюсь”.

Как свидетельствуют приведенные примеры, форма с суффиксом *-ne-* устойчиво имеет значение будущего времени. Л. Кеттунен пишет, что граница между значениями форм потенциала и значением футурума не слишком резкая, достаточно преодолимая (Kettunen L., 1943, s. 469), поэтому вполне понятен мотив появления нового значения. Тем не менее, из формы потенциала не развилась форма будущего времени, хотя в вепском языке, не без влияния, конечно, русского языка, чувствуется сильное стремление “взрастить” собственную, формально определенную категорию футурума. В современном языке все настойчивее и устойчивее



в значении будущего времени употребляются формы глаголов с суффиксом *-škande-*, *-škan-*, известные всем диалектам: *luge-škande-n* “(я) начну, буду читать”, *tege-škande-n* “(я) начну, буду делать”, *sanele-škande-n* “(я) начну, буду проповедовать”, о которых в работе шла речь в связи с происхождением претерита на *-ške*. Пока еще в данных формах уловим оттенок начинательности, на смену которому все решительнее идет значение будущности. При добром стечении обстоятельств в функционировании и выживании вепсского языка со временем в ряд грамматических форм глагола можно будет включить и суффиксально определенную форму будущего времени с суффиксом *-škande-*, *-ška-*.

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАССИВ

В связи с анализом происхождения и употребления грамматических лично-числовых форм времен и наклонений в данной работе неоднократно упоминалось о том, что в вепсском языке природа и происхождение форм 3 лица мн. числа презенса и имперфекта двойственны: в них продолжается как линия употребления активных по происхождению форм, в отличие, скажем от карельского языка, где они практически не сохранились, так и пассивных в значении также активных форм 3 лица мн. числа. В работе была изложена и полемика по проблеме прибалтийско-финского пассива, а также были приведены исторические экскурсы по поводу происхождения показателей пассива. Исходя из этого, можно было бы не включать в работу раздел об исторических пассивных формах. Однако поскольку в языке в его синхронном состоянии сохранились и имеются в наличии активные и пассивные по происхождению формы, живо значение пассива, а в младописьменном языке рекомендована тенденция на сохранение обеих форм с их конкретными значениями, то мы решили привести иллюстративный материал, где в значении глагольной формы нет указаний на конкретное лицо (то есть они не употреблены в значении 3 лица мн. числа), назвав данный раздел работы “историческим пассивом”. Признавая, что прибалтийско-финский пассив отличается от истинного пассива, функционирующего в индоевропейских языках, тем не менее, мы продолжаем использовать по традиции, не вступая в терминологическую полемику, данный термин в отношении форм, из значения которых неизвестен субъект действия или под которым понимаются, чаще всего, одушевленные существа – какие-либо неопределенные лица или лицо – то есть например, если сказано “*lava om pestud*” “пол помыт” (конструкция с причастием пассива), то имеется

в виду, что кто-то один, а, возможно, и не один, помыли этот пол, и лица эти неизвестны или нет необходимости их называть (см. напр. о толковании значения пассива в финском языке: Itkonen T., 1991, s. 85). Подобное значение свойственно и сейчас достаточно большому ряду вепских форм. Данные формы могут быть синтетическими и аналитическими. Их построение возможно в вепских диалектах, и в предложенном разделе иллюстрируется их употребление.

## СИНТЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Примеры на значение презенса пассива в образцах вепской речи достаточно многочисленны, поскольку информанты, рассказывая о том, как что-то у них производят, делают, свершают, употребляют именно пассив презенс:

### Северновепский диалект

*kivēd lämbitetaze* (Št, 3386) “камни нагревают”; *ken rodi, ka todaze pahnoide* (Št, 3384) “кто родил, так тому приносят подарки “на зубок””; *kevelēd küntaze* (Št, 3384) “весной пахут”; *ende kolob, ka voikta tetaze* (Št, 3384) “раньше кто умрет, так знают, как причитывать”; *ende ka samvar keittaze, libo čugunnik pandaze räčhe* (Toižeg, 3386) “раньше самовар согреют или поставят в печь чугунок”; *munarigale taceltaze dengad* (Kaleig, 3387) “на яичный пирог бросают деньги”; *keleihe zvondaze päi läbi* (Kaleig, 3387) “в колокола звонят весь день”; *ristijedeke käveltaze* (Kaleig, 3387) “с крестами ходят”; *pandaze laps' magattaha* (Š, 3387) “кладут ребенка спать”; *osttaze sicud da ombeltaze hot' mitteni platjo* (Kask, 3388) “купают ситца да сошьют хоть какое-нибудь платье”; *vödaze lehm necen sijanno i dättaze* (Kask, 3388) “отведут корову до определенного места да и оставят”;

### Средневепский диалект

*ottas rugišť ližatas* (Pnd) “возьмут, ржи прибавят”; *ištutadas nagrišt* (Pnd, 3392) “посадят репы”; *pandas hulile hilile* (Pnd, 3390) “кладут на горячие угли”; *sügüzuu püuhan ratas, taufhou kezertas, a kevaduū kudotas* (Pnd, 3393) “осенью лен треплют, зимой прядут, а весной ткут”; *mändas bolha, vei garbüüt todas* (VI, 3400) “пойдут за брусникой или клюквы принесут”; *ottas villad, šingotadas* (VI, 3399) “возьмут лен, взобьют”; *lehmeižuu modon pestas* (VI, 3391) “у коровушки морду помоют”; *nügud' lähttas da butuukad ottas* (VI, 3391) “теперь пойдут да бутылки берут”; *händad čapetas lehmou* (VI, 3391) “хвосты у коров обрезают”; *pirgjd' čapetas* (Kuja, 3402) “пирогов нарежут”; *ku kislin' todas, ka g'ö lähte stolan tagapei* (Kuja, 3389) “а если кисель принесут, так уходи из-за стола”; *munjd' muretas, ka nece munavič* (Kuja, 3389) “яйца бьют, так это яичница”; *homesuu tehtas, a ehtkjuču sōškatas* (Kuja, 3389)

“утром делают, а вечером уже едят”; *čibutas gomnas praznikan* (Kuja, 3389) “в праздник на гумне качаются на качелях”; *lähttas hiināntegole aigoiš* (Jä, 1501) “уходят на сенокос рано”; *pandas kanan kananpoigile* (Jä, 1502) “кладут курицу на яйца”; *kactas, kus om ruga* (Vil) “смотрят, где полое место в яйце”; *kaika mijou muga kiittäš* (L) “у нас всегда так варят”;

#### Южновепский диалект

*titar om ka lehman anttas* (Sod, ОВР, с. 213) “если дочь есть, так корову дают”; *nened linad kuidatas* (Sod, ОВР, с. 216) “эту коноплю высушивают”; *sur'man pästtas kivō* (Krl, ОВР, с. 260) “крупку получают на жернове”; *rahvast äjan keratas* (Krl, ОВР, с. 261) “народу много собирают”; *sadas kuspääni mugōčid' kivid'* (Sod) “приносят откуда-то такие камни”.

Интересно отметить, что поскольку в южновепском диалекте верх в историческом развитии в качестве форм 3 лица мн. числа презенса одержали активные по происхождению формы, то они стали употребляться также и в значении пассива презенса:

*nened nitid' iksin' kertaba kaik ezmää* (Sod, ОВР, с. 216) “эти нитки по одной все скрутят сначала”; *kaivaba kopan maha* (Sod, ОВР, с. 217) “выкопают яму в земле”; *päčid' panōbad ezmää muga: tegoba opečkad pūšpää, potom nenihe opečkoile keskhe panobad mad, man roun'aiba, trambuiba čomašti i zavogiba päčin' panda* (Vg, ОВР, с. 249) “печи делают так: делают основание печи из дерева, потом это основание наполняют землей, землю разравнивают, трамбуют хорошо и начинают печь класть”. Данный факт является ярким примером влияния русского языка, в котором неопределенно-личные формы совпадают с формой 3 лица мн. числа (ср. все жители деревни **говорят** на “о”; в деревне **говорят** на “о”).

Глагольные формы, имеющие исторически форму пассива имперфекта, а также обладающие и значением пассива, достаточно многочисленны и употребительны в средне- и северновепском диалектах. Они обладают в названных диалектах одним и тем же окончанием **-he**, исторический экскурс по поводу происхождения которого был сделан в соответствующем разделе “Индикатив имперфект”. Проиллюстрируем значение пассива, которое известно названным формам:

#### Северновепский диалект

*läväs pidetihe lehm* (Toižeg, 3386) “в хлеве держали корову”; *siccad tosketihe lidnaspei* (Kaleig, 3387) “ситец привозили из города”; *molebenad ende pajatet'he mijal* (Kaleig, 3387) “раньше у нас служили молебны”; *sanutihe, hän mecha segoi da kol'* (Št, 3384) “говорили, что он в лесу заблудился да и умер”; *panetihe mugomid suurid kegoid, konz keza läm'oleskel', a konz keza vilu da märg oleskel'*, *ka hazdiil heinan kuivatet'he* (Kask, 3388) “такие большие стога ставили, когда было лето теплое, а когда холодное да сырое

лето бывало, то сено сушили на вешалах” ; *lämbitet'he kil'betin kaikuščen sobatan* (Št, 3387) “баню топили каждую субботу”;

#### Средневепский диалект

*eduu senid' gäritadihe pahemba poliškoile* (Pnd, 3392) “раньше грибы для соления больше пополам разрезали”; *ninga svad'boile kăutihe* (Pnd, 3397) “так на свадьбы ходили”; *venäks endeki pajatadihe* (Pnd, 3405) “пели и раньше по-русски”; *kaik sijäd tehtihe kodiš, ostnuugoi ii* (Pnd, 3405) “все дома делали, ничего не покупали”; *nügüd' hiitihe, ii paštkoi* (Pnd, 3401) “теперь бросили, не пекут”; *kuivatud kalan kiitihe* (VI, 3392) “варили сушеную рыбу”; *gägetihe kalan muga* (VI, OBP, с. 194) “делили рыбу так”; *časounižen rojitihe da puuttihe* (Kuja, 3389) “часовенку разрушили и сожгли”; *en teda kuhusai hänt vedetihe* (Kuja, 3389) “не знаю, куда его везли”; *valitihe händast predsedatel'aks* (Vil) “выбрали его председателем; *osttihe sigoid' eduu kelni* (L) “покупали раньше свиней у кого-либо”;

#### Южновепский диалект

*voinan aigan muret'he* (Krl, OBP, с. 260) “во время войны разрушили”; *paku iks' mužikāne (hän kolend om), kaks' händikast rikō, ka hänle premijan andet'he* (Krl, OBP, с. 261) “так вот один мужичек (он уже умер) убил двух волков, так ему премию дали”; *ajet'he kod'he* (Ars, NEV, II, s. 23) “уезжали домой”.

Следует отметить, что южновепский и средневепский диалекты и в качестве передачи пассивного значения достаточно часто избирают активную по происхождению форму:

*kōz ristit läžub ka mugažo kül'ptaze toivotabad* (Krl, OBP, с. 263) “когда человек болеет, так тоже обещали искупаться”; *kut regen i telegan tegibad* (Vg, OBP, с. 250) “как сани и телегу делали”; *svad'baha strāpiba rejän* (Krh, OBP, с. 48) “на свадьбу готовили угощение целый день”; *tuloskeliba endo praznikale kaikiš polišpäi* (VI, 3404) “раньше на праздники приходили со всех сторон”; *openziba mjou muga, muda ičetō tezim, ka muga openzimki* (Kuja, 3393) “так у нас учили, что сами знали, тому и учили”.

Отрицательные формы пассива в презенсе и имперфекте в средне- и южновепском диалектах совсем не сохранились; на их месте выступает активная отрицательная форма 3 лица мн. числа презенса или имперфекта: *mijalo ii tuunugoi praznikan aigan nikuspei* (VI, 3396) “к нам на праздники не приходили ниоткуда”; *ii paštnugoi mijou muga* (Kuja, 3394) “у нас так не пекли”. В северновепском диалекте подобное положение вещей характерно для презенса (*tägä ii kiitkoi rivot* “здесь не варят пива”), а в имперфекте употребительна конструкция с причастием пассива (*ii kiittud ende griboid* “раньше грибы не варили”); но она же имеет значение и имперфекта актива, как это было указано ранее в разделе, посвященном формам индикатива

имперфекта (*mõ pivod em kiittud* “мы пиво не варили”). Все это свидетельствует, очевидно, о необратимости процессов в различении форм актива и пассива. Влияние русского языка в данной области оказалось настолько мощным, что ни один диалект не сохранил незатронутой систему противопоставления грамматически обозначенных значений. Посредством младописьменного языка сделана попытка восстановить былое различие в употреблении активных и пассивных форм презенса и имперфекта индикатива: ведь все названные формы еще живы, и лишь в их употреблении нет логической последовательности.

Синтетические формы пассива других наклонений в системе практически не сохранились, и можно обнаружить лишь отголоски былого функционирования, которые в северновепском диалекте употреблены чаще всего в активном значении, о чем было сказано в соответствующем разделе при анализе форм кондиционала и императива (напр.: *eläiteiz hõ kodiš* (Št, 3388) “жили бы они дома”; *rateiz sid' muga* (Št, 3388) “делали бы здесь так”).

## АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

В вепских диалектах достаточно употребительны и сложные времена пассива, в образовании которых принимает участие вспомогательный глагол *olda* “быть” в 3 лице презенса или имперфекта и причастие пассива с суффиксом **-tud, -dud**, о происхождении которого была изложена достаточно обширная дискуссия в разделе, посвященном отрицательным формам имперфекта индикатива. Рассмотрим вначале конструкции со вспомогательным глаголом в презенсе 3 лица ед. числа:

### Северновепский диалект

*minei “veps” om kird'utadud pasportaha* (Št, 3386) “мне в паспорте записано “вепс””; *sihe om houdeine tehtud* (Št, 3386) “сюда ямка сделана”; *teramba nese az'z' om tehtud* (Kask, 3388) “вначале это дело было сделано”; *rambahtab, d'oug om murttud* (Kask, СВЯ, с. 462) “прихрамывает, нога вывихнута”; *om nähtud säkijad* (Kaleig, 3387) “всего повидано”; *letud om d'o pert'* (Toizeg, 3388) “дом уже построен”;

### Средневепский диалект

*tägou om sidotud mjsaižed* (Pnd, 3400) “здесь мысочки вывязаны”; *rõu om tehtud kedespäi* (Pnd, СВЯ, с. 201) “шуба сшита из овчины”; *plat'k'o om pidetud g'o riigihesai* (Pnd, КСВЯ) “платье изношено до дыр”; *kodinikan om gättud* (Pnd, СВЯ, с. 214) “оставлена за хозяйку”; *šti om kargištoitud percou* (Pnd, СВЯ, с. 181) “щи переперчены”; *nese dõočk om g'o kozitud* (Pnd, СВЯ, с. 231) “эта девушка уже сосватана”; *laksoveruu om gättud hiinsat* (Pnd, СВЯ, с. 273) “на краю ложбины оставлена копна сена”; *časounine om aveitud*

(Kuja, 3402) “часовенка открыта”; *kaik om tuga ombüütud* (VI, 3391) “все так сшито”; *kodiš paštitud om* (VI, 3391) “дома испечено”.

В западных говорах средневеппского диалекта, а также в южновеппском диалекте вспомогательный глагол практически всегда в обсуждаемых конструкциях опущен:

#### Средневеппский диалект

*mijak sinai pä pästtud* (Jä, СВЯ, с. 512) “почему твоя голова опущена”; *hatrjideke virzjžed pandut* (Krh, ОВР, с. 580 “с портянками лапоточки надеты”; *nor kerttud keraks* (Ja, СВЯ, с. 1940 “веревка в клубок закручена”; *endemulošt lehm osttud* (Jä, КСВЯ) “в позапрошлом году корова куплена”; *tat da mam hubiš meliš, miše gadan taga tütar mehele anttud* (L, СВЯ, с. 131) “отец да мать расстроены, что дочь за гада замуж выдана”; *sille sijale stroidut pagast* (Vär, ОВР, с. 72) “на этом месте церковь построили”; *nese jätet sinuhu varoin* (Pec, СВЯ, с. 615) “это для тебя оставили”;

#### Южновеппский диалект

*mugōmad rihloudad tehtud* (Vg, ОВР, с. 253) “такие доски для риги сделаны; *käbed krasānese kadotet, väged vādānese kirbotet* (Vg, ОВР, с. 257) “красная красотишка потеряна, белая волюшка утрачена”; *kor päurpäi katetut õgõ* (Vg, СВЯ, с. 455) “яма сверху покрыта соломой”; *lava pestu väknašti* (Sod, СВЯ, с. 610) “пол помыт безропотно”; *a sidšõdut i palad kanditud bokĩmu* (Sod, ОВР, с. 211) “а тут съедено и куски по сторонам разбросаны”.

Подобное явление может быть свойственно и всем прочим говорам: *nellānz' laps' voinha riktud* (Št, 3384) “четвертый ребенок убит на войне”; *koume pertid g'o stroidut* (Pnd, 3400) “три дома построено”; *amu tehtud nese kirvez* (VI, 3396) “этот топор сделан давно”.

Кроме того, по аналогии с русской моделью, в которой страдательное причастие употребляется во мн. числе, согласуясь с существительным (“дома построены”, “дела сделаны”), в веппском языке возможно также употребление вспомогательного глагола во мн. числе. Причастие же пассива имеет форму ед. числа, поскольку, как об этом уже было сказано выше в разделе “Формы времени”, оно в веппском языке не изменяется: *kül'betiš siinad oma savukurd'ud* (Pnd, 3400) “в бане стены закопчены”; *lastad oma noraižuu sidotud* (ОВР, с. 141) “досочки связаны веревкой”; *birbičaižed voumheks g'oma katkaitud* (Kuja, 3394) “вербочки загодя наломаны”; *püüdod oma penile supaloile jagetud* (Pk, СВЯ, с. 447) “поля поделены на маленькие куски”.

При построении отрицательных конструкций в северновеппском диалекте чаще всего используется отрицательный глагол в 3 лице с формой причастия пассива:

*siloi pövuid ii ombeltud* (Št, 3384) “тогда шубы не шили”; *mugošt tägä ii*

*homaitud* (Št, 3386) “подобного здесь не замечали”; ende *makstihe* *barpale*, a *potom d'o ii makstud* (Št, 3386) “раньше платили бабке, а потом уже не платили”; *tal'vel ii bukitud* (Št, 3386) “зимой белье не толкли”; *minun aigan sorokad ii pidetud* (Kaleig, 3387) “в мое время сороку не носили”; *veiketud-se ei*, no *žal'deitihe* (Kaleig, 33879) “плакать не плакали, но жалели”; *konz ei voitud čapta puid*, ka *muga kuidihe* (Toižeg, 3386) “когда не смогли валить деревья, так сушили без них”; *mijou tägä pivod ei keittud* (Toižeg, 3386) “у нас здесь пиво не варили”. Однако довольно употребительны и выражения, в которых при передаче пассивного значения выступает отрицательный глагол и основной глагол с формантом **-koi**, **-goi**, как это имеет место в активных отрицательных формах мн. числа: ende *mugomid körzid da sul'čnid ei paštelnuoiki* (Št, 3385) “раньше таких блинов да пирогов и не пекли”; *ühtes lehmad vazanke ei pidanugoi* (Št, 3384) “корову вместе с теленком не держали”; *hiid ii kucnugi-ki* (Kaleig, 3387) “их и не звали”; *siloi ii kõunugi* (Kaleig, 3387) “тогда не ходили”.

В средневепском диалекте при передаче отрицательного значения пассива наиболее распространена именно названная выше модель:

*mijou očěstvad ii kucnugoi* (Pnd, 3397) “у нас не звали по отчеству”; *kuivatud kalaspäi ii paštnugoi nimida* (Pnd, 3405) “из сушеной рыбы ничего не пекли”; *šjrud mijou ii teguunugoi* (Pnd, 3392) “сыр у нас не делали”; *siloi ii haudunugoi mustikašt* (Pnd, 3398) “тогда чернику не парили”; *koirid kounjile eduu ei pästnuhu* (Vl, 3391) “раньше собак на кладбище не пускали”; *eduu vinuu ei muštnuhu* (Kuja, 3394) “раньше вином не поминали”; *miid nikonz ii ištunuuhu* (Kuja, 3402) “нас никогда не садили”; *miid ii sötnuhu* (Kuja, 3402) “нас не кормили”; *tezernuhu ei*, a *kasmaha tuloskenziba* (Kuja, 3403) “не пряли, но приходили смотреть”.

В южновепском диалекте также имеет место употребление активной конструкции имперфекта в значении отрицательной пассивной, и в дополнение – отрицательного претерита: *mejä eba kacund verhihe* (Sod, 1504) “у нас на чужих не обращали внимания”; *eba tegend muga, toižin tegiba* (Sod, 1549) “так не делали, делали по-другому”; *mejä muga eba tehliške vastöd'* (Krl, 1504) “у нас так веники не вязали”; *eba sanuške lapsile nenid' azjoid'* (Krl, 1504) “детям об этом не говорили”.

При построении конструкции со значением пассива плюсквамперфекта используется вспомогательный глагол в форме 3 лица ед. или мн. числа имперфекта и причастие пассива:

#### Северновепский диалект

*kaik predmetad oli tehtud rofinski* (Toižeg, 3386) “все предметы преподавались на финском языке”; *oli todud rahvast lidnaspei* (Toižeg, 3386) “людей привезли из города”; *voi oli ičemoi härkitud* (Št, 3384) “масло свое было сбито”; *räč oli d'o pandud lämhä* (Kask, 3388) “печь уже была затоплена”;

### Средневепский диалект

hebo *oli puhu* sidotud (Kuja, 3389) “лошадь была к дереву привязана”; *perť oli osttud kolhozou* (Kuja, 3402) “дом у колхоза был куплен”; *oli barak pandud* mijou (VI, 2291) “у нас был построен барак”; a *kesküü oli gättud ostroveine* (VI, 2291) “а посередине был оставлен островок”; *naku püudos oli tehtud* (VI, 2291) “здесь в поле был сделан”; *gäl* ges *sida pagastad oli stroidud* toine pagast (Vär, ОВР, с. 72) “после той церкви была построена другая”; *püud vähou oli künttud* (Jä, КСВЯ) “поле было плохо вспахано”; *oliba kläpsat pandut kond*’ale (Kuja, ОВР, с. 173) “капканы были на медведя поставлены”;

### Южновепский диалект

*oliba kaikuččõ tehtut kořad* (Vg, ОВР, с. 251) “у каждого были сделаны кареты”; *oli jättud kaks*’ *rudad rugišť* (Krl) “было оставлено два пуда ржи”; *oliba todud kuspääse necen veron* (Sod, 1504) “откуда-то был принесен этот обычай”.

В отрицательной конструкции вспомогательный глагол имеет форму имперфекта, которая в синхронном состоянии языка двойственна – в северновепском диалекте, как и в активных отрицательных формах, используется вместе с отрицательным глаголом пассивное причастие, в средне- и южновепском диалекте активное: *ii oldut tehtud* mijou *ššebletaižed, ostihte* (Šť, 3385) “у нас туфли не шили, покупали”; *ii oldut osttud* *padēid edel, iēe tegekelt*’he (Šť, 3386) “горшки раньше не покупали, сами делали”; *ii olend ombüutud sobaizid*’ (Pnd, 3388) “белье не было пошито”; *ii vüu rešitud pagast olond* (Kuja, 3402) “церковь еще не была разрушена”; *ii olond pajatadud* *verpäks* mijou *endoki* (VI, 3393) “и раньше по-вепски у нас не пели”.

Таким образом, как свидетельствует материал, можно констатировать, что в вепских диалектах исчезла разница в передаче активного и пассивного значения. Точнее сказать, в разных говорах имеются в наличии активные и пассивные формы, однако нарушилась их точная, конкретная соотношенность со значением. Северновепский диалект, в котором последовательно одержали победу пассивные по происхождению формы, именно последние передают в синхронном состоянии языка и пассивное и активное значения. В средневепском диалекте в презенсе пассивные по происхождению формы достаточно употребительны, но существуют и живы активные формы. И те, и другие формы могут иметь значение как пассива, так и актива. Причем, примеры на смешение в употреблении форм актива и пассива при выражении пассивных и активных значений можно обнаружить в речи одного и того же информанта: *kut kondjid*’ *sadas touvuu* “как у нас добывают медведей” – *ezmeižeks mecnikad mändas mecha* (Jä, ОВР, с. 8) “сначала охотники в лес пойдут”; *perťin*’ *samautihte* “дом мхом конопатили” – *nu i rahvaz pandihe vägen hüvän* (Pnd, ОВР, с. 128) “ну и люди достаточно много сил вкладывали”. Достаточно заметное влияние на значение аналитических временных форм пассива оказал русский язык,



вследствие чего вспомогательный глагол может приобретать форму мн. числа, напоминая русские конструкции типа *pertid oma stroidud* “дома были построены”, *azjad oma tehtud* “дела были сделаны”. Однако поскольку, как мы это показали на примерах, в языке во всех его диалектах в той или иной степени живы и активные и пассивные по происхождению формы, то в младописьменном языке все учебные пособия рекомендуют сохранить различие форм с закрепленными за ними значениями. При передаче значения пассива рекомендуется употреблять исторический пассив: *Neciš küläs ratas põlvast, a toižes jo villakoid tehtas* “В этой деревне лен разрабатывают, а в другой валенки делают”. *Päidnaspäi tuldihe da sanutihe, kuna paremba ajada* “Из столицы приехали и сказали, куда лучше ехать”. *Sanutas, külähä om stroidud uzid pertid* “Говорят, в деревне построены новые дома”. *Oli ozutadud kaikile, kuna pidi mända* “Всем было показано, куда надо было идти”. Все названные формы живы в диалектах вепского языка; они не привнесены извне. Младописьменный язык своими правилами призван упорядочить употребление активных и пассивных по происхождению форм.

## **ВОЗВРАТНОЕ СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ**

### **ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ПО ВОЗВРАТНОМУ СПРЯЖЕНИЮ**

Действие, совершаемое субъектом и направленное на субъект же, называют возвратным. Категория возвратности (или рефлексивности; мы будем пользоваться обоими терминами как синонимами) достаточно подробно разрабатывалась в русском языке. В теории русистики данную категорию рассматривали в связи с возвратным залогом глаголов, просто с возвратными глаголами и даже с возвратными формами глаголов, хотя русский язык, как известно, обладает лишь одной частицей **-ся**, никаких иных грамматических форм в нем нет. Аффикс возвратных глаголов **-ся**, **-сь** включается в ряде специальных исследований и в разряд глагольного словообразования, “так как возвратные глаголы всегда представляют собой особые лексемы по отношению к соответствующему невозвратному глаголу” (Янко-Триницкая Н.А., 1962, с. 30).

В прибалтийско-финских языках глаголы также обладают значением возвратности, которое может обозначаться некоторыми словообразовательными суффиксами: напр. финск. *peseytyä* “мыться, умыться”, *kotiutua* “возвращаться домой”; карельск. *ligavuo* “пачкаться, мараться”; вепсск. *verduda* “сердиться”, *süveneda* “углубляться”. Глаголы данного типа спрягаются так же, как и все остальные глаголы; в них лишь наличествует значение возвратности, при котором существенную роль играет связь между действием и субъектом. Наряду с этим в ряде прибалтийско-финских языков возник грамматический способ передачи возвратности – возвратное спряжение, характеризующееся особым набором лично-числовых форм. Если иметь в виду, что регулярность образования является непременным признаком форм одного слова, то возвратное спряжение обладает им сполна. Тот момент, что в языках, и так располагающих возможностями словообразования для получения значе-

ния возвратности, появляется еще дополнительно возвратное спряжение, достаточно непрост и неоднозначен. Причем очевидно, что соответствующая почва для формирования возвратного спряжения сложилась уже в прибалтийско-финском языке-основе, поскольку либо элементы возвратного спряжения, либо само спряжение в его наиболее развитом виде имеются, по крайней мере, в нескольких родственных языках: вепском, карельском, ижорском, восточных говорах финского языка. А. Кяхрик предполагает, что в этом случае, скорее всего, следует усматривать влияние русского языка, поскольку “все упомянутые диалекты по сравнению с остальными прибалтийско-финскими диалектами более интенсивно контактировали с русским языком, в котором морфологический признак возвратных глаголов в словообразовании отчетливо проявляется” (Кяхрик А., 1978, с. 271). В принципе с данным тезисом отчасти можно согласиться: русский язык мог стимулировать потенциальные возможности языков на возникновение спряжения. Однако в остальном названные языки пошли самостоятельным путем, создав свои собственные личнословесные окончания для возвратного спряжения.

Возвратные глаголы, “являющиеся носителями морфологически выраженного признака интранзитивности” (Бондарко А.В., 1971, с. 56), отчасти по значению напоминают пассив и перекрещиваются с ним. Это положение подчеркивается данными некоторых прибалтийско-финских языков. В ряде из них, в первую очередь, карельском и вепском, о чем речь шла неоднократно в связи с соответствующими формами ранее, произошла замена активных форм 3 лица мн. числа презенса и имперфекта индикатива на пассивные по происхождению формы. Таким образом, пассивные формы как бы оказались “занятыми” выполнением иной функциональной нагрузки. В связи с этим можно предположить, что возвратные формы, возвратное спряжение и пришли отчасти на смену пассивным формам, компенсируя передачу оттенка, в том числе, и пассивного значения. В современном вепском языке значение возвратных глаголов в определенной степени действительно соприкасается с пассивными формами, а иногда даже замещает их, например: *nese g'ogi kucuse* (возвратный глагол) *Šalaks* “эта река называется Шолой”; ср. иную конструкцию с исторически пассивной формой: *nese g'ogi kuctas Šalg'ogi* “эту реку называют Шолой”.

Передаче значения возвратности и возвратному спряжению в прибалтийско-финских языках посвящались отдельные, хотя и немногочисленные труды. В наиболее близко родственном вепскому карельском языке, в диалектах которого также наличествует возвратное спряжение, пока нет достаточно подробных работ по проблемам его сложения. В специальном исследовании П.М. Зайкова (2000), посвященном именно

глагольному словоизменению в карельском языке, проблема возвратного спряжения и возвратных глаголов не рассматривалась. В статье “Карельский язык”, написанной Макаровым Г. Н. на основе калининских (в современной терминологии – тверских) говоров, нет речи о возвратных глаголах вообще (Макаров Г. Н., 1966, с. 61–80). В работе В. Д. Рягоева, в которой дана характеристика тихвинского говора карельского языка, имеется раздел “Возвратные глаголы” (1977, с. 147–152). Несмотря на то, что данная проблема рассматривается в отдельном разделе, здесь речь идет, скорее всего, о словообразовательных суффиксах возвратности. Автор пишет: “При образовании возвратных форм суффикс -ččī- следует за производной (или непроизводной) словообразовательной основой, а за ним следуют показатели времени и наклонения, после чего – лично-числовые показатели...: mie istuočē-n “я сажусь”; (šie) šuoriečēt “(ты) собираешься”; (nuogi miuččō) istuoččō “(молодая жена) садится” (Рягоев В. Д., 1977, с. 147–148), для сравнения основное спряжение: (mie) tavotan “(я) догоню”; (šie) otat “(ты) возьмешь”; (hän) majehtū “(она) становится солоделой” (Рягоев В. Д., 1977, с. 123–124). Насколько свидетельствуют примеры, в данном случае в тихвинских говорах, в отличие, скажем, от вепсского языка, выступают те же самые лично-числовые окончания, что и в основном спряжении. Отчасти аналогичный вывод можно сделать и при анализе работы Адель Е. Л. (1998, с. 121–128), объектом исследования которой стало глагольное словоизменение в паданском говоре (собственно карельское наречие) карельского языка, где также, несмотря на выделение рефлексивных, или возвратных, глаголов в особый раздел, заметно, что значение рефлексивности сосредоточено именно в рефлексивном словообразовательном суффиксе. Исследовательница и сама признает, что “...рефлексивные формы глаголов собственно-карельского наречия отличаются от соответствующих форм ливвиковского, людиковского наречий и вепсского языка в том плане, что если в первых показатели рефлексивности не совмещены с лично-числовыми показателями, которые следуют за ними, то в образовании вторых участвуют так называемые лично-возвратные показатели” (Адель Е. Л., 1998, с. 123). Тем не менее, значение рефлексивности в глаголах настолько емко, что они на фоне прочих глаголов выделяются Е. Л. Адель в особую группу, хотя в плане словоизменения, по замечанию автора, “принципы образования рефлексивных форм в паданском говоре, как правило, те же, что и у обычных глаголов, то есть в большинстве словоформ (исключение составляют формы повелительного наклонения, причастия, инфинитивы) за возвратной морфемой -te- следует форматив времени или наклонения, и в последнюю очередь присоединяется лично-числовой показатель” (Адель Е. Л., 1998, с. 123). Как свидетельствуют приведенные Адель

языковые иллюстрации, лично-числовые показатели в этом случае те же самые, что и у неререфлексивных глаголов: *andoate-n* “(я) гожусь” – ср. *avo-a-n* “(я) открою”, *andoate-t* “(ты) годишься” – ср. *avo-a-t* “(ты) открываешь”, *andoato-u* “(он) годится” – ср. *avo-a-u* “(он) открывает” (Адель Е.Л., 1998, сс. 44, 124). Пожалуй, лишь в работе, принадлежащей перу финского исследователя карельского языка Е. Ахтия, достаточно последовательно представлены парадигмы возвратного спряжения в карельском языке (см. Ahtia E.V., 1936). В Атласе карельского языка Бубриха Д.В., Белякова А.А., Пунжиной А.В. несколько карт посвящено возвратному спряжению (Бубрих Д.В., 1997: карты 164–172), где проиллюстрированы отдельные формы рефлексивного глагола *kumarduakseh* “кланяться” (одновременно показан и глагол *kumardavuo*, который имеет то же самое значение, но спрягается как обычный неререфлексивный глагол с рефлексивным словообразовательным суффиксом *-vu-*).

Возвратное спряжение в грамматике вепского языка выделялось уже в трудах ученых XIX века. Так, в работе Хунфалви Х. (Ujfalvy Ch.E., 1875, s. 36–38) представлено возвратное спряжение глаголов *anttas* “даться”, *tehtas* “сделаться”, *sauptas* “закрыться” во всех наклонениях. В его работе наиболее любопытен момент, касающийся лично-числовых окончаний мн. числа. В современном южновепском, а также отчасти в средне-вепском диалекте имеется различие между парадигмой ед. и мн. чисел (*mina peze-moi* “я моюсь”; *mõ peze-moiš* “мы моемся”), в то время как в некоторых других говорах оно нивелировано. В материалах Х. Хунфалви разница в формах также наличествует: *anda-moi* “(я) дамся” и *anda-moisei* “(мы) дадимся”. Отмеченная разница в системе окончаний дает возможность объяснения их современного состояния: дифтонг *-ei* из состава лично-числового окончания *-mois(ei)* отпал; оставшийся на конце окончания *-s > -š* (или *-ž*) после *-i*. В позиции после *-i* в вепском языке отмечается переход *s > š* (*ž*) во многих словоформах, как глагольных (напр. *mänižin* “(я) пошел бы”, но *kasaržin* “(я) вырубил”), так и именных (*mecas* “в лесу”, но *kodiš* “дома”). Таким образом, вариант более древнего лично-числового окончания *-moisei* достаточно легко позволяет объяснить его сегодняшнее состояние *-moiš*. Довольно подробные таблицы возвратного спряжения представлены и в работе Й. Синнеи (Szinyuei J., 1881, s. 430–433). По своему построению возвратные формы в его работе полностью совпадают с формами у Х. Хунфалви.

Позднее, занимаясь способами передачи возвратности, среди них как одним из способов – и *возвратным спряжением*, в той или иной степени различные идеи по его происхождению выдвигали и другие специалисты из Финляндии. Такие языковеды, как Тункело Э.А. (Tunkelo E.A., 1924), Кеттунен Л. (Kettunen L., 1943, s. 422–424), Пости Л. (Posti L., 1961; 1980),

Сухонен С. (Suhonen S., 1974), Койвисто Й. (Koivisto J., 1990) и др., в разное время высказывались в своих трудах по истории сложения отдельных компонентов возвратного спряжения в прибалтийско-финских языках, среди них – и в вепском.

Известный эстонский языковед Т.-Р. Вийтсо, посвятивший одну из своих работ выражению плана содержания прионежского диалекта вепского языка, склонен был выделять *возвратный залог* (Viitso T.-R., 1968, lk. 150). А. Кяхрик же, занимавшаяся углубленным исследованием языка южных вепсов, настаивала на *возвратном спряжении*. Поскольку в вепском языке имеется две группы глаголов, у которых каждое лицо обладает двумя различными окончаниями, то можно, как справедливо утверждает она, с полным основанием говорить об основном спряжении и возвратном спряжении (Кяхрик А., 1978, с. 267–268).

В отечественных исследованиях по языку вепсов проблемы возвратного спряжения не подвергались серьезному и специальному изучению. Так, в статье М.М. Хямяляйнена, помещенной в III томе языков народов СССР (Хямяляйнен М.М., 1966, с. 91–92) – первом, по сути дела, отечественном очерке, дающем представление о грамматике вепского языка, – речь идет о *возвратных формах* глаголов. Этот же термин используется и М.И. Зайцевой в ее грамматике (Зайцева М.И., 1981, с.275–283), а также и в грамматическом очерке, приложенном к словарю вепского языка (Зайцева М.И., Муллонен М.И., 1972, с.737).

На наш взгляд, более правомерен термин “возвратное спряжение”, поскольку в языке существуют не только разрозненные возвратные глагольные формы, а особая полная парадигма из совокупности лично-числовых окончаний. Мы будем ее называть *парадигмой возвратного спряжения* в противовес *парадигме основного спряжения*. Возвратное спряжение в вепском языке чаще всего свойственно тем глаголам, которые могут иметь прямой объект: *minä pezen modod* “я мою лицо” и *minä pezemoi* “я моюсь (или умываюсь)”. Однако, очевидно, не без влияния русского языка, и многие непереходные, в трактовке русской грамматики, глаголы также обладают в вепском языке парадигмой возвратного спряжения: *tämbei astuse hondoin’*, *g’augan kibištab* “сегодня плохо идется, нога болит”; *mina ajeldamoï kodihe päiväiçi* “я съезжу домой в течение одного дня”.

Таким образом, в вепском языке исторически сформировалось *возвратное спряжение*, обладающее по отношению к *основному спряжению* особыми лично-числовыми окончаниями, которые прослеживаются как в положительных, так и в отрицательных формах (напр. *peze-moi* “(я) моюсь”, *peze-toi* “(ты) моешься”, *peze-soi* “(он) моется”, *en peste* “(я) не моюсь”, *peste* “(ты) мойся!”, ср. основное спряжение: *peze-n* “(я) мою”, *peze-d* “(ты) моешь”, *peze-b* “(он) моет”, *en peze* “(я) не мою”, *peze* “(ты) мой!” и т.д.).

Обе группы спряжений имеют и точки соприкосновения:

1) во многих формах они обладают одинаковой лексической основой, которая также у различных групп глаголов может быть только гласной, краткой или долгой гласной, либо гласной и согласной: **peze-n** “(я) молю” – **peze-moi** “(я) моюсь”; **kaika-toi** “берегитесь”; **sop-ka-has** “пусть они одеваются”;

2) у них одни и те же показатели имперфекта, кондиционала, императива и те же условия присоединения их к лексической основе глаголов: **pez-i-n** “(я) мыл – **pez-i-moi** “(я) мылся”; **pez-iži-n** “(я) мыл бы” – **pezi-iži-moi** “(я) мылся бы”; **pes-ka-t** “мойте!” – **pes-ka-toiš** “мойтесь!”;

3) обе группы глаголов обладают одинаковым количеством времен в наклонениях и имеют одну и ту же модель их построения (напр. **pesta** “мыться”: **pezimoi** I лицо ед. числа презенса индикатива; **pezimoi** – имперфект; **olen peznus** – перфект; **olin peznus** плюсквамперфект);

4) в свою очередь, временные формы возвратных глаголов воплощают в себе и сходное противопоставление в значении. Основываясь на этих моментах, в главе, посвященной возвратному спряжению, мы не будем вновь возвращаться к истории показателей времен и наклонений. Для данной главы наиболее актуальна проблема лично-числовых форм, показатели которых отличаются и своим строением, и историей происхождения от показателей основного спряжения.

## ЛИЧНО-ЧИСЛОВЫЕ ФОРМЫ ГЛАГолов

### ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Возвратное спряжение в вепском языке обладает в I лице ед. числа лично-числовыми окончаниями **-moi**, **-mei**, **-me** и их некоторыми фонетическими модификациями по диалектам. Приведем примеры, которые проиллюстрируют положение названных и иных вариантов в диалектах вепского языка:

Северновепский диалект

**muga mina sötameiki** (Št, 3384) “так я и кормлюсь”; **ajelomei päiväici kodihe** (Št, 3385) “я съезжу домой и вернусь обратно в течение одного дня”; **mina katamei pöul i milei läm liinob** (Kask, NÄKM, s. 167) “я накроюсь шубой, мне и тепло будет”; **pauktamei**, **vaise lopin paimendusen i sügüzel tulen el’amaha** (Kask, NÄKM, s. 159) “наймусь, вот только закончу пастьбу и осенью приду жить”; **sidom sil’mad, iča piitlemei hänespei** (Kask, 1503) “завяжем глаза, а сам я спрячусь от него”; **mina sinunke makseičemei** (Pr, VMLT, s. 431) “я с тобой дружу”;

### Средневепский диалект

*iče mānon da kumardamoi* (Pnd, 3389) “я сама пойду да поклонюсь”; *mina ajelemoi poigha* (Pnd, СВЯ, с. 26) “я съезжу к сыну и вернусь”; *mina üu hal'g heräštelemoi* (Pnd, СВЯ, с. 116) “я ночью часто просыпаюсь”; *lämbitelemoi pažagan kohtas* (Pnd, СВЯ, с. 103) “я греюсь у костра”; *kušakouse vösttame* (Kuja, 3402) “кушаком подпояшусь”; *potom ehtkoizuu udhezo ristimji* (Kuja, 3402) “потом вечером вновь перекрещусь”; *g'oges pezomji* (Kuja, 3402) “я в реке умоюсь”; *sinna veromji, sörouno ozutasi i nägusi* (VI, 3391) “туда улягусь, все равно покажется и привидится”; *min'äse surduin' ipanemoi* (Jä, ОВР, с. 22) “я-то устала, так укладываюсь (спать)”; *mina sini prigodimoi* (Šim, NÄKM, s. 230) “я тебе пригожусь”; *mina sinunke panemoi* (Šim, NÄKM, s. 247) “я с тобой улягусь”; *ala mäne, mina iče ristimoi* (Šim, NÄKM, s. 236) “не ходи, я сама помолюсь”; *mina sinei ahtou aigou prigodimoi* (Šim, NÄKM, s. 248) “я тебе пригожусь в трудную минуту”; *muga i saškandemoi randha* (Jä, ОВР, с. 12) “так и доберемся до берега”; *kaclemoi pimedaha* (Jä, ОВР, с. 10) “я вглядываюсь в темноту”; *minä edendelemoi hänespei* (Jä, КСВЯ) “я сторонюся его”; *vähäine varasta ka vasttoimoi min'ä* (Ladv, NÄKM, s. 393) “немножко подожди, так я попарюсь”; *vaiše pezemoi da vaumiž* (Ladv, NÄKM, s. 393) “только умоюсь и готова”; *joga soumeižehe koverdamji, prostimji* (Krh, СВЯ, с. 155) “в каждый уголок поклонюсь, попрошу прощения”; *mina kirjutelemoi hänenke* (Vil, СВЯ, с. 208) “я переписываюсь с ним”;

### Южновепский диалект

*mä hänespä kaičeme* (Sod, СВЯ, с. 170) “я остерегаюсь его”; *da andame mä sini seda, mä strepehnime da lendan* (Sod, ОВР, с. 244) “да разве я дамся тебе на съедение, я встряхнусь да улечу”; *kuni zor'o zoriše ka sini mä i sobime, kuni zor'o zoriše ka sini mä i pezeme, kuni zor'o zoriše ka sini mä i kengime, kuni zor'o zoriše ka sini mä i ladime* (Sod, ОВР, с. 242) “пока заря занимается, я в это время оденусь, пока заря занимается, я в это время умоюсь, пока заря занимается, я в это время обуюсь, пока заря занимается, я в это время соберусь”; *godiškek, mä, basib, sobime mušikal'žihe sobihe* (Čg, NEV, I, s. 46) “подожди-ка, я, говорит, оденусь в мужскую одежду”; *nu mäse mokičeme, mokičeme rata* (Čg, NEV, I, s. 78) “ну я мучаюсь, мучаюсь на работе”; *muga möst spravime* (Ars, NEV, I, s. 11) “я так опять поправлюсь (стану здоровой)”; *pördame kodihe da voikan* (Krl) “возвращусь домой да плачу”.

По мнению исследователей, занимавшихся рефлексивным спряжением, в вепском языке наиболее древнее и более стройное положение вещей относительно лично-числовых показателей занимает южновепский диалект (Kettunen L., 1960, s. 48). Тункело Э.А. в связи с историческими судьбами конечных согласных в вепском языке, и, в частности, -к, предложил следующую модель развития лично-числового окончания 1 лица ед. числа: \*-mmęk~\*mmek>-me (Tunkelo E.A., 1946, s. 115). В нем



в конце слова **-k** > Ø (Tunkelo E.A., 1946, s. 110), а гемината, если она и существовала в древневепсском языке в данном случае, сократилась до одиночного **-m**. По поводу геминаты **-mm** имеются предположения об ее происхождении из **\*-km-**, где **-k-** – древний показатель презенса (Rytkönen A., 1938, s. 1–32). Как свидетельствовали приведенные выше примеры из современного южновепсского диалекта, в форме 1 лица ед. числа употребляется лично-числовое окончание **-me**, включающее в себя элементы **-m-** и **-e**. Объяснение происхождения элемента **-m-** в лично-числовом окончании, а он отмечается и в рефлексивном спряжении родственных языков, считается наиболее сложным моментом в истории сложения рефлексивных окончаний (см. напр. об этом же Suhonen S., 1974, s. 12; Koivisto J., 1990, s. 130). Л. Пости полагал, что **-m-** в окончании 1 лица ед. числа восходит по своему происхождению к тому же самому **-m-**, которое имеет место в 1 лице мн. числа основного спряжения, напр.: *mõ pezem, pagizem* “мы моем, говорим” (Posti L., 1980, s. 132). Вторая же составная часть лично-числового окончания: элемент **-e**, – причем, по мнению Пости (Posti L., 1980, s. 131), вместо этого **-e** исторически могли быть гласные **a, ä, o, õ** (ср. вепсск. *pezemoi* “(я) умываюсь”) – по всей видимости, заимствован по аналогии из суффикса **-\*ksen, -\*kset**, который и сейчас выступает в вепсском языке в качестве лично-числового окончания 3 лица ед. и мн. числа в форме **-se (-kse, -ze): pezese** “(он) умывается” (Posti L., 1980, 132).

По мнению А. Кяхрик, в формировании названного окончания заметную роль могла сыграть аналогия с посессивным суффиксом 1 лица мн. числа, употребляемым в системе именного словоизменения (Кяхрик А., 1978, с. 273–274). Добавим, что посессивный суффикс 1 лица мн. числа в современном вепсском языке действительно фонетически поразительно напоминает рефлексивное лично-числовое окончание 1 лица ед. числа (ср. напр. *miidamoi* “нас самих” и *pezemoi* “я моюсь”). Предполагается, что исторически посессивный суффикс мн. числа имел вид **\*-mek**, где **-me** восходит к личному местоимению, а **-k** являлся показателем множественности (см. напр. Зайцева Н.Г., 1981, с. 177). В южновепсском диалекте и представлен вариант лично-числового окончания **-me**. Идентичную точку зрения о возможной связи посессивного суффикса и лично-числового окончания развивает вслед за Т.Э. Уотилой (Uotila T.E., 1946, s. 442–451), занимавшимся исследованием формы I инфинитива, в том числе и инфинитива с притяжательным суффиксом **-ksen** (*hän meni joelle \*pestäksen kengät* “он пошел на реку мыть свою обувь”), С. Сухонен. Он считает, что вполне вероятно была конструкция по употреблению с инфинитивом посессивного суффикса 1 лица: **\*pestämmi** < **\*pestäkmi** (Suhonen S., 1974, s. 1). Здесь, как можно предположить, произошла ассимиляция, и из **-km-** возникла гемината **-mm-**, позднее вследствие

ассимиляции сократившаяся, как и все прочие геминаты в вепском языке, до одиночной **-m-**. О взаимосвязи между лично-числовыми возвратными окончаниями и посессивными суффиксами говорил и Л. Пости на V Всемирном конгрессе финно-угроведов в докладе, посвященном источникам и развитию рефлексивного спряжения в прибалтийско-финских языках. По его мнению (Posti L., 1980, s. 133), посессивные суффиксы повлияли на качество гласного звука в составе лично-числового окончания, в результате чего **e>o** (ср. южновепское *sobime* и средне- и северновепское *sobimoi* “(я) одеваюсь”). На наш взгляд, думается, что здесь может быть отмечена определенная связь и в значении. Посессивный суффикс, употребляясь с именами, также указывает на принадлежность определенному лицу. Но здесь важно, что в вепском языке имеется еще одна исключительно существенная деталь: посессивные суффиксы употребляются с местоимениями, в этом случае как бы указывая на некий возврат (!) действия субъекту, обозначенному местоимением: *longin tegi milemoi* “она нам (досл. нам самим) обед приготовила”; *ī rohtta virkta ni üht vajeht ičemō karte* “не смей сказать ни одного слова по-нашему (досл. по-нашему – по-своему)” (Зайцева Н.Г., 1981, с. 179). Данное сходство в значении действительно могло определенным образом отразиться на формировании лично-числового возвратного окончания.

Итак, в южновепском диалекте в форме 1 лица ед. числа наиболее употребителен вариант **-me** (*kaičeme* “(я) берегусь”, *pördame* “(я) вернусь”), который исследователями рефлексивного спряжения считается наиболее древним.

В северновепском диалекте повсеместное распространение получил, как было видно из иллюстративного материала, вариант **-mei-** (*sõtamei* “(я) прокармливаюсь”, *katamei* “(я) укрываюсь”).

Говоры средневепского диалекта более пестры в представительстве вариантов окончаний. В западных говорах имеет место вариант окончания **-moi** (*vösttamo* “(я) подпоясываюсь”, *gušimo* “(я) раздеваюсь”). Он же характерен и для говоров Пондалы, Шимозера, Пяозера, принадлежащих к восточной группе говоров. Куйско-войлахотские же говоры, относящиеся также к названной группе говоров, имеют вариант окончания, объединяющий их, на первый взгляд, отчасти с южновепским диалектом, напр. *vösttame* “(я) подпоясываюсь”. Но наибольшее употребление на этой территории имеют варианты **-mji** и **-mji:** *risttimji* “(я) крещусь”, *rezomji* “(я) умываюсь”. Скорей всего, здесь нельзя усматривать близость между восточными говорами средневепского диалекта и южновепским диалектом, и **-e-** внутри окончания следует рассматривать как явление более позднего, вторичного порядка. Последние варианты окончаний показывают, что в этом случае произошло сужение дифтонга

и превращение его в монофтонг: **-moi** > **-mei** > **-mji** > **-mj**. Подобное сужение дифтонга в перечисленных говорах наблюдается и в других формах: **pjig** “сын” (ср. **poig**), **ijged** “прямой” (ср. **oiged**). Поэтому восточные говоры средневепского диалекта, так же впрочем, как и северновепский диалект с его вариантом **-mei**, а также западневепский **-moi** – результат одного и того же исторического наследия, более позднего, чем южновепская форма. В названных вариантах лично-числового окончания, кроме того, наличествует еще одна деталь: элемент **-i** (см. **-moi**). При рассмотрении лично-числовых окончаний основного спряжения мы уже упоминали о том, что в формировании последних принял участие признак множественности **-i** (**sanumei** “(мы) говорим”, **lugemei** “(мы) читаем”). Поскольку признается идентичность возникновения лично-числового окончания 1 лица ед. числа рефлексивного спряжения и 1 лица мн. числа основного спряжения, то и в этом случае в элементе **-i** воплощается признак множественности **-i**, как на это указывают и другие исследователи вепского языка (см. напр. Kettunen L., 1943, s. 423).

Для 2 лица ед. числа характерны варианты лично-числовых окончаний, содержащие элемент **-t-**. Рассмотрим встречаемость вариантов окончаний в диалектах вепского языка:

#### Северновепский диалект

**kaikihe čogihe kumardatei** (Št, 3385) “во все углы поклонись”; **ed näge mest vai, ainasteletei** (Kl, СВЯ, с. 25) “ты что, людей не видишь, натыкаешься”; **sädatei ved ii d’o lujas, mise sätaze-se kebmeidešti** (Kask, 1503) “оденешься-то не очень тепло, а так надо одеться легко”; **pezetei nu dei iča i lähted, kut pezetei, muga i hivä** (Kask, 1503) “помоешься да и пойдешь, как помоешься, так и хорошо”; **sobitei räcn’aha** (Kask, 3387) “оденешься в рубашку”; **laitei mecas, ka nece lujas paha** (Š, 3385) “в лесу ругаешься, так это очень плохо”; **čajud d’od da lebaidatei** (Kaleig, 3387) “чаю попьешь да отдохнешь”;

#### Средневепский диалект

**kuna sina sädatoi** (P, СВЯ, с. 539) “куда ты одеваешься”; **mida sina minuha tartuteletoi** (P, СВЯ, с. 562) “что ты ко мне цепляешься”; **kušakouse sina vösttaŋi** (Kuja, 3404) “подпоясешься кушаком”; **vaiše radodki, a sinarebitatoi** (Kuja, 3403) “и работы-то всего ничего, а ты надрываешься”; **nägen, kuna sina peitletei** (Kuja, ОВР, с. 174) “я вижу, куда ты прячешься”; **pezotj, lähtod küubetišpei** (VI, 3404) “намоешься, выйдешь из бани”; **uduu voduu magatta verotj** (VI, 3391) “на Новый год спать укладываешься”; **astud i ristite g’umalan kohtou** (VI, 3391) “идешь и крестишься в святой угол”; **čajud g’öd da lebeidaŋi** (VI, 2290) “чаю попьешь да отдохнешь”; **sina pezetoi** (Šim, Зайцева М.И., 277) “ты умываешься”; **mida ülendeletoi** (Päž) “и что ты зазнаешься”; **jogo vöstatoi** (NÄKM, L, s. 393) “уже подпоясываешься”; **mecas punotoi, punotoi, da pörastud**

(Krb, СВЯ, с. 439) “в лесу бродишь, бродишь (досл. крутишься, крутишься), да заблудишься”; *midä sä leviteletoi* (Jä, СВЯ, с. 286) “и что ты тут бахва-лишься”; *midä čvanitoi*, *ed tule adivoihe* (Jä, СВЯ, с. 66) “что ты зазнаешься, в гости не приходишь”; *vajagou vacou magatha panetei*, *ka mecamehed uniš ozutasei* (Jä, СВЯ, с. 609) “уляжешься спать с пустым животом, так черти во сне привидятся”; *a konz sin’ä ištute sömhä...* (Čikl, NÄKM, s. 476) “а когда ты садишься есть...”; *živat läžub ka mänod tanhale prostiti, joga soumeizehe koverdatji* (Krh, СВЯ, с. 435) “скотина заболевает, так пойдешь во двор, попросишь прощения, в каждый уголок поклонисься”;

#### Южновепский диалект

*upravite*, *a laps’kuluized mišni iknan ā magatas* (Čg, NEV, I, s. 79) “ты возишься по хозяйству, а детки где-то под окном находятся”; *na, basip, söhtta minun kokatit kebmas kädespäi ka aigõn’ spravite* (Čg, NEV, I, s. 34) “на, говорит, поешь калача с моей легкой руки, возможно, поправишься”; *sä jo sile male ladite* (Čg, КСВЯ) “ты уже на тот свет собрался”; *emagõte paremb iče* (Sod, ОВР, с. 224) “управляйся по хозяйству лучше сама”; *midak sä koiverdelete*, *kibištav vödman?* (Vg) “что ты кривишься, поясница болит?”; *ištute stolan taga* (Vg, СВЯ, с. 63) “усядешься за стол”; *sä panete* (Kettunen L., 1943, s. 423) “ты уляжешься”; *mit’ sä sobite* (Pož, Кяхрик А., с. 267) “как ты оденешься”.

Как свидетельствует приведенный выше материал, лично-числовые окончания 2 лица ед. числа отличаются от 1 лица наличием в окончании элемента *-t*. Исследователи рефлексивного спряжения полагают, что и в этом случае, как и в 1 лице ед. числа, названный элемент возник по аналогии с окончанием 2 лица мн. числа основного спряжения (Posti L., 1980, 132-133; Koivisto J., 1990, s. 130). Все остальное развивалось таким же образом, как и в окончании 1 лица ед. числа. В южновепском диалекте также представлена наиболее древняя форма окончания *-te* (*sobite* “(ты) одеваешься”, *ištute* “(ты) садишься”). В северновепском диалекте употребителен вариант *-tei<-toi* (*kumardatei* “(ты) поклонисься”, *laitei* “(ты) ругаешься”). В средневепском диалекте выступает та же оппозиция в вариантах окончаний, что и в 1 лице ед. числа: в западных говорах, а также в говорах Пондалы, Пяозера, Шимозера, входящих в восточные говоры, представлен вариант окончания *-toi* (*tartuteletoi* “(ты) цепляешься”, *ülendeletoi* “(ты) зазнаешься”); в куйско-войлахотских говорах – *-tji, -tj* (*võstatji* “(ты) подпояшешься”, *pezotj* “(ты) умоешься”). К ним примыкает еще говор с. Каргиничи, в котором также осуществилось сужение дифтонга внутри окончания: *prostitji* “ты попросишь прощения”, *koverdatji* “ты наклонишься”. Интересно отметить, что названный населенный пункт находится на противоположном конце средневепского ареала, являясь его самой западной окраиной. Очевидно, стремление к сужению дифтонгов

является достаточно древним общевепским фактом и рефлексы его возникают в самых различных, иногда совершенно не связанных друг с другом регионах. Тем не менее, хочется отметить, что оформленность личностных окончаний 1 и 2 лица ед. числа рефлексивного спряжения вновь поделила восточные говоры средневепского диалекта на две группы, выявив их неоднородность.

В форме 3 лица ед. числа чаще всего функционирует окончание, содержащее звуковой комплекс *-se* и его производные. Проиллюстрируем варианты окончаний по диалектам:

#### Северновепский диалект

*kasuhtet'he toižhe bokha, punoze pertīne* (Št, NÄKM, s. 61) “посмотрели в другую сторону, избушка крутится”; *pühkmīne oigendaze i sid' sōda kaikutušt sijad* (Št, NÄKM, s. 62) “скатерть развернется, и на ней всего много для кушанья”; *sid erased vanhad mehed sündumas sādaze rapikš* (Št, NÄKM, s. 103) “тут некоторые пожилые люди на святки попами наряжались”; *mamm kumardaze hänele d'ougha* (Št, NÄKM, s. 129) “мать ему в ноги поклонится”; *hän siga vertiže i huhtoize* (Št, OBP, c. 146) “оно (белье) там вертится и ополаскивается”; *ii kehta raga, vaise vereteleze* (Š, СВЯ, с. 626) “не хочет работать, увиливает”; *vihm sādaze* (Š, СВЯ, с. 539) “дождь собирается”; *laskeze küzespei* (NVM, s. 177) “опускается он с ели”; *nagriž hauduze* (Toižeg, 3386) “репа парится”; *tuli posadaižhe saldat sabl' bokas i paukteleze päimnehe* (Kask, NÄKM, s. 158) “пришел в деревню солдат, сабля на боку, в пастухи нанимается”; *keradeleze besed* (Kask, 1501) “собирается беседа”; *kuhmlaskeze* (Kaleig, СВЯ, с. 277) “желвак исчезает”; *ajap ka askei lumi kuriže* (Pr, СВЯ, с. 247) “едет, так даже снег клубится”; *hän suurendelege minun päle* (Kl, СВЯ, с. 530) “он сердится на меня”; *durak magadamaspei libub da haikostelege* (Vhk, Vepsa vanasõnad, 1992, lk. 143) “дурак ото сна пробудился да зевает”;

#### Средневепский диалект

*kudan' rodiše* (P, СВЯ, с. 481) “месяц нарождается”; *kaik nahk se svetiše läbi* (P, 3392) “вся шкура просвечивает насквозь”; *hän abidoičese tühg'än* (P, СВЯ, с. 17) “он попусту обижается”; *emag mäh da kumardase* (P, 3389) “хозяйка пойдет да поклонится”; *čibul čibutaso* (P, 3392) “на качели качается”; *kožal'rihm sor'men kaitte kudoso* (P, OBP, с. 135) “шнурок для прялки вяжется шириной с палец”; *kaži kabičesoi* (P, СВЯ, с. 162) “кошка скребется”; *hän ajelose pagastale* (Vl, 3391) “он съездит на погост”; *ištuse ristit raccile* (Vl, 3391) “сядет человек верхом на лошадь”; *lehman surtto aveidase kezapaik, ka voip lehm pästta, päzub henghe* (Vl, КСВЯ) “когда появятся проталины величиной с корову, то можно выпускать корову – прокормится”; *se vitomiše i tegešj maged* (Vl, 2290) “она протомится и делается сладкой”; *se houduse* (Куја, 3389) “она парится”; *tuli bajar', öks*

*pakičese* (Kuja, 3384) “пришел барин, на ночь просится”; *päč tegese hiluzil’* (Kuja, ОВР, с. 182) “печь делается на угольках”; *kudamele pertile hüb’g’ ištuse, se pert’ jäb iżandata* (Šim, КСВЯ) “на который дом филин сядет, тот дом останется без хозяина”; *kuukuin’e tegese muga* (Pec, ОВР, с. 78) “крючок делается так”; *barka laiše* (Pec, ОВР, с. 95) “бабка ругается”; *siloj kala ii lähtoškande i punoškandese ümbri ongiš* (Pec, ОВР, с. 79) “тогда рыба не будет срываться, а закрутится вокруг крючка”; *ižand čududelese* (Pec, СВЯ, с. 64) “хозяин удивляется”; *kaluižennost simaha sidose hangoine* (Pec, Овр, с. 78) “около палки к леске привязывается рогатка”; *havadon su sauptase* (Čikl, NÄKM, s. 476) “устье мешка закроется”; *kukoi sigä ujelese* (Nažam, NÄKM, s. 366) “петух там плавает”; *dumeid’, ka uniš ozutase* (Ladv, СВЯ, с. 169) “думаешь, так во сне приснится (он)”; *saudat magadab, likutelese* (Jä, ОВР, с. 23) “солдат спит, наслаждается”; *kondi jokseb metrad sada da möst seižutase* (Jä, ОВР, с. 11) “медведь отбежит метров на сто да вновь остановится”; *kondi tagas pätiše* (Jä, ОВР, с. 10) “медведь обратно пятится”; *verai iče avaidase i souptase* (Jä, ОВР, с. 10) “дверь сама открывается и закрывается”; *kana kabičesoi mas* (Jä, СВЯ, с. 162) “курица роется в земле”; *toroz hein ištuse satos i traviše* (Krh, СВЯ, с. 151) “сырое сено садится в копне и портится”; *pölvas tegese sel’ged, ni üht hein’äšt* (Krg, ОВР, с. 59) “лен делается чистым, ни одной травинки”;

#### Южновепсский диалект

*hän poreks tegese* (Sod, СВЯ, с. 566) “она молодой становится”; *lava pezese* (Sod, ОВР, с. 220) “пол моется”; *i sirdase redherpä* (Sod, ОВР, с. 216) “и придвинется ближе к саням”; *pert’in’e vert’iše* (Ars, NEV, I, s. 16) “домик крутится”; *koir nirvištelese i urādab* (Ars, СВЯ, с. 143) “собака огрызается и рычит”; *kaik kogho träsiše* (Krl, NEV, I, s. 102) “весь трясется”; *čopādase mez’, kädes pidad* (Krl, СВЯ, с. 63) “окунется человек, за руку держишь”; *heng-se milä löse* (Krl, КСВЯ) “сердце-то у меня бьется”; *rghāne ku kingitazhe, ka nese buč i paigaht’* (Krl, СВЯ, с. 206) “мальчик как поднатужится, так эта бочка и треснула”; *sase aidale kana* (Vg, ОВР, с. 254) “взберется курица на изгородь”; *čugu siga kaivase i oleb* (Vg, СВЯ, с. 168) “поросенок там находится и роется”; *laste pidāse ani čomašti* (Vg, ОВР, с. 251) “щепка держится очень хорошо”; *nese mužik pakičese öks* (Čg, NEV, I, s. 34) “этот мужик на ночь просится”; *Ivan durak sobiše i kengiše vaikne* (Čg, NEV, I, s. 67) “Иван-дурак одевается и обувается молча”; *krincā mamš levitelese* (Čg, NEV, I, s. 56) “на крыльце хозяйка бахвалится”; *potkiše hän siga* (Čg, NEV, I, s. 52) “пинается он там”; *enzne leib da sou, enzne hüvüz’ unohtase vai ei* (Čg, NEV, I, s. 50) “прежние хлеб да соль, прежняя доброта забывается или нет”; *kene värain taga stukičese* (Šid, ОВР, с. 245) “кто-то за дверью стучится”.

Лично-числовое окончание 3 лица является, по мнению исследователей рефлексивного спряжения, одним из трех важнейших элементов,

на которых зиждется вся система рефлексивного спряжения (см. напр. Koivisto J., 1990, s. 168). Языковеды настойчиво связывают названную форму 3 лица и ее окончание с окончанием пассива, в котором также функционирует звуковой комплекс, восходящий по своему происхождению к **\*-sen**. Эту связь на почве вепсского языка показал Л. Кеттунен в своих основополагающих трудах по вепсскому языку: “Историческая фонетика южновепсского диалекта” (Kettunen, 1922, lk. 32–34) и “Синтаксис вепсских диалектов” (Kettunen L., 1943, s. 425), где неоднократно указывал на сходство лично-числовых окончаний рефлексивного спряжения и пассива и на некоторое соприкосновение названных форм в значении. К подобному выводу пришел и исследователь развития и структуры финского языка Л. Хакулинен, который также объединял рефлексивное окончание 3 лица финских возвратных глаголов с окончанием пассива (Hakulinen L., 1979, s. 240). Л. Пости, занимавшийся происхождением рефлексивных лично-числовых окончаний достаточно основательно, полагал, что суффикс **\*-sen**, восходящий к прибалтийско-финско-саамскому периоду и на первых порах употреблявшийся с группой глаголов, по значению близких к рефлексивным, в ряде прибалтийско-финских языков со временем приобрел значение возвратности (Posti L., 1961, s. 364–365). Эта точка зрения впоследствии была поддержана и другими языковедами (см. напр. Suhonen S., 1974, s. 14; Кяхрик А., 1978, с. 272; Koivisto J., 1990, s. 167 и др.). Далее предполагается, что окончанию **\*-sen** предшествовал **\*-k-** – древний показатель презенса. Таким образом, обсуждаемый суффикс мог иметь вид **\*-ksen** (Posti L., 1980, 132). Причем, данный наиболее древний вариант возвратного лично-числового окончания 3 лица **-kse** также имеет место в рефлексивном спряжении вепсского языка. Он встречается в восточных говорах средневепсского диалекта, закрепившись в качестве показателя рефлексивности в форме I инфинитива и II причастия актива, выступая после, соответственно, показателей инфинитива и причастия: *pestakse* “мыться”, *peznukse* “умывшийся”, *sädakse* “одеваться”, *sänukse* “одевшийся”.

Что же касается вепсского варианта обсуждаемого суффикса **-se**, то С. Сухонен настойчиво сравнивает его с русской возвратной частицей **-ся**, усматривая в **-se** результат влияния или даже заимствования из русского языка. Он достаточно подробно проанализировал группы возвратных глаголов по их значениям в том и другом языке, отметил их несомненное сходство, и пришел к выводу, что вепсское лично-числовое окончание 3 лица ед. числа (**-se**, **-s**, **-ze**), отчасти напоминающее русскую возвратную частицу **-ся**, и обязано последней своим происхождением (Suhonen S., 1974, s. 18–26). Думается, что с этим нельзя согласиться. Действительно,

по значению вепиские и русские возвратные глаголы близки; в этом может быть отмечен несомненный элемент русского влияния. Однако почему в этом случае возвратная частица, если она была заимствована, стала окончанием только 3 лица ед. числа, и вепиский язык не пошел по пути русского языка и не ограничился одной названной частицей в передаче возвратности, а создал стройную систему полного возвратного спряжения, идентичную отчасти близко родственным языкам? Кроме того, и здесь нельзя не согласиться с А. Кяхрик, несмотря на известную ассимиляцию вепиского языка русским, в нем нет заимствованных словоизменительных показателей, известны лишь “прежде всего заимствованные основы, которые приспособляются к системе словоизменения заимствующего языка” (Кяхрик А., 1978, с. 272). Поэтому, мы считаем, что и суффикс 3 лица ед. числа имеет то же прибалтийско-финское происхождение, о чем речь шла выше, а уже, в свою очередь, расширение употребления возвратных глаголов в веписком языке произошло под влиянием русского языка.

Отметим, что диалекты вепиского языка, как это явствовало из материала, приведенного выше, располагают более пестрой картиной представительства лично-числового окончания 3 лица ед. числа, нежели суффиксы 1 и 2 лиц. Для южновепиского диалекта, который, как и в других лицах, обладает более древней формой лично-числового окончания 3 лица, характерен вариант *-se*: *tegeše* “делается”, *nirvištelese* “огрызается”. У глаголов, имеющих в презенсе основу на *-i-*, в соответствии с фонетическими особенностями вепиского языка после *-i-* всегда *s>š*. Причем это явление общевепиское и характерно для всех диалектов вепиского языка: *pätiše* “(он) пятится”, *rodīše* “(он) родится”, *kengiše* “(он) обувается”, *sobiše* “(он) одевается”.

В средневеписком диалекте также наиболее употребителен вариант окончания *-se*, после основ на *-i-* — *-še*: *avaidase* “откроется”, *sauprase* “закроется”, *likutelese* “наслаждается”; *šudiše* “чудится”, *kengiše* “обувается”. В восточных говорах средневепиского диалекта, его куйско-войлахотской группе, опять-таки, как и в 1 и 2 лицах ед. числа, зафиксированы варианты окончания с гласным *-i-*, типа *raimendasj* “пасется”, *verosj* “ложится” (ср. *veromj* “(я) улягусь”, *verotj* “(ты) уляжешься”). Очевидно, все-таки для названной группы говоров ранее был свойствен вариант окончания, содержащий, как и окончания 1 и 2 лиц дифтонг *-oi-*. Иначе появление *j* не объяснить, поскольку перехода одиночного *e* в *j* не наблюдается. Названное явление могло происходить лишь в том случае, если *-e-* входил в состав дифтонга на *-i-*. Думается, что здесь мы имеем то же явление, что и в лично-числовых окончаниях 1 и 2 лица, о чем речь была выше. Правда, если для 1 и 2 лиц этот переход (*-oi-*) *-ei > -j* более свершившееся явление,



то для 3 лица он не постоянен, а находится как бы в стадии свободного варьирования; то есть в речи носителей диалекта можно встретить формы как *verosj*, так и *vegose* “уляжется”.

В западных говорах средневепского диалекта в 3 лице ед. числа в качестве лично-числового окончания употребителен звуковой комплекс *-soi*: *pezesoī* “моется”, *avaidasoī* “открывается”. В данном случае, думается, заметно выравнивание окончаний: поскольку в составе лично-числовых окончаний 1 и 2 лица отмечается дифтонг *-oi* (*pezemoī* “(я) моюсь”, *pezetoī* “(ты) моешься”, то он мог по аналогии начать функционировать и в 3 лице.

В северновепском диалекте употребительно лично-числовое окончание *-ze*: *sādaze* “одевается”, *hauduze* “парится”, *paukteleze* “нанимается”, *ajeloze* “ездит (туда и обратно)”. В этом случае в составе окончания налицо озвончение согласного *-s-* и переход его в *-z-*. На данный вариант окончания обратил внимание в свое время еще Сетяля Э. в работе по фонетике прибалтийско-финского языка-основы. Он же утверждал, что северновепский вариант окончания 3 лица ед. числа *-ze* восходит к прибалтийско-финскому *-sen* ~ *-sɛn*, которому предшествовал гласный звук или дифтонг (Setälä E. N., 1899, s. 165). Надо полагать, что это случилось уже после полной ассимиляции признака презенса *-k-* с последующим за ним *-s-* (ср. исторически, как об этом уже упоминалось выше, *\*-ksen*). В интервокальной позиции в северновепском диалекте произошло озвончение первого звука окончания 3 лица ед. числа (*s>z*). Причем, по мнению фонетистов, такой звукопереход скорее всего был возможен вначале в формах императива (напр. *raŋghaze* “пусть он укладывается” < *\*raŋkahasen*: Tunkelo E.A., 1946, s. 105) или III инфинитива (*rapemahaze* “укладываться”), а затем обобщилось. Данное предположение поддерживал и Л. Пости в своем исследовании по проблемам рефлексивных глаголов (Posti L., 1980, s. 133). Отметим, что *-ze* функционирует и в составе лично-числового рефлексивного окончания в людиковском наречии карельского языка, наиболее близком вепскому языку (*hän pezeheze* “он умывается”: Suhonen S., 1977, s. 30). Интересно, что полное соответствие обсуждаемому варианту отмечается и в окончании пассива в одном из диалектов эстонского языка, что, по предположению Тункело, который всегда стремился к обнаружению сходных путей развития и сфер соприкосновения между вепским и эстонским языками, может дать дополнительные сведения по истории данного суффикса в свете предполагаемых контактов (напр. *reGiDaze* “говорят”: Tunkelo E.A., 1946, s. 105).

В северновепском диалекте в составе окончания на месте *-z-* может появляться также *-ž-*. Данное явление происходит в том же случае, когда в средне- и южновепском диалектах мы наблюдаем *-še*, то есть после основ на *-i-*: *kuriže* “курится”, *potkiže* “пинается”.

Кроме того, отметим, что с помощью “Словаря вепского языка”

(Зайцева М.И., Муллонен М.И., 1972, с. 206) в южновепском диалекте в говоре с. Кортлахта нам удалось обнаружить отголоски окончания **-ze**, правда, в несколько ином фонетическом окружении: *prihaine ku kingitazhe, pesce buč i paigaht', vandhed lopsahtiba* “мальчик как поднатужится, так эта бочка и треснула, обручи лопнули”. Данный вариант окончания имеет вид **-zhe**. Подобный показатель свойствен южновепскому диалекту, но он выступает чаще всего как показатель рефлексивной формы I инфинитива, а также рефлексивной формы II причастия: *pestazhe* “умыться”, *peznuzhe* “умывшийся”; *kingitadzhe* “поднатужиться”, *kingitanuzhe* “поднатужившийся”. Очевидно, в данном случае имеет место некоторая аналогия в употреблении названного показателя и в форме 3 лица ед. числа. Своим же происхождением данный вариант **-zhe** обязан контаминации двухлично-числовых окончаний: окончания презенса 3 лица ед. числа **-ze** и окончания имперфекта 3 лица ед. числа **-he**, о котором речь будет идти ниже (см. также Tunlelo E.A., 1946, s. 105).

Хочется указать еще на одно достаточно любопытное явление. В говоре с. Пондала, принадлежащем к восточной группе говоров средневепского диалекта, нередки такого рода примеры, как: *laps' pida-so-b mamas* (СВЯ, с. 413) “ребенок держится за мать”; *hän ajele-se-b migo vot* (СВЯ, с. 26) “он ездит туда и обратно каждый год”; *nesce sijä Saroja kucu-so-b* (СВЯ, с. 236) “это место называется Сароя”; *lunzikaine aja-so-b veresile čapatosile* (СВЯ, с. 26) “костяника разрастается на вырубках”; *niičukaine pane-so-b teramba magattaha* (3391) “девочка быстрее укладывается спать”; *peze-so-b hotkemba da möst tagaze* (3392) “помоется скорее да обратно опять”; *stupin' pleti-še-b kahccas sargaižespäi* (Р, КСВЯ) “ступня плетется из восьми полосок бересты”. В приведенных примерах глагол имеет по два лично-числовых окончания 3 лица ед. числа: первое окончание принадлежит рефлексивному спряжению (**-se-**, **-so-**, **-še**), второе – основному спряжению (**-b**). В этом случае лично-числовое окончание **-se** приобретает значение словообразовательного рефлексивного суффикса, а окончание **-b** указывает на 3 лицо ед. числа, согласуясь с субъектом действия. Вполне очевидно, что в этом случае мы имеем дело с явлением аналогии. Пока трудно судить, насколько глубоко войдет в язык данное явление. Интересно в этой связи упомянуть и другой пример уже из южновепского диалекта, который был приведен в работе Л. Кеттунена: а *ženihuks vou tege-te-t carin tütrele* (Kettunen L., 1943, s. 289) “еще станешь (досл. сделаешься) женихом царской дочери”. Думается, исходя из сравнения с выше приведенными формами 3 лица, что здесь в глагольной форме *tege-te-t* также налицо контаминация из двух окончаний: **-te-** – окончание 2 лица возвратного спряжения + **-t** – окончание 2 лица основного спряжения. В свое время названный единственный пример послужил

основанием для предположения, что в южновепском диалекте, возможно, раньше существовала иная парадигма возвратного спряжения, в которой наличествовал единственный показатель возвратного спряжения и функционировали те же самые лично-числовые окончания, которые имеют место в основном спряжении (Кяхрик А., 1978, с. 274). Однако, увязывая данный пример с обнаруженными нами образцами употребления двух лично-числовых окончаний в 3 лице ед. числа, можно утверждать, что и в данном случае не что иное, как употребление двух окончаний одновременно. Подобные явления в грамматике вепского языка не единичны. Их можно обнаружить как в системе словоизменения имен (напр. *hän-da-s-ta-ze* – партитив от местоимения *hän* “он, она” – обладает в одной форме двумя вариантами окончания партитива: **-da-** и **-ta-**, а также двумя вариантами посессивного суффикса 3 лица ед. числа: **-s-** и **-ze**), так и глаголов (напр. *pani-he-z* – 3 лицо ед. числа имперфекта рефлексивного спряжения, о котором речь еще пойдет ниже, от глагола *pandas* “укладываться, ложиться” в этом случае обладает также двумя вариантами лично-числового окончания: **-he-** – окончание 3 лица ед. числа имперфекта и **-s** – сокращенный вариант окончания 3 лица ед. числа рефлексивного спряжения презенса).

В отрицательном возвратном спряжении при построении лично-числовых форм употребляется тот же отрицательный глагол, который имеет место и в парадигме основного спряжения. Важно подчеркнуть, что формы отрицательного глагола обладают идентичными лично-числовыми окончаниями, которые выступают и в основном спряжении (напр. *en peste* “(я) не моюсь”; *ed peste* “(ты) не моешься”; *ei peste* “(он) не моется”). Основная же нагрузка в передаче значения рефлексивности в отрицательной конструкции перемещается с лично-числового показателя, который по логике вещей должен бы быть частью формы отрицательного глагола, на смысловой глагол, который, например, в основном спряжении в ед. числе выступает в форме чистой гласной основы (ср. напр. основное спряжение: *tulen* “(я) приду” ~ *en tule* “(я) не приду”). Смысловой же глагол в отрицательной рефлексивной конструкции имеет в своем составе показатель **-te**, **-de** (*en ište* “(я) не усядусь”, *ed pande* “(ты) не уляжешься”). Появившаяся таким образом форма совпадает с формой рефлексивного императива 2 лица ед. числа (*ište* “садись!”, *pande* “ложись!”), о которой мы будем говорить ниже. Из внешнего облика показанных глаголов явствует, что речь идет, несомненно, об одной и той же форме. Если же обратимся к основному и рефлексивному спряжениям одновременно и сравним построение обсуждаемых форм, то заметим в них явную аналогию. Как мы это уже наблюдали ранее, смысловой глагол в отрицательных конструкциях презенса индикатива ед. числа основного спряжения имеет ту же форму, что и 2 лицо ед. числа императива: *en tule*

“(я) не приду”, ед **pane** “(ты) не кладешь”, ед **magada** “(он) не спит” – **tule** “приди!”, **pane** “клади!”, **magada** “спи!”. В возвратном спряжении также наблюдается *едина* форма смыслового глагола для отрицательных форм ед. числа и 2 лица ед. числа императива, обладающая показателем **-te, -de**. Названная форма до сих пор представляет собой в известной степени некоторую загадку. Так, в одной из работ по проблеме передачи значения возвратности в прибалтийско-финских языках ее автор Й. Койвисто пишет: “Трудность вопроса заключается в том, почему именно *императив* и *отрицательный презент с суффиксом \*-de* и только эти формы объединились в рефлексивный тип спряжения”. Далее он продолжает: “Рефлексивные окончания и суффикс *\*-de* объединились в элементарную систему, которая стала в свое время основой для всего рефлексивного спряжения” (Koivisto J., 1990, s. 168, 169). Таково, по мнению Койвисто – и с этим нельзя не согласиться – ключевое положение данного форманта в системе рефлексивного спряжения.

Что же стало основой для происхождения форманта, который на почве вепсского языка имеет вид **-te, -de**? Одним из первых занялся данным вопросом специалист по исторической фонетике вепсского языка Э.А. Тункело. Прежде всего, по его мнению, обсуждаемая форма вначале возникла в форме императива, а уже потом стала достоянием и отрицательного спряжения. В одной из своих статей, которая стала, по мнению лингвистов, основополагающей в изучении проблем передачи рефлексивности, еще в 1924 году он предположил, что вепсский вариант суффикса **-te ~ -de** достаточно древен: он восходит к периоду прибалтийско-финского языка-основы и, более того, имеет соответствие даже в саамском языке (см. об этом Tunkelo E.A., 1924, s. 381). Далее, в качестве рабочей гипотезы Э.А. Тункело высказал предположение о том, что элемент **-t-** в составе показателя **-te** идентичен **-t-**, который имел место в местоимении 2 лица или возникшем из него посессивном суффиксе 2 лица (*sinä* “ты” < \**tinä*). Названная связь поддерживается еще и тем, что обсуждаемая форма смыслового глагола употребляется именно во 2 лице императива, ср. вепсск. *ište* “садись”, *rande* “ложись, укладывайся”. Причем, первой ступенью в происхождении форманта **-te ~ -de** могла стать следующая: \**pesekte* “умой себя”, где *pese-* – лексическая основа глагола, **-k-** – древний показатель императива, **-te** – посессивный суффикс, возникший из личного местоимения. Затем произошел ассимилятивный переход **kt > tt**, откуда один **-t-** выпал (Tunkelo E.A., 1946, s.145). Впоследствии признак императива **-k-**, который оказался ассимилированным, вновь появился, но уже в положении в конце данной формы: \**peseĭtek!* “умойся!”. Далее, по мнению Тункело, могло произойти параллельное развитие. Формула соотношения в основном спряжении: \**pesek* “мой!” (императив 2 лица ед. числа) ~ *et \*pesek* “(ты) не моешь” (отрицательная форма презенса

индикатива), стала прототипом аналогии и примером уже для *рефлективного* спряжения: \*peseŋtek “умывайся” – \*em (<en), et, epi \*peseŋtek “я (ты, он) не умываюсь (умываешься, умывается)” (Tunkelo E.A., 1924, s. 382).

Изложенное объяснение не единственное. Существует точка зрения, что формант *-te* – не что иное, как словообразовательный суффикс с возвратно-транслативным значением (напр. вепсск. *lankten* “(я) упаду” < \*lankeđen; *houkten* “(я) расколжусь” < \*halkeđen: Posti L., 1980, p. 117; см. также Laanest A., 1975, lk. 187), который “под влиянием аналогии с производными на *-te* функционировал уже в форме отрицания 3 лица ед. числа повелительного наклонения” (Кяхрик А., 1978, с. 274), а затем распространился и на отрицательные формы презенса индикатива возвратного спряжения, таким образом, возникнув сперва в отрицательных формах. С нею отчасти согласен исследователь передачи способов возвратности в диалектах финского языка Й. Койвисто, который пишет, что было бы разумнее предполагать, что – форма на \**-de* вначале выступала как отрицательный коррелят возвратных глаголов типа \**pistäksen* “уколоться”, а уже потом стала выполнять и функцию императива (Koivisto J., 1990, s. 168).

Трудно что-либо добавить в изложенные гипотезы, пользуясь данными только вепсского языка. Можно лишь сказать, что поскольку мы усматривали и ранее, например, при объяснении происхождения элемента *-m* в лично-числовом окончании 1 лица ед. числа влияние посессивных суффиксов на формирование системы рефлексивных лично-числовых окончаний, то можно бы и в последнем случае опираться на объяснение Э.А. Тункело. Более того, логичнее было бы предполагать, что возникает вначале положительная форма, а уже за тем, когда есть что отрицать, появляется и конструкция для отрицания. Тем не менее, и вторая точка зрения не лишена логики и достаточно стройно вписывается и в вепсский материал.

Таким образом, отрицательные формы ед. числа возвратного спряжения строятся посредством отрицательного глагола, имеющего те же самые окончания, что и основное спряжение, и формы смыслового глагола, обладающей формантом *-te*, *-de*. Встает еще один непростой вопрос: чем является данный формант с точки зрения синхронного состояния вепсского языка? Считать ли его показателем формы, возведя в ранг лично-числового окончания, либо отнести к основе, или и ни туда, и ни сюда? А. Кяхрик так и сделала, утверждая, что “суффикс... по своей позиции не является ни словоизменительным, ни словообразовательным” (Кяхрик А., 1978, с. 268). Действительно, его сложно считать окончанием. По аналогии с основным спряжением, в котором в отрицательных конструкциях ед. числа презенса выступает чистая лексическая основа слова без всяких показателей, поскольку последние перешли к отрицательному глаголу, хотелось бы и в этом случае не иметь окончаний, чтобы не нарушать общую теорию

прибалтийско-финского языкознания. Ведь в рефлексивном спряжении отрицательный глагол уже обладает лично-числовыми окончаниями, общими с основным спряжением. Тем не менее, в отрицательных формах рефлексивного спряжения основной глагол имеет формант, который выступает только в нем и не считается с этим нельзя. Мы будем включать формант **-te, -de** в основу слова, признавая за ним статус показателя рефлексивной основы глагола отрицательного спряжения и императива и приравнивая в некоторой степени его к словообразовательному суффиксу. К подобному решению вопроса мы пришли и при анализе формы 3 лица мн. числа презенса и имперфекта индикатива, когда в пассивных по происхождению формах, ставших активными, мы бывший показатель пассива посчитали также показателем основы названных форм.

Таким образом, вся смысловая нагрузка в передаче значения рефлексивности в отрицательных формах покоится именно на форме смыслового глагола, основа которого отличается от лексической основы глаголов основного спряжения. Лично-числовые же окончания отрицательного глагола в этом случае не имеют значения рефлексивности; и они те же самые, что и в основном спряжении. Исходя из этого, следует признать, что здесь в вепском языке наблюдается отступление от идеи рефлексивного спряжения: при спряжении значение рефлексивности должно быть сосредоточено только в лично-числовых окончаниях; в данном же случае имеет место показатель, который находится в основе глагола.

Отрицательные конструкции рефлексивного спряжения в диалектах вепского языка выглядят следующим образом:

#### Северновецкий диалект

*mä en katkoide* (Pr, Kettunen L., 1943, s. 430) “я не переломлюсь”; *mida vei ed sobde* (Št, 3387) “что ты не одеваешься”; *ii nimida tehte* (Št, 3384) “ничего не случится”; *ed kumarte*, *ka mä siitpäi* (Št, 3384) “не кланяешься, так уходи отсюда”; *säkijas se ed pidade*, *a smetid* (Kaleig, 3388) “за любое не держишься, а смекаешь”; *barko nese ii laide*, *a tuga kaccub* (Kaleig, 3387) “эта бабка не ругается, а так смотрит”; *veddab kodimaha*, *ka ed upr'amde*, *astud* (Šokš, 3386) “тянет на родину, так не противишься, идешь”; *vihm ii säteki* (Šokš, 3385) “дождь и не собирается”; *nagriž midase ii houtte*, *kac* (Toižeg, 3386) “смотри-ка, репа что-то не парится”; *ii verde niičukaine magattaha*, *midase varastab* (Toižeg, 3388) “не ложится девочка спать, чего-то ждет”; *nügud hän ii ozutade d'o uniš-ki* (Kaleig, 3387) “теперь она и во сне не показывается”;

#### Средневецкий диалект

*mina en vastoide* (P, 33939) “я не парюсь веником”; *ii ištte parz' pardho*, *samaut ii kingita* (P, СВЯ, с. 151) “не садится бревно на бревно и мха не придавливает”; *vezi ii pidade seglas* (P, СВЯ, с. 413) “вода в решете не держится”; *hän tuskale ii antto* (Pnd, СВЯ, с. 3) “она тоске не поддавалась”;

*hän ii katkoide rados* (Pnd, СВЯ, с. 187) “он на работе не переломится”; *ed tuskičeškatoki enamba* (Kuja, 3403) “больше и не станешь тосковать (досл. “не стоскуешься»); *en verdo verhalo sijälo* (VI, 3393) “я не ложусь на чужое место”; *et küüpto*, *ka ala telusta toizile* (VI) “не купаешься, так не мешай другим”; *mižo, čigan, ed ištte sōmha* (Šim, NÄKM, s. 268) “что же, цыган, не садишься есть”; *kažin künzeiduz ii sproude hätken* (Jä, СВЯ, с. 257) “царапина от кошки долго не поправляется”; *mat ii laide* (Pec) “мать не ругается”; *en čvande*, *a muite en tahtoi söda* (L) “я не зазнаюсь, просто не хочу есть”; *en päl’de mä nikuna* (Vil) “не лезу я никуда”; *su tämbäi ii avaiite* (Vil) “сегодня рот не открывается”;

#### Южновепский диалект

*kondi ī krätääde* (Krl, NEV, I, s. 98) “медведь и не шевелится”; *kondi ī krände-gi* (Krl, NEV, I, s. 99) “медведь и не шелохнется”; *ed muga ištude, ištte muga* (Krl, NEV, I, s. 115) “не так садишься, сядь так”; *magadab keskō ted rebāne, uk mujel’, ka hän ī krätaide* (Čg, СВЯ, с. 235) “лежит посреди дороги лиса, старик потрогал, так она не шевелится”; *hän ī siizutade* (Sod) “он не останавливается”; *ī pande nikut, ī sorte* (Sod, ОВР, с. 210) “никак не ложится, не падает”; *vel’ ī kaite nimidä* (Sod) “брат несколько не бережется”; *en levitelde mä, väzund olen* (Vg) “я не распоряжаюсь, просто устала”.

Как показывает иллюстративный материал, обсуждаемый показатель основы глаголов в рефлексивном спряжении **-te**, **-de** присоединяется к согласной основе двухосновных глаголов: при этом если согласная основа оканчивается на звонкий согласный, то к ней присоединяется вариант показателя **-de**, если глухой – **-te**: *en ran-de* “(я) не улягусь”, *ei ver-de* “(он) не укладывается”, *en čvan-de* “(я) не чванюсь”, *ei mun-de* “(она) не несется”, *en tartutel-de* “(я) не пристаю”, *en noletel-de* “(я) не облизываюсь”, *en sob-de* “(я) не одеваюсь”, *en pes-te* “(я) не умываюсь”, *en kenk-te* “(я) не обуваюсь”, *en širt-te* “(я) не подвинусь”, *en išt-te* “(я) не усядусь”. В случае, если основа обладает, кроме согласной двумя гласными основами, то и здесь показатель присоединяется к согласной основе; однако, в подобных глаголах, как свидетельствует анализ, всегда выступает показатель **-te** независимо от качества конечного согласного основы: *en kumar-te* “(я) не поклонюсь”, *ei amul-te* “не черпается”. Отметим, что в названных глаголах показатель **-te** может присоединяться и к краткой гласной основе глагола, причем именно этот способ образования основы получает все большее распространение: *en kä-te* “(я) не повернусь”, *en le-te* “(я) не поднимусь”, *en sä-te* “(я) не оденусь”, *ei ra-te* “не работается”. Когда глагол одноосновен, но обладает двумя вариантами гласных основ, то и в этом случае вместе с краткой гласной основой употребителен вариант **-te**: *en lükäi-te* “(я) не брошусь”, *ed čokai-te* “(ты) не сунешься”, *ei raime-te* “(он) не пасется”, *en rupou-te* “(я) не кручусь”, *en ču-te* “(я) не брошусь”, *ei avai-te* “(он) не

открывается”. В обычных одноосновных глаголах показатель основы рефлексивного спряжения всегда **-de**; он присоединяется к конечному гласному основы, не вызывая никаких изменений: en veda-**de** “(я) не тащусь”, ed jaga-**de** “(ты) не делишься”, ei elä-**de** “не живется”, ei sido-**de** “(он) не привязывается”; en manita-**de** “(я) не обманываюсь”; en seižuta-**de** “(я) не остановлюсь”, en ištuta-**de** “(я) не усядусь”.

## МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Многие говоры в рефлексивном спряжении не обладают отличием в лично-числовых окончаниях между ед. и мн. числами. Но в ряде говоров оно налицо, поэтому будем говорить о мн. числе рефлексивного спряжения отдельно. Покажем вначале употребление форм мн. числа в диалектах вепского языка:

### Северновеппский диалект

mõ teravas *vasttamei* sinunke (Št, 3386) “мы скоро с тобой встретимся”; mõ *perdamei* mecaspei mõha (Št, 3386) “мы поздно вернемся из лесу”; tatad da dādād vin d’odaze mugažno, *mjigišteleze* (Št, NÄKM, s. 130) “отцы да дядя пьют вино тоже, морщатся”; hõ *kumardaze* d’augha hänele (Št, NÄKM, s. 131) “они поклонятся ему в ноги”; nu, küläks *sõtei* (Kask, 3387) “ну, досыта (вы) наедитесь”; lehmad *potkiše* (Kask, 3387) “коровы лягаются”; hõ ved *zдорofkaiže* miideke (Matvejansel’g, 3388) “они ведь с нами здороваются”; nene lapsed *abideičeze* tiiden päle (Š, 3384) “эти дети обижаются на вас”; *perdaze* kaik posadaha (Š, 3384) “все возвращаются в деревню”;

### Средневеппский диалект

kül’betiš rozvodim vet lämāšt da *valamoiš* hüväšti (P, СВЯ, с. 610) “в бане разведем теплой воды да обольемся хорошенько”; *rädimoiš*, *rädimoiš* i *ladimoiš* (P, СВЯ, с. 279) “рядимся, рядимся да наладимся”; poig da mil’l’kahten *adivoičesoiš* (P, СВЯ, с. 19) “сын и невестка вдвоем гостят”; hõ minun päle *kaivasoiš* (P, СВЯ, с. 168) “они под меня подкапываются”; *panesoiš* magatta (P, 3397) “(они) улягутся спать”; mō keik *ajelomj* ühtüu meluu (VI, 2291) “мы все ездим на одном весле”; kaikiš derüunišpei tänna *kogodamj* (VI, 3391) “со всех деревень сюда соберемся”; hõ paksus *ajelosj* kodihe (VI) “они часто ездят домой”; mō *t’öubemj* da *pezomj* (Kuja, 3402) “мы искупаемся и помоемся”; tege minin’ perinaine i *panemoiš* magattaha (Šim, NÄKM, 249) “сделай мне перинку и уляжемся спать”; nakkou *paimendasoi* härgad (Šim, NÄKM, s. 267) “там пасутся быки”; (hõ) *pezesoi* (Šim, Зайцева М.И, 1981, с. 276) “(они) моются”; pestes alaized *vanusoi* (Päž, СВЯ, с. 613) “при стирке рукавички скатываются”; päliči vodes *samoiš* kodihe (Pec, СВЯ, с. 493) “через год домой доберемся”; *kogodaškandesoi* i *keradaškandesoi*



podružnakaižed surhe vatagaha (Pec, ОВР, с. 102) “станут собираться и снаряжаться подружки в большие артели”; mecnikad mändas neche pertiižehe i ištusoiš (Jä, ОВР, с. 9) “охотники пойдут в этот домик и усядутся”; ezmäi dogovorišoiš nel’l’an-viden mecnikad (Jä, ОВР, с. 10) “вначале договариваются четверо-пятеро охотников”; kenenni gomn’aha zaidimei da kengimoiš (ViI, СВЯ, с. 194) “на чье-либо гумно зайдем да обуемся”; lapsed kül’besoiš (ViI, СВЯ, с. 256) “дети купаются”; mii pezemoiš, tii pezetoiš (Šugarv) “мы умоемся, вы умоетесь”; Darja da Marja kacusoi, a tervehtadas i voigoi (Krb, Kettunen L., 1943, s. 432) “Дарья да Марья пересматриваются, а поцеловаться не могут”;

#### Южновепский диалект

mö jäl’ghe tacimō (Krl, NEV, I, s. 99) “мы вслед бросаемся”; davai borimō (Vg, СВЯ, с. 47) “давай поборемся”; sid mö jagamō (Sod, СВЯ, с. 940) “здесь мы разделимся”; udet särähaugod tarbiš tedustada, vōlak särgešō (Čg, Kettunen L., 1943, s. 429) “новые поленья для лучины, надо разузнать: можно ли их щепать еще или нет”; rahvas divuidelesō (Čg, NEV, I, s. 55) “народ удивляется”; mösten hō ladlesō svad’bad nähmha (Čg, NEV, I, s. 69) “опять они собираются свадьбу посмотреть”; a rahvas kaik polō poletelesō (Čg, NEV, I, s. 71) “а люди все толпятся в стороне”; avaidasō kaik radžed (Čg, NEV, I, s. 78) “откроются все работушки”; kalikod keradasō svad’bha (Mg, Krl, Кяхрик А., 1978, с. 267) “странники соберутся на свадьбу”; toižed koirad tacišō (Krl, NEV, I, s. 99) “другие собаки бросятся”; pangatō kravatile ühtes (Mg) “укладывайтесь на кровать вместе”; sagatō kodihe heredemba (Sod) “добирайтесь быстрее до дома”.

Из приведенного материала и наших наблюдений следует, что в северновепском диалекте в возвратном спряжении в глаголе нет различий по линии ед. и мн. чисел ни в одном из лиц, и лишь контекст показывает нам, о чем идет речь, ср.: mina sötamei “я кормлюсь” ~ mö vasttamei “мы встретимся”; sina kumardatei “ты поклонисься” ~ tö sōtei “вы наеди-тесь”; hän potkiže “он пинается” ~ hō abideičeze “они обижаются”.

Из говоров средневепского диалекта такое же положение вещей в восточных куйско-войлахотских говорах: mina ristimj “я крещусь” ~ mö ajelomj “мы направляемся (досл. “съездим и вернемся”); sina pezotj “ты моешься” ~ tö kogodatj “вы собираетесь”; hän sädasj “он одевается” ~ hō valasj “они обливаются”. В северновепском диалекте и куйско-войлахотских говорах произошел один и тот же процесс сужения дифтонга в составе лично-числового окончания. В северновепском диалекте --moi > mei, toi > tei. В куйско-войлахотских же говорах названный процесс пошел еще дальше, превратив дифтонг в составе лично-числового окончания в монофтонг, напоминающий по своему произношению русское **ы**: moi > mei > mj, toi > tei > tj. В куйском говоре можно встретить редкие формы с лично-числовым окончанием -me, -te (paneme “(я) укладываюсь; (мы) укладываемся”, sōme “(я)

наемся; (мы) наедемся”; *panete* “(ты) укладываешься; (вы) укладываетесь”, *söite* “(ты) наешься; (вы) наедитесь”), в котором дифтонг в составе окончания утратил конечный компонент *-i*. Явление свойственно и ед. и мн. числам.

В пондальско-пязозерско-шимозерском кусте восточновепских говоров средневепского диалекта, а также в западных его говорах между лично-числовыми окончаниями ед. и мн. чисел в рефлексивном спряжении наблюдается разница: во мн. числе в конце лично-числовых окончаний 1 и 2 лиц, как показывают иллюстрации, появляется элемент *-š*: *panemoiš* “(мы) укладываемся”, *panetoiš* “(вы) укладываетесь”, *sädamoiš* “(мы) одеваемся”; *sädatoiš* “(вы) одеваетесь”. Правда, данное явление не всегда закономерно для 3 лица, в котором может выступать тот же вариант окончания, что и в ед. числе, то есть употребляются параллельные формы *sädasoiš* “(они) оденутся”, *pördasoiš* “(они) вернуться” и *sädasoī, pördasoī*. Тем не менее, мы заметили в названных говорах стремление выстроить полную парадигму мн. числа, отличающую от ед. числа.

Историки языка полагают, что элемент *-š* в лично-числовых окончаниях мн. числа *-moiš, -toiš, -soiš* – это не что иное, как окончание 3 лица *-se(n)*, о котором речь шла выше в связи с 3 лицом ед. числа (*-se < -sen*: *pezeze* “(он) моется” *< \*peseksen*; см. Posti L., 1980, s. 133) и в котором *s > š* в позиции после *-i* (см. Posti L., 1980, s. 133). По мнению Э. А. Тункело, данные варианты лично-числовых окончаний с *-š* на конце – явление не общевепское; оно возникло после формирования основных диалектных особенностей и является принадлежностью средневепского диалекта. В нем, по мнению Тункело, можно усматривать ливвиковско-карельское влияние, поскольку вепские формы на *-moiš, -toiš* идентичны карельским типа *kačommokseh* “(мы) оглядываемся”, *kačottokseh* “(вы) оглядываетесь” (Tunkelo E.A., 1946, s. 101). Кроме того, хочется отметить, что более полный вариант окончаний мн. числа был отмечен в работах XIX века, например, у Х. Хунвалви: *andamoī* “(я) дамся”, но *andamoisei* “(мы) дадимся”, *andatoī* “(ты) дашься”, но *andatoisei* “(вы) дадитесь” (Ujfalvy Ch.E., 1875, s. 36). Здесь как раз налицо лично-числовое окончание 3 лица *-sei*, из состава которого с течением времени исчез конечный дифтонг. Таким образом, элемент *-š* в лично-числовых окончаниях мн. числа *-moiš, -toiš, -soiš* – явление позднего порядка, обязанное в своем происхождении наслоению лично-числовых окончаний, что имело место в истории вепского языка неоднократно. В свою же очередь, его постоянное употребление при всех окончаниях мн. числа, думается, следует признать русским влиянием: билингвы, каковыми являются вепсы, пытаются найти постоянный показатель рефлексивности, аналогичный русской частице *-ся*.

В южновепском диалекте подобного наслоения не произошло; тем не менее, в нем имеется различие по линии ед. и мн. чисел. Различие

сосредоточено в качестве гласного в составе окончания: в ед. числе – *e* (*sādase* “(он) одевается”), во мн. – *-ō* (*sādasō* “(они) одеваются”). Долгий гласный в лично-числовом окончании мн. числа свидетельствует о том, что на его месте ранее существовал дифтонг на *-i*, который в южно-вепском диалекте монофтонгизировался, превратившись в долгий гласный вторичного происхождения, как и во многих иных случаях (см. напр. Kettunen L., II, 1922, lk. 57–64).

Отрицательные формы мн. числа в рефлексивном спряжении строятся также с помощью отрицательного глагола, обладающего лично-числовыми окончаниями, совпадающими с лично-числовыми окончаниями основного спряжения. Форма же смыслового глагола в отрицательной конструкции мн. числа в диалектах вепского языка двояка:

1) в одних говорах употребительна та же самая форма смыслового глагола с *-te* ~ *-de* на конце, о которой шла речь в ед. числе (*ema pande* “(мы) не укладываемся”, *emei ište* “(мы) не садимся”). В этом случае налицо та же самая обособленность рефлексивных форм, которая является исконно вепским наследием;

2) в других говорах предпочтение отдается форме, которая выступает и в отрицательных формах мн. числа основного спряжения и обладает специфическим вепским элементом отрицательных форм основного спряжения *-koi*, *-goi*. В качестве отличительного признака между возвратным и основным спряжениями в этом случае выступает во всех лицах лишь элемент *-š*, который располагается после показателя отрицательной основы *-koi*, *-goi*: *em rangoi-š* “(мы) не укладываемся”, *em išt'koi-š* “(мы) не садимся”. Он является ничем иным, как тем же *-š*, который встречается и в лично-числовых окончаниях положительных форм мн. числа *-moiš*, *-toiš*, превратившимся в данном случае в постоянный показатель рефлексивной основы. Несмотря на то, что элемент *-š* имеет сам по себе прибалтийско-финское происхождение, в постоянном его фигурировании можно наблюдать явное влияние русского языка, которое отмечал С. Сухонен в работе 1974 года (см. Suhonen S., 1974, s. 19–26) и которое сказывается в параллельности и в аналогии построения форм. Действительно, средневепский диалект здесь пошел по пути наращивания к форме смыслового глагола лишь одной и той же, пользуясь русской терминологией, “частицы” *-š*, которая, как и частица *-ся*, одна указывает на возвратность во всех формах мн. числа. Насколько данное явление укоренится в грамматике рефлексивного спряжения в дальнейшем, трудно сказать. Сейчас же оно достаточно употребительно в западных говорах средневепского диалекта и повсеместно в северновепском диалекте, который имеет некоторую модификацию в образовании формы.

Проиллюстрируем употребление отрицательных форм возвратного спряжения в южно- и средневепском диалектах:

### Южновепский диалект

*emae ištte* (Sod) “(мы) не садимся”; *ka ved emā pande nāl'gā* (Sod) “так ведь спать голодными не уляжемся”; *emā gonde dengōš* (Sod) “мы не гонимся за деньгами”; *etā mol'de, ka teiden rad* (Krl) “не молитесь, так ваше дело”; *mi lehmīd netī paimnō kargātas, ebad sötōde* (Čg, NEV, I, s. 41) “сколько коров у этого пастуха просто так бегают, не кормятся”; *ka eba antte kulikod trogaida* (Vg, Кяхрик, 1978, с. 268) “ряженные не даются, чтобы к ним прикоснулись”;

### Средневепский диалект

*ked ii želaigoi, ka ii prostte* (P, 3393) “кто не желает, так не прощаются”; *em opete muga edahan mō* (P, 3400) “мы так далеко не учимся”; *mužikad nikut ei kaseide* (Vl, 3401) “мужчины никак не касаются”; *nügüd' hō g'o ii čutte tagazo* (Vl, 3404) “теперь они уже обратно не бросятся”; *mii emai peste* “мы не моемся”, *tii etai peste* “вы не моетесь”, *hii eba peste* “они не моются” (Šugar’); *nügüd' (kurged) uitte ii* (Jä, OBP, с. 18) “теперь журавли никуда не денутся”.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, южновепский диалект и часть говоров средневепского диалекта, где при построении отрицательной формы мн. числа употребляется особая форма смыслового глагола на *-te, -de*, в которой и кроется значение возвратности, стоят на более древней, более исконной ступени образования обсуждаемых форм. Различие форм ед. и мн. чисел воплощается в этом случае в лично-числовых окончаниях: в отрицательном глаголе выступают лично-числовые окончания мн. числа; данные окончания те же самые, что и в основном спряжении мн. числа: *emā gonde* “мы не гонимся”, *etā mol'de* “вы не молитесь”, *eba sötōde* “они не кормятся”. Подобное построение отрицательной формы мн. числа свойственно и некоторым восточным говорам средневепского диалекта: *emai pestte* “(мы) не моемся”, *etai pestte* “(вы) не моетесь”, *ii prostte* “(они) не прощаются”, *eba uitte* “(они) не скрываются” (Šugarv).

В западных говорах средневепского диалекта заметна тенденция на построение отрицательной рефлексивной формы мн. числа полностью параллельной основному спряжению; различие форм заключено в возвратном элементе *-š*, который употребляется в конце формы смыслового глагола: *em peskoiš* “мы не моемся” (ср. *em peskoi* “мы не моем”), *et pangoiš* “вы не укладываетесь” (ср. *et pangoi* “вы не кладете”), *ei säkoiš* “они не одеваются” (ср. *ei säkoi* “они не одевают”):

### Средневепский диалект

*emei tehkoiš, pidagoiš* (Šim, Зайцева М.И., 1981, с. 279) “(мы) не делаемся, не держимся”; *emei säkoiš* “(мы) не одеваемся”, *etei säkoiš* “(вы) не одеваетесь”, *ii säkoiš* “(они) не одеваются” (L); *ii pangoiš magadamha lapsed* (L)

“дети не ложатся спать”; *emei peskoiš ičemoi kül’betiš*, *kävum orpšestvennijas* (Vingl) “мы не моемся в своей бане, ходим в общественную”.

#### Северновеппский диалект

*mö d’o hätken em peskjiže*, *em vastoigjiže ičemj kil’betižes* (Št, 3387) “мы уже давно не моемся и не паримся в своей баньке”; *prihad ii kerikjiže* (Št, 3387) “парни не стригутся”; *mida tö et säkeiže*, *se aig mända* (Kask, 3389) “что вы не одеваетесь, пора идти”; *mikš tö et peitkoiže*, *vákat lapsteke* (Kask, 3389) “почему вы не прячетесь, играйте с детьми”; *mö iče em val’l’astagjiže regehe* (Š, 3387) “мы сами в сани не запряжемся”; *em sopkjiže amu d’o ningimihe sädoihe* (Kaleig, 3385) “в такую одежду мы давно не одеваемся”; *mö em opekeiže* (Posti L., 1948, s.118) “мы не учимся”.

Северновеппский диалект, обладая аналогичной средневеппскому диалекту отрицательной формой, как явствует из примеров, имеет некоторую модификацию. Она заключается в элементе *-že* вместо *-š*, который, как мы видели, употребителен в средневеппском диалекте. Объяснение названной инновации несложное: в северновеппском диалекте, как на это указывалось в ед. числе, в качестве окончания 3 лица выступает *-ze*, *-že*: *hån pezeze*, *lūbuze*, *koziže* “он моется, поднимается, сватается”, где вариант *-že* в ед. числе употребителен после основ на *-i*. Во мн. же числе в смысловом глаголе всегда на конце формы имеется *-i*, поскольку, как мы отмечали, форма глагола та же самая, что и в основном отрицательном спряжении, т.е. оканчивается на формант *-koi*, *-goi*, поэтому переход *z>ž* после *-i* регулярен. На почве северновеппского диалекта произошло и некоторое стяжение дифтонга: *koi>kji*, *-goi>gji*. В этой форме он всегда и представлен в отрицательном спряжении мн. числа; за ним следует во всех лично-числовых окончаниях один и тот же формант *-že*, образовав, таким образом, соединение *-kjiže*, *-gjiže*.

Таким образом, в отрицательных формах мн. числа в диалектах веппского языка наметилась некая двойственность. С одной стороны, форма образуется тем же способом, как и в ед. числе, обладая особенностью в построении формы смыслового глагола относительно основного спряжения: *emā ištte* “мы не усядемся” (ср. *en ištte* “я не усядусь”), *etā ištte* “вы не усядетесь” (ср. *et (ed) ištte* “ты не усядешься”). С другой стороны, наметилась тенденция, как и в русском языке, на употребление одного и того же показателя во всех лично-числовых формах мн. числа: *em ištkiže* “мы не усядемся”, *et ištkiže* “вы не усядетесь”, *ii ištkiže* “они не усядутся”. Причем в данном случае заметна близость между западными говорами средневеппского диалекта и северновеппским диалектом. Между тем, и в южновеппском диалекте, являющемся своеобразным хранителем более древней формы, нами обнаружен один случай построения отрицательной формы мн. числа, сходной с северно- и западновеппской: *etā*

raffikš *ajatō*, *tapatō* (Vg, СВЯ, с. 21) “не по-людски носитесь, ушибетесь”. Правда, здесь заметна калька с русского языка. Отрицается не действие, а его определение, то есть указывается, как носятся (бегают). Но, тем не менее, случайный ли это пример, или наметившаяся тенденция, покажет будущее. Принимая во внимание все более усиливающееся проникновение русского языка во все сферы жизни вепсов, и его влияние, в том числе, и на внутреннюю структуру вепского языка, можно ожидать расширения употребления именно последней формы.

## ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

### ПРЕЗЕНС

Презенс в рефлексивном спряжении, равно как и в основном спряжении, не имеет какого-либо особого показателя, то есть он также не маркирован или другими словами обладает нулевой морфемой. Он воплощается в системе лично-числовых рефлексивных форм, которые нами были раскрыты выше.

### ИМПЕРФЕКТ

Форма имперфекта ед. числа рефлексивного спряжения глаголов обладает идентичной системой лично-числовых окончаний, которая имеется в презенсе за исключением формы 3 лица ед. числа. Все отличие в формах 1 и 2 лиц заключается в показателе имперфекта *-i-*, который имел место и в основном спряжении. Ранее уже было отмечено, что основы глаголов основного и рефлексивного спряжений одни и те же, поэтому и условия присоединения показателя имперфекта *-i-* к основе глагола аналогичны тем, которые были перечислены в соответствующем разделе основного спряжения, напр.: *sāda-moi* “(я) оденусь”, *sād-i-moi* “(я) оделся”; *vala-moi* “(я) обольюсь”, *valo-i-moi* “(я) облился”; *kogoda-moi* “(я) соберусь”, *kogoz-i-moi* “(я) собрался”. Приведем примеры на употребление форм 1 и 2 лиц ед. числа рефлексивного спряжения:

Северновепский диалект

*Šokšu kävelin, kird'utimei* (Št, 3384) “сходила в Шокшу, записалась”; *mina lajiškanzimei* (Št, NÄKM, s. 138) “я стала ругаться”; *verime magatta* (Št, 3386) “я улегся спать”; *sil vedel pezimei* (Št, 3385) “этой водой умылась”; *mina ku ištjimei, i händan milai lähtkehe kül'm* (Kask, NÄKM, s. 189) “я как

уселся, так у меня хвост в проруби и примерз”; *mikš sina pörditei tagaze mehelpäi* (Kask, NÄKM, s. 166) “почему ты вернулась обратно, коли вышла замуж”; *ajeliteik Šoutarvehe?* (Kask, 3387) “ездила ли ты в Шелтозеро?”; *panitei ka magada, ala šal’de* (Kaleig, 3386) “улегся, так спи, не балуйся”; *kogozitei da kerazitei tundmatomaha dorogaižhe da putihe* (Toižeg, 3388) “собрался да снаряжился в незнакомый путь да дороженьку”;

#### Средневепский диалект

*homesuu peksimoi* (Pnd, 3393) “утром я крутилась”; *mina päivan astuin’*, *kastuimoi*, *vāzuin’* (Pnd, СВЯ, с. 184) “я день шел, промок, устал”; *astuin’*, *astuin’*, *kārauzimoi*, а *gäl’güu mindai gāniš* (Pnd, СВЯ, с. 162) “я шел, шел, обернулся, а сзади заяц”; *mina abidoičimoi sinun päle* (Pnd, СВЯ, с. 17) “я обиделась на тебя”; *čukerzimoi siinaverhe* (Pnd, СВЯ, с. 65) “я прислонился к стене”; *truban puhtastin’*, *kaik voidimoi nogüu* (Pnd, СВЯ, с. 640) “трубу чистил, весь измазался сажей”; *mina sädimoi* (Kuja, 3389) “я оделась”; *bradin’ sodme*, *zimnikalo putin’*, *ištīme*, *lebeižime* (VI, 2290) “брел по болоту, попал на зимник, расположился, отдохнул”; *seižime*, *čertime*, *krugan ningiman tegin’* (VI, 3391) “я остановился, обвел себя, круг такой вокруг себя начертил”; *mina ku ištūimoi* (Šim, NÄKM, s. 239) “я как уселся”; *pit’kha*, *mamoi*, *mokičimoi* *mina* (Šim, NÄKM, s. 227) “я, мама, долго мучилась”; *mina okažimoi rindhižessei vedes* (Jä, ОВР, с. 8) “я оказалась в воде по грудь”; *mina pörzimoi tagaz* (Jä, ОВР, с. 11) “я вернулся домой”; *mina vakačimoi necen lapsenke touven* (Jä, СВЯ, с. 610) “я провозилась с этим ребенком зиму”; *ocastimoi siinha*, *kuhm libui* (Jä, СВЯ, с. 375) “я ударилась лбом в стену, шишка вскочила”; *min’ä ku herāštimoi*, *ka ele nikeda* (Jä, СВЯ, с. 116) “я как проснулась, так нет никого”; *min’a nevestalost ištūimoi* (Čidoi, NVM, s. 35) “я уселся возле невесты”; *en juudand mectamas kāuda, kaika radou lūimai* (L, СВЯ, с. 312) “мне не пришлось поохотиться, все на работе бился”; *astuin’ i kukištelimoi* (Pec, СВЯ, с. 143) “я шла и спотыкалась”; *mitne sina edou olid, möst mugeine tegitei* (Särg, NÄKM, s. 217) “какой ты раньше была, опять такой сделалась”; *mihe pit’kha säditoi* (Päz, NÄKM, s. 348) “почему ты так долго одевалась”;

#### Ожновепский диалект

*ostanovime lebazühhta* (Sod, ОВР, с. 204) “я остановился отдохнуть”; *mä pakičime kod’he* (Sod, ОВР, с. 204) “я отпросился домой”; *sil’t kümne mä pätime* (Sod, СВЯ, с. 455) “я пятился саженой пять”; *mä kingitime i lendin’ jügedan havadon* (Vg, СВЯ, с. 206) “я поднатужился и поднял тяжелый мешок”; *korttas gorničāžes, lāmās pezāžes jāl’gmāāčēn kerdāžen sädime i ladime* (Vg, СВЯ, с. 539) “в высокой горенке, в теплом гнездышке последний разок я одеваю да наряжаю”; *jäl’gmāāčēn kerdāžen krasuime i vol’uime* (Vg, ОВР, с. 257) “последний разок с красуясь и милуюсь”; *pezimoi silb päčiš, kil’befid ilend* (Ars, СВЯ, с. 410) “мылись мы тогда в печках, бань не было”; *mä tegime vanhāne* (Ars, NEV, I, s. 8) “я становлюсь старенькой”; *mä iāin*

vasamu, *kandičime* (Ars, NEV, I, s. 11) “я с животом осталась, носила (досл. “носилась»); *möst väčkūžin’ da kerazīmō, da kogožīmō* (Ars, NEV, I, s. 13) “опять пришла в себя, да снарядилась, да собралась”; *mā telegha ištūme* (Sod, OBP, с. 205) “я уселся в телегу”; *kerazīte jo?* (Sod) “ты собралась ли уже?”; *sobite ka māne* (Sod) “собралась, так иди”; *mā pakičime kod’he* (Sod, OBP, с. 204) “я попросилась домой”; *sina hot’ vastōte, a mina jo vilus kil’betiš olīn’* (Vg) “ты хоть попарилась, а я в холодной бане была”; *mā rođime der’ounha* (Vg, СВЯ, с. 481) “я родилась в деревне”; *кас, panīte jo* (Mg) “смотри-ка, ты уже улеглась”; *mā sobīte mužikal’ žihe sobihe* (Čg, СВЯ, с. 341) “я оделась в мужскую одежду”.

Как показывает языковой материал, в формах имперфекта ед. числа 1 и 2 лица нет никаких особенностей по сравнению с аналогичными формами презенса, кроме наличия показателя имперфекта *-i-*, условия присоединения которого к основе те же самые, что и в основном спряжении, и никак не сказываются на поведении лично-числового возвратного окончания.

Форма же 3 лица ед. числа имперфекта обладает другим лично-числовым окончанием, нежели форма презенса. В научной литературе неоднократно отмечалось, что исторические формы пассива и лично-числовые возвратные формы чрезвычайно близки по значению. Так, например, исследователь синтаксиса вепских диалектов Л. Кеттунен писал: “В вепском языке и пассивные формы могут иметь множественное число (*andet’he* “дали” – и “они дали”), что указывает на большое сходство в употреблении форм пассива и рефлексивных форм” (Kettunen L., 1943, s. 425). В имперфекте же рефлексивного спряжения лично-числовое окончание 3 лица ед. числа полностью совпадает с окончанием имперфекта пассивной формы: *hō pestihe lavan* “они помыли пол”, *hō mändihe* “они пошли”; ср.: *hō pezihe* “они умылись”, *hō sobihe* “они оделись”. То есть, можно констатировать, что окончание 3 лица ед. числа имперфекта возвратных глаголов совпадает с окончанием имперфекта пассива. Только в пассиве оно присоединяется к основе пассива, содержащей и ее показатель, в то время как в рефлексивной форме – к основе имперфекта (ср.: *pan-di-he* “положили (пассив)” – *pan-i-he* “улегся” (рефлексивное спряжение)). Таким образом, лично-числовое окончание 3 лица ед. числа рефлексивного спряжения во всех вепских диалектах также имеет вид, обозначаемый звуковым комплексом *-he* (< \*sen) без всяких модификаций: *hān rušihe, sādihe, kengihe* “он разделся, оделся, обулся”. В нем в процессе исторического развития в интервокальной позиции *s>h* (а в имперфекте она была таковой, поскольку окончание присоединялось к основе имперфекта на *-i-*; в презенсе же такой звукопереход был невозможен, поскольку звуковому комплексу *-sen* предшествовал древний показатель



презенса -k: см. Kettunen L., 1943, s. 423; Nakulinen L., 1979, s. 240). Причем Л.Пости настаивает на том, что окончание 3 лица ед. числа имперфекта рефлексивных глаголов имело в вепском языке вначале звуковой облик -hen, а мн. числа – -het (Posti L., 1980, p. 133). В современном же вепском языке в ряде говоров оно совпало по звучанию в ед. и мн. числах; в ряде же говоров во мн. числе оно приобрело вместо показателя множественности -t, который исторически существовал в комплексе -het, показатель множественности -i-, как это произошло и в прочих глагольных формах мн. числа, о чем речь была раньше: hän ranihe magadamha “он улегся спать”, но hö ranihoi magadamha “они улеглись спать”.

Покажем употребление форм имперфекта 3 лица ед. числа в диалектах вепского языка:

#### Северновепский диалект

händigaz *ištjihe* lähtkeröunale (Kask, NÄKM, s. 188) “волк уселся на край проруби”; pertiine *kändalzihe* (Kask, NÄKM, s. 182) “избушка повернулась”; mechine *tabazihe* ladvas i vedeškanz’ (Kask, NÄKM, s. 159) “черт ухватился за вершину и стал тянуть”; ak *laskiškanzihe* (Kask, NÄKM, s. 151) “женщина стала спускаться”; mam-se *ajelihe* sinna (Kask, 1502) “мать-то туда ездила”; üks’ pul’k mäni läbi, a toine *azotihe* nahkha (Št, NÄKM, s. 137) “одна пуля прошла навывлет, а другая застряла в шкуре”; mužik *paikičijaks kändalzihe* (Št, NÄKM, s. 59) “мужчина прикинулся попрошайкой”; koumašti mahassai *kumarzihe* (Št, NÄKM, s. 4) “трижды до земли поклонился”; päiväine d’o *ozutaškanzihe* (Št, СВЯ, с. 385) “солнышко уже стало показываться”; kep ičeze päd eiveinu sötta, *taričihe* gostihe sinna ižandanno (Š, NÄKM, s. 17) “кто себя прокормить не смог, напросился в гости туда, к хозяину”; ot’t hän, *ištjihe* raccihe (Š, NÄKM, s. 6) “взял он, уселся верхом”; uk räčin alle *ličihe* veččomahassai (Perv, NVM, s. 160) “старик по пояс под печь втиснулся”;

#### Средневепский диалект

bank *murenzihe* (Pnd, 3380) “банка разбилась”; *openzihe*, da ei pagiznu vepsäks (Pnd, 3389) “научился да не говорил по-вепски”; čak kädес *paštuihe* (Pnd, СВЯ, с. 403) “кровь на руке запеклась”; *punauzihe* i läks’ (Pnd, СВЯ, с. 439) “повернулась и пошла”; prihäse iče *ištjihe* (Kuja, 3402) “парень-то сам уселся”; *pezoškanzihe* da langez’ sinna (Kuja, 3389) “начала умываться да упала туда”; nese butulkaine *kumarzihe* (VI, 3403) “эта бутылочка опрокинулась”; nese vaiše raštvoiden rad *radjihe* (VI, 3391) “это случалось только на Рождество”; *ristihe* sigou i *kumarzihe* (VI, 3391) “покрестился там и поклонился”; ak *laskihe* (Nažam, NÄKM, s. 358) “женщина спустилась”; havad *avaižihe* (Särg, NÄKM, s. 216) “мешок открылся”; näd *ištuihe* g’ürikon pähä (Šim, NÄKM, s. 256) “куница уселась на корень”; nese devočkaine *sädihe* pal’ toihe (Šim, NÄKM, s. 249) “эта девочка оделась в пальто”; *taričihe* hän ühthe pert’he öks (NÄKM,

s. 247) “попросился он в один дом на ночь”; vedespäi *hüpsihe* vedehīne (Eikl, NÄKM, s. 491) “из воды показался водяной”; havad *saupsihe* (Čikl, NÄKM, s. 477) “мешок закрылся”; razbainik tuli iknan alle, *kukištuihe* i kundleb (Pec, СВЯ, с. 255) “разбойник пришел под окно, присел и слушает”; poig jaugha *kumarzihe* tatala (Ladv, NÄKM, s. 414) “сын в ноги отцу поклонился”; *ličoihe* hän da i joste edelez (NÄKM, s. 394) “протиснулся он да дальше бежать”; mužik öks *taričihe* (Jä, ОВР, с. 19) “мужик на ночь напросился”; bohat vel’l’ pagastas kombuille *laskihe* (Jä, СВЯ, с. 475) “богатый брат в церкви на колени опустил”; rind *avažihe* (Jä, СВЯ, с. 37) “ворот расстегнулся”;

#### Южновепский диалект

*ištühe* keskmäne poig *ižandihe* (Krl, СВЯ, с. 152) “уселся средний сын в хозяйева”; *iče hutihe* pächile (Krl, NEV, I, s. 121) “сам спрятался на печи”; meres siga hän i *kačaihe* (Krl, NEV, I, s. 120) “там, в море, он и качался”; mužik muga *heitihe*, mi i näge (Fedramägi, NEV, I, s. 83) “мужик притворился, что не видит”; öü hänö hatar päsää *rušihe* (Čg, NEV, I, s. 69) “ночью у него портянка на голове развязалась”; Ivan-durak *sobihe* da *kengihe* (Čg, NEV, I, s. 61) “Иван-дурак оделся и обулся”; a *molihe* hän ani jo pahõn’ (Čg, NEV, I, s. 54) “а он уж очень молился”; *händikaz ladihe* muga (Čg, NEV, I, s. 58) “волк так успокоился”; *sobihe* hän, suksed ougale (Čg, NEV, I, s. 46) “оделся он, лыжи на плечо”; pert’he tul’ da *ištühe* lācho (Čg, NEV, I, s. 46) “в дом пришел да уселся на лавку”; *gebāne* edele i *pan’he* kolijaks (Ars, NEV, I, s. 15) “листочка вперед да притворилась мертвой”; *kondikulu razihe* minun päle (Sod, ОВР, с. 204) “на меня огромный медведь набросился”; *kandatez* kaik *valõhe* lavale (Sod, СВЯ, с. 610) “вся сметана на пол пролилась”; polõ kanāne pinod vast *sabičihe* (Ars, NEV, I, s. 1) “на улице курочка у поленицы скреблась”.

Особенностью иллюстрируемой формы является и то, что в ней часто выступает двойной показатель 3 лица: **-he + -z (-ze, -s)**. В этом случае исторически соединились показатель имперфекта 3 лица ед. числа и показатель презенса 3 лица ед. числа, создав “удвоенный” показатель (Kettunen L., 1943, s. 424). Причем, в северновепском диалекте закрепился вариант окончания **-heze**, поскольку в нем и в 3 лице презенса, как уже это было показано в работе ранее, употребительно окончание **-ze**:

päiveine d’o ozutaškanziheze (Št, СВЯ, с. 385) “солнышко уже стало показываться”; *laskiheze* mamm pordhile (Kask, 3380) “мать опустилась на ступени”; *paniheze* kaži magattaha (Kaleig, 3379) “улегся кот спать”.

В средневепском диалекте обсуждаемое окончание достаточно часто встречается в форме **-hes ~ -hez**, где **-he-** – также окончание имперфекта, а **-s** – это усеченный вариант окончания презенса 3 лица ед. числа, то есть здесь **-se>-s**; а поскольку для вепского языка характерно озвончение конечных согласных, то в некоторых случаях **s> z**:

potom laskihez hän päciupäi (Pnd, ОВР, с. 162) “потом он спустился с печи”; mužikaine fatihez (Pnd, ОВР, с. 159) “мужичок спохватился”; nagriž paštuihez hilil (Pnd, СВЯ, с. 403) “репа испеклась на углях”; värnik oli da oigenzihez (Pnd, СВЯ, с. 377) “виноватым был да оправдался”; minain’ g’ärvespäi čort läuhä ličoihez (VI, СВЯ, с. 288) “ко мне из озера черт в хлев забрался”; a Ivan-Zapečalin kaiken kodiš päčil’ tuhkou keskes hosihez (Šim, NÄKM, s. 263) “а Иван Запечный все дома посреди золы терся”; i rad lopihez hiilazoi (Šim, NÄKM, s. 256) “и работа у них закончилась”; kaikile väta ofot teg’hez opetas (Jä, ОВР, с. 23) “и у всех появилась охота научиться играть”; konz kondi valihez, siloi eskai hän vzdohni (Jä, ОВР, с. 9) “когда медведь упал, только тогда он вздохнул”; nese ukoine molihez maimaižele (Pec, ОВР, с. 95) “этот старичок помолился рыбке”; pimedui, mäni mužik kuzen alle i pakičihez: “emagaižed, ižandaižed, pästkat eks” (Pec, ОВР, с. 94) “стемнело, пошел мужичок под ель и попросился: “Хозяева, хозяйюшки, пустите переночевать”.

Среди примеров можно наблюдать и некоторые редкие формы, в которых в качестве второй, дополнительной, части окончания употребительно окончание 3 лица мн. числа презенса: pakičii käui i keradelihezoi (Pnd, СВЯ, с. 194) “нищий ходил и побирался”.

В южнопеппском диалекте данный сложный вариант не столь употребителен, но, тем не менее, также встречается:

koir tačihez (Vg, СВЯ, с. 554) “собака бросилась”; ristit molīhez da edemba läks’ (Sod) “человек помолился да дальше пошел”.

Отрицательные формы имперфекта рефлексивного спряжения являются аналитическими; они строятся, как и отрицательные формы имперфекта основного спряжения, с привлечением отрицательных личных форм вспомогательного глагола и II причастия актива. Причем лично-числовые окончания отрицательного глагола полностью совпадают с окончаниями основного спряжения и имеют те же особенности по диалектам. Различие форм основного и рефлексивного спряжений заключается в том, что в рефлексивном спряжении причастие содержит дополнительный формант, являющийся показателем рефлексивности. В качестве такого показателя выступает, в основном, лично-числовое окончание 3 лица ед. числа презенса -s (-se, -ze), которое присоединяется к форме причастия, содержащей суффикс -nu: kast+nu+s “промокший”, säd+nu+s “одевшийся”. Причем данный показатель един для всех лиц, напр. minä en peznus “я не умылся”, sina ed pesnus “я не умылся”, hän ei peznus “он не умылся”. В этом случае можно утверждать, что рефлексивное лично-числовое окончание 3 лица ед. числа презенса индикатива -ze (-se), послужившее почвой для единого показателя рефлексивности у причастий, как бы “расперсонифицировалось”, утратив значение лица, и выступает лишь в роли единого

показателя рефлексивности. Причем, в каждом диалекте, как об этом сказано было выше, имеются различные модификации и варианты лично-числового окончания 3 лица, и они отражаются, сохраняясь, и в показателе рефлексивности у причастий: *ajelnuze* “ездивший туда-сюда” (северновепский диалект); *sobnuse* “одевшийся”, *pidānus* “державшийся”, *kastnukse* “замочившийся” (средневепский диалект); *peznuzhe* “умывшийся” (южновепский диалект). Рассмотрим употребление отрицательных форм имперфекта в диалектах вепского языка:

#### Северновепский диалект

*hän unile ei annuze* (Št, ОВР, с. 32) “она снам не поддавалась”; *et sä ajelnuze Kaskezaha* (Št, 3386) “ты не съездил в Каскесручей?”; *nügud’ d’o en sānuze muga, kut ende* (Št, 3386) “теперь я уже так не оделась, как раньше”; *ei hän põrnuze vöi?* (Kaleig, 3387) “он еще не вернулся?”; *babuško ei kasainuze neche* (Toižeg, 3385) “бабушка к этому не касалась”; *en ličnuze hiide radho* (Š, 3384) “я не пихалась в их дела”; *en sānuste* (Št) “я не оделась”; *ed ristnuste* (Št) “ты не перекрестилась”; *mina em peznuste* (Posti L., 1980, s. 140) “я еще не умылась”.

Как свидетельствует материал по северновепскому диалекту, в нем в дополнение к уже известному показателю рефлексивности 3 лица *-ze*, употребляемому с причастиями, о котором шла речь в соответствующем разделе, посвященном формам презенса индикатива, в стадии свободного варьирования, на одной и той же диалектной территории функционирует рефлексивный показатель *-ste*: *peznuste* “умывшийся”, *ristnuste* “крестившийся”. Названный показатель вызывал интерес ученых уже с давних пор. В свое время Э.А. Тункело, пытавшийся найти более точные сведения о взаимодействии вепского и эстонского языков, высказал предположение о том, что показатель рефлексивности *-ste*, возможно, вепским был заимствован именно из эстонского, в котором в диалекте Сааремаа существует форма индикатива презенса пассива на *-ste*: *tihaste* “делают”, *oittaste* “ухаживают”, *tullaste* “приходят”, *minnaste* “идут” (Tunkelo E.A., 1946a, s. 452). Тункело полагал, что средствами вепского языка процесс формирования данного рефлексивного показателя не объяснить, и считал, что показатель, скорее всего, был привнесен на земли северных вепсов переселенцами из Эстонии, причем переселенцами именно диалекта Сааремаа (Tunkelo E.A., 1946a, s. 453). Известный же исследователь прибалтийско-финских языков Л. Пости придерживался мнения, что происхождение названного рефлексивного показателя вполне возможно и объяснимо и вепскими языковыми фактами, поскольку, как он справедливо замечал, достаточно сложно представить себе, что за переселенцы из Эстонии были, и были ли они вообще, по крайней мере, сведений об этом нет. По его мнению, здесь не что иное, как опять-таки слияние двух

суффиксов: в северновепском диалекте существуют формы отрицательного рефлексивного презенса, типа *mīna en opete* “я не учусь”, и отрицательного имперфекта, типа *mīna en openuze* “я не учился”; данные суффиксы представили почву для возникновения путем контаминации (-ze + -te) нового рефлексивного показателя -ste (*openuste – mīna en openuste* “я не учился”, см. Posti L., 1948, s. 118; 1980, p. 140). Способ подобных контаминаций в образовании новых вариантов суффиксов в области рефлексивного спряжения необычайно продуктивен. Мы уже неоднократно упоминали о присоединении лично-числового показателя 3 лица презенса индикатива -ze ~ -s к показателю 3 лица имперфекта индикатива: *openzihez* “(он) учился” (*he + ze > hez*). Контаминационные формы окончаний существуют и в южнонепском диалекте, и мы еще об этом будем говорить. Кроме того, в северновепском диалекте есть более редкая, в настоящее время практически неизвестная, но зафиксированная в первой половине XX века форма на -šte, которая, по мнению Пости, также является результатом контаминации: *mīna en opete* “я не учусь” и *mō em opekeiže* “мы не учимся”, из которых возникло – *mō em opekeište* “мы не учимся” (Posti L., 1948, s. 118; 1980, p. 140). Данное образование могло послужить моделью для новой контаминации (-ste), о которой мы вели речь выше. В принципе, и Э. А. Тункело вплотную подошел именно к подобному объяснению, говоря о том, что в непском языке имеются формы -s (*peznus* “умывшийся”) и на -te (*peste* “мойся”), которые могли бы послужить базой для контаминации (Tunkelo E. A., 1946, s. 453). Кроме того, возможно и еще одно объяснение. В речи представителей старшего возраста в северновепском диалекте в причастиях в качестве рефлексивного показателя может иногда встречаться показатель -kse – *openukse* “учившийся”; правда, сейчас он исключительно редок, хотя его наличие в названном диалекте отмечалось ранее и в других работах (см. Tunkelo E. A., 1946, s. 96: *vasteidakse* “париться”, *kumartakse* “кланяться”), и можно судить, что его употребление было некогда более активным. Названный показатель более продуктивен в восточных говорах средневепского диалекта, о чем мы будем говорить особо, откуда он мог быть заимствованным и в северновепский диалект. Можно предположить, что в данном показателе на северновепской почве произошла перестановка звуков (подобные перестановки достаточно естественны в речи северных непсов, напр. *emant* вместо *enam̃* “больше”), а затем была возможна регрессивная ассимиляция по месту образования, то есть -kse>-ske>-ste. Это тем более могло случиться, поскольку суффикс был как бы чуждым диалекту, привнесенным в него. Таким образом, возможен и изложенный вариант объяснения. В настоящее время показатель -ste закрепился в сфере указания на рефлексивность у инфинитивов и причастий, став новым

рефлексивным суффиксом, употребляющимся параллельно и наравне с *-ze*; т.е. возможны фразы отрицательного имперфекта как *mina en openuze*, так и *mina en openuste* “я не учился”. Причем информанты не чувствуют разницы между вариантами; разве что молодое поколение, понимая форму на *-ste*, считает ее принадлежностью речи более старшего поколения, предпочитая для себя форму причастий на *-ze*, что отразилось и в иллюстративном материале по форме отрицательного имперфекта в северновепском диалекте;

#### Средневепский диалект

*hän ii ot nukse tehta sapkoid'* (Pnd, СВЯ, с. 386) “он не взялся шить сапоги”; *mina tataspäi openukse en* (Pnd, 3400) “я у отца не учился”; *mina huiktüunukse en*, *mina siloi smelemb olin'* (Pnd, СВЯ, 132) “я не стеснялась, я тогда смелее была”; *ei pjigse tačnusj vastha* (VI, 3404) “сын-то навстречу не бросился”; *en sirdnuse sijoupei*, *muga püugastuin'* (Куја, 3402) “не сдвинулась с места, так испугалась”; *ed fatnüse sina aigemba-se* (Куја, 3402) “раньше-то ты не спохватилась”; *en ajelnus, zabutiš miččes-se olin'* (Jä) “я не ездил, в какое-то забытье впал”; *en sobnus* (Ladv) “я не оделся”; *en käraudanus min'a tagaze, varaižin'* (Vil) “я не обернулась, боялась”; *ei peznus* (Šugarv) “(он) не умылся”.

В средневепском диалекте, как видно из примеров, картина рефлексивных показателей, употребляемых с причастием, также неоднородна и пестра. В восточном пондальском говоре, а также, по свидетельству старых образцов речи, в сяргозерском, уже вымершем говоре, примыкавшем ранее территориально к пондальскому, функционирует суффикс *-kse*: *en peznukse* “я не умылся”, *en ot nukse* “(я) не взялся”. Данный показатель рефлексивности является наиболее древним, сохранившимся в вепском языке, несмотря на то, что в нем сочетание звуков *-ks* сокращалось, переходя просто в *-s*. Причем, исследователи исторической фонетики вепского языка Э.А. Тункело называют сохранение *-kse* “неожидаемым, вепским явлением” и добавляет, что здесь можно предполагать эстонское (скорее всего, по его мнению, поскольку развитие сочетания звуков *-ks* во многих случаях имеет одинаковые позиции в эстонском и вепском языках) или карельское влияние (Тункело Е.А., 1946, с. 97). Впрочем, в большей части диалектов современного вепского языка и действительно на месте *-kse* выступает *-s*, *-se*, *-ze* (<\*-*ksen*). В других восточных говорах средневепского диалекта первая часть показателя рефлексивности *-k* исчезла бесследно, и он имеет вид *-se* или *-sj*, напр. *en g'onus*, *en g'onusj* “(я) не напился”. В западных говорах средневепского диалекта, как свидетельствует иллюстративный материал, закрепился наиболее краткий вариант показателя рефлексивности *-s*, который появился в результате не только выпадения *-k*, но и отпадения конечного гласного *-e*, что с точки

зрения вепсского языка также вполне закономерно, поскольку конечные гласные многосложных слов и двусложных с долгим или закрытым первым слогом отпадали (Tunkelo E.A., 1946, s. 755-756). Таким образом, обсуждаемый показатель рефлексивности приобрел вид *-s: en jonus* “(я) не напился”, *en sobnus* “(я) не оделся”;

#### Южновепсский диалект

*hebo ei pot'knuzhe* (Vg) “лошадь не лягалась”; *hän ī kingitanuzhe*, *ka ī voend libutada* (Sod) “он не поднатужился, поэтому и поднять не смог”; *en mä sänunze nenīhe sädōhe* (Krl) “я не оделась в эту одежду”; *händikaz ei sirdnuzhe sijääpää* (Krl) “волк не сдвинулся с места”; *en senūze*, *da enamb en rohtind otta* (Krl) “я не наелась, да не смела больше взять”, *ī petataniŋzhe kondī* (Čikl, Kettunen L., 1943, s. 429) “не испугался медведь”.

В речи южных вепсов возник свой показатель рефлексивности для инфинитивов и причастий, который воплотился в звуковом комплексе *-zhe*, имеющем изредка модификацию *-ŋzhe*: *en sönuzhe* “(я) не наелся” Данный комплекс представляет собой также контаминацию двух рефлексивных окончаний: окончания 3 лица презенса *-se* ~ *-ze* и окончания 3 лица имперфекта *-he* (*-se + he = -zhe*; см. Tunkelo E.A., 1946, s. 290; Kettunen L., 1943, s. 424).

Таким образом, в вепском языке на почве уже готового рефлексивного старого материала – чаще всего это варианты лично-числового окончания 3 лица презенса (*-se*, *-ze*) или имперфекта (*-he*) – возникли новые контаминации, сочетания окончаний, за которыми закрепились функции показателей рефлексивности в инфинитивах и причастиях. Язык стремился к более точному грамматическому определению значения рефлексивности, действуя в направлении образования из уже имеющихся суффиксов новых вариантов или сохранения древних вариантов в несколько измененной функции (*-kse*) и закрепления их за определенными формами. Причем, в качестве лично-числовых окончаний подобные контаминации уже не выступают. Например, восточновепсский формант *-kse* функционирует лишь в сфере указания на рефлексивность у причастий и инфинитивов, тогда как в форме 3 лица презенса индикатива употребителен *-se*, который, в свою очередь, как мы об этом уже говорили, возник также из *-kse* (*en reznukse* “(я) не умылся”, но *rezese* “(он) умывается”). В западных говорах средневепсского диалекта в построении отрицательных форм имперфекта участвуют причастия с показателем *-s* (*en sädnus*), в то время как в 3 лице презенса употребителен *-se*, *-soi* (*hän sädase*, *sädasoi* “он одевается”).

В построении положительных форм рефлексивного спряжения мн. числа имперфекта участвуют те же лично-числовые окончания, представленные в диалектах вепсского языка в презенсе. Все различие форм сосредоточено в показателе имперфекта *-i-*, который присоединяется

к лексической основе рефлексивного глагола по тем же правилам, что и в основном спряжении (*sāda-moiš* “(мы) оденемся” – *sād-i-moiš* “(мы) оделись”). Покажем на примерах употребление форм мн. числа имперфекта в вепсских диалектах:

#### Северновепсский диалект

*mō openzime lidnas* (Št, 2431) “мы учились в городе”; *Šokšhu kävelim, kird’utimei* (Št, 3389) “в Шокшу ходили, расписались”; *bučun vadnhed kattetihe* (Št, NÄKM, s. 60) “обручи в бочке порвались”; *lapsed kužikš kändihe* (Št, NÄKM, s. 56) “дети обернулись шенками”; *sel vedel mō pezime* (Št, 3385) “той водой мы мылись”; *mō tegime ičhižikš* (Kask, 3385) “мы стали родственниками”; *verite d’o magattaha?* (Kask, 3385) “вы уже улеглись спать?”; *korabel’ššikad azotihe randale* (Šokš, NÄKM, s. 7) “корабельщики остановились на берегу”; *ende padanikad ajelihe* (Kask, 1502) “раньше горшечники ездили”; *F’okla da Anna ličeihe i mödha dorogad mōto d’oksiškatihe* (Kask, NÄKM, s. 157) “Фекла и Анна пролезли и за ними по дороге побежали”; *sirdime mō väheižen edemba, no emant bolad iilend* (Kaleig, 3380) “мы еще немного прошли, но больше брусники не было”;

#### Средневепсский диалект

*ningimil’ vastoil’ vastoimiiš* (Pnd, OBP, c. 146) “такими венниками парились”; *mō g’õ pezimoiš i huhtoimoiš* (P, СВЯ, с. 132) “мы помылись и ополоснулись”; *tol’ko stolan taga ištuihezoi* (Pnd, OBP, с. 167) “только за стол они уселись”; *mō pördimoiš kodihe* (Pnd, 3399) “мы вернулись домой”; *küubetoiš-se kus?* (Pnd, 3400) “а где купаетесь-то?”; *kalanikad kivižihe lämoinalou* (Kuja, КСВЯ) “рыбаки обсушивались у костра”; *mō saškanzime kodihe* (VI) “мы добирались домой”; *potom mō g’ägjime, g’ägjime* (VI, 2230) “а мы потом делились, делились”; *mō hiimostuimei päliči poigas* (Päž, КСВЯ) “мы породнились через сына”; *mužik da kondi sebran sädiba, semetihe nagrhen, rädihezoiš, kudamele tüved, kudamele ladvad* (Šim, NÄKM, s. 255) “мужик и медведь договорились, посеяли репу, согласовали, кому вершки, а кому корешки”; *paneškanzihezoi hō magattaha* (Šim, NÄKM, s. 245) “стали они укладываться спать”; *razbainikad i seižutihezoi* (Šim, NÄKM, s. 228) “разбойники и остановились”; *kenenni gomn’aha zaidimei da kengimoiš* (Vil, СВЯ, с. 194) “на чье-либо гумно зайдем да обуемся”; *adivod kaik kerazihezei* (Särg, NÄKM, s. 218) “все гости собрались”; *rad lopihe i dengad lopihezoi* (Jä, СВЯ, 298) “работа закончилась, и деньги закончились”; *mō ištuiimoiš pordhile* (Jä) “мы уселись на крыльцо”; *hilläšti ehtkoizuu (mecnikad) soberihezoiš* (Jä, OBP, с. 7) “потихоньку вечерком соберутся (охотники)”; *čomad horomad tegihezoi* (Ladv, NÄKM, s. 405) “хорошие хоромы получились”; *hibused peksihezoiš* (Ladv, СВЯ, с. 407) “волосы растрепались”; *pesenke arvou ladihoiš, hebon müi* (Pec, СВЯ, с. 279) “с ним ценой сошлись, лошадь продал”;



## Южновепсский диалект

mänimää sina, kondjalest *saškanzīmā* (Sod, СВЯ, с. 493) “пошли мы туда, к медведю стали подбираться”; *leibas pidimō kevadehesā* (Sod, СВЯ, с. 413) “с хлебом продержались до весны”; *i pan'hō gomnalest* (Ars, NVM, s. 2) “и устроились они около гумна”; *muga mõ möst ladimō* (Ars, NEV, I, s. 11) “опять мы так помирились”; *kädet säregat'hō* (Krl, NEV, I, s. 103) “руки затряслись”; *lebazumha ištūmō* (Krl, СВЯ, с. 352) “расположились отдохнуть”; *hō möst tul'd'he i säregat'hō* “они опять пришли и затряслись”; *möst hö sporihō* (Čg, NEV, I, s. 50) “опять они рассорились”; *käzil' iškibad i vent'iaihō* (Čg, NEV, I, s. 57) “ударили по рукам и обвенчались”; *mō ustavimō elāmaha jäl'ges palandad* (Vg, СВЯ, с. 604) “наша жизнь наладилась после пожара”.

По нашим наблюдениям, разницы в лично-числовых окончаниях 1 и 2 лица мн. числа между презенсом и имперфектом рефлексивного спряжения нет. Все различие в формах заключено в суффиксе имперфекта -i-, который показывает, что действие совершено в какой-то определенный отрезок времени в прошлом.

3 лицо обладает другим лично-числовым окончанием, нежели презенс. В нем выступает тот же вариант окончания, который был представлен в имперфекте ед. числа (-he) с некоторыми модификациями. В говорах северных вепсов, а также в куйско-войлахотской группе говоров средневепсского диалекта между названными формами различия совсем нет. Лишь контекст указывает, о чем идет речь: *hän seižutihe i pördihe kodihe* “он остановился и вернулся домой”, *hō seižutihe kesked lavad i zavodiba rajatada* “они встали посреди пола и стали петь”. В западной группе говоров средневепсского диалекта, а также в тяготеющих к ним пязозерско-шимозерских и пондальских говорах различие в лично-числовых окончаниях по линии ед. и мн. числа имперфекта развилось опять-таки из комбинации лично-числовых окончаний презенса и имперфекта, в результате чего возник достаточно длинный вариант окончания **-hezoiš (he+zoiš)**: *kerazihezoiš* “(они) собрались”, *sädihezoiš* “(они) оделись”, *ladihezoiš* “(они) помирились” и т. д. Здесь, если посмотреть исторически, в наличии комбинация из трех вариантов окончаний: **-he-** – окончание имперфекта, общее для ед. и мн. чисел, **+zoi-** – вариант окончания мн. числа презенса, **+š-** – показатель рефлексивности, возникший также из окончания 3 лица. При чем последний элемент окончания не строго обязателен; достаточно много примеров в речи одного и того же информанта и с более кратким вариантом окончания: *tegihezoī* “(они) сделались”, *lopihezoī* “(они) закончились”.

В южновепсском диалекте, существует грамматически оформленный коррелят формы ед. числа имперфекта с окончанием **-hō**: *pan'hō* “(они)

улеглись”, *sporigõ* “(они) рассорились”, *putut’hõ* “(они) попались” (для сравнения формы ед. числа имперфекта: *saihe* “(он) добрался”, *gazihe* “(он) набросился”). Данный вариант окончания *-hõ*, как на это указывает долгий *-õ*, появился из более древнего *-hoi*, где в качестве второго компонента выступает *-i* – показатель множественности (*hõ < hoi*). Вся же система лично-числовых окончаний в южновепском диалекте в имперфекте ед. и мн. чисел такова:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>-me</i> ( <i>sädime</i> “я оделся”)	<i>-mõ</i> ( <i>sädimõ</i> “мы оделись”)
2 л. <i>-te</i> ( <i>sädite</i> “ты оделся”)	<i>-tõ</i> ( <i>säditõ</i> “вы оделись”)
3 л. <i>-he</i> ( <i>sädihe</i> “он оделся”)	<i>-hõ</i> ( <i>sädihõ</i> “они оделись”)

В других диалектах система выражения грамматической рефлексивности положительных форм в имперфекте более пестра, сложена из различных комбинаций рефлексивных окончаний.

Отрицательные формы мн. числа имперфекта строятся в северновепском диалекте и куйско-войлахотских восточных говорах средневепского диалекта также, как и формы ед. числа, с участием вспомогательного глагола в личных формах мн. числа и причастия актива, которое имеет ту же форму, что и в ед. числе, с теми же разновидностями по говорам, напр.: *mõ-se srazu em põl’gastanuze* (Št, 3389) “мы-то вначале не испугались”; *em võl sõnuste* (Št, 3387) “мы еще не наелись”; *em sanuze Piterihe* (Toižeg, 3388) “в Питер не добрались”; *et lainuze mecas ka hivä* (Kaleig, 3389) “не ругались в лесу, так хорошо”; *nügide g’õ min’ sanud, a endo em lad’nüsi nikut* (Vl) “теперь уже что скажешь, а раньше никак не смогли помириться”.

В западных говорах средневепского диалекта, а также в шимозерских и пондальских говорах восточновепского диалекта причастие во мн. числе имеет показатель рефлексивности *-soi*, в котором содержится указание на множественность: *ei vastoinu-soi küubetiš tämbei susedaižed, rigehtiba* (Pnd) “соседи сегодня не парились в бане, спешили” (ср. *ei vastoidanu-s* “(он) не парился”); *emei pidänu-soi hiiš nikut* (Ladv) “мы никак не держались за них” (ср. *en pidänu-s* “(я) не держался”); *emei sobnu-soi võl, varastagatei* (Vil) “мы еще не оделись, погодите” (ср. *en sobnu-s* “(я) не оделся”; *niičukaižed, etei sänu-soi vanhoihe sobihe?* (Vil) “девочки, вы не оделись в старые одежды?” (ср. *en sänu-s* “(я) не оделся”).

Пяозерский говор несколько отличается от перечисленных выше говоров. В нем в показателе рефлексивности мн. числа выступает в качестве составной части суффикс множественности *-d* (вместо повсеместного *-i*),

что в данном случае представляет собой достаточно редкое, хотя и вполне объяснимое явление: форма причастия в отрицательных формах неизменна и имеет форму номинатива с показателем множественного числа *-d*: *emei peznused* “(мы) не умывалось”, *etei peznused* “(вы) не умывались”, *eba peznused* (Päž) “(они) не умывались”. Подобное явление известно и шугозерским переходным говорам (см. “Приложение. Таблицы спряжения”).

Южновепские говоры при построении отрицательных форм имперфекта мн. числа используют отрицательный глагол в лично-числовых формах мн. числа и причастие актива с показателем рефлексивности *-zhe*, о происхождении которого речь была выше: *emā sidonuzhe sinuhu, ala tartutelde* (Krl, 1503) “мы тебя не трогали, не приставай”; *he ebad čopadanuzhe nikut, ala laji lapsid’* (Krl, 1503) “они никак не окунулись (в воде), не ругай детей”; *emā čostuinuzhe, mit’ voib södä* (Vg, 1503) “мы не гордились тем, как много еды (на столе)”; *emā mecanuzhe tää vodū* (Sod, 1503) “в этом году мы не охотились”; *etä tačnuzhe hiiden jäl’ghe, ka i čoma* (Sod) “вы не бросились за ними, так и хорошо”.

## ПЕРФЕКТ, ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ

Сложные времена в рефлексивном спряжении строятся параллельно основному спряжению. Отрицательный глагол имеет идентичные основному спряжению формы со всеми диалектными особенностями, свойственными говорам. Отличие форм перфекта и плюсквамперфекта рефлексивного спряжения от соответствующих форм основного спряжения заключается, как и в отрицательных формах имперфекта, в показателе рефлексивности, который стоит при причастии. Особенности вариантов показателей нами уже были названы неоднократно, поэтому мы лишь приведем некоторые примеры на употребление форм перфекта и плюсквамперфекта в диалектах вепского языка:

Северновепский диалект

*en tä mi siga pertiš tehnuze om* (Št, 3389) “не знаю, что там в доме произошло”; *peiv d’o lasknuste* (Št, 3386) “солнце уже зашло”; *mina olen rodnuzhe neche surhe pert’he* (Kask, 1501) “я родилась в большом доме”; *požar oli tehnuste* (Št, 3386) “пожар случился”; *kānus olen krengelikš, nimida embj* (Kaleig, 3387) “согнулась в калач, ничего не могу”; *em olnuģi sänuzhe hivihe sobihe* (Kask, 3385) “мы не оделись в хорошую одежду”; *em olģi kosknuzhe nikut* (Toižeg, 3385) “мы никак не касались их”; *hei oma ičeze male karznuse* (Kaleig, СВЯ, с. 181) “они убрались восвояси к себе домой”.

В северновепском диалекте причастие в формах ед. и мн. числа, как показывают иллюстрации, обладает одинаковой формой. Различие между формами сосредоточено в отрицательных лично-числовых формах ед. и мн. числа вспомогательного глагола (*mina olen sänuze* “я оделся” ~ *mö olem sänuze* “мы оделись”). Причем, в форме перфекта достаточно обычным является выпадение вспомогательного глагола, как это происходит и в формах основного спряжения (напр. *peiv d’o lasknuste* “солнце уже зашло”, вместо *peiv d’o om lasknuste*); в этом случае только контекст помогает определить, о каком числе идет речь;

#### Средневепский диалект

*poig openukse feršalaks* (Pnd, СВЯ, с. 381) “сын выучился на врача”; *et hüväha dōočaha tabanukse* (Pnd, СВЯ, с. 554) “не очень порядочная девушка приглянулась”; *lehm om otnukse* (Pnd, СВЯ, с. 386) “корова обгулялась”; *plat’g’oihe hö sädnuksod oma* (Pnd, 3388) “они оделись в платья”; *potom näged, hän ištनुksod g’ö om* (Pnd, 3392) “потом, видишь, он уже уселся”; *mänen, a lehmpannukso om* (Pnd, 3401) “иду, а корова улеглась”; *rahvas sädnuse om kuti päiväine palab* (VI, 3391) “люди нарядились, словно солнце сияет”; *reboi heitnus muite kol’l’aks* (Šim, NÄKM, s. 237) “лиса прикинулась мертвой”; *min’a rodnus Ladvha* (Ladv, СВЯ, с. 481) “я родился в Ладве”; *lehmäd ei olgoi paimendanusoi siloi jo* (Vil, 1503) “коровы тогда уже не паслись”; *mii olimei muga segoinusoi mecha, pihkhu* (Vil, 1503) “мы заблудились в лесу, в чащобе”; *konz tii tagaze pörnusoi oletei?* (Ladv, 1503) “когда вы обратно вернулись?”; *mö olimei peznused, tö olitei peznused, hö oliba peznused* (Šim) “мы умылись, вы умылись, они умылись”; *mii olemai peznused, tii oletai peznused, hii oleba peznused* (Šugar) “мы умылись, вы умылись, они умылись”.

В средневепском диалекте в ряде говоров, а это прежде всего западные говоры, причастия, как и вспомогательный глагол, имеют грамматическую разницу в числах: в ед. числе причастие имеет признак рефлексивности -s (*sädnus*), во мн. – -soi (*sädnusoi*). Это же явление отчасти наблюдается в пондальских восточных говорах. Однако в названных говорах, а также в пязезерских, о которых мы уже говорили ранее, и шугозерских говорах в качестве особенности при построении формы мн. числа имперфекта следует назвать образование формы мн. числа причастия актива опять-таки при помощи суффикса множественности -d- (*peznu-sed* “мывшиеся”, *sädnu-ksod* “одевшиеся”). Названные говоры, в отличие от многих иных говоров, характеризующихся использованием при построении форм мн. числа только лично-числовыми формами вспомогательного глагола мн. числа и причастием в ед. числе (*olem pördnus* “(мы) вернулись”) или во мн. числе, но с более привычным в этой позиции показателем множественности -i- (*olemei sädnusoi* “(мы) оделись”), стре-

мятся построить парадигму мн. числа при помощи причастия с показателем мн. числа **-d** (ср. *olen sädnu-s* “(я) оделся”, *olemei sädnu-sed* “(мы) оделись”). Признак мн. числа **-d** чрезвычайно распространен в вепском языке, используясь в именном словоизменении (*per't* ~ *per'tid* “дом~дома”; см. напр. Зайцева Н.Г., 1981, 153–155), а также и в номинативе у причастий (*radai ristit* ~ *radajad ristitud* “работающий человек ~ работающие люди”; *kaznu neičukaine* ~ *kaznuded neičukaized* “подростая девочка ~ подростшие девочки”: см. Zaicewa N., 2000, pp. 185–187). Далее, II причастие актива с суффиксом множественности **-d** используется при образовании аналитических временных форм мн. числа основного спряжения, как об этом было сказано выше в соответствующем разделе (*neičukaized oma (oliba) sōpuded* “девочки поели” – перфект и плюсквамперфект). Упомянутые выше говоры стремятся построить рефлексивные формы перфекта и плюсквамперфекта аналогично формам основного спряжения, употребив с причастием после показателя рефлексивности суффикс множественности **-d**;

#### Южновепский диалект

*silō peüvāz ei olend vē heidičenuzhe* (Vg) “тогда лен еще не цвел (не распустился)”; *lehm ajelnus oli* (Sod, СВЯ, с. 27) “корова уже обгулялась”; *mina en pannuzhe vē* (Sod, 1503) “я еще не улеглась”, *mō tabanuzhō olīmā hangōhe* (Sod, 1503) “мы ухватились за вилы”; *emā ole hiitnuzhō, tuga oli-ki* (Krl) “мы не прикидывались, так и было”.

Можно констатировать, что южновепский диалект характеризуется и в данных временах устойчивым употреблением согласования в числе между лично-числовыми формами вспомогательного глагола и формой причастия и в положительных, и в отрицательных формах: в ед. числе – **-zhe**, изредка **-s**; во мн. числе употребляются причастия с рефлексивным показателем **-zhō**. Причем, в перфекте также достаточно регулярны случаи выпадения вспомогательного глагола; и в этом случае вся нагрузка в обозначении числа падает именно на форму причастия, которое показывает это весьма наглядно.

## ФОРМЫ НАКЛОНЕНИЙ

### ИНДИКАТИВ

Рефлексивное спряжение обладает той же системой наклонений, что и основное спряжение. Индикатив в этом ряду обладает системой времен, особенности функционирования и грамматического выражения которых в структуре возвратных глагольных словоформ уже показаны на материале вепского языка в разделе “Формы времени”.

## ИМПЕРАТИВ

Возвратное спряжение обладает тем же самым суффиксом императива, что и основное спряжение: **-ka-**, **-ga-**, который на тех же условиях присоединяется к лексической основе глаголов. После названного суффикса следуют лично-числовые возвратные окончания, свойственные и индикативу возвратного спряжения и от него не отличающиеся. Особняком стоит лишь форма императива 2 лица ед. числа с показателем рефлексивной основы **-te**, **-de**. Она является той же самой формой, которая выступала при построении отрицательных возвратных лично-числовых форм, и о происхождении которой мы достаточно подробно говорили в соответствующем разделе, а также освещали правила присоединения показателя рефлексивной основы **-te**, **-de** к лексической основе глаголов. Здесь же еще раз подчеркнем, что именно форма императива на **-te**, **-de**, на наш взгляд, первична по своему происхождению, а уже после она стала употребляться по аналогии с основным спряжением и при построении отрицательных возвратных форм индикатива. Проиллюстрируем данную форму на примерах по диалектам:

### Северновепский диалект

*ište regehe* (Št, NÄKM, s. 80) “садись в сани”; *pertine, seižutade päivha päi ikneil, meile päi pordhil* (Št, NÄKM, 61) “избушка, повернись к солнцу окнами, к нам крыльцом”; *mužik änestab: čurate!* (Š, 3386) “мужик кричит: сторонись!”; *paukate sina, služivji, milei kazakaks* (Kask, NÄKM, s. 158) “нанимайся ко мне, служивый, в слуги”; *lebaite, sanun, väheine* (Kaleig, 3389) “отдышись (отдохни), говорю, немножко”; *sirtte tagenba* (Kask, 3387) “подвинься дальше”; *ajeldeko Änižele* (Kask, 3387) “съезди-ка на Онежское озеро”; *mäne, kil'pte* (Toižeg) “пойди, искупайся”;

### Средневепский диалект

*ii tari sanuda: opete, opete* (Pnd, 3400) “не надо говорить: учись, учись”; *deva, sina-ki mä, pesto* (Pnd, 3393) “и ты, девушка, иди, умойся”; *davai säto teramba* (Pnd, 3380) “давай, одевайся поскорее”; *tarite kül'betihe mugažo* (Pnd, 3389) “и ты просись в баню”; *ozutado hot' uniš* (Pnd, 3401) “покажись хоть во сне”; *ište sömhä* (Pnd, СВЯ, с. 151) “садись есть”; *hiitte siinale, kebnemb ištta* (Pnd, СВЯ, с. 121) “прислонись к стене, легче сидеть”; *Volod'a, ajuudo* (VI, 3403) “Володя, скатайся”; *g'ögehe päzud i küüpte* (VI, 3391) “в реку войдешь и купайся”; *Paša-töt, säto teramba* (Kuja, 3389) “тетя Паша, одевайся скорее”; *dogogverhe, gürikon pähä ište* (Šim, NÄKM, s. 256) “около дороги на пенек садись”; *pande minunke* (Šim, NÄKM, s. 250) “ложись со мной”; *mol'de vü lujemba* (Šim, NÄKM, s. 244) “молись еще больше”; *mäne, seižutade mägen alle* (Šim, NÄKM, s. 224) “иди, встань под гору”; *a sid' sanun: havad saubate*

(Särg, NÄKM, s. 210) “а тут скажу: мешок закройся”; *havad avaiite* (Šim, NÄKM, s. 216) “мешок откройся”; *siizutade* (sinä) i usjd’ väheižuu ladle (Jä, ОВР, с. 250) “остановись ты, усы немного пригладь”; *sel’kte* (Jä, СВЯ, с. 505) “убирайся”; *sinä emagoite*, a minä män radole (Jä, СВЯ, с. 790) “ты управляйся (будь за хозяйку), а я пойду на работу”; *čukerte magata väheižeks* (Jä, СВЯ, с. 65) “устройся (прикорни), немного отдохни”; *pande magattaha* (Vil, СВЯ, с. 399) “укладывайся спать”; *kaite*, ii mašin topsiiž (Vil, СВЯ, с. 170) “берегись, хоть бы машина не задавила”; *havad, saubate* (Čikl, NÄKM, s. 477) “мешок, закройся”; *hot’ iče astun*, a *ište* (Ladv, NÄKM, s. 400) “хоть я сам и иду, но ты садись”; *rušte*, *havad* (Ladv, NÄKM, s. 391) “развяжись, мешок”;

#### Южновепсский диалект

*umeste*, *ištu* (Sod, СВЯ, с. 61) “успокойся, сиди”; *mä ajan homencō künmha*, a *sä jä, uprāde* (Sod, СВЯ, с. 603) “я поеду утром пахать, а ты оставайся, управляйся”; *aja, tütrīne, kod’he, kodiš čomašti opete* (Ars, NEV, I, s. 59) “поезжай, доченька, домой, да дома хорошенько учись”; *käte sä nese, pertīne, minhūmpää křincā, mecharāā modō* (Ars, NEV, I, s. 16) “вернись-ка ты, избушка, ко мне крыльцом, а к лесу лицом”; *ozutade sä, tamo, meile* (Krl, NEV, I, s. 121) “покажись ты, мамочка, нам”; *ala uidi, Makar, pōrtte* (Krl, NEV, I, s. 109) “не уходи, Макар, возвращайся”; *ište labidole* (Krl, NEV, I, s. 115) “садись на лопату”; *kaite*, *ika topsin* (Čg, NEV, I, s. 64) “берегись, а то растопчу”.

Подчеркнем, что, как свидетельствуют примеры, формы императива 2 лица ед. числа стабильны, исключительно употребительны во всех диалектах и не обладают ни в одном из них относительно друг друга какими-либо особенностями и модификациями.

В 3 лице ед. числа употребляется форма основного спряжения императива, к которой присоединен показатель рефлексивности *-s*, *-ze*, и в абсолютном конце рефлексивной формы 3 лица ед. числа выступает *-has*, *-haz*, *-haze* (*ha* + *s~z~ze*), что и следует считать показателем названной формы: *peskahas* “пусть он моется”, *sākahas* “пусть он одевается”. Как показывает наш анализ диалектного материала, обсуждаемая форма продуктивно употребительна лишь в восточных говорах средневепсского диалекта:

*tehkahas kaik*, *kut mina sanuin’* (Pnd, 3397) “пусть все случится, как я сказал”; *lät’kahas poig mamadme hotkemba, kaikile paremb linneb* (Pnd, 3394) “пусть сын с матерью быстрее помирятся, всем лучше будет”; *dogatkahas iče* (Pnd, 3394) “пусть сам догадается”; *saghas iče toižele randale* (Kuja, 3403) “пусть сам перебирается на тот берег”; *sanugat, vastoigahas hän äjak tahtoib* (VI, 3405) “скажите, пусть он парится, сколько хочет”; *kackahas iče zirkloho* (VI, 3405) “пусть сам в зеркало посмотрится”; *manitaghas kenni toine, mina g’ō tedan hänt* (VI, 3405) “пусть кто-то другой обманется, я-то его знаю”; (*hän*) *tehkahas* (Šim, Зайцева М.И., 1981 с. 283) “(он) пусть сделается”; *peskahas hän* (Pž) “пусть он умоется”.

В других говорах по модели русского языка в передаче значения рефлексивности в 3 лице ед. числа используется аналитическая конструкция с глаголами *olda*, *laskta* в форме 3 лица ед. числа императива (*okha*, *laske* “*пусть*”) и рефлексивной формы 3 лица ед. числа: *okha hän kirjutase* (L) “*пусть он запишется*”; *okha pördase mecha, tat varastab* (Vil) “*пусть возвратится в лес, отец ждет*”; *okha kül'bese, ku ofot om* (Vingl) “*пусть купается, козь хочется*”. Справедливости ради отметим, что, очевидно, синтетическая форма 3 лица ед. числа из западных говоров стала исчезать сравнительно недавно, поскольку даже относительно молодые говорящие на вепсском языке (40–50 лет) понимают значение формы. М. М. Хямяляйнен при написании очерка по вепсскому языку для III тома “Языков народов СССР”, пользуясь данными западных говоров средневепсского диалекта, также приводил синтетическую форму на *-ha-z* (*peskahaz* “*пусть он моется*”: Рес; Хямяляйнен М.М., 1966, с. 92).

В северновепсском и южновепсском диалектах наиболее употребительна аналитическая конструкция: *laske sädaze hotkemba* (Št 3386) “*пусть поскорее оденется*”; *sirdaze laske tagenba, siga om bolad* (Kask, 3384) “*пусть дальше подвинется, там есть брусника*”; *ajeloze paksumba laske rižamaha roditelid* (Toižeg, 3384) “*пусть чаще навевывается к родителям*”; *laske kacuse kaiktää* (Sod) “*пусть кругом осматрится*”; *laske lehm võ paimendase* (Sod) “*пусть корова еще пасется*”.

При специальном опросе удалось выяснить, что и в названных диалектах синтетическая форма понимаема людьми старшего возраста, но явно сдает свои позиции в пользу аналитической конструкции. Русский язык, которому не известна форма императива для 3 лица, оказывает давление на вепсские диалекты, которые все более усиленно поддаются ему в употреблении формы аналитического императива 3 лица ед. числа.

Во мн. числе глагольная форма императива строится также при помощи суффикса императива *-ka-*, *-ga-* и лично-числовых рефлексивных окончаний. Отметим при этом, что форма 3 лица мн. числа, как и синтетическая форма 3 лица ед. числа, также исключительно редка и мало употребительна:

#### Северновепсский диалект

*mängat, ristitagatei minun verho* (Št, NÄKM, s. 65) “*идите, креститесь в мою веру*”; *iškatei, niiččed, sömhä* (Št, NÄKM, s. 80) “*садитесь, девушки, есть*”; *küks' ičeze sizarid, ehti vaiše sanuda: čurakatei* (Št, NÄKM, s. 43) “*догнала своих сестер, успела только сказать: поосторонитесь*”; *vädraižed, kat'katei kodihe* (Šokš, NÄKM, s. 1) “*ведерки, катитесь домой*”; *iškateiže minunke, velled, kord'ha* (Šokš, NÄKM, s. 12) “*садитесь, братья со мной в карету*”; *Tan'a, lebaikamei, mina embj* (Kask, 1503) “*Таня, давай отдохнем, не могу*”; *sirtkamei sinna-se* (Toižeg, 3387) “*давайте туда подвинемся*”; *kosketagei puihe* (Kask, 3384) “*прикоснемся к деревьям*”;



### Средневепский диалект

*lat'kamoiš, ei mida sporda* (Pnd, СВЯ, с. 279) “давайте помиримся, нечего спорить”; *ištkaŋoiš, g'ögam čajud-se* (Pnd, 3393) “садитесь, чаю попьем”; *emagaižed, ižandaižed, peskatoiš* (Pnd, 3394) “хозяева, хозяйюшки, мойтесь”; *ižandaižed, emagaižed, vastoigatoiš* *eduu miid' da g'al'ghe miid'* (Pnd, ОВР, с. 146) “хозяева, хозяйюшки, парьтесь перед нами и после нас”; *proitkat da ištkaŋtei stolan taga* (Kuja, 3392) “проходите да садитесь за стол”; *g'ägat spokoino, peskatji, kaik tiile g'ättud* (VI, 3391) “оставайтесь спокойно, мойтесь, все вам оставлено”; *svatud tuliba, ištkaŋoiš rindale, pagiškät čomašti* (Nažam, NÄKM, s. 362) “сваты приехали, садитесь рядком, поговорите ладком”; *käkatoiš toižele bokale* (Jä, СВЯ, с. 267) “вернитесь на другой бок”; *sopkatoiš, lapsed, mänemai mecha* (Pec, СВЯ, с. 516) “одевайтесь, дети, пойдемте в лес”; *boibišelgamoiš* (Jä, СВЯ, с. 45) “давайте поборемся”;

### Южновепский диалект

*nu nügüd, basib, pangamō molembad* (Čaigl, 1503) “ну теперь, говорит, давай укладываться вместе”; *ajagamō mechudele* (Sod) “давайте поедем поохотимся”; *ka valūgatō neche kopha* (Sod, 103) “так валитесь в эту яму”; *ristkamō da edemba lähtemai* (Vg) “давайте перекрестимся да дальше пойдем”.

Отрицательные формы рефлексивного императива строятся параллельно формам основного спряжения при помощи отрицательного глагола в формах императива и показателя отрицательной формы основного глагола **-koi, -goi**, после которой следует *показатель возвратности*. Можно констатировать, что в императиве не развились какие-либо особые личностно-числовые возвратные окончания, как это существует и в основном спряжении. Для указания на рефлексивность язык избрал путь использования одного, *единого*, показателя во всех лицах, который выступал при образовании форм отрицательного имперфекта и сложных временных форм индикатива. Лишь форма 2 лица ед. числа не имеет, да и не нуждается в таком показателе, поскольку в ней выступает особая основа отрицательного императива с показателем **-te, -de**, совместно с которой употребляется отрицательный глагол в форме компаратива ед. числа основного спряжения (**ala**):

### Северновепский диалект

*ala pande näl'gal, čiganad ozutaze* (Št, 3385) “не ложись голодным, цыгане приснятся”; *mol'de, hot' ala mol'de, kaiken-se grähkine ol'ed* (Št, 3385) “молись, хоть не молись, все равно грешен”; *ala tehte mugomaks* (Kask, 3386) “не становись таким”; *kasu, ala sobde taman sobihe* (Kaleig, 3387) “смотри, в мамину одежду не одевайся”; *ala ajelde paksus* (Toižeg, 3387) “часто не показывайся (не приезжай)”; *ala manitelde* (Šokš, 3384) “не обманывайся”;

### Средневепский диалект

*hul, ala kosketade* (Pnd, СВЯ, с. 229) “горячо, не прикасайся”; *ala skupte* (Pnd, СВЯ, с. 515) “не скупись”; *mecha lähted, ala laide* (VI, 3391) “в лес

пойдешь, не ругайся”; *ala kosketade laps’he* (Kuja, 3399) “не прикасайся к ребенку”; *ištu kablhou, ala ličte* (Jä) “сиди смирно, не толкайся”; *ala vindžistude zerklon kohtas* (Jä, СВЯ, с. 635) “не кривляйся перед зеркалом”; *ala val’aide sijou* (Vil) “не валяйся в постели”; *ala peste radukahuu veduu* (Ladv) “не мойся грязной водой”; *ala ličte, ei sinun tö* (Vingl) “не суйся, не твое дело”; *ala peste* (Šim, Páž, Šugarv) “не мойся”;

#### Южновепеский диалект

*ištu, ala ajade* (Sod, СВЯ, с. 26) “сиди, не носись”; *ala tugede, astu, ku kuctāze* (Sod) “не упирайся, иди, раз зовут”; *ala sul’de, ku ed voi tūda* (Sod) “не обещайся, раз прийти не можешь”; *ala pörte, Makar* (Krl, NEV, I, s. 107) “не возвращайся, Макар”; *ala vestte kušakō* (Vg) “не подпоясывайся кушаком”; *ala siižutade mäğudō* (Krl, 1503) “не останавливайся на горке”; *ala vedōde* (Krl, 1503) “не болтайся”.

В южновепеском диалекте данная рефлексивная форма основного глагола употребительна и при построении отрицательных форм мн. числа императива: *āgat mučkerdōde, segat* (Vg, 1503) “не делайте кислую мину, ешьте”; *āgat ajāde murči-märči, satatātō* (Sod, 1503) “не носитесь сломя голову, ушибетесь”; *āgam sporde* (Mg, 1503) “давайте не будем спорить”. Она же свойственна, по большей части, и пондальско-войлахотским говорам средневепеского диалекта: *augat kombuštude hiiden edes, hot’ ii makskoj* (Pnd, 3391) “не становитесь на колени перед ними, хоть и не платят”; *piičukaizēd, augat pörtte mōhā kodihe* (Pnd, 33939) “девочки, не возвращайтесь домой поздно”; *ougat laide mecas, mechiine kulištāb* (Vl, 3403) “не ругайтесь в лесу, хозяин леса услышит”; *ougam sorpte* (Vl, 3403) “давайте не станем одеваться”.

Во всех прочих отрицательных рефлексивных формах, как уже было отмечено выше, выступает отрицательный глагол с суффиксом императива в формах мн. числа, а при основном глаголе употребляется единый показатель рефлексивности, в котором отражаются те же самые диалектные особенности, уже обсужденные ранее нами в разделе, посвященном отрицательным лично-числовым формам мн. числа:

#### Северновепеский диалект

*algat satatagjiže* (Št, 3387) “не ушибетесь”; *algam sut’kiiže hiideke* (Št, 3385) “давайте не станам судиться с ними”; *algam kerakiže ühtse sijaha* (Kask, 3388) “давайте не станем собираться в одно место”; *veslas pajatad, algat vaise kird’utagjiže toižhe posadaħa aħamaħa, tulgad mijal’e* (Kask, 3385) “весело поете, не записывайтесь только в другую деревню, приезжайте к нам”;

#### Средневепеский диалект

*augatei opekoiš hubale* (Jä) “не учитесь плохому”; *susedaižed, augatei vastoi-goiš hätken, haikarzutei* (Jä; 1503) “соседи, не парьтесь долго, угорите”; *ougamei ozutagoiš heile* (Ladv, 1503) “давайте не покажемся им”; *ougatei sagoiš sareile,*

lanktetei sigapei (Vil) “не проситесь (не залезайте) на сарай, упадете оттуда”.

Форма синтетического отрицательного императива 3 лица мн. числа наиболее употребительна в восточных говорах средневепского диалекта; причем она абсолютно идентична форме ед. числа, и только контекст помогает различить формы: *ougha pôrtte tagaze, en pâsta hiid'* (Pnd, 3391) “пусть назад не возвращаются, я их не пушу”; *ougha opete hoindoin', ika putub hiile* (Pnd, 3394) “пусть плохо не учатся, а то попадет им”; *sanugat hiile: ougha pande puhthale* (VI, 3404) “скажите им: пусть на чистое не ложатся”; *ougha rušte hõ-ki, vilu om* (Kuja, 3397) “пусть и они не раздеваются, холодно”. В прочих диалектах данная форма теоретически возможна и понимаема старшим поколением, но редко употребительна: *ougha ruškois, teravas lähtemei, ka kucumei hiid'-ki* (Jä) “пусть не раздеваются, скоро пойдем, так позовем и их”; *algha kerakjize pert'he, hiile vereil om läm'* (Št) “пусть не собираются в доме, им тепло на улице”. Наиболее же употребительна при передаче значения рефлексивности в 3 лице мн. числа аналитическая конструкция с глаголом *okha* “пусть” (средневепский диалект) и *laske* “пусть” (северновепский и восточновепские говоры) и основным глаголом в отрицательной форме 3 лица мн. числа презенса (то есть аналогично русской конструкции “пусть не раздевается”): *laske ii peskkjize, potom hiidastaze kuctaze kül'betihe* (Št, 3394) “пусть не моются, потом их позовут в баню”; *okha ii pangoiš magattaha, varastadas miid'* (Jä) “пусть не ложатся спать, подождут нас”.

## КОНДИЦИОНАЛ

Формы кондиционала в возвратном спряжении маркируются также суффиксом *-iži-*, который выступает и в основном спряжении, и условия присоединения его к лексической основе также аналогичны формам основного спряжения: *mina kerazižin* “я собрал бы”, *mina kerazižimoi* “я собрался бы”; *mina rušižin* “я раздел бы”, *mina rušižimoi* “я разделся бы”. Разница заключается, как свидетельствуют примеры, в том, что в основном спряжении после суффикса кондиционала употреблено личное-числовое окончание основного спряжения, в возвратном же спряжении – соответственно возвратного.

Формы кондиционала возвратного спряжения обладают тем же соотношением временных форм, что и основное спряжение. Отметим, что *презент кондиционала* обозначает возможное действие в будущем (*mina pežižimoi kül'betiš, ku ehtižin tulda tagaze* (Št) “я бы помылся в бане, если бы успел возвратиться”); *имперфект кондиционала* имеет значение однократного действия, связанного с определенным моментом речи (*kasnuižimoi*

kaikihe polihe, da ved pähä siloi ii tulnu, miise mindei vargiitaze (Št) “оглянулся бы я во все стороны, если бы знал тогда, что меня сторожат”); *перфект кондиционала* обозначает возможное действие, результат которого мог бы ощущаться и в настоящий момент (mina *oližin kerinus*, ku *oližin tenu*, miise sinei mel’he lühudad tukad (Št) “я бы подстриглась тогда, если бы знала, что тебе нравятся короткие волосы”); *плюсквамперфект кондиционала* имеет значение действия, которое могло бы произойти в прошлом, ранее возможного действия, обозначаемого имперфектом (San’a *kärouzižihe*, a *hö gö pördnus olnužiiba* (VI) “Саня обернулся бы, а они уже успели бы уйти”). Думается, что нет необходимости подробно рассматривать все временные формы кондиционала в возвратном спряжении. Отметим лишь, что, по нашим наблюдениям, сложные временные формы глаголов в возвратном спряжении не так употребительны, нежели в основном. И имеется еще одна любопытная деталь, характеризующая синтетические формы времени кондиционала отрицательного спряжения. Если в индикативе возвратного спряжения основную нагрузку в передаче значения возвратности во всех лицах ед. числа, а в ряде говоров даже и мн. числа, несет в себе особая форма смыслового глагола с показателем *-te*, *-de* (en *ište* “я не усядусь”, ed *ište* “ты не усядешься”, ei *ište* “он не усядется”; en *sobde* “я не оденусь”, ed *sobde* “ты не оденешься”, ei *sobde* “он не оденется”), то в кондиционале в данной функции закрепились формы 3 лица ед. или мн. числа: en *tegižihez* “я не сделалась бы”, en *pideižihez* “я не держалась бы”, ii *tegižihez* “он не сделался бы”, ii *pideižihez* “он не держался бы” (Šim, Зайцева М.И., 1981б с. 281); en *sädižihe* “я не оделась бы”, ed *sädižihe* “ты не оделась бы”, ei *sädižihe* “она не оделась бы” (VI); emai *peznužihezo* “мы не мылись бы”, etai *peznužihezo* “вы не мылись бы”, ii *peznužihezo* “они не мылись бы” (Рес, Хямяляйнен М.М., 1966, с. 92). В этом случае форма 3 лица как бы застыла в одной и той же форме, придавая любому лицу значение возвратности, в то время как на само лицо указывают лично-числовые окончания.

В приложении к работе дано спряжение глагола *pestas* “мыться” во всех диалектах, из полной парадигмы которого можно пронаблюдать и все особенности кондиционала возвратного спряжения. Здесь же мы ограничимся некоторыми примерами на употребление форм кондиционала возвратного спряжения в диалектах вепского языка:

#### Северновепский диалект

*kerazižime* mõ kaik pereh ühthe (Št, 3385) “мы бы собрались все вместе, всей семьей”; *souptaižime* kaik, verjad souptaižim (Št, 3382) “закрылись бы все, двери закрыли”; *peznužiime* mina vilus-ki vedes (Toižeg, 3384) “я умылась бы и холодной водой”; *oližid kül’bnuze d’o sil aigal* (Kaleig, 3389) “ты бы тем временем уже искупалась”; ku *olnižid keradanuze*, ka lähtnižid miideke (Kask,

3387) “если бы собралась, так пошла бы с нами”; *en olniži vasttmuze sinunke oc ocha, ka en olniži tundištanu-ki* “если бы мы с тобой не встретилась с глазу на глаз (досл. “лоб в лоб”), так я и не узнала бы тебя”;

#### Средневепский диалект

*anda, g'ümou, tegižimoi mina tervheks* (Pnd, 3395) “дай Бог, стала бы (“сделалась бы”) я здоровой”; *ven dengid'*, *miše mina spravižime* (VI, 3391) “отнесу денег, чтобы я поправилась бы”; *iilend, miše mini mida-se ei ozutaižihe* (VI, 3391) “не было такого, чтобы мне что-то не привиделось”; *em ajuunuižihe, da mama hond om* (VI) “и не ездили бы, да мама плоха”; *oliži vastnus d'ööckeine* (Kuja, 3402) “встретилась бы девочка”; *jumalaižele ristிžimoi* (Nažam, NÄKM, s. 377) “Богу бы помолилась”; *olnuiži ozutanus, ka min'a usknužin'* (Jä) “если бы показалась, так поверила бы”; *etai peznuižihezoi* (Рес, Хямяляйнен М.М., 1966, с. 92) “вы не мылись бы”; *emei oliži jonus, ka ištuižimoiš vöi kerdan čajud jomha* (Ladv) “если бы мы раньше не напились чаю, так уселись бы еще раз пить чай”; *samuižimoiš ku Tifinahassei, ka gor'ad ii oliž* (Ladv) “добрались бы до Тихвина, так и гора бы не было”;

#### Южновепский диалект

*vastäišitö miidamu* (Sod) “если бы вы встретились с нами”; *ustavīnūžihe čoma sä silö, ka jo heinantegole lähtnūžimā* (Mg) “погода бы еще тогда установилась хорошая, так еще тогда пошли бы на сенокос”; *emā peznūžimö* (Mg) “мы бы не стали мыться”; *kacnūžitö, ka nimida iliz* (Vg, 1503) “смотрели бы, так ничего бы не случилось”.

## ВОЗВРАТНОЕ СПРЯЖЕНИЕ В МЛАДОПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ

Как показал анализ материала по рефлексивному спряжению, система лично-числовых рефлексивных окончаний довольно пестра по диалектам, обязана своим происхождением многим комбинациям и сочетаниям окончаний. По нашим наблюдениям, рефлексивное спряжение достаточно не просто осваивается теми детьми в школах, которые слабо владели вепским языком в семье. Поэтому при выборе рекомендаций по системе рефлексивного спряжения для младописьменного языка мы стремились упростить ее, однако, конечно же, не в ущерб пониманию форм теми, кто хорошо владеет языком. Из всего многообразия диалектных форм мы попытались составить стройную систему спряжения, которая бы была понятна всем, и воспринималась бы активными носителями языка как не нечто чуждое, а как нечто запоминающееся и узнаваемое. Здесь, как

нельзя кстати были наши материалы, а также и владение историей сложения рефлексивного спряжения, что помогало основываться иногда на наиболее древней форме, которая оказывалась особенно удачной и понимаемой. Более чем десятилетний период функционирования младописьменного языка (письменность была возрождена в 1989 году) показал и некоторые наши упущения в этой области. Так, с целью упрощения системы лично-числовых окончаний в учебной литературе и пособиях по грамматике вепского языка рекомендовалось вначале единообразить лично-числовые окончания ед. и мн. чисел (напр. *mina vasttamoï* “я встречусь” и *mõ vasttamoï* “мы встретимся”), сделать их одинаковыми (как это, например, имеет место в ряде форм 3 лица: *sädižihe* “он оделся бы; они оделись бы”; *ei oliži kändhus* “он не повернулся бы; они не повернулись бы” и т.д.). В этом случае следовало при различении форм полагаться на контекст, как это в языке и на самом деле часто происходит. Опыт преподавания вепского языка в школе и в университете показал, что в названном случае (в случае рефлексивного спряжения, его лично-числовых окончаний) легче усваивается грамматически оформленный вариант. В последующих пособиях мы стали оперировать разными вариантами окончаний для форм ед. и мн. чисел (напр. *mina vastta-moï* “я встречусь”; *mõ vastta-moïš* “мы встретимся”). К изменению нашего первоначального предложения, исходя из опыта преподавания, мы пришли и в выборе окончания 3 лица ед. числа: первоначально был рекомендован вариант без *-i* в составе окончания: *hän vasttase* “он встретится”. Мы основывались на том, что так действительно часто происходит и существует в языке и пришли к выводу, что чем короче вариант окончания, тем легче его освоить. Кроме того, мы исходили и из оформленности 3 лица имперфекта, в лично-числовом окончании которого *-i* (*veri-he*. “(он) пошел улегся”) отсутствует. Но оказалось, что намного легче осваиваются идентично построенные варианты окончаний, например, если существует – *mina vastta-moï* “я встречусь”; *sina vasta-toï* “ты встретишься”, то и – *hän vastta-soï* “он встретится” (а не *hän vastta-se*, как предлагалось первоначально).

Проиллюстрируем в таблице систему рефлексивного спряжения в младописьменном вепском языке глагола *sätas* “одеваться”:

## ИНДИКАТИВ

### Презенс

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sädamoi	sädamoiš
2 sädatoi	sädatoiš
3 sädasoï	sädasoïš

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en säte	em säte
2 ed säte	et säte
3 ei säte	ei säte

### Имперфект

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sädimoi	sädimoiš
2 sädatoi	sädatoiš
3 sädihe	sädihe

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sädnus	em sädnus
2 ed sädnus	et sädnus
3 ei sädnus	ei sädnus

### Перфект

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 olen sädnus	olem sädnus
2 oled sädnus	olet sädnus
3 om sädnus	oma sädnus

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en ole sädnus 2 ed ole sädnus 3 ei ole sädnus	em olgoi sädnus et olgoi sädnus ei olgoi sädnus

### Плюсквамперфект

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. числ
1 olin sädnus 2 olid sädnus 3 oli sädnus	olim sädnus olit sädnus oliba sädnus

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en olnu sädnus 2 ed olnu sädnus 3 ei olnu sädnus	em olnugoi sädnus et olnugoi sädnus ei olnugoi sädnus

### Императив

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 2 säte 3 säkahas	sakämoiš säkatoiš säkahas

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 2 ala säte 3 algha säkoiš	algam säkoiš algat säkoiš algha säkoiš



## КОНДИЦИОНАЛ

### Презенс

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sādižimoi	sādižimoiš
2 sādižitoi	sādižitoiš
3 sādižihe	sādižihe

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sādižihe	em sādižihe
2 ed sādižihe	et sādižihe
3 ei sādižihe	ei sādižihe

### Имперфект

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sādnužimoi	sādnužimoiš
2 sādnužitoi	sādnužitoiš
3 sādnužihe	sādnužihe

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sādnužihe	em sādnužihe
2 ed sādnužihe	et sādnužihe
3 ei sādnužihe	ei sādnužihe

## Перфект

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 oližin sādnus	oližim sādnus
2 oližid sādnus	oližit sādnus
3 oliži sādnus	oližiba sādnus

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en oliži sādnus	em oliži sādnus
2 ed oliži sādnus	et oliži sādnus
3 ei oliži sādnus	ei oliži sādnus

## Плюсквамперфект

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 olnuižin sādnus	olnuižim sādnus
2 olnuižid sādnus	olnuižit sādnus
3 olnuiži sādnus	olnuižiba sādnus

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en olnuiži sādnus	em olnuiži sādnus
2 ed olnuiži sādnus	et olnuiži sādnus
3 ei olnuiži sādnus	ei olnuiži sādnus

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

### ВЕПСКИЙ ГЛАГОЛ И ВЕПСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Обзор литературы по теме глагольного словоизменения в вепском языке свидетельствует, что до сегодняшнего дня данное направление не обладает серьезными академическими исследованиями всех диалектов. Работы финских и венгерских языковедов XIX века имели характер небольших очерков, дающих лишь некоторое общее представление о вепском языке в целом (см. Lönnrot E., 1853; Ahlqist A., 1861; Szinnyei J., 1881; Basilier Hj., 1890). Они в настоящее время ценны тем, что в них в той или иной степени выявлен перечень форм грамматики вепского языка; и именно они позволяют иметь материалы по вепскому языку и в некоторой исторической перспективе, поскольку памятники письменности на вепском языке практически отсутствуют. Последующие работы посвящались исторической фонетике вепского языка, изученность которой дает возможность для исторических умозаключений по развитию отдельных моментов в том числе и грамматики глагола, и его синтаксису (Kettunen L., I–II, 1922; 1943; Tunkelo E.A., 1946), а также отдельным проблемам грамматики вепского языка. Отечественная лингвистическая наука располагает двумя описаниями грамматической структуры вепского языка, каждое из которых опирается на один из говоров (пелдушский – Хмяляйнен М.М., 1966; шимозерский – Зайцева М.И., 1981). Более полных сравнительно-сопоставительных исследований в области всех диалектов грамматики глагола до сих пор нет. А сегодня прибалтийско-финская лингвистическая наука, а также и практика жизни, направленная на возрождение вепского языка и культуры, на создание квалифицированных и научно обоснованных учебников и учебных пособий, настоятельно нуждаются в исследованиях в названной области вепского языка.

Работа “Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование”, выполненная на средства гранта РГНФ (№ 98–04–06155а), в определенной степени ликвидирует серьезный пробел в изучении наиболее сложной области грамматики вепского языка – грамматики глагола. Названное исследование, в котором представлены в сравнительном плане с привлечением языковой истории все диалекты и говоры вепского языка,

а также проведено некоторое сопоставление с данными других языков, имеет любопытные выходы в сферу сходств и различий диалектов, в их взаимодействие с родственными и неродственными языками, и, в конечном итоге, в их формирование. Достаточно интересно пронаблюдать на грамматике вепского глагола и соотношение правил и исключений в сравнении его по данному аспекту с именным словоизменением.

Грамматика любого языка связана, прежде всего, системой правил, ей непосредственно свойственных. Исключение представляет отступление от правила, от обычного порядка вещей. Соотношение же правил и исключений служит тем важным критерием, на основании чего составляются характеристики языка, выделяются диалекты, наречия или группы диалектов, группы родственных языков. Причем, соотношение названных явлений – фактор подвижный, в процессе развития языка какое-либо исключение может стать правилом и, напротив, правило может превратиться в исключение. В свою очередь, знание подобного соотношения дает возможность проследить как историю развития отдельных категорий, так и языка в целом. В период же новейшей истории, во время формирования письменных традиций языка знание соотношения правил и исключений служит надежным критерием отбора диалектного материала для построения более обоснованной грамматической и орфографической концепции языка.

Современная грамматика вепского языка представляет собой результат взаимодействия трех факторов: 1) наследия прибалтийско-финского языка-основы; 2) следствия контактов с соседними народами и языками; 3) результата самостоятельного развития языка. Причем каждый из названных факторов по диалектам представлен либо как правило, либо как исключение из правила, что и составляет характеристику того или иного диалекта.

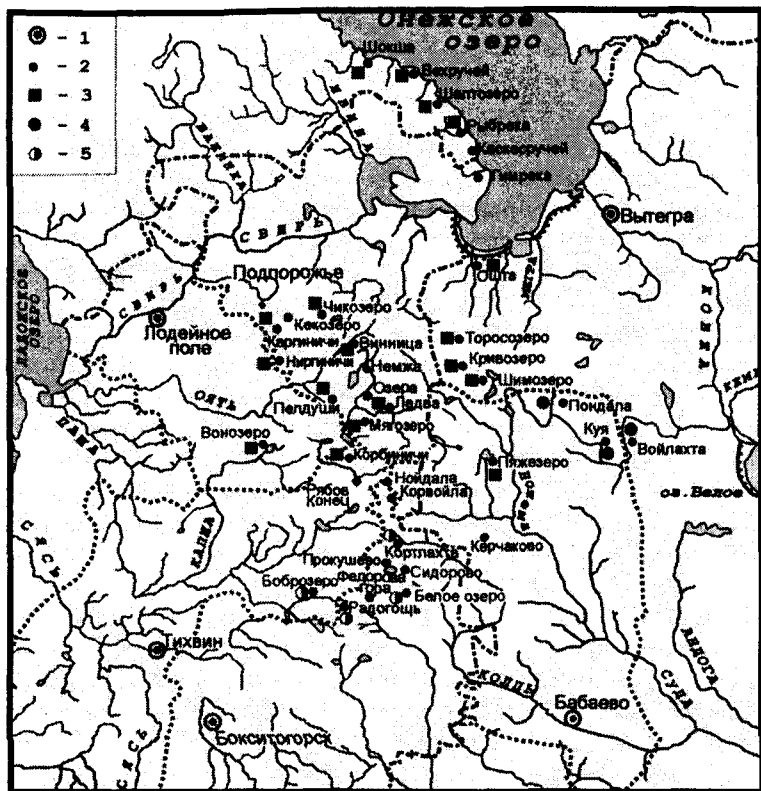
Как известно и как показано в нашем исследовании, в вепском языке выделяется три основных диалекта: северновепский, или прионежский, южновепский и средневепский, в котором принято выделять две группы говоров – западные и восточные. Отдельные особенности диалектов были названы еще в работах ученых XIX века (E. Lönnrot, 1853; A Ahlqvist, 1861; Szinyei J., 1881; Jh. Basilier, 1890). Со временем сведения по диалектам все более пополнялись, концентрируясь как в теоретических работах, написанных на вепском материале либо с его привлечением, так и в образцах вепской речи (см. напр. L. Kettunen, 1920; 1922; 1925; 1943; E.A. Tunkelo, 1946; Н.И. Богданов, 1960; М.И. Зайцева, М.И. Муллонен, 1969; М.И. Зайцева, 1981 и т.д.). Тем самым наука сегодня располагает определенными сведениями в области вепских диалектов, хотя пока еще

не сказала ничего достаточно определенного по проблеме их формирования.

Анализ грамматического материала по диалектам вепсского языка представляет любопытную картину. Если сравнить именное и глагольное словоизменение, то выявленные результаты окажутся достаточно неравноценными. Так, именное словоизменение в языке сравнительно однородно, и на его основании вряд ли можно было бы говорить о наличии в вепсском языке диалектов вообще. Единственное, действительно серьезное исключение из данного правила, – это различная оформленность в диалектах падежа позднего (послеложного) происхождения - комитатива, существование которого признается во многих работах по вепсскому языку (L. Kettunen, 1943, s. 359–360; F. Oinas, 1961, p. 72; М.И. Зайцева, 1981, с. 198; Н.Г. Зайцева, 1981, с. 128–129 и др.). Названный падеж имеет по диалектам форманты **-nke** и **-dme**, **-dmu** (sizareнке “с сестрой”, koiranke “с собакой” – sisartme, koiradme~sizarьtmu, koiramu). Комитатив с окончанием **-nke** объединяет между собой северновепсский и часть говоров средневепсского диалекта, разделяя при этом восточные говоры средневепсского диалекта на две группы. Пяозерско-шимозерским говорам свойствен комитатив на **-nke**, как и северновепсскому диалекту; куйско-пондальским – на **-dme**, что объединяет их с южновепсским диалектом. Данное явление интересно, поскольку демонстрирует серьезную грамматическую неоднородность восточных говоров, относимых к одной группе и территориально расположенных на довольно компактной территории. Следует отметить, что названные говоры известны науке не столь длительное время. Сведения о них в научный оборот в отечественном языкознании были введены Н.И. Богдановым (Н.И. Богданов, 1960) и несколько позднее М.И. Зайцевой и М.И. Муллонен, которые в основу академического словаря вепсского языка избрали пондальский (восточновепсский) говор (М.И. Зайцева, М.И. Муллонен, 1972). Впоследствии М.И. Зайцева подготовила грамматику вепсского языка (Зайцева М.И., 1981), где в качестве опорного был взят также восточновепсский шимозерский говор. Тем не менее, каких-либо выводов о составе восточных говоров, их однородности или, напротив, неоднородности, их месте в системе вепсского языка пока не сделано.

В целом же даже углубленный анализ грамматического материала в области именного словоизменения не позволил обнаружить еще что-либо достаточно серьезное и заслуживающее внимания в оппозиции правил и исключений, позволяющее выйти в область вепсской диалектологии.

Грамматика же глагольного словоизменения вепсского языка представляет собой значительно более разнообразную картину соотношения правил и исключений по диалектам. Прежде всего, обращает на себя



**Представительство окончания комитатив а  
в диалектах вепсского языка**

1 – названия городов; 2 – названия селений; 3 – nkε; 4 – -(d)mc; 5 – -(d)mu

внимание проблема типов глагольных основ в вепсском языке. Как нами было отмечено, данная проблема до сих пор практически совсем не изучалась. А между тем, из-за исторических подвижек в облике слов, из-за выпадения и отпадения звуков основы глаголов в вепсском языке значительно отличается от основ глаголов родственных прибалтийско-финских языков. Материалы диалектов вепсского языка позволили в некоторой степени пересмотреть соотношение типов основ (см. более подробный анализ Зайцева Н.Г., 2000, с. 156–164; Zaiceva N., 2000, pp. 119–133). В дополнение к характерной для других прибалтийско-финских языков оппозиции “одноосновные-двухосновные глаголы” в вепсском языке в его синхронном плане мы в нашей работе выделяем:

1) одноосновные глаголы с двумя типами гласных основ; последние мы определяем как *долгая* и *краткая* гласная основы: *raimeta* “пасти” – *paimenda*-п “(я) пасу”, *paime*-kat “пасите!”; *kerata* “собирать” – *kerada*-п “(я) собираю”, *kerä*-kat “собирайте!”; *kaita* “хранить” – *kaiče*-п “(я) храню”, *kai*-kat “храните!”. По нашим наблюдениям, краткая гласная основа выступает всегда у глаголов, которые имеют инфинитив на *-ta*;

2) двухосновные глаголы, обладающие, кроме согласной, двумя типами гласных основ: *käta* “переворачивать” – *känd*-maha “переворачивать-форма III инфинитива”, *kända*-п “(я) переверну”, *kä*-kat “переворачивайте!”; *vata* “играть” – *vänd*-maha “играть-форма III инфинитива”; *vända*-п “(я) играю”, *vä*-kat “играйте!”; *leta* “лететь” – *lend*-maha “лететь”, – форма III инфинитива”, *lenda*-п “(я) лечу”, *le*-kat “летите”; *gata* “работать” – *rad*-maha “работать-форма III инфинитива”, *rada*-п “(я) работаю”, *ra*-kat “работайте!”. Интересно отметить, что исследование показало: краткая гласная основа употребляется в тех формах, в которых должна была бы выступать согласная основа. Это наблюдение позволяет предположить, что краткая гласная основа возникла из согласной основы, как результат ее сокращения. Причем данная особенность стала свойственной и форме инфинитива, где у глаголов при наличии краткой гласной основы выступает всегда именно последняя (*paime*-ta “пасти”, ср. *raimenda*-п “(я) пасу”, *vali*-ta “выбирать”, ср. *valiče*-п “(я) выбираю”), и поэтому теперь можно всерьез говорить об основе инфинитива и ее выделении в вепском языке. Названная особенность характерна всем вепским диалектам, что позволяет считать ее общевепским явлением. Таким образом, развитие типов основ глагола в вепском языке пошло своеобразным путем, поставившим формы глагола несколько особняком среди прочих прибалтийско-финских языков и сделавших их тем самым некоторым исключением из общего правила, своеобразным прибалтийско-финским раритетом.

Но, кроме того, вепская грамматика глагола обладает рядом особенностей по диалектам, которые имеют выход в сферу их формирования. Обращает на себя внимание оппозиция пассивных (имперсональных) и активных форм, которые выполняют функцию 3 лица мн. числа в активе презенса и имперфекта индикатива. Как показывает сравнительно-сопоставительное исследование грамматики вепского глагола, в этом отношении северновепский и южновепский диалекты занимают полярные позиции. Для южновепского диалекта характерно более древнее положение вещей: в нем сохранились активные по происхождению формы, как в презенсе, так и в имперфекте (*tuleba* “(они) идут”, *paneba* “(они) кладут”, *maneba* “(они) идут”; *tuliba* “(они) пришли”, *paniba* “(они) положили”, *maniba* “(они) пошли”), хотя и здесь имеются исключения.

И вообще, названный диалект и население, говорящее на нем, проявляют большую архаичность и во многих других отношениях.

Северновепсский диалект демонстрирует, за некоторыми исключениями (см. напр. I. Savijarvi, 1990, s. 162–163), полную победу в употреблении пассивных форм в качестве активных в 3 лице мн. числа презенса и имперфекта индикатива (*lähttaze lapsed mecha mardid poimmaha* “пойдут дети в лес ягоды собирать” ~ *todihe vett, kiittihe čajud, da d’od’ he külläks nene akeižed* “принесли воды, вскипятили чай, эти женщины напильсь”), что свойственно, как известно, всем диалектам карельского языка. Для северновепсского диалекта в грамматике глагола характерны также и иные явления, напоминающие карельский язык, например: образование особого типа основы для 3 лица ед. числа презенса у глаголов с гласной основой на *-e-*, где *e>o* (*rakičob* “просит”, *tulob* “придет”, *nägğob* “видит”, *immob* “сосет” – в других диалектах *rakičeb, tuleb, nägeb, imeb*; см. об этом явлении в карельском языке П. М. Зайков, 1997, с.25; 1999, с. 65; 2000, с. 103); встречаемость форм потенциала, которые практически совсем неизвестны другим диалектам вепсского языка (*ed ehtne tabata mindei* “возможно, ты не поймашь меня”; *tulnob hengudele kebnuz’* “возможно, легче станет на душе”) и т. д. (см. также Зайцева Н.Г., 1992, с.15–21). Это свидетельствует об активных контактах северновепсского диалекта с карельским языком и интенсивном влиянии последнего именно на систему глагола. На контакты между северными вепсами и карелами имеются указания и в других областях науки; например, северновепсская праздничная обрядность в ряде элементов, по утверждению этнолога И. Ю., Винокуровой, также близка карельской (Винокурова И. Ю., 1996, с. 116). Все это объясняется, очевидно, участием карелов в этногенезе северных вепсов.

Язык же средних вепсов в отношении употребления активных и пассивных форм в функции 3 лица мн. числа демонстрирует некоторое перераспределение функций: в презенсе употребляются пассивные по происхождению формы, в имперфекте – активные (*tuldaz niičed bes’odale da kezertas ehtan* “придут девушки на беседу и пропрядут вечер” ~ *tuliba kerdan sinnä prihadki* “пришли однажды и парни туда”). Восточные же говоры средневепсского диалекта в их употреблении демонстрируют опять-таки свою неоднородность. Пяозерские говоры проявляют близость к южновепсскому диалекту, тогда как куйско-пондальские говоры в этом отношении близки к западным говорам средневепсского диалекта. Причем, отметим, что пяозерские говоры, судя по многим явлениям грамматики глагола, являются переходными между средневепсским и южновепсским диалектами, хотя никогда к таковым в науке не относились. Шимозерские говоры занимают промежуточное место между пяозерскими и пондальскими говорами.



Серьезные отличия в соотношении правил и исключений можно обнаружить в образовании глагольных форм мн. числа. Если для южно-вепсского диалекта и западных говоров средневепсского диалекта характерен так называемый “долгий” вариант лично-числовых окончаний (*tulemā* “(мы) придем”, *panetā* “(вы) положите”; *tulemei, panetei*), то для северновепсского – краткий (*tulem, panem*). Восточные говоры вновь распадаются на две группы:

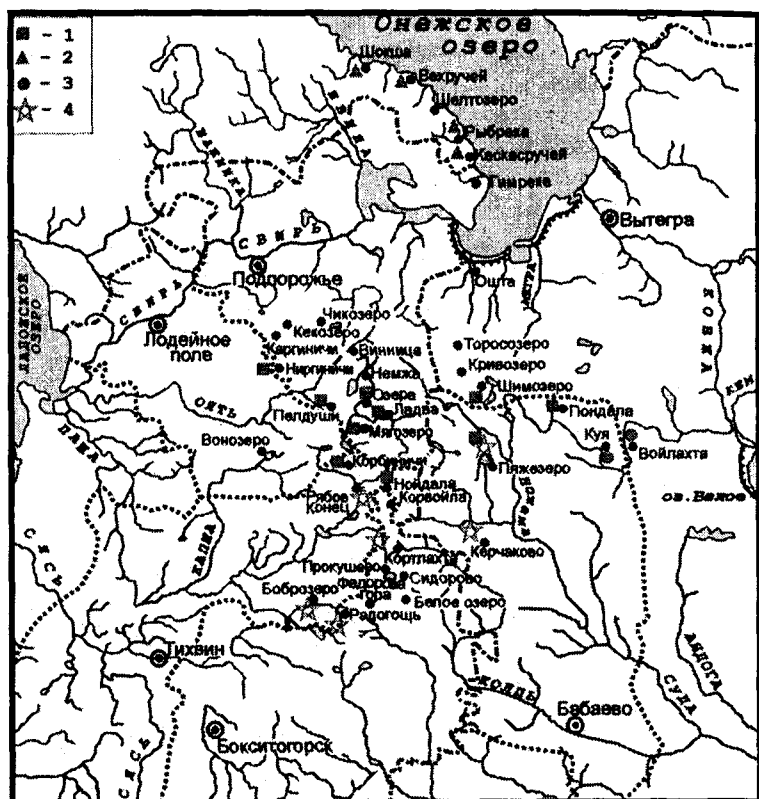
а) куйско-пондальские говоры, напоминающие в отношении образования названных форм северновепсский диалект. К ним же примыкали, как свидетельствуют записи XVIII века Х. Базилиера, так же исаевские говоры, уже несуществующие ныне (*andam* “дадим”, *tegem* “сделаем”: Hj. Basilier, 1890, s. 73);

б) пязозерские, шимозерские и сяргозерские говоры (сведения по последним известны только из литературы, поскольку сейчас уже нет возможности сделать записи из-за полного обрусения населения названного пункта), где правилом является употребление “долгого” варианта окончания, как в южновепсском и западных говорах средневепсского диалекта. То есть здесь налицо контакты и связи между северными и восточными куйско-пондальскими вепсами.

В отношении образования отрицательной формы 3 лица мн. числа презенса индикатива восточные говоры вновь проявляют неоднородность. Пязозерские говоры обладают двумя грамматическими вариантами для обозначения отрицательности в 3 лице мн. числа. Один из них – *ei lugekoi* “не читают”, *ei sanugoi* “не говорят” – присущ и другим говорам средневепсского и северновепсского диалекта; другой исключительно яркий и редкий вариант – *eba luge* “не читают”, *eba sanu* “не говорят” – опять-таки тесно связывает пязозерские говоры с южновепсским диалектом. Куйско-пондальские же восточные говоры проявляют сходство с северновепсским диалектом (*ei lugekoi, ei sanugoi*).

Особенно пестрой выглядит картина образования лично-числовых отрицательных форм 3 лица мн. числа имперфекта. Нам удалось обнаружить 4 различного рода отрицательные конструкции: северновепсский диалект – *ei tuldud* “не пришли”, *ei mändud* “не пошли”; средневепсский – *ei tuunugoi, ei männugoi*; южновепсский – *eba tulend, eba mänend*. Восточновепсские говоры и на этот раз проявляют двойкость: пязозерские говоры напоминают южновепсский диалект, а куйско-войлахотские говоры имеют исключительно редкую, практически неизвестную нынешним исследователям вепсского языка форму – *ei tuunuhi* “(они) не пришли”, *ei g'onuhi* “(они) не пили”, *ei lugenuhi* “(они) не читали”. Правда, данная форма была отмечена в свое время также в сяргозерском говоре: *em annuhi* “(мы) не дали”, *em t'udnuhi* “(мы) не бросили”, *em saubanuhi* “(мы) не





**Представительство отрицательной формы 3 лица мн. числа имперфекта индикатива в диалектах вепсского языка (глагол *tulda – tuuda – tūda* придти)**

1 – *ci tuunugoi*; 2 – *ci tuldud*; 3 – *ci tuunuhu*; 4 – *cba tulend*

материал, который на данной территории находится, к сожалению, пока на стадии сбора, позволяет предположить, что здесь в прошлом имели место отдельные, точечные, по наблюдениям исследователя вепсской топонимии Муллонен И.И., поселения карелов, язык которых и мог послужить источником для заимствования обсуждаемого явления в названные говоры (устное сообщение Муллонен И.И.; см. также 1988; 1994; 2000, 2001). Это добавило тем самым пестроты в грамматику вепсского глагола и, в первую очередь, в грамматику восточновепских говоров.

Достаточно интересна и пестра также картина возвратного спряжения в вепсском языке. При исследовании данной грамматической категории удалось выяснить, что при формировании ее действовали три фактора:

1) стремление создать стройную систему грамматических форм. Это явление было свойственно уже периоду позднего прибалтийско-финского языка-основы, поскольку одинаковые лично-числовые окончания или их части, кроме вепсского, известны нескольким родственным языкам: ливвиковскому и людиковскому диалектам карельского языка, ижорскому языку, восточным диалектам финского языка. Как показал наш анализ, такая система, в первую очередь, лично-числовых окончаний презенса индикатива, в вепсском языке сложилась; в этом нет по диалектам каких-либо правил и исключений. Отметим лишь, что наиболее стройно оппозиция лично-числовых окончаний представлена в южновепсском диалекте, где отмечается наиболее древнее положение вещей (см. Kettunen L., 1943, s. 23; Koivisto J., 1990, s. 131);

2) намерение образовать единый показатель рефлексивности, сходный отчасти по употреблению с русским языком. Такой показатель возник из лично-числового окончания 3 лица презенса (-s, -se, -ze, -kse). Он стал указывать на рефлексивность в инфинитиве (pestas “мыться”, sätaze “одеваться”, verdakse “улечься”) и в сложных временных формах, в построении которых участвует причастие актива, присоединяющее для указания на значение рефлексивности при образовании последних именно единый показатель: olen sädnus “(я) оделся”, oled sädnus “(ты) оделся”, om sädnus “(он) оделся” и т.д.). В этом заметно несомненное влияние русского языка, хотя согласиться с тем, что названный показатель рефлексивности, а он еще обладает достаточно серьезными модификациями по диалектам, есть не что иное как заимствованная русская частица -ся (см. Suhonen S., 1974, s. 19–26), мы не можем и не видим необходимости, поскольку происхождение вариантов рефлексивного показателя легко объясняется вепсским материалом;

3) стремление использовать для построения отдельных рефлексивных форм особый показатель основы смыслового глагола, который на синхронном грамматическом уровне трудно поддается попыткам классификации как явления.

До сих пор лингвисты не сказали ничего конкретного по поводу того, чем считать рефлексивный показатель -te, -de (peste “мойся”, ala peste “не мойся”, augat peste “не мойтесь”), который маркирует, прежде всего, основу *смысловых* глаголов императива 2 лица ед. числа и основу некоторых отрицательных форм презенса индикатива (en peste “(я) не моюсь”, ei peste “(он) не моется). По традиции прибалтийско-финской грамматики, в форме императива 2 лица ед. числа должна выступать чистая лексическая основа глагола, и это правило неукоснительно соблюдается в основном спряжении, однако, в возвратном спряжении основа обладает дополнительным показателем. Можно предположить, что здесь мы имеем

результат смещения словообразовательного и словоизменительного уровней. Очевидно, в языке достаточно активно действовала модель передачи рефлексивного значения при помощи словообразовательных суффиксов. Таких суффиксов и сейчас немало: *süveneda* “углубиться”, *sünduda* “родиться”, *verduda* “рассердиться”. Таковым был и суффикс *-te-* (ср. напр. карельск. *andoaten* “(я) гожусь”, *andoatet* “(ты) годишься”: Адель Е., 1998, с. 124), который стремился стать единым показателем рефлексивности. Однако суффикс *-te-* ~ *-de-*, возникший, вполне очевидно, из личного местоимения, а, возможно, и из глагольного словообразовательного суффикса (ср. вепск. *lankten* “(я упаду)” и с течением времени проникший в грамматическую систему, но так и не освоенный ею до конца, стоит сейчас в вепском языке особняком и рассматривается нами в качестве показателя рефлексивной основы некоторых форм.

Сюда же в некоторой степени примыкает и построение отрицательных форм кондиционала презенса и имперфекта, где также в качестве основы, несущей в себе значение рефлексивности, вместе с отрицательным глаголом употребляется во всех лицах форма 3 лица ед. числа (в некоторых говорах только она одна, напр. VI: *en pezižihe, ed pezižihe, ei pezižihe* “я не мылась бы, ты не мылась бы он не мылся бы”) и мн. числа.

Хочется подчеркнуть, что и в целом некоторые явления грамматики вепского глагола стали своеобразным исключением из правил в системе грамматик родственных прибалтийско-финских языков. Кроме уже названных особенностей в типах глагольных основ, можно обратить внимание на образование отрицательных форм, в построении которых принимает участие специальный формант *-koi, -goi*, присоединяющийся к смысловому глаголу (*em lugekoi* “(мы) не читаем”, *em sögoi* “(мы) не едим”), имеющий по происхождению древневепские корни, и существование которого в других языках не отмечено. Южновепский диалект идет к образованию особой формы претерита на *-ške* “(я) не бывал”, которая по своему значению является более широкой, нежели привязанные к определенному временному отрезку формы имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта. Своеобразным вепским раритетом является происхождение и функционирование в кондиционале четырех временных форм, в то время как в прочих родственных языках их две или три.

Перечень явлений грамматики глагола, отражающих специфику соотношений правил и исключений, можно было бы еще продлить. Но думается, что и названных выше явлений было достаточно, чтобы убедиться в том, насколько многообразны и различны способы образования глагольных форм в диалектах вепского языка. Данное многообразие свидетельствует о том, что история развития категорий глагола была более сложной и противоречивой, нежели история развития категорий

именного словоизменения; категории глагола испытали, очевидно, существенное влияние и со стороны контактирующих языков, что отразилось, в свою очередь, на формировании диалектов вепсского языка. Восточные же говоры, отнесенные исследователями вепсского языка к средне-вепсскому диалекту, распадаются на две группы, которые, в свою очередь, проявляют в системе образования форм глагола, в соотношении правил и исключений чрезвычайно большое своеобразие. Насколько нам известно, это своеобразие распространяется и на фонетику, многие явления которой напоминают эстонский язык, и лексику названных говоров. Проблема формирования восточновепских говоров, их статус и место в системе диалектов вепсского языка пока представляют собой загадку, разрешение которой требует более основательных исследований как в области языка, так и привлечения данных из смежных наук.

## ЛИТЕРАТУРА И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Адель Е.Л. Глагольное словоизменение в карельском языке. Петрозаводск, 1998.
- Аристе П. Примечания // Хакулинен Л. Развитие и структура финского-суоми языка, ч. I. М., 1953. С. 290–306.
- Аристе П. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 5–27.
- Баранцев А.П. Забытый памятник некоторых языков южной Карелии первой половины XVII века // Вопросы финно-угорского языкознания (тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов). Т. 1. Сыктывкар, 1979. С. 121–122.
- Баранцев А.П., 1979а = Баранцев А.П. О взаимодействии языков южной Карелии в первой половине XVII века // Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии (тезисы докладов). Петрозаводск, 1979. С. 110–112.
- Богданов Н.И. К истории вепсов (по материалам топонимики) // Известия Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1951. Вып. 2. С. 24–31.
- Богданов Н.И. История развития лексики вепсского языка. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1953.
- Богданов Н.И. Народность вепсы и их язык // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 63–75.
- Бондарко А.В. Русский глагол. Л., 1967.
- Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Бубрих Д.В. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. Петрозаводск, 1948. Вып. 3. С. 42–50.
- Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка. М.-Л., 1955.
- Бубрих Д.В., 1997 = Бубрих Д.В., Беляков А.А., Пунжина А.В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997.
- Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999.
- Вийто Т.-Р. Описание плана выражения прионежского диалекта вепсского языка. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тарту, 1966.
- Винокурова И.Ю. Ритуал первого выгона скота на пастбище у вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 4–26.
- Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX века). Петрозаводск, 1994.
- Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX века). Петрозаводск, 1996.
- Винокурова И.Ю. Огонь в мифологии вепсов // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 148–167.
- Гухман М.М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 322–361.
- Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993.
- Дубровина З.М. Инфинитивы в финском языке. Л., 1972.
- Елисеев Ю.С. Финский язык // Основы финно-угорского языкознания.

Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975. С. 143–167.

Зайков П.М. Глагольное словоизменение в карельском языке. Автореф. дисс. д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1997.

Зайков П.М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999.

Зайков П.М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000.

Зайцева М.И. Глагольное словообразование в вепсском языке. Л., 1978.

Зайцева М.И. Грамматика вепсского языка. Л., 1981.

Зайцева Н.Г. Отражение взаимодействия разносистемных языков в структуре одного языка (на материале вепсского языка) // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 110–116.

Зайцева Н.Г. Именное словоизменение в вепсском языке. Петрозаводск, 1981.

Зайцева Н.Г. О вепско-саамских лексических параллелях // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1988. С. 22–32.

Зайцева Н.Г. О соотношении карельского и вепсского элементов в лексике говора с Михайловское // Вопросы финской филологии. Петрозаводск, 1992. С. 15–21.

Зайцева Н.Г. Вепско-русские языковые связи // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1994. С. 83–99.

Зайцева Н.Г. О вепско-русских языковых контактах // Контактологический энциклопедический словарь-справочник русского языка. Выпуск I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. М., 1995. С. 71–80.

Зайцева Н.Г. Младописьменные языки Карелии и академическая наука // 50 лет Карельскому научному центру Российской Академии наук. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1996. С. 214–215.

Зайцева Н.Г. Вепсский язык // Языки народов Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Т. I. М., 1997. С. 260–267.

Зайцева Н.Г. Языки малочисленных народов в многокультурном мире // Важнейшие результаты научных исследований Карельского научного центра Российской Академии наук. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1999. С. 135–136.

Зайцева Н.Г. Одна ли лексическая основа у одноосновных глаголов в вепсском языке // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 156–164.

Зайцева Н.Г., 2000а = Зайцева Н.Г. Вепсская литература 1990 годов // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 420–432.

Зайцева Н.Г., Муллонен М.И. Вепско-русский, русско-вепсский учебный словарь. Петрозаводск, 1995.

Зайцева Н.Г., Яковлева Л.П. Этапы исследования вепсского языка в свете библиографии // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1991. С. 82–113.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. СПб., 1816.

Карху Э.Г. Малые народы в потоке истории. Петрозаводск, 1999.

Керт Г.М. Саамский язык. Л., 1971.

Керт Г.М. Дмитрий Владимирович Бубрих. Очерк жизни и деятельности. Л., 1975.

Косменко А.П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984.

Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. М., 1994.

КСВЯ = Картотека “Словаря вепсского языка”. Хранится в секторе языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск.

Кяхрик А. О влиянии двух языковых ареалов на систему категории времени южновепсского глагола // Вопросы финно-угроведения. Языкознание (тезисы докладов и сообщений на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов). Сыктывкар, 1979. С. 50.



Кяхрик А. О формировании парадигмы возвратных глаголов в вепском языке // Советское финно-угроведение. Таллин, 1978. № 4. С. 267–275.

Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

Леман К. Документация языков, находящихся под угрозой вымирания (Первоочередная задача лингвистики) // Вопросы языкознания. М., 1996. №2. С. 180–191.

Майтинская К.Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. С. 214–382.

Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.

Макаров Г.Н. Карельский язык // Языки народов СССР. Т. III. М., 1966. С. 61–80.

Муллонен И.И. Гидронимия бассейна реки Оять. Петрозаводск, 1988.

Муллонен И.И. Очерки вепской топонимики. СПб, 1994.

Муллонен И.И. Вепские языковые древности // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 94–103.

Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Автореф. дисс. д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 2000.

Муллонен И.И. Этнонимы вепсов // Прибалтийско-финские народы России. Рукопись.

Муллонен М.И. Вепская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967. С. 105–109.

Назаренко В.А. Погребальная обрядность приладожской чуди. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1983.

ОВР = Зайцева М.И., Муллонен М.И. Образцы вепской речи. Л., 1969.

Основы, 1974 = Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

Основы, 1975 = Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

Основы, 1976 = Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.

Петухов А.В. Большая земля вепсов // Народов малых не бывает. М., 1991. С. 159–178.

Петухов А.В. Трудная судьба потомков веси // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля, 1995. С. 435–451.

Пименов В.В. Вепсы. М.-Л., 1965.

Пименов В.В., Строгальщикова З.И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 4–26.

Повесть временных лет. Ч. I. М.-Л., 1950.

Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989.

Рягов В.Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977.

СВЯ = Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

Серебrenников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Серебrenников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.

Строгальщикова З.И. Традиционное жилище Межозерья. Л., 1986.

Строгальщикова З.И. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепской народности // Народность вепсы и их язык. Петрозаводск, 1989. С. 27–42.

Строгальщикова З.И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С.95–106.

- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.  
 Финно-угорский мир (Справочник по истории, культуре и языку). Будапешт–  
 Москва, 1996.
- Хямляйнен М.М. Вепский язык // Языки народов СССР. Т III. М., 1966. С. 81–101.  
 Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.  
 Ярцева В.Н. Диахроническое изучение системы языка // О соотношении  
 синхронного анализа и исторического изучения. М., 1960. С. 5–57.
- Ahlqvist A. Anteckningar i Nord-tschudiskan // Acta societatis scient. Fennicae. Hki,  
 1861. № VI. S. 7–78.
- Basilier Hj. Vepsäläiset Isajevan voolestissa. // SUSA. Hki, 1890. № VIII. S. 42–84.  
 Grünthal R. Livvistä liiviin. Itämeren etnonyymit. Hki, 1997. (Castrenianumin  
 Toimitteita, № 51).
- Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs korjattu ja lisätty painos. Hki, 1979.  
 Hakulinen A., Karlsson F. Nykysuomen lauseoppia. Helsinki, 1979.  
 Harms R. Estonian Grammar. The Hague. 1962.  
 Häkkinen K. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa. Turku, 1985.  
 (Fennistica, № 6).
- Häkkinen K. Agrikolasta nykykieleen. Suomen kirjakielen historia. Juva, 1994.  
 Häkkinen K. Suomalaisten esihistoria kielitieteen valossa. Hki, 1996. (Tietolipas, № 147).  
 Hämäläinen M.M., Andrejev F.A. Vepsa-venähine vajehnik. M.-L., 1936.  
 Ikola O. Perfektin ja pluskvamperfektin synnystä // Virittäjä. Hki, 1960. № 4. S. 364–367.  
 Ikola O. Nykysuomen käsikirja. Tapiola, 1974.  
 Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaimurteidan synty // Virittäjä.  
 Hki, 1971. № 2. S. 153–185.
- Itkonen T. Kieliopas. H-ki, 1991.
- Joalaid M. Vepsälased ja vepsa keel // Kaheksa keelt kaheksa rahvast. Tallinn, 1998. Lk. 50–70.  
 Kalima J. Die ostseefinnische Lehnwörter im Russischen. Hfors, 1915. (SUST, № XLI).  
 Kettunen L. Passiivin tunnuksesta // Virittäjä. Hfors, 1915. № 7. S. 105–112.  
 Kettunen L. Löunavepsa häälikajalugu. I: Konsonandid; II: Vokaalid. Tartu, 1922.  
 Kettunen L. Miten on selitettävä suomenkielinen a~e, ä~e vaihtelu // Virittäjä. Hki,  
 1924. № 3–4. S. 57–70. № 5–6. S. 89–108.
- Kettunen L. Eestin kielen äännehistoria. Hki, 1929.  
 Kettunen L. Onko vepsässä ollut astevaihtelua? // Virittäjä. Hki, 1938. № 3. S. 373–388.  
 Kettunen L. Karjalan heimon ja “karjalan kielen” iästä ja alkuperästä // Virittäjä. Hki,  
 1940. S. 129–144.
- Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Hki, 1943. (SUST, № 86).  
 Kettunen L. Tieteen matkamiehenä. Hki, 1945.  
 Kettunen L. Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet. Hki, 1960. (SUST, № 119).  
 Kodir. = Kodirandaine. Petroskoi, 1995.  
 Koivisto J. Suomen murteiden refleksiivitaivutus. Hki, 1990.  
 Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Hki, 1981.  
 Kottina A., Maksimov A., Zaiceva N. Meiden sana. Petroskoi, 1998.  
 Kurg. = Abramov N. Kurgiden aig. Peroskoi, 1999.
- Kährik A. Das Problem des vereinigenden Präteritums im Wepsischen // Советское  
 финно-угроведение. Таллин, 1978. № 3. С. 161–169.  
 Kährik A. Über die Ausbildung des heutigen Konjuntionsssystem im Wepsischen //  
 Congressus Quintus Intern. Fenno-ugristarum. Turku, 1980. Pars VI. S. 127–132.  
 Kährik A., 1980a. = Kährik A. Verbide muutmismudel löunavepsa murdes. Tallinn, 1980.  
 Laanest A. Sissejuhatus läänemere keeltesse. Tallinn, 1975.  
 Lehtinen T. Inkeröismurteiden refleksiivitaivutuksen kysymyksiä // Virittäjä. Hki, 1978.  
 S. 241–253.

- Lehtinen T. Itämeren passiivin alkuperästä. Hki, 1984. (Suomi, № 129).
- Lehtinen T. Itämerensuomen verbien historiallista johto-oppia. Hki, 1979. (SUST, № 169).
- Lehtinen T. Venäjän verbisemantiikkaa: karjalan ja vepsän inkoatiiviverbit // Sananjalka. Turku, 1985. № 27. S. 63–84.
- Lehtinen T. Venäjän aspektien heijastumia vepsän verbijärjestelmässä // Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja. Hki, 1990. № 61. S. 59–68.
- Leskinen H. Passiivin käytöstä monikon 3. persoonan funktiossa // SKST. Hki, 1953. № 263. S. 327–329.
- Leskinen H. Imperatiivin muodostus itämerensuomalaisissa kielissä. Hki, 1970. (Suomi, № 115:2).
- Leskinen H. Vepsän, karjalan ja inkeröisen asemasta kolmen äännepiirteen valossa // Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja. Hki, 1990. № 61. S. 72–82.
- LB = Lapsiden Biblii. Stokgolm - Hki, 1996. (Переводчик Зайцева Н.Г.).
- LP = Lonin R. Lühüdad pajoižed. Petroskoi, 2000.
- Lönnot E. Om det Nord-tschudiska språket. Hki, 1853.
- Markianova L. Livvin murdehen morfoulogii. Verbit. Adverbit. Petroskoi, 1995.
- Mikkola J.J. Lännen ja idän rajoita. Historiallisia kirjoitelmia. Porvoo-Hki, 1942.
- MRF = Lonin R. Minun rahvhan folklor. Petroskoi, 2000.
- NEV, I = Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä, I. Hki, 1920.
- NEV, II = Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä, II. Hki, 1925.
- Nirvi R.E. Passiivimuotojen aktiivistumisesta // Suomi. Hki, 1947. № 104. S. 1–47.
- NVM = Kettunen L. ja Siro P. Näytteitä vepsän murteista. Hki, 1935. (SUST, № 70).
- NÄKM = Setälä E.N. ja Kala J.N. Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista. Hki, 1951. (SUST, № 100).
- Oinas F. Development of some postpositional cases in Baltic-Finnic languages. Hki, 1961. (SUST, № 123).
- Posti L. From Pre-Finnic to Late Proto-Finnic Hki, 1931. (Finnisch-ugrischen Forschungen, № 31).
- Posti L. Itämerensuomalaisten kielten passiivin alalta // Virittäjä. Hki, 1945. № 19. S. 355–368.
- Posti L. Vepsän refleksiivinen taivutuspäätte -ste // Virittäjä. Hki, 1948. 1948. № 1–2. S. 116–120.
- Posti L. Itämerensuomalaisen verbitaivutuksen kysymyksiä // Virittäjä. Hki, 1961. № 4. S. 351–366.
- Posti L. The Origin and Development of the Reflexive Conjugation in the Finnic Languages // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20–27.VIII, 1980. Pars I. Turku, 1980. P. 111–144.
- Rytkönen A. Kirjasuomen ja hiukan murteidemmekin refleksiivisestä taivutuksesta // Suomi. Hki, 1938. № 102. S. 1–32.
- Savijärvi I. Itämerensuomalaisten kielten kieltoverbi. I: Suomi. Hki, 1977. (SUST, № 333).
- Savijärvi I. Fakultatiivisten kieltöainesten ja kieltöverbin ellipsin suhteesta itämerensuomalaisissa kielissä // Virittäjä. Hki, 1978. S. 145–159.
- Savijärvi I. Agricolan kieltolause // Tietolipas. Hki, 1988. № 112. S. 69–93.
- Savijärvi I. Passiivin ja monikon 3. persoonan suhteesta vepsän kielessä // Laatokan piiri. Hki, 1990. S. 158–174.
- Savijärvi I., 1990a = Savijärvi I. Passiivin ja monikkomuotojen suhteesta itäisissä ims. kielissä // Congressus Septimus Intern. Fenno-Ugristarum. Debrecen, 1990. Pars 3B. S. 222–227.
- Setälä E.N. Zur Geschichte der Tempus- und Modusstambildung in der finnische-ugrischen Sprachen. Hki, 1886.
- Setälä E.N. Yhteissuomalainen äännehistoria, I–II. Hki, 1899.

- Setälä E.N. Vepsäläiset // Tietosanakirja. Hki, 1919. № 10.
- Shore S. Onko suomessa passiivia? Jyväskylä, 1986.
- SKES = Suomen kielen etymologinen sanakirja. Hki, 1955–1981. № 1–7.
- SKST = Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Hki.
- SSA = Suomen sanojen alkuperä. Hki, 1992–2000. № 1–3.
- Strogälštšikova Z.I. Suomalais-ugrilainen sanskritti ja sitä puhuva kansa elää yhä // Carelia. Petroskoi, 1999. № 10. S. 49–53.
- Suhonen S. Lähisukukielten muoto-oppia ja lainasuhteita. Hki, 1974. (Castrenianumin toimitteita, № 9).
- SUSA = Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. Hki.
- SUST = Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Hki.
- Szinnyei J. A veps nyelvröl// Nyelvtudományi közlemenyek. Budapest, 1881. № XVI. S. 409–452.
- Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1910. (Sammlung Göschen, № 463).
- Tunkelo E. Pääpainottoman lyhyen ja pitkän i:n vaihtelusta itämerensuomalaisissa kielissä. Hki, 1938. (Suomi., № V:20).
- Tunkelo E.A. Vepsän kielen äännehistoria. Hki, 1946. (SKST, № 228).
- Tunkelo E.A., 1946a = Tunkelo E.A. Refleksiivinen taivutus pääte -ste // Virittäjä. Hki, 1946. S. 451–454.
- Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I: Konsonantit. Hki, 1946. (SUST, № 89).
- Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. II: Vokaalit. Hki, 1950. (SUST, № 99).
- Turunen A. Vepsän ja lyydin verbinjohtimet -ganden, -gänden ja -škanden, -škänden // SUST. Hki, 1973. № 150. S. 433–452.
- Uifalvy Ch.E. Essai de Grammaire vèpse ou tchoude du nord. Paris, 1875.
- Uotila T.E. Suomen I infinitiivistä // Virittäjä. Hki, 1946. № 50. S. 442–451.
- Viitso T.-R. Äänisvepsa murde väljendustasandi kirjeldus. Тарту, 1958. (Ученые записки Тартуского университета, № 218).
- Virtaranta P. Lähisukukielten lukemisto. Hki, 1967. (SKST, № 280).
- VRS = Vepsän rahvhan sarnad. Petroskoi, 1996.
- VVS, I = Vepsa vanasõnad, I. Tallinn, 1992.
- VVS, II = Vepsa vanasõnad, II. Tallinn, 1992.
- Wiik K. Vepsän vokaalisointu. Hki, 1989. (Suomi, № 146).
- Zaikov P. Karjalan kielen murreoppia. Petroskoi, 1987.
- Zaikov P. Karjalan kielen kielioppia, II. Petroskoi, 1993.
- Zaiceva N. Vepsän kelen grammatik, I. Petroskoi, 1995.
- Zaiceva N. Vepsän kelen grammatik, II. Petroskoi, 2000.
- Zaiceva N., Mullonen M. Abekirj. Petroskoi. 1991.
- Zaiceva N., Mullonen M. Lugem i pagižem vepsäks. Petroskoi, 1991.
- Zaiceva N., Mullonen M. Ičemoi lugemišt. Petroskoi, 1994.
- Zaitseva N. Vepsän kieli ja sen kehitysnäkymiä // Vepsäläiset tutuiksi. Joensuu, 1994. (Karjalan tuukimuslaitoksen julkaisuja, № 108). S. 51–61.
- Zaitseva N. Vepsän kirjkielen problemad // Nordlyd. Tromsø university working papers. Tromsø, 1998. № 26. S. 95–101.
- Zaitseva N. Vepsänkielimen kirjallisuus alkutaipaleella // Carelia. Petroskoi, 1999. № 10. S. 108–116.
- Zajceva N. Das Verhältnis von Regeln und Ausnahmen in der Grammatik des wepsischen Verbs // Facing Finnic. Hki, 2000. (Castrenianumin toimitteita, № 59). S. 225–234.
- Öispuu J. Der Konditional in den Sprachinseln des eigentlickarelischen Dialekts // Советское финно-угроведение. Таллин, 1984. № 1. С. 8–12.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

### Северновепский диалект

- Kaleig – Рыбрека, Вепсская национальная волость;  
Kal'1' – Щелейки, Вепсская национальная волость;  
Kask – Kaskeza ~ Kaskezoja – Каскесручей, Вепсская национальная волость;  
Matv.Sel'g – Matvejan Sel'g – Матвеева Сельга, Вепсская национальная волость;  
Mt – Mecantaga – Залесье, Вепсская национальная волость;  
Pr – Pervakat – Урицкое, Подпорожский район, Ленинградская область;  
Š – Šokš – Шокша, Вепсская национальная волость;  
Št – Šoutar' – Шелтозеро, Вепсская национальная волость;  
Toižeg – Другая Река, Вепсская национальная волость;  
Vhk – Vehkoja – Вехручей, Вепсская национальная волость.

### Средневепский диалект:

- Čikl – Чикозеро, Подпорожский район, Ленинградская область;  
En – Enarv – Вонозеро, Подпорожский район, Ленинградская область;  
Jä – Järvenkülä – Озера, Подпорожский район, Ленинградская область;  
Krb – Korbal – Корбиничи, Тихвинский район, Ленинградская область;  
Krh – Karhil – Каргиничи, Подпорожский район, Ленинградская область;  
Kuja – Куя, Бабаевский район, Вологодская область;  
Kurb – Курба, Подпорожский район, Ленинградская область;  
L – Ladv – Ладва, Подпорожский район, Ленинградская область;  
N – Noidal – Нойдала, Тихвинский район, Ленинградская область;  
Nažamj – Nažamjärv – Нажмозеро, Бабаевский район, Вологодская область;  
Nirg – Nirgl – Ниргиничи, Подпорожский район, Ленинградская область;  
Pec – Pecoil – Пелдуши, Подпорожский район, Ленинградская область;  
Pnd – Pondal – Пондала, Бабаевский район, Ленинградская область;  
Päž – Pāžar' – Пяжозеро, Бабаевский район, Вологодская область;  
Särg – Särgjärv – Сяргозеро, Вытегорский район, Вологодская область;  
Šim – Šimgär' – Шимозеро, Вытегорский район, Вологодская область;  
Šondjal – Шондовичи, Подпорожский район, Ленинградская область;  
Šugarv (Rebagi) – Шугозеро (Рябов Конец), Тихвинский район, Ленинградская область;  
Vil – Vilhāl – Ярославичи, Подпорожский район, Ленинградская область;

Vingl – Винницы, Подпорожский район, Ленинградская область;  
Vl – Voilaht – Войлахта, Бабаевский район, Вологодская область;

### Южновепский диалект

Ars – Arskaht' – Радогошь, Бокситогорский район, Ленинградская область;

Čaigl – Чайгино, Бокситогорский район, Ленинградская область;

Krl – Kortlaht – Кортлахта (Кортало), Бокситогорский район, Ленинградская область;

Mg – Maigär' – Боброзеро, Бокситогорский район, Ленинградская область;

Sod – Sodjärv – Сидорово, Бокситогорский район, Ленинградская область;

Vg – Vägär' – Белое Озеро (Белая), Бокситогорский район, Ленинградская область.

## ТАБЛИЦЫ СПРЯЖЕНИЯ

Глаголы **sada** “получать”, **sanuda** “сказать”, **varastada** “ждать”, **valita** “выбирать”, **tehta** “делать”, **pestas** “мыться”.

### СЕВЕРНОВЕПСКИЙ ДИАЛЕКТ

*с. Шелтозеро-Šoutarv* (Вепсская национальная волость, Карелия.

Информанты Панфилова А.И., г.р. 1922; Андреева А.И., г.р. 1938).

#### Индикатив

#### *Презенс*

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 san, sanun, varastan, valičen, tegen, pezemei	sam, sanum, varastam, valičem, tegem, pezemei
2 sad, sanud, varastad, valičed, teged, pezetei	sad, sanud, varastad, valičed, teged, pezetei
3 sab, sanub, varastab, valičob, teggob, pezeze	sadaze, sanutaze, varastetaze, valitaze, pezeze

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sa, en sanu, en varasta, en valiče, en tege, en peste	em sagji, em sanugji, em varastagji, em valikji, em tehki, em peskjiže (em peskjište)
2 ed sa, ed sanu, ed varasta, ed valiče, ed tege, ed peste	ed sagji, ed sanugji, ed varastagji, ed valikji, ed tehki, ed peskjiže (ed peskjište)
3 ii sa, ii sanu, ii varasta, ii valiče, ii tege, ii peste	ii sagji, ii sanugji, ii varastagji, ii valikji, ii tehki, ii peskjiže (ii peskjište)

## *Имперфект*

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sain, sanuin, varastin, valičín, tegin, pezimei	saim, sanuim, varastim, valičim, tegin, pezimei
2 said, sanuid, varastid, valičid, tegid, pezitei	said, sanuid, varastid, valičid, tegid, pezitei
3 sai, sanui, varasti, valiči, tegi, pezihe	sad'he, sanutihe, varastet'he, valitihe, tehtihe, pezihe

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sanu, en sanunu, en varastanu, en valinu, en tehnu, en peznuze (en peznuste)	em sadud, em sanutud, em varastet, em valitud, em tehtud, em peznuze (em peznuste)
2 ed sanu, ed sanunu, ed varastanu, ed valinu, ed tehnu, ed peznuze (ed peznuste)	ed sadud, ed sanutud, ed varastet, ed valitud, ed tehtud, ed peznuze (ed peznuste)
3 ii sanu, ii sanunu, ii varastanu, ii valinu, ii tehnu, ii peznuze (ii peznuste)	ii sadud, ii sanutud, ii varastet, ii valitud, ii peznuze (ii peznuste)

## *Перфект*

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 olen sanu, olen sanunu, olen varastanu, olen valinu, olen tehnu, olen peznuze (olen peznuste)	olem sadud, olem sanutud, olem varastet, olem valitud, olem tehtud, olem peznuze (olem peznuste)
2 oled sanu, oled sanunu, oled varastanu, oled valinu, oled tehnu, oled peznuze (oled peznuste)	oled sadud, oled sanutud, oled varastet, oled valitud, oled tehtud, oled peznuze (oled peznuste)
3 om sanu, om sanunu, om varastanu, om valinu, om tehnu, om peznuze (om peznuste)	oma sadud, oma sanutud, oma varastet, oma valitud, oma peznuze (oma peznuste)



## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en ole sanu, en ole sanunu, en ole varastanu, en ole valinu, en ole tehnu, en ole peznuze (en ole peznuste)	em olgji sadud, em olgji sanutud, em olgji varastet, em olgji valitud, em olgji peznuze (em olgji peznuste)
2 ed ole sanu, ed ole sanunu, ed ole varastanu, ed ole valinu, ed ole peznuze (peznuste)	ed olgji sadud, ed olgji sanutud, ed olgji varastet, ed olgji valitud, ed olgji peznuze (ed olgji peznuste)
3 iilä sanu, iilä sanunu, iilä varastanu, iilä valinu, iilä tehnu, iilä peznuze (iilä peznuste)	ii olgji sadud, ii olgái sanutud, ii olgji varastet, ii olgji valitud, ii olgji peznuze (ii olgji peznuste)

### *Pluskvamперфект*

## Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 olin sanu, olin sanunu, olin varastanu, olin valinu, olin tehnu, olin peznuze (olin peznuste)	olim sadud, olim sanutud, olim varastet, olim valitud, olim tehtud, olim peznuze (olim peznuste)
2 olid sanu, olid sanunu, olid varastanu, olid valinu, olid peznuze (olid peznuste)	olid sadud, olid sanutud, olid varastet, olid valitud, olid tehtud, olid peznuze (olid peznuste)
3 oli sanu, oli sanunu, oli varastanu, oli valinu, oli tehnu, oli peznuze (oli peznuste)	old'he sadud, old'he sanutud, old'he varastet, old'he valitud, old'he tehtud, old'he peznuze (old'he peznuste)

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en olnu sanu, en olnu sanunu, en olnu varastanu, en olnu valinu, en olnu tehnu, en olnu peznuze (en olnu peznuste)	em oldud sadud, em oldud sanutud, em oldud varastet, em oldud valitud, em oldud tehtud, em oldud peznuze (em oldud peznuste)
2 ed olnu sanu, ed olnu sanunu, ed olnu varastanu, ed olnu valinu, ed olnu tehnu, ed olnu peznuze (ed olne peznuste)	ed oldud sadud, ed oldud sanutud, ed oldud varastet, ed oldud valitud, ed oldud tehtud, ed oldud peznuze (ed oldud peznuste)
3 ii olnu sanu, ii olnu sanunu, ii olnu varastanu, ii olnu valinu, ii olnu tehnu, ii olnu peznuze (ii olnu peznuste)	ii oldud sadud, ii oldud sanutud, ii oldud varastet, ii oldud valitud, ii oldud tehtud, ii oldud peznuze (ii oldud peznuste)

## Императив

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1	sagam, sanugam, varastagam, valikam, tehkam, peskamei
2 sa, sanu, varasta, valiče, tege, peste	sagat, sanugat, varastagat, valikat, tehkat, peskatei
3 sagha, sanugaha, varastagha, valikaha, tehkaha, peskahaze	sagha, sanugaha, varastagha, valikaha, tehkaha, peskahaze

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1	algam sagji, algam sanugji, algam varastagji, algam valikji, algam peskjiže (algam peskjište)
2 ala sa, ala sanu, ala varasta, ala valiče, ala tege, ala peste	algat sagji, algat sanugji, algat varastagji, algat valikji, algat tehkji, algat peskjiže (peskjište)
3 algji sagji, algji sanugji, algji varastagji, algji valikji, algji tehkji, algji peskjiže (algji peskjište)	algji sagji, algji sanugji, algji varastagji, algji valikji, algji tehkji, algji peskjiže (algji peskjište)

## Кондиционал

### Презенс

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 saižin, sanuižin, varastaižin, valičižin, tegižin, pezižimei	saižim, sanuižim, varastaižim, valičižim, tegižim, pezižimei
2 saižid, sanuižid, varastaižid, valičižid, tegižid, pezižitei	saižid, sanuižid, varastaižid, valičižid, tegižid, pezižitei
3 saiž (i), sanuiž(i), varastaiž(i), valičiž(i), tegiž(i), pezižihe	sadeiž, sanuteiž, varastadeiž, valiteiž, tehteiž, pezižihe

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en saiž(i), en sanuiž(i), en varastaiž(i), en valičiž(i), en tegiž(i), en pezižihe</p> <p>2 ed saiž(i), ed sanuiž(i), ed varastaiž(i), ed valičiž(i), ed tegiž(i), ed pezižihe</p> <p>3 ii saiž(i), ii sanuiž(i); ii varastaiž(i), ii valičiž(i), ii pezižihe</p>	<p>em sadeiž, em sanuteiž, em varastadeiž, em valiteiž, em tehteiž, em pezižihe</p> <p>ed sadeiž, ed sanuteiž, ed varastadeiž, ed valiteiž, ed tehteiž, ed pezižihe</p> <p>ii sadeiž, ii sanuteiž, ii varastadeiž, ii valiteiž, ii pezižihe</p>

## *Имперфект*

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 sanuižin, sanunižin, varastanižin, valinižin, tehnižin, peznižimei</p> <p>2 sanuižid, sanunižid, varastanižid, tehnižid, peznižitei</p> <p>3 sanuiž(i), sanuniž(i), varastaniž(i), valiniž(i), peznižihe</p>	<p>sanuižim, sanunižim, varastanižim, valinižim, tehnižim, peznižimei</p> <p>sanuižid, saninižid, varastanižid, valinižid, tehnižid, peznižitei</p> <p>sadeniž, sanudeniž, varastadeniž, valiteniž, tehteniž, peznižihe</p>

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en sanuiž, en sanuniž, en varastaniž, en valiniž, en tehniž, en peznižihe</p> <p>2 ed sanuiž, ed sanuniž, ed varastaniž, ed tehniž, ed peznižihe</p> <p>3 ii sanuiž, ii sanuniž, ii varastaniž, ii valiniž, ii tehniž, ii peznižihe</p>	<p>em sanuiž, em sanuniž, em varastaniž, em valiniž, em tehniž, em peznižihe</p> <p>ed sanuiž, ed sanuniž, ed varastaniž, ed valiniž, ed pezniže</p> <p>ii sadeniž, ii sanudeniž, ii vastadeniž, ii valiteniž, ii peznižihe</p>

## Перфект

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 oleižin sanu, oleižin sanunu, oleižin varastanu, oleižin valinu, oleižin tehnu, oleižin peznuze (oleižin peznuste)	oleižim sadud, oleižim sanutud, oleižim varastet, oleižim valitud, oleižim peznuze (oleižim peznuste)
2 oleižid sanu, oleižid sanunu, oleižid varastanu, oleižid valinu, oleižid peznuze (oleižid peznuste)	oleižid sadud, oleižid sanutud, oleižid varastet, oleižid valitud, oleižid peznuze (oleižid peznuste)
3 oleiž sanu, oleiž sanunu, oleiž varastanu, oleiž valinu, oleiž tehnu, oleiž peznuze (oleiž peznuste)	oldeiž sadud, oldeiž sanutud, oldeiž varastet, oldeiž valitud, oldeiž tehtud, oldeiž peznuze (oldeiž peznuste)

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en oleiž sanu, en oleiž sanunu, en oleiž varastanu, en oleiž valinu, en oleiž tehnu, en oleiž peznuze (en oleiž peznuste)	em oldeiž sadud, em oldeiž sanutud, em oldeiž varastet, em oldeiž valitud, em oldeiž tehtud, em oldeiž peznuze (em oldeiž peznuste)
2 ed oleiž sanu, ed oleiž sanunu, ed oleiž varastanu, ed oleiž valinu, ed oleiž tehnu, ed oleiž peznuze (ed oleiž peznuste)	ed oldeiž sadud, ed oldeiž sanutud, ed oldeiž varastet, ed oldeiž valitud, ed oldeiž tehtud, ed oldeiž peznuze (ed oldeiž peznuste)
3 iileiž sanu, iileiž sanunu, iileiž varastanu, iileiž valinu, iileiž tehnu, iileiž peznuze (iileiž peznuste)	ii oldeiž sadud, ii oldeiž sanutud, ii oldeiž varastet, ii oldeiž valitud, ii oldeiž tehtud, ii oldeiž peznuze (ii oldeiž peznuste)

## *Плюсквамперфект*

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 olnižin sanu, olnižin sanunu, olnižin varastanu, olnižin valinu, olnižin tehnu, olnižin peznuze (olnīžin peznuste)	olnīžim sadud, olnīžim sanutud, olnīžim varastet, olnīžim valitud, olnīžim tehtud, olnīžim peznuze (olnīžim peznuste)
2 olnižid sanu, olnižid sanunu, olnižid varastanu, olnižid valinu, olnižid tehnu, olnižid peznuze (olnīžid peznuste)	olnīžid sadud, olnīžid sanutud, olnīžid varastet, olnīžid valitud, olnīžid tehtud, olnīžid peznuze (olnīžid peznuste)
3 olniž sanu, olniž sanunu, olniž varastanu, olniž valinu, olniž tehnu, olniž peznuze (olnīž peznuste)	oldeiž sadud, oldeiž sanutud, oldeiž varastet, oldeiž valitud, oldeiž tehtud, oldeiž peznuze (oldeiž peznuste)

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en olniž sanu, en olniž sanunu, en olniž varastanu, en olniž valinu, en olniž tehnu, en olniž peznuze (peznuste)	em oldeiž sadud, em oldeiž sanutud, em oldeiž varastet, em oldeiž valitud, em oldeiž tehtud, em oldeiž peznuze (em oldeiž peznuste)
2 ed olniž sanu, ed olniž sanunu, ed olniž varastanu, ed olniž valinu, ed olniž tehnu, ed olniž peznuze (ed olniž peznuste)	ed oldeiž sadud, ed oldeiž sanutud, ed oldeiž varastet, ed oldeiž valitud, ed oldeiž tehtud, ed oldeiž peznuze (ed oldeiž peznuste)
3 ii olniž sanu, ii olniž sanunu, ii olniž varastanu, ii olniž valinu, ii olniž peznuze (ii olniž peznuste)	ii oldeiž sadud, ii oldeiž sanutud, ii oldeiž varastet, ii oldeiž valitud, ii oldeiž tehtud, ii oldeiž peznuze (ii oldeiž peznuste)

## СРЕДНЕВЕПССКИЙ ДИАЛЕКТ – ВОСТОЧНОВЕПССКИЕ ГОВОРЫ

с. *Войлахта-Voilah* (Бабаевский район, Вологодская область  
Информанты Беляева П.Г., г.р. 1912; Смирнова П.И., г.р. 1915).

### Индикатив

#### *Презенс*

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 san, sanun, varastan, valičen, tegen, pezemoi	sam, sanum, varastam, valičem, tegem, pezemoiš
2 sad, sanud, varastad, valičed, teged, pezetoi	sad, sanud, varastad, valičed, teged, pezetoiš
3 sab, sanub, varastab, valičeb, tegeb, pezesoi	sadas, sanutas, varastadas, valitas, tehtas, pezesoiš

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sa, en sanu, en varasta, en valiče, en tege, en peste	em sagoi, em sanugoi, em varastagoi, em valikoi, em tehkoi, em peste
2 ed sa, ed sanu, ed varasta, ed valiče, ed tege, ed peste	ed sagoi, ed sanugoi, ed varastagoi, ed valikoi, ed tehkoi, ed peste
3 ii sa, ii sanu, ii varasta, ii valiče, ii tege, ii peste	ii sagoi, ii sanugoi, ii varastagoi, ii tehkoi, ii peste

### *Имперфект*

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sain', sanuin', varastin', valičín', tegin', pezimoi	saim, sanuim, varastim, valičim, tegim, pezimoiš
2 said', sanuid', varastid', valičíd', tegid', pezitoi	said', sanuid', varastid', valičíd', tegid', pezitoiš
3 sai, sanui, varasti, valiči, tegi, pezihe	saiba, sanuiba, varastiba, valičiba, tegiba, pezihezoiš

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sand, en sanund, en varastand, en valičend, en tegend, en peznukse	em sanuhu, em sanunuhu, em varastanuhu, em valinuhu, em tehnuhu, em peznuksoi(š)
2 ed sand, ed sanund, ed varastand, ed valičend, ed tegend, ed peznukse	ed sanuhu, ed sanunuhu, ed varastanuhu, ed valinuhu, ed tehnuhu, ed peznuksoi(š)
3 ii sand, ii sanund, ii varastand, ii valičend, ii tegend, ii peznukse	ii sanuhu, ii sanunuhu, ii varastanuhu ii valinuhu, ii tehnuhu, ii peznuksoi(š)

## *Перфект*

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 olen sanu, olen sanunu, olen varastanu, olen valinu, olen tehnu, olen peznukse	olem sanuded, olem sanunuded, olem varastanuded, olem valinuded, olem tehned, olem peznukse
2 oled sanu, oled sanunu, oled varastanu, oled valinu, oled tehnu, oled peznukse	oled sanuded, oled sanunuded, oled varastanuded, oled valinuded, oled tehned, oled peznukse
3 om sanu, om sanunu, om varastanu, om valinu, om tehnu, om peznukse	oma sanuded, oma sanunuded, oma varastanuded, oma valinuded, oma tehned, oma peznukse

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en ole sanu, en ole sanunu, en ole varastanu, en ole valinu, en ole tehnu, en ole peznukse	em uugoi sanuded, em uugoi sanunuded, em uugoi varastanuded, em uugoi valinuded, em uugoi tehned, em uugoi peznukse
2 ed ole sanu, ed ole sanunu, ed ole varastanu, ed ole valinu, ed ole tehnu, ed ole peznukse	ed uugoi sanuded, ed uugoi sanunuded, ed uugoi varastanuded, ed uugoi valinuded, ed uugoi tehned, ed uugoi peznukse
3 ii sanu, ii sanunu, ii varastanu, ii valinu, ii tehnu, ii peznukse	ii uugoi sanuded, ii uugoi sanunuded, ii uugoi varastanuded, ii uugoi valinuded, ii uugoi tehned, ii uugoi peznukse

**Плюсквамперфект**  
Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 olin' sanu, olin' sanunu, olin' varastanu, olin' valinu, olin' tehnu, olin' peznukse</p> <p>2 olid' sanu, olid' sanunu, olid' varastanu, olid' valinu, olid' tehnu, olid' peznukse</p> <p>3 oli sanu, oli sanunu, oli varastanu, oli valinu, oli tehnu, oli peznukse</p>	<p>olim sanuded, olim sanunuded, olim varastanuded, olim valinuded, olim tehned, olim peznukse</p> <p>olid' sanuded, olid' sanunuded, olid' varastanuded, olid' valinuded, olid' tehned, olid' peznukse</p> <p>oliba sanuded, oliba sanunuded, oliba varastanuded, oliba valinuded, oliba tehned, oliba peznukse</p>

**Отрицательная форма**

Ед. число	Мн. число
<p>1 en olend sanu, en olend sanunu, en olend varastanu, en olend valinu, en olend tehnu, en olend peznukse</p> <p>2 ed olend sanu, ed olend sanunu, ed olend varastanu, en olend valinu, ed olend tehnu, ed olend peznukse</p> <p>3 iilend sanu, iilend sanunu, iilend varastanu, iilend valinu, iilend tehnu, iilend peznukse</p>	<p>em uunugoi sanuded, em uunugoi sanunuded, em uunugoi varastanuded, em uunugoi valinuded, em uunugoi tehned, em uunugoi peznukse</p> <p>ed uunugou sanuded, ed uunugoi sanunuded, ed uunugoi varastanuded, ed uunugoi valinuded, ed uunugoi tehned, ed uunugoi peznukse</p> <p>ii uunugoi sanuded, ii uunugoi sanunuded, ii uunugoi varastanuded, i uunugoi valinuded, ii uunugoi tehned, i uunugoi peznukse</p>

**Императив**

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1	sagam, sanugam, varastagam, valikam, tehkam, peskamoiš
2 sa, sanu, varasta, valiče, tege, peste	sagad, sanugad, varastagad, valikad, tehkad, peskatoiš
3 sagha, sanugaha, varastagha, valikaha, tehkaha, peskahas	sagha, sanugaha, varastagha, valikaha, tehkaha, peskahas



## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1</p> <p>2 ala sa, ala sanu, ala varasta, ala valiče, ala tege, ala peste</p> <p>3 uugha sagoi, uugha sanugoi, uugha varastagoi, uugha valikoi, uugha tehkoj, uugha peskoiš</p>	<p>uugam sagoi, uugam sanugoi, uugam varastagoi, uugam valikoi, uugam tehkoj, uugam peskoiš</p> <p>uugad sagoi, uugad sanugoi, uugad varastagoi, uugad valikoi, uugad tehkoj, uugad peskoiš</p> <p>uugha sagoi, uugha sanugoi, uugha varastagoi, uugha valikoi, uugha tehkoj, uugha peskoiš</p>

## Кондиционал

### Презис

## Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 saižin', sanuižin', varastaižin', valičižin', tegižin', pezižimoj</p> <p>2 saižid', sanuižid', varastaižid', valičižid', tegižid', pezižitoj</p> <p>3 saiži, sanuiži, varastaiži, valičiži, tegiži, pezižihe</p>	<p>saižim, sanuižim, varastaižim, valičižim, tegižim, pezižimoš</p> <p>saižid', sanuižid', varastaižid', valičižid', tegižid', pezižiitoš</p> <p>saižiža, sanuižiža, varastaižiža, valičižiža, tegižiža, pezižihezoj(š)</p>

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en saiži, en sanuiži, en varastaiži, en valičiži, en pezižihe</p> <p>2 ed saiži, ed sanuiži, ed varastaiži, ed valičiži, ed tegiži, ed pezižihe</p> <p>3 ii saiži, ii sanuiži, ii varastaiži, ii valičiži, ii tegiži, ii pezižihe</p>	<p>em saiži, em sanuiži, em varastaiži, em valičiži, em tegiži, em pezižihe</p> <p>ed saiži, ed sanuiži, ed varastaiži, ed valičiži, ed tegiži, ed pezižihe</p> <p>ii saiži, ii sanuiži, ii varastaiži, ii valičiži, ii tegiži, ii pezižihezoj(š)</p>

## Имперфект

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 sanuižin', sanunuižin', varastanuižin', valinuižin', tehnuičin', peznuižimoi</p> <p>2 sanuižid', sanunuižid', varastanuižid', valinuižid', tehnuičid', peznuižitoi</p> <p>3 sanuiži, sanunuiži, varastanuiži, valinuiži, tehnuiči, peznuižihe</p>	<p>sanuižim, sanunuižim, vatastanuižim, valinuižim, tehnuičim, peznuižimoiš</p> <p>sanuižid', sanunuižid', varastanuižid', valinuižid', tehnuičid', peznuižitoiš</p> <p>sanuižiba, sanunuižiba, varastanuižiba, valinuižiba, tehnuičiba, peznuižihezoi(š)</p>

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en sanuiži, en sanunuiži, en varastanuiži, en valinuiži, en tehnuiči, en peznuižihe</p> <p>2 ed sanuiži, ed sanunuiži, ed varastanuiži, ed valinuiži, ed tehnuiči, ed peznuižihe</p> <p>3 ii sanuiži, ii sanunuiži, ii varastanuiži, ii valinuiži, ii tehnuiči, ii peznuižihe</p>	<p>em sanuiži, em sanunuiži, em varastanuiži, em valinuiži, em tehnuiči, em peznuižihe</p> <p>ed sanuiži, ed sanunuiži, ed varastanuiži, ed valinuiži, ed tehnuiči, ed peznuižihe</p> <p>ii sanuiži, ii sanunuiži, ii varastanuiži, ii valinuiži, ii tehnuiči, ii peznuižihe-zoi(š)</p>

## Перфект

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 oližin' sanu, oližin' sanunu, oližin' varastanu, oližin' valinu, oližin' tehnu, oližin' peznukse</p> <p>2 oližid' sanu, oližid' sanunu, oližid' varastanu, oližid' valinu, oližid' tehnu, oližid' peznukse</p> <p>3 oliži sanu, oliži sanunu, oliži varastanu, oliži valinu, oliži tehnu, oliži peznukse</p>	<p>oližim sanuded, oližim sanunuded, oližim varastanuded, oližim valinuded, oližim tehned, oližim peznukse</p> <p>oližid' sanuded, oližid' sanunuded, oližid' varastanuded, oližid' valinuded, oližid' tehned, oližid' peznukse</p> <p>oližiba sanuded, oližiba sanunuded, oližiba varastanuded, oližiba valinuded, oližiba tehned, oližiba peznukse</p>

**Отрицательная форма**

Ед. число	Мн. число
<p>1 en oliži sanu, en oliži sanunu, en oliži varastanu, en oliži valinu, en oliži tehnu, en oliži peznukse</p> <p>2 ed oliži sanu, ed oliži sanunu, ed oliži varastanu, ed oliži valinu, ed oliži peznukse</p> <p>3 ii oliži sanu, ii oliži sanunu, ii oliži varastanu, ii oliži valinu, ii oliži tehnu, ii oliži peznukse</p>	<p>em oliži sanuded, em oliži sanunuded, em oliži varastanuded, em oliži valinuded, em oliži tehned, em oliži peznukse</p> <p>ed oliži sanuded, ed oliži sanunuded, ed oliži varastanuded, ed oliži valinuded, ed oliži tehned, ed oliži peznukse</p> <p>ii oliži sanuded, ii oliži sanunuded, ii oliži varastanuded, ii oliži valinuded, ii oliži tehned, ii oliži peznukse</p>

**Плюсквамперфект**

**Положительная форма**

Ед. число	Мн. число
<p>1 uunuižin' sanu, uunuižin' sanunu, uunuižin' varastanu, uunuižin' valinu, uunuižin' tehnu, uunuižin' peznukse</p> <p>2 uunuižid' sanu, uunuižin' sanunu, uunuižid' varastanu, uunuižid' valinu, uunuižid' tehnu, uunuižid' peznukse</p> <p>3 uunuiži sanu, uunuiži sanunu, uunuiži varastanu, uunuiži valinu, uunuiži tehnu, uunuiži peznukse</p>	<p>uunuižim sanuded, uunuižim sanunuded, uunuižim varastanuded, uunuižim valinuded, uunuižim tehned, uunuižim peznukse</p> <p>uunuižid' sanuded, uunuižid' sanunuded, uunuižid' varastanuded, uunuižid' valinuded, uunuižid' tehned, uunuižid' peznukse</p> <p>uunuižiba sanuded, uunuižiba sanunuded, uunuižiba varastanuded, uunuižiba valinuded, uunuižiba tehned, uunuižiba peznukse</p>

**Отрицательная форма**

Ед. число	Мн. число
<p>1 en uunuiži sanu, en uunuiži sanunu, en uunuiži varastanu, en uunuiži valinu, en uunuiži tehnu, en uunuiži peznukse</p> <p>2 ed uunuiži sanu, ed uunuiži sanunu, ed uunuiži varastanu, ed uunuiži valinu, ed uunuiži tehnu, ed uunuiži peznukse</p> <p>3 ii uunuiži sanu, ii uunuiži sanunu, ii uunuiži varastanu, ii uunuiži valinu, ii uunuiži tehnu, ii uunuiži peznukse</p>	<p>em uunuiži sanuded, em uunuiži sanunuded, em uunuiži varastanuded, em uunuiži valinuded, em uunuiži tehned, em uunuiži peznukse</p> <p>ed uunuiži sanuded, ed uunuiži sanunuded, ed uunuiži varastanuded, ed uunuiži valinuded, ed uunuiži peznukse</p> <p>ii uunuiži sanuded, ii uunuiži sanunuded, ii uunuiži varastanuded, ii uunuiži valinuded, ii uunuiži tehned, ii uunuiži peznukse</p>

### Индикатив

#### Презенс

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 san, sanun, varastan, valičen, tegen, pezemoi	samei, sanumei, varastamei, valičemei, tegemei, pezemoiš
2 sad, sanud, varastad, valičed, teged, pezetoi	satei, sanutei, varastatei, valičetei, tegetei, pezetoiš
3 sab, sanub, varastab, valičeb, tegeb, pezese	sadas, sanudas, varastadas, valitas, tehtas, pezese

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sa, en sanu, en varasta, en valiče, en tege, en peste	emei sagoi, emei sanugoi, emei varastagoi, emei valikoi, emei tehkoi, emei peskoiš
2 ed sa, ed sanu, ed varasta, ed valiče, ed tege, ed peste	etei sagoi, etei sanugoi, etei varastagoi, etei valikoi, etei tehkoi, etei peskoiš
3 ii sa, ii sanu, ii varasta, ii valiče, ii tege, ii peste	ii sagoi (eba sa), ii sanugoi (eba sanu, ii varastagoi (eba varasta), ii valikoi (eba valiče), ii tehkoi (eba tege), ii peskoiš (eba peskoiš)

### Имперфект

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sein', sanuin', varastin', valičin', tegin', pezimoi	seimei, sanumei, varastimei, valiči-me, tegimei, pezimoiš
2 seid', sanuid', varastid', valičid', tegid', pezitoi	seitei, sanuitei, varastitei, valičitei, tegitei, pezitoiš
3 sei, sanui, varasti, valiči, tegi, pezihez	seiba, sanuiba, varastiba, valičiba, tegiba, pezihesoiš

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sand, en sanund, en varastand, en valičend, en tegend, en peznus	emei sanuded, emei sanunuded, emei varastanuded, emei valičenuded, emei tehned, emei peznused
2 ed sand, ed sanund, ed varastand, ed valičend, ed tegend, ed peznus	etei sanuded, etei sanunuded, etei varastened, etei valičenuded, etei tehned, etei peznused
3 ii sand, ii sanund, ii varastand, ii valičend, ii tegend, ii peznus	ii sanuded (eba sand), ii sanunuded (eba sanund), ii varastanuded (eba varastand), ii valičenuded (eba valičend), ii tehned (eba tegend), ii peznused (eba peznused)

## *Перфект*

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 olen sanu, olen sanunu, olen varastanu, olen valičenu, olen tehnu, olen peznus	olemei sanuded, olemei sanunuded, olemei varastanuded, olemei valičenuded, olemei tehned, olemei peznused
2 oled sanu, oled sanunu, oled varasta-nu, oled valičenu, oled tehnu, oled peznus	oletei sanuded, oletei sanunuded, oletei vatastanuded, oletei valičened, oletei tehned, oletei peznused
3 om sanu, om sanunu, om varastanu, om valičenu, om tehnu, om peznus	oma sanuded, oma sanunuded, oma varastanuded, oma valičenuded, oma tehned, oma peznused

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en ole sanu, en ole sanunu, en ole varastanu, en ole valičenu, en ole tehnu, en ole peznus</p> <p>2 ed ole sanu, ed ole sanunu, ed ole varastanu, ed ole valičenu, ed ole tehnu, ed ole peznus</p> <p>3 ɛlɛ sanu, ɛlɛ sanunu, ɛlɛ varastanu, ɛlɛ valičenu, ɛlɛ tehnu, ɛlɛ peznus</p>	<p>emei uugoi sanuded, emei uugoi sanunuded, emei uugoi varastanuded, emei uugoi valičened, emei uugoi tehned, emei uugoi peznused</p> <p>etei uugoi sanuded, etei uugoi sanunuded, etei uugoi varastanuded, etei uugoi valičened, etei uugoi tehned, etei uugoi peznused</p> <p>ii uugoi sanuded (eba uugoi sand), ii uugoi sanunuded (eba uugoi sanund), ii uugoi varastanuded (eba uugoi varastand), ii uugoi valičened (eba uugoi valičend), ii uugoi tehned (eba uugoi tegend), ii uugoi peznused (eba uugoi pesnused)</p>

## Плюсквамперфект Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 olin' sanu, olin' sanunu, olin' varastanu, olin' valičenu, olin' tehnu, olin' peznus</p> <p>2 olid' sanu, olid' sanunu, olid' varastanu, olid' valičenu, olid' peznus</p> <p>3 oli sanu, oli sanunu, oli varastanu, oli valičenu, oli tehnu, oli peznus</p>	<p>olimei sanuded, olimei sanunuded, olimei varastanuded, olimei valičened, olimei tehned, olimei peznused</p> <p>olitei sanuded, olitei sanunuded, olitei varastanuded, olitei valičened, olitei tehned, olitei peznused</p> <p>oliba sanuded, oliba sanunuded, oliba varastanuded, oliba valičened, oliba tehned, oliba peznused</p>

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en uunu sanu, en uunu sanunu, en uunu varastanu, en uunu valičenu, en uunu tehnu, en uunu peznus</p> <p>2 ed uunu sanu, ed uunu sanunu, ed uunu varastanu, ed uunu valičenu, ed uunu tehnu, ed uunu peznus</p> <p>3 ii uunu sanu, ii uunu sanunu, ii uunu varastanu, ii uunu valičenu, ii uunu tehnu, ii uunu peznus</p>	<p>emei uunugoi sanuded, emei uunugoi sanunuded, emei uunugoi varastanuded, emei uunugoi valičened, emei uunugoi tehned, emei uunugoi pesnused</p> <p>etei uunugoi sanuded, etei uunugoi sanunuded, etei uunugoi varastanuded, etei uunugoi valičened, etei uunugoi tehned, etei uunugoi pesnused</p> <p>ii uunugoi sanuded (eba uunugoi sand), ii uunugoi sanunuded (eba uunugoi sanund), ii uunugoi varastanuded (eba uunugoi varastand), ii uunugoi valičened (eba uunugoi valičend), ii uunugoi tehned (eba uunugoi tegend), ii uunugoi peznused (eba uunugoi peznused)</p>

## Императив

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1</p> <p>2 sa, sanu, varasta, valiče, tege, peste</p> <p>3 sagha, sanugaha, varastagha, valikaha, tehkaha, peskahas</p>	<p>sagam, sanugam, varastagam, valikam, tehkam, peskamoiš</p> <p>sagat, sanugat, varastagat, valikat, tehkat, peskatoiš</p> <p>sagha, sanugaha, varastagha, valikaha, tehkaha, peskahas</p>

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1</p> <p>2 ala sa, ala sanu, ala varasta, ala valiče, ala tege, ala peste</p> <p>3 uugha sagoi, uugha sanugoi, uugha varastagoi, uugha valikoi, uugha tehkoi, uugha peskoiš</p>	<p>uugam sagoi, uugam sanugoi, uugam varastagoi, uugam valikoi, uugam tehkoi, uugam peskoiš</p> <p>uugat sagoi, uugat sanugoi, uugat varastagoi, uugat valikoi, uugat tehkoi, uugat peskoiš</p> <p>uugha sagoi, uugha sanugoi, uugha varastagoi, uugha valikoi, uugha tehkoi, uugha peskoiš</p>

## Кондиционал

### Презенс

## Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 seižin', sanuižin', varastaižin', valičižin', tegiižin', peziižimoj</p> <p>2 seižid', sanuižid', varastaižid', valičižid', tegiižid', peziižitoj</p> <p>3 seiži, sanuiži, varastaiži, valičiži, tegiiži, peziižihez</p>	<p>seižimej, sanuižimej, varastaižimej, valičižimej, tegiižimej, peziižimojš</p> <p>seižitej, sanuižitej, varastaižitej, valičižitej, tegiižitej, peziižitojš</p> <p>seižiba, sanuižiba, varastaižiba, valičižiba, tegiižiba, peziižihezoiš</p>

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en seiži, en sanuiži, en varastaiži, en valičiži, en tegiiži, en peziižihez</p> <p>2 ed seiži, ed sanuiži, ed varastaiži, ed valičiži, ed tegiiži, ed peziižihez</p> <p>3 ii seiži, ii sanuiži, ii varastaiži, ii valičiži, ii tegiiži, ii peziižihez</p>	<p>emej seiži, emej sanuiži, emej varastaiži, emej valičiži, emej tegiiži, emej peziiže</p> <p>etej seiži, etej sanuiži, etej varastaiži, etej valičiži, etej peziiže</p> <p>ii seiži (eba seiži), ii sanuiž (eba sanuiži), ii varastaiži (eba varastaiži), ii valičiži (eba valičiži), ii tegiiži (eba tegiiži), ii peziižehezojš (eba peziižehezojš)</p>



## Имперфект

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sanuižin', sanunuižin', varastanuižin', valičenuižin', tehnuižin', peznuižimoj	sanuižimei, sanunuižimei, varastanuižimei, valičenuižimei, tehnuižimei, peznuižimoš
2 sanuižid', sanunuižid', varastanuižid', valičenuižid', tehnuižid', peznuižitoj	sanuižitej, sanunuižitej, varastanuižitej, valičenuižitej, tehnuižitej, peznuižitoš
3 sanuiži, sanunuiži, varastanuiži, valičenuiži, tehnuiži, peznuižiheš	sanuižiba, sanunuižiba, varastanuižiba, valičenuižiba, tehnuižiba, peznuižihezoiš

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sanuiži, en sanunuiži, en varastanuiži, en valičenuiži, en tehnuiži, en peznuižihe	emei sanuiži, emei sanunuiži, emei varastanuiži, emei valičenuiži, emei tehnuiži, emei peznuižihe
2 ed sanuiži, ad sanunuiži, ed varastanuiži, ed valičenuiži, ed tehnuiži, ed peznuižihe	etei sanuiži, etei sanunuiži, etei varastanuiži, etei valičenuiži, etei tehnuiži, etei peznuižihe
3 ii sanuiži, ii sanunuiži, ii varastanuiži, ii valičenuiži, ii tehnuiži, ii peznuižiheš	ii sanuiži (eba sanuiži), ii sanunuiži (eba sanunuiži), ii varastanuiži (eba varastanuiži), ii valičenuiži (eba valičenuiži), ii tehnuiži (eba tehnuiži), ii peznuižihezoiš (eba peznuižihezoiš)

## Перфект

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 oliižn' sanu, oližin' sanunu, oližin' varastanu, oližin' valičenu, oližin' tehnu, oližin' pesnus	oližimei sanuded, oližimei sanunuded, oližimei varastanuded, oližimei valičened, oližimei tehned, oližimei peznused
2 oližid' sanu, oližid' sanunu, oližid' varastanu, oližid' valičenu, oližid' tehnu, oližid' pesnus	oližitej sanuded, oližitej sanunuded, oližitej varastanuded, oližitej valičened, oližitej tehned, oližitej peznused
3 oliži sanu, oliži sanunu, oliži varastanu, oliži valičenu, oliži tehnu, oliži peznus	oližiba sanuded, oližiba sanunuded, oližiba varastanuded, oližiba valičened, oližiba tehned, oližiba peznused

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en oliži sanu, en oliži sanunu, en oliži varastanu, en oliži valičenu, en oliži tehnu, en oliži peznus</p> <p>2 ed oliži sanu, ed oliži sanunu, ed oliži varastanu, ed oliži valičenu, ed oliži tehnu, ed oliži peznus</p> <p>3 iiliž sanu, iiliž sanunu, iiliž varastanu, iiliž valičenu, iiliž tehnu, iiliž peznus</p>	<p>emei oliži sanuded, emei oliži sanunuded, emei oliži varastanuded, emei oliži valičenuded, emei oliži tehned, emei oliži peznused</p> <p>etei oliži sanuded, etei oliži sanunuded, etei oliži varastanuded, etei oliži valičenuded, etei oliži tehned, etei oliži peznused</p> <p>iiliž sanuded (eba oliži sand), iiliž sanunuded (eba oliži sanund), iiliž varastanuded (eba oliži varastand), iiliž valičenuded (eba oliži valičend), iiliž tehned (eba oliži tegend), iiliž peznused (eba oliži pesnused)</p>

## *Плюсквамперфект*

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 uunuižin' sanu, uunuižin' sanunu, uunuižin' varastanu, uunuižin' valičenu, uunuižin' tehnu, uunuižin' peznus</p> <p>2 uunuižid' sanu, uunuižid' sanunu, uunuižid' varastanu, uunuižid' valičenu, uunuižid' tehnu, uunuižid' peznus</p> <p>3 uunuiži sanu, uunuiži sanunu, uunuiži varastanu, uunuiži valičenu, uunuiži tehnu, uunuiži peznus</p>	<p>uunuižimei sanuded, uunuižimei sanunuded, uunuižimei varastanuded, uunuižimei valičenuded, uunuižimei tehned, uunuižimei peznused</p> <p>uunuižitei sanuded, uunuižitei sanunuded, uunuižitei varastanuded, uunuižitei valičenuded, uunuižitei tehned, uunuižitei peznused</p> <p>uunuižiba sanuded, uunuižiba sanunuded, uunuižiba varastanuded, uunuižiba valičenuded, uunuižiba tehned, uunuižiba peznused</p>

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en uunuiži sanu, en uunuiži sanunu, en uunuiži varastanu, en uunuiži valičenu, en uunuiži tehnu, en uunuiži peznus</p> <p>2 ed uunuiži sanu, ed uunuiži sanunu, ed uunuiži varastanu, ed uunuiži valičenu, ed uunuiži tehnu, ed uunuiži peznus</p> <p>3 ii uunuiži sanu, ii uunuiži sanunu, ii uunuiži varastanu, ii uunuiži valičenu, ii uunuiži tehnu, ii uunuiži peznus</p>	<p>emei uunuiži sanuded, emei uunuiži sanunuded, emei uunuiži varastanuded, emei uunuiži valičened, emei uunuiži tehned, emei uunuiži peznused</p> <p>etei uunuiži sanuded, etei uunuiži sanunuded, etei uunuiži varastanuded, etei uunuiži valičened, etei uunuiži tehned, etei uunuiži peznused</p> <p>ii uunuiži sanuded (eba uunuiži sand), ii uunuiži sanunuded (eba uunuiži sanund), ii uunuiži varastanuded (eba uunuiži varastand), ii uunuiži valičened (eba uunuiži valičend), ii uunuiži tehned (eba uunuiži tegend), ii uunuiži peznused (eba uunuiži peznused)</p>

## СРЕДНЕВЕПСКИЙ ДИАЛЕКТ – ЗАПАДНОВЕПСКИЕ ГОВОРЫ

*с. Ладва – Ladv* (Подпорожский район, Ленинградская область.  
Информанты Абрамова М.А., г.р. 1932; Абрамов Н.В., г.р. 1960;  
Гиниятулина М.Б., г.р. 1968)

### Индикатив

#### *Презенс*

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 san, sanun, varastan, valičen, tegen, pezemoi</p> <p>2 sad, sanud, varastad, valičed, teged, pezetoi</p> <p>3 sab, sanub, varastab, valičeb, tegeb, pezese</p>	<p>samei, sanumei, varastamei, valičemei, tegemei, pezemoiš</p> <p>satei, sanutei, varastatei, valičetei, tegetei, pezetoiš</p> <p>sadas, sanudas, varatadas, valitas, tehtas, pesesoiš</p>

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sa, en sanu, en varasta, en valiče, en tege, en peste	emei sagoi, emei sanugoi, emei varastagoi, emei valikoi, emei tehkoi, emei peskoiš
2 ed sa, ed sanu, ed varasta, ed valiče, ed tege, ed peste	etei sagoi, etei sanugoi, etei varastagoi, etei valikoi, etei tehkoi, etei peskoiš
3 ei sa, ei asnu, ei varasta, ei valiče, ei tege, ei peste	ei sagoi, ei sanugoi, ei varastagoi, ei valikoi, ei tehkoi, ei peskoiš

### *Имперфект*

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sain', sanuin', varastin', valičín', tegin', pezimoi	saimei, sanuimei, varastimei, valičimeí, tegimeí, pezimoíš
2 said', sanuid', varasitd', valičíd', tegid', pezitoi	saitei, sanuitei, varastitei, valičítei, tegitei, pezitoiš
3 sai, sanui, varasti, valiči, tegi, pezihe	saiba, sanuiba, varastiba, valičiba, tegiba, pezihezoíš

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en san, en sanun, en varastan, en valičen, en tegen, en pesnus	emei sanugoi, emei sanunugoi, emei varastanugoi, emei valičenugoi, emei peznusoíš
2 ed san, ed sanun, ed varastan, ed valičen, ed tegen, ed peznus	etei sanugoi, etei sanunugoi, etei varasta-nugoi, etei valičenugoi, etei tehnuvai, etei peznusoíš
3 ei san, ei sanun, ei varastan, ei valičen, ei tegen, ei peznus	ei sanugoi, eu sanunugoi, ei varasta-nugoi, ei valičenugoi, ei tehnuvai, ei peznusoíš

## **Перфект**

### **Положительная форма**

<b>Ед. число</b>	<b>Мн. число</b>
1 olen sanu, olen sanunu, olen varastanu, olen valičenu, olen tehnu, olen peznus	olemei sanud, olemei sanudud, olemei varastadud, olemei valitud, olemei tehtud, olemei peznusoi
2 oled sanu, oled sanunu, oled varastanu, oled valičenu, oled tehnu, oled peznus	oletei sadud, oletei sanudud, oletei varastadud, oletei valitud, oletei tehtud, oletei peznusoi
3 om sanu, om sanunu, om varastanu, om valičenu, om tehnu, om peznus	oma sadud, oma sanudud, oma varastadud, oma valitud, oma tehtud, oma peznusoi

### **Отрицательная форма**

<b>Ед. число</b>	<b>Мн. число</b>
1 en ole sanu, en ole sanunu, en ole varastanu, en ole valičenu, en ole tehnu, en ole peznus	emei uugoi sadud, emei uugoi sanudud, emei uugoi varastadud, emei uugoi valitud, emei uugoi tehtud, emei uugoi peznusoi
2 ed ole sanu, ed ole sanunu, ed ole varastanu, ed ole valičenu, ed ole tehnu, ed ole peznus	etei uugoi sadud, etei uugoi sanudud, etei uugoi varastadud, etei uugoi valitud, etei uugoi tehtud, etei uugoi peznusoi
3 eļe sanu, eļe sanunu, eļe varastanu, eļe valičenu, eļe tehnu, eļe peznus	ei uugoi sadud, ei uugoi sanudud, ei uugoi varastadud, ei uugoi valitud, ei uugoi peznusoi

## **Плюсквамперфект**

### **Положительная форма**

<b>Ед. число</b>	<b>Мн. число</b>
1 olin' sanu, olin' sanunu, olin' varastanu, olin' valičenu, olin' tehnu, olin' peznus	olimei sanuded, olimei sanunuded, olimei varastanuded, olimei valičenuded, olimei tehned, olimei peznusoi
2 olid' sanu, olid' sanunu, olid' varastanu, olid' valičenu, olid' tehnu, olid' peznus	olitei sanuded, olitei sanunuded, olitei varastanuded, olitei valičenuded, olitei tehned, olitei peznusoi
3 oli sanu, oli sanunu, oli varastanu, oli valičenu, oli tehnu, oli peznus	oliba sanuded, oliba sanunuded, oliba varastanuded, oliba valičenuded, oliba tehned, oliba peznusoi

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en olen sanu, en olen sanunu, en olen varastanu, en olen valičenu, en olen tehnu, en olen peznus</p> <p>2 ed olen sanu, ed olen sanunu, ed olen valičenu, ed olen tehnu, ed olen peznus</p> <p>3 eļen sanu, eļen sanunu, eļen varastanu, eļen valičenu, eļen tehnu, eļen peznus</p>	<p>emei uunugoi sanuded, emei uunugoi sanunuded, emi uunugoi varastanuded, emei uunugoi valičened, emei uunugoi peznus</p> <p>etei uunugoi sanuded, etei uunugoi sanunuded, etei uunugoi varastanuded, etei uunugoi valičened, etei uunugoi tehned, etei uunugoi peznus</p> <p>ei uunugoi sanuded, ei uunugoi sanunuded, ei uunugoi varastanuded, ei uunugoi valičened, ei uunugoi tehned, ei uunugoi peznus</p>

## Императив

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1</p> <p>2 sa, sanu, varasta, valiče, tege, peste</p> <p>3 sagha, sanugaha, varastagha, valikaha, tehkaha, peskahas</p>	<p>sagam, sanugam, varastagam, valikam, tehkam, peskamoiš</p> <p>sagat, sanugat, varastagat, valikat, tehkat, peskatoiš</p> <p>sagha, sanugaha, varastagha, valikaha, tehkaha, peskasoiš</p>

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1</p> <p>2 ala sa, ala sanu, ala varasta, ala valiče, ala tege, ala peste</p> <p>3 uugha sa, uugha sanu, uugha varasta, uugha valiče, uugha tege, uugha pezese</p>	<p>uugam sagoi, uugam sanugoi, uugam varastagoi, uugam valikoi, uugam tehkoi, uugam peskoiš</p> <p>uugat sagoi, uugat sanugoi, uugat varastagoi, uugat valikoi, uugat tehkoi, uugat peskoiš</p> <p>uugha sagoi, uugha sanugoi, uugha varastagoi, uugha valikoi, uugha peskoiš</p>

## Кондиционал

### Презенс

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 saižin', sanuižin', varastaižin', valičižin', tegeižin', pezeižimoj	saižimej, sanuižimej, varastaiži- mej, valičižimej, tegeižimej, pezeiži- moiš
2 saižid', sanuižid', varastaižid', valičižid', tegeižid', pezeižitoj	saižitej, sanuižitej, varastaižitej, valičižitej, tegeižitej, pezeižitoiš
3 saiži, sanuiži, varastaiži, valičiži, tegeiži, pezeižihes	saižiba, sanuižiba, varastaižiba, valičižiba, tegeižiba, pezeižihezoiš

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en saiži, en sanuiži, en varastaiži, en valičiži, en tegeiži, en pezeižihe	emej saižigoi, emej sanuižigoi, emej varastaižigoi, emej valičižigoi, emej tegeižigoi, emej pezeižihezoiš
2 ed saiži, ed sanuiži, ed varastaiži, ed valičiži, ed tegeiži, ed pezeižihe	etej saižigoi, etej sanuižigoi, etej varastaižigoi, etej valičižigoi, etej tegeižigoi, etej pezeižihezoiš
3 ei saiži, ei sanuiži, ei varastaiži, ei aličiži, ei tegeiži, ei pezeižihes	ei saižigoi, ei sanuižigoi, ei va- rastaižigoi, ei valičižigoi, ei tegeižigoi, ei pezeižihezoiš

### Имперфект

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sanuižin', sanunuižin', varasta- nuižin', valičenuižin', tehnuižin', peznuižimoj	sanuižimej, sanunuižimej, varasta- nuižimej, valičenuižimej, tehnuiži- mej, peznuižimoiš
2 sanuižid', sanunuižid', varasta- nuižid', valičenuižid', tehnuižid', peznuižitoj	sanuižitej, sanunuižitej, varasta- nuižitej, valičenuižitej, tehnuižitej, peznuižitoiš
3 sanuiži, sanunuiži, varastanuiži, valičenuiži, tehnuiži, peznuižihes	sanuižiba, sanunuižiba, varasta- nuižiba, valičenuižiba, tehnuižiba, peznuižihezoiš

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sanuiži, en sanunuiži, en varastanuiži, en valičenuiži, en tehnuiži, en peznuižihe	emei sanuiži, emei sanunuiži, emei varastanuiži, emei valičenuiži, emei tehnuiži, emei peznuižihezoiš
2 ed sanuiži, ed sanunuiži, ed varastanuiži, ed valičenuiži, ed tehnuiži, ed peznuižihe	etei sanuiži, etei sanunuiži, etei varastanuiži, etei valičenuiži, etei tehnuiži, etei peznuižihezoiš
3 ei sanuiži, ed sanunuiži, ed varastanuiži, ed valičenuiži, ed tehnuiži, ed peznuižihes	ei sanuiži, ei sanunuiži, ei varastanuiži, ei valičenuiži, ei tehnuiži, ei peznuižihezoiš

### Перфект

## Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 oližin' sanu, oližin' sanunu, oližin' varastanu, oližin' valičenu, oližin' tehnu, oližin' peznus	oližimei sanuded, oližimei sanunuded, oližimei varastanuded, oližimei tehned, oližimei peznusoi
2 oližid' sanu, oližid' sanunu, oližid' varastanu, oližid' valičenu, oližid' tehnu, oližid' peznus	oližitei sanuded, oližitei sanunuded, oližiei varastanuded, oližitei valičenuded, oližitei tehned, oližitei peznusoi
3 oliži sanu, oliži sanunu, oliži varastanu, oliži valičenu, oliži tehnu, oliži peznus	oližiba sanuded, oližiba sanunuded, oližiba varastanuded, oližiba valičened, oližiba tehned, oližiba peznusoi

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en oliži sanu, en oliži sanunu, en oliži varastanu, en oliži valičenu, en oliži tehnu, en oliži peznus	emei oleži sanuded, emei oleži sanunuded, emei oleži varastanuded, emei oleži valičened, emei oleži tehned, emei oleži peznusoi
2 ed oliži sanu, ed oliži sanunu, ed oliži varastanu, ed oliži valičenu, ed oliži tehnu, ed oliži peznus	etei oleži sanuded, etei oleži sanunuded, etei oleži varastanuded, etei oleži valičened, etei oleži tehned, etei oleži peznusoi
3 eļe sanu, eļež sanunu, eļež varastanu, eļež valičenu, eļež tehnu, eļež peznus	eļež sanuded, eļež sanunuded, eļež varastanuded, eļež valičened, eļež tehned, eļež peznusoi



## Плюсквамперфект

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 uunuižin' sanu, uunuižin' sanunu, uunuižin' varastanu, uunuižin' valičenu, uunuižin' tehnu, uunuižin' peznus	uunuižimei sanuded, uunuižimei sanunuded, uunuižimei varastanuded, uunuižimei valičenuded, uunuižimei tehned, uunuižimei peznusoi
2 uunuižid' sanu, uunuižid' sanunu, uunuižid' varastanu, uunuižid' valičenu, uunuižid' tehnu, uunuižid' peznus	uunuižitei sanuded, uunuižitei sanunuded, uunuižitei varastanuded, uunuižitei valičenuded, uunuižitei tehned, uunuižitei peznusoi
3 uunuiži sanu, uunuiži sanunu, uunuiži varastanu, uunuiži valičenu, uunuiži tehnu, uunuiži peznus	uunuižiba sanuded, uunuižiba sanunuded, uunuižiba varastanuded, uunuižiba valičenuded, uunuižiba tehned, uunuižiba peznusoi

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en uunuiži sanu, en uunuiži sanunu, en uunuiži varastanu, en uunuiži valičenu, en uunuiži tehnu, en uunuiži peznus	emei uunuiži sanuded, emei uunuiži sanunuded, emei uunuiži varastanu-ded, emei uunuiži valičenuded, emei uunuiži tehned, emei uunuiži peznusoi
2 ed uunuiži sanu, ed uunuiži sanunu, ed uunuiži varastanu, ed uunuiži valičenu, ed uunuiži tehnu, ed uunuiži peznus	etei uunuiži sanuded, etei uunuiži sanunuded, etei uunuižu varastanu-ded, etei uunuiži valičenuded, etei uunuiži tehned, etei uunuiži peznusoi
3 ei uunuiži sanu, ei uunuiži sanunu, ei uunuiži varastanu, ei uunuiži valičenu, ei uunuiži tehnu, ei uunuiži peznus	ei uunuiži sanuded, ei uunuiži sanunuded, ei uunuiži varastanuded, ei uunuiži valičenuded, ei uunuiži tehned, ei uunuiži peznusoi

с. Шугозеро (*Рябов Колец*) – *Šugarv (Rebagj)* (Тихвинский район, Ленинградская область. Информанты Рогозин В. М., г.р. 1935; Рогозина В.В., г.р. 1965)

## Индикатив

### Презенс

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 san, sanun, varastan, valičen, tegen, pezemoi	samai, sanumai, varastamai, valičemai, tegemai, pezemoiš
2 sad, sanud, varastad, valičed, teget, pezetoi	satai, sanutai, varastatai, valičetai, tegetai, pezetoiš
3 sab, sanub, varastab, valičeb, tegeb, pezese	saba, sanuba, varastaba, valičeba, tegeba, pezesoiš

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sa, en sanu, en varasta, en valiče, en tege, en peste	emai sa, emai sanu, emai varasta, emai valiče, emai tege, emai peste
2 ed sa, ed sanu, ed varasta, ed valiče, ed tege, ed peste	etai sa, etai sanu, etai varasta, etai valiče, etai tege, etai peste
3 ii sa, ii sanu, ii varasta, ii valiče, ii tege, ii peste	eba sa, eba sanu, eba varasta, eba valiče, eba tege, eba peste

### Имперфект

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sain, sanuin, varastiin, valičiin, tegiin, peziimoi	saimai, sanuimai, varastiimai, valičiimai, tegiimai, peziimoiš
2 said, sanuid, varastiid, valičiid, tegiid, peziitoi	saitai, sanuitai, varastiitai, valičiitai, tegiitai, peziitoiš
3 sai, sanui, varastii, valičii, tegii, peziihes	saiba, sanuiba, varastiiba, valičiiba, tegiiba, peziihes

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en sat, en sanut, en varastat, en valiçet, en teget, en peznus</p> <p>2 ed sat, ed sanut, ed varastat, ed valiçet, ed teget, ed peznus</p> <p>3 ii sat, ii sanut, ii varastat, ii valiçet, ii teget, ii peznus</p>	<p>emai sat, emai sanut, emai varastatat, emai valiçet, emai teget, emai peznusoi</p> <p>etai sat, etai sanut, etai varastat, etai valiçet, etai teget, etai peznusoi</p> <p>eba sat, eba sanut, eba varastat, eba valiçet, eba teget, eba peznusoi</p>

### *Перфект*

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 olen sanu, olen sanunu, olen varastanu, olen valiçnu, olen tehnu, olen peznus</p> <p>2 oled sanu, oled sanunu, oled varastanu, oled valiçnu, oled tehnu, oled peznus</p> <p>3 om sanu, om sanunu, om varastanu, om valiçnu, om tehnu, om peznus</p>	<p>olemai sanuded, olemai sanunuded, olemai varastanuded, olemai valiçnuded, olemai tehned, olemai peznused</p> <p>oletai sanuded, oletai sanunuded, oletai varastanded, oletai valiçnuded, oletai tehned, oletai peznused</p> <p>oleba sanuded, oleba sanunuded, oleba varastanuded, oleba valiçnuded, oleba tehned, oleba peznused</p>

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en ole sanu, en ole sanunu, en ole varastanu, en ole valiçnu, en ole tehnu, en ole peznus</p> <p>2 ed ole sanu, ed ole sanunu, ed ole varastanu, ed ole valiçnu, ed ole tehnu, ed ole peznus</p> <p>3 eleş sanu, eleş sanunu, eleş varastanu, eleş valiçnu, eleş tehnu, eleş peznus</p>	<p>emai ole sanuded, emai ole sanunuded, emai ole varastanuded, emai ole valiçnuded, emai ole tehned, emai ole peznused</p> <p>etai ole sanuded, etai ole sanunuded, etai ole varastanuded, etai ole valiçnuded, etai ole peznused</p> <p>eba ole sanuded, eba ole sanunuded, eba ole varastanuded, eba ole valiçnuded, eba ole tehned, eba ole peznused</p>

## Плюсквамперфект

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 oliin sanu, oliin sanunu, oliin varastanu, oliin valičnu, oliin tehnu, oliin peznus	oliimai sanuded, oliimai sanunuded, oliimai varastanuded, oliimai valičnuded, oliimai tehned, oliimai peznused
2 oliid sanu, oliid sanunu, oliid varastanu, oliid valičnu, oliid tehnu, oliid peznus	oliitai sanuded, oliitai sanunuded, oliitai varastanuded, oliitai valičnuded, oliitai tehned, oliitai peznused
3 olii sanu, olii sanunu, olii varastanu, olii valičnu, olii peznus	oliiba sanuded, oliiba sanunuded, oliiba varastanuded, oliiba valičnuded, oliiba tehned, oliiba peznused

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en olet sanu, en olet sanunu, en olet varastanu, en olet valičnu, en olet tehnu, en olet peznus	emai olet sanuded, emai olet sanunuded, emai olet varastanuded, emai olet valičnuded, emai olet tehned, emai olet peznused
2 et olet sanu, et olet sanunu, et olet varastanu, et olet valičnu, et olet tehnu, et olet peznus	etai olet sanuded, etai olet sanunuded, etai olet varastanuded, etai olet valičnuded, etai olet tehned, etai olet peznused
3 ii olet sanu, ii olet sanunu, ii olet varastanu, ii olet valičnu, ii olet tehnu, ii olet peznus	eba olet sanuded, eba olet sanunuded, eba olet varastanuded, eba olet valičnuded, eba olet peznused

## Императив

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1	sagam, sanugam, varastagam, valikam, tehkam, peskamoiš
2 sa, sanu, varasta, valiče, tege, peste	sagat, sanugat, varastagat, valikat, tehkat, peskatoiš
3 laske (okha) sab, laske (okha) sanub, laske (okha) varastab, laske (okha) valičeb, laske (okha) tegeb, laske (okha) pezese	laske (okha) saba, laske (okha) sanuba, laske (okha) varastaba, laske (okha) valičeba, laske (okha) pezeseiš

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1	algam sagam, algam sanugam, algam varastagam, algam valikam, algam tehkam, algam peskamoiš
2 ala sa, ala sanu, ala varasta, ala valiče, ala tege, ala peste	algat sagat, algat sanugat, algat varastagat, algat valikat, algat tehkat, algat peskatoiš
3 algha sa, algha sanu, algha varasta, algha valiče, algha tege, algha peste	algha sagha, algha sanugaha, algha varastagha, algha valikaha, algha tehkaha, algha peskasoiš

## Кондиционал

### Презенс

## Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 saižin, sanuižin, varastaižin, valičižin, tegeižin, pezeižiimoj	saižimai, sanuižimai, varastaižimai, valičižimai, tegeižimai, pezeižimoiš
2 saižid, sanuižid, varastaižid, valičežid, tegeižid, pezeižitoi	saižitai, sanuižitai, varastaižitai, valičežitai, tegeižitai, pezeižitoiš
3 saiž, sanuiž, varastaiž, valičeiž, tegeiž, pezeižihe	saižiba, sanuižiba, varastaižiba, valičežiba, tegeižiba, pezeižihes

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en saiž, en sanuiž, en varastaiž, en valičeiž, en tegeiž, en pezeižhe	emai saiž, emai sanuiž, emai varastaiž, emai valičeiž, emai tegeiž, emai pezeižhe
2 ed saiž, ed sanuiž, ed varastaiž, ed valičeiž, ed tegeiž, ed pezeižhe	etai saiž, etai sanuiž, etai varastaiž, etai valičeiž, etai tegeiž, etai pezeižhe
2 ii saiž, ii sanuiž, ii varastaiž, ii valičeiž, ii tegeiž, ii pezeižhe	eba saiž, eba sanuiž, eba varastaiž, eba valičeiž, eba tegeiž, eba pezeižhe

## *Имперфект*

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sanuižin, sanunuižin, varastanuižin, valičnuižin, tehnužin, peznuižimoi	sanuižimai, sanunuižimai, varastanuižimai, valičnuižimai, tehnužimai, peznuižiimoiš
2 sanuižid, sanunuižid, varastanuižid, valičnuižid, tehnužid, peznuižitoi	sanuižitai, sanunuižiitai, varastanuižitai, valičnuižiitai, tehnužitai, peznuižiitoiš
3 sanuiž, sanunuiž, varastanuiž, valičnuiž, tehnuž, peznuižhe	sanuižiiba, sanunuižiiba, varastanuižiiba, valičnuižiiba, tehnužiiba, peznuižiibes

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sanuiž, en sanunuiž, en varastanuiž, en valičnuiž, en tehnuž, en peznuižhe	emai sanuiž, emai sanunuiž, emai varastanuiž, emai valičnuiž, emai tehnuž, emai peznuižhe
2 ed sanuiž, ed sanunuiž, ed varastanuiž, ed valičnuiž, ed tehnuž, ed peznuižhe	etai sanuiž, etai sanunuiž, etai vatastanuiž, etai valičnuiž, etai tehnuž, etai peznuižhe
3 ii sanuiž, ii sanunuiž, ii varastanuiž, ii valičnuiž, ii tehnuž, ii peznuižhe	eba sanuiž, eba sanunuiž, eba varastanuiž, eba valičnuiž, eba tehnuž, eba peznuižhe

## *Перфект*

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 oleihiin sanu, oleihiin sanunu, oleihiin varastanu, oleihiin valičnu, oleihiin tehnu, oleihiin peznus	oleihiimai sanuded, oleihiimai sanunuded, oleihiimai varastanuded, oleihiimai valičnuded, oleihiimai peznused
2 oleihiid sanu, oleihiid sanunu, oleihiid varastanu, oleihiid valičnu, oleihiid peznus	oleihiitai sanuded, oleihiitai sanunuded, oleihiiai varastanuded, oleihiiai valičnuded, oleihiitai tehned, oleihiitai peznused
3 oleihii sanu, olihii sanunu, oleihii varastanu, oleihii valičnu, oleihii tehnu, oleihii peznus	oleihiiba sanuded, oleihiiba sanunuded, oleihiiba varastanuded, oleihiiba valičnuded, oleihiiba tehned, oleihiiba peznused

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 en oleiž sanu, en oleiž sanunu, en oleiž varastanu, en oleiž valičnu, en oleiž tehnu, en oleiž peznus</p>	<p>emai oleiž sanuded, emai oleiž sanunuded, emai oleiž varastanuded, emai oleiž valičnuded, emai oleiž tehned, emai oleiž peznused</p>
<p>2 ed oleiž sanu, ed oleiž sanunu, ed oleiž varastanu, ed oleiž valičnu, ed oleiž tehnu, ed oleiž peznus</p>	<p>etai oleiž sanuded, etai oleiž sanunuded, etai oleiž varastanuded, etai oleiž valičnuded, etai oleiž tehned, etai oleiž peznused</p>
<p>3 ii oleiž sanu, ii oleiž sanunu, ii oleiž varastanu, ii oleiž tehnu, ii oleiž peznus</p>	<p>eba oleiž sanuded, eba oleiž sanunuded, eba oleiž varastanuded, eba oleiž valičnuded, eba oleiž tehned, eba oleiž peznused</p>

## *Плюсквамперфект*

### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
<p>1 olnužiin sanu, olnužiin sanunu, olnužiin varastanu, olnužiin valičnu, olnužiin tehnu, olnužiin peznus</p>	<p>olnužiimai sanuded, olnužiimai sanunuded, olnužiimai varastanuded, olnužiimai valičnuded, olnužiimai tehned, olnužiimai peznused</p>
<p>2 olnužiid sanu, olnužiid sanunu, olnužiid varastanu, olnužiid valičnu, olnužiid tehnu, olnužiid peznus</p>	<p>olnužiitai sanuded, olnužiitai sanunuded, olnužiitai varastanuded, olnužiitai valičnuded, olnužiitai tehned, olnužiitai peznused</p>
<p>3 olnužii sanu, olnužii sanunu, olnužii varastanu, olnužii valičnu, olnužii tehnu, olnužii peznus</p>	<p>olnužiiba sanuded, olnužiiba sanunuded, olnužiiba varastanuded, olnužiiba valičnuded, olnužiiba tehned, olnužiiba peznused</p>

## Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en olnuīž sanu, en olnuīž sanunu, en olnuīž varastanu, en olnuīž valičnu, en olnuīž tehnu, en olnuīž peznus	emai olnuīž sanuded, emai olnuīž sanunuded, emai olnuīž varastanuded, emai olnuīž valičnuded, emai olnuīž tehned, emai olnuīž peznused
2 ed olnuīž sanu, ed olnuīž sanunu, ed olnuīž varastanu, ed olnuīž valičnu, ed olnuīž tehnu, ed olnuīž peznus	etai olnuīž sanuded, etai olnuīž sanunuded, etai olnuīž varastanuded, etai olnuīž valičnuded, etai olnuīž tehned, etai olnuīž peznused
3 ii olnuīž sanu, ii olnuīž sanunu, ii olnuīž varastanu, ii olnuīž valičnu, ii olnuīž tehnu, ii olnuīž peznus	eba olnuīž sanuded, eba olnuīž sanunuded, eba olnuīž varastanuded, eba olnuīž valičnuded, eba olnuīž tehned, eba olnuīž peznused

## ЮЖНОВЕПСКИЙ ДИАЛЕКТ

*с. Сидорово – Sodjdrv* (Бокситогорский район, Ленинградская область.

Записано от разных лиц)

Глаголы **sada** “получать”, **valita** “выбирать”, **pestazhe** “мыться”

### Индикатив

#### Презенс

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 san, valičen, pezeme	samā, valičemā, pezemō
2 sad, valičed, pezete	satā, valičetā, pezetō
3 sab, valičeb, pezese	saba, valičeba, pezesō

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sa, en valiče, en peste	emā sa, emā valiče, emā peste
2 ed sa, ed valiče, ed peste	etā sa, etā valiče, etā peste
3 ī sa, ī valiče, ī peste	ebad sa, ebad valiče, ebad peste



### *Имперфект*

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sain', valičīn', pezīme 2 said', valičīd', pezīte 3 sai, valiči, pezihe	saimā, valičīmā, pezīmō saitā, valičītā, pezītō saiba, valičība, pezīhō

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en san(d), en valičen(d), en peznuzhe 2 ed sa(d), ed valičen(d), ed peznuzhe 3 ī san(d), ī valičen(d), ī peznuzhe	emā sa, emā valiče, emā peznuzhō etā sa, etā valiče, etā peznuzhō ebad sa, ebad valiče, ebad peznuzhō

### *Перфект*

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 olen san(d), olen valičen(d), olen peznuzhe 2 oled san(d), oled valičen(d), oled peznuzhe 3 om san(d), om valičen(d), om peznuzhe	olemā san(d), olemā valičen(d), olemā peznuzhō oletā san(d), oletā valičen(d), oletā peznuzhō oma san(d), oma valičen(d), oma peznuzhō

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en ole san(d), en ole valičen(d), en ole peznuzhe 2 ed ole san(d), ed ole valičen(d), ed ole peznuzhe 3 ī ole san(d), ī ole valičen(d), ī ole peznuzhe	emā ole san(d), emā ole valičen(d), emā ole peznuzhō etā ole san(d), etā ole valičen(d), etā ole peznuzhō ebad ole san(d), ebad ole valičen(d), ebad ole peznuzhō

### *Претерит*

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en saiške, en valičiške 2 ed saiške, ed valičiške 3 ī saiške, ī valičiške	emā saiške, emā valičiške etā saiške, etā valičiške ebad saiške, ebad valičiške

### *Плюсквамперфект*

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 olīn' san(d), olīn' valičen(d), olīn' peznuzhe 2 olīd' san(d), olīd' valičen(d), olīd' peznuzhe 3 oli san(d), oli valičen(d), oli peznuzhe	olīmā san(d), olīmā valičen(d), olīma peznuzhō olītā san(d), olītā valičen(d), olītā peznuzhō olība san(d), olība valičend, olība peznuzhō

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en olen(d) san(d), en olen(d) valičen(d), en olen(d) peznuzhe 2 ed olen(d) san(d), ed olen(d) valičen(d), ed olen(d) peznuzhe 3 ī olen(d) san(d), ī olen(d) valičen(d), ī olen(d) peznuzhe	emā olen(d) san(d), emā olen(d) valičen(d), emā olen(d) peznuzhō etā olen(d) san(d), etā olen(d) valičen(d), etā olen(d) peznuzhō ebad olen(d) san(d), ebad olen(d) valičen(d), ebad olen(d) peznuzhō

## Императив

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1	sagam, valičegam, peskamō
2 sa, valiče, peste	sagat, valičegat, peskatō
3 sagha, valičegha, peskahas	sagha, valičegha, peskasō

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1	āgam sa, āgam valiče, āgam peste
2 ala sa, ala valiče, ala peste	āgat sa, āgat valiče, āgat peste
3 laske sa ī, laske valiče ī, laske peste	laske ī sagō, laske ī valičegō, laske ī peste

## Кондиционал

### Презенс

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 saižin', valičīžin', pezižime,	saižimā, valičīžimā, pezižimō
2 saižid', valičīžid', pezižite	saižitā, valičīžitā, pezižitō
3 saiž, valičīž, pezižihe	saižiba, valičīžiba, pezižihō

### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en saiž, en valičīž, en pezižihe	emā saiž, emā valičīž, emā pezižihō
2 ed saiž, ed valičīž, ed pezižihe	etā saiž, etā valičīž, etā pezižihō
3 ī saiž, ī valičīž, ī pezižihe	ebad saiž, ebad valičīž, ebad pezižihō

### *Имперфект*

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 sanūžin', valičenūžin', peznižime	sanūžimā, valičenūžimā, peznižimō
2 sanūžid', valičenūžid', peznižite	sanūžitā, valičenūžitā, peznižitō
3 sanūž, valičenūž, peznižihe	sanūžiba, valičenūžiba, peznižihō

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en sanūž, en valičenūž, en tehniž, en peznižihe	emā sanūž, emā valičenūž, emā peznižihō
2 ed sanūž, ed valičenūž, ed peznižihe	etā sanūž, etā valičenūž, etā peznižihō
3 ī sanūž, ī valičenūž, ī peznižihe	ebad sanūž, ebad valičenūž, ebad peznižihō

### *Перфект*

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 olīžin' san(d), olūžin' valičen(d), olūžin' peznuzhe	olīžimā san(d), olīžimā valičen(d), olīžimā peznuzhō
2 olūžid' san(d), olīžid' valičen(d),	olīžitā san(d), olīžtā valičen(d), olīžitā peznuzhō
3 olīž san(d), olīž valičen(d), olīž peznuzhe	olīžiba san(d), olīžiba valičen(d), olīžiba peznuzhō

### Плюсквамперфект

#### Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 ōnižin' san(d), ōnižin' valičen(d), ōnižin' peznuzhe	ōnižimā san(d), ōnižimā va- ličēn(d), ōnižimā peznuzhō
2 ōnižid' san(d), ōnižid' valičen(d), ōnižid' peznuzhe	ōnižitā san(d), ōnižitā valičen(d), ōnižitā peznuzhō
3 ōniž san(d), ōniž valičen(d), ōniž peznuzhe	ōnižiba san(d), ōnižiba valičen(d), ōnižiba peznuzhō

#### Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 en ōniž san(d), en ōniž valičēn(d), en ōniž peznuzhe	emā ōniž san(d), emā ōniž valičēn(d), emā ōniž peznuzhō
2 ed ōniž san(d), ed ōniž valičen(d), ed ōniž peznuzhe	etā ōniž san(d), etā ōniž valičen(d), etā ōniž peznuzhō
3 ī ōniž san(d), ī ōniž valičen(d), ī ōniž peznuzhe	ebad ōniž san(d), ebad ōniž valičēn(d), ebad ōniž peznuzhō

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i> .....	3
<i>Введение</i> .....	8
<i>Глава I. Типы лексических основ глаголов в вепсском языке</i> .....	23
Одноосновные глаголы .....	25
Двухосновные глаголы .....	33
<i>Глава II. Основное спряжение глаголов в вепсском языке</i> .....	42
Лично-числовые формы .....	42
Формы времени .....	77
Презенс .....	77
Имперфект .....	80
Перфект .....	107
Плюсквамперфект.....	118
Формы наклонений .....	120
Индикатив.....	120
Императив.....	121
Кондиционал .....	138
Потенциал.....	159
Исторический пассив .....	161
<i>Глава III. Возвратное спряжение глаголов в вепсском языке</i> .....	170
Лично-числовые формы глаголов .....	175
Формы времени .....	198
Формы наклонений .....	213
Индикатив.....	213
Императив.....	214
Кондиционал .....	219
Возвратное спряжение в младописьменном языке .....	221
<i>Заключение. Вепсский глагол и вепские диалекты</i> .....	227
Литература и принятые сокращения .....	239
Список сокращений населенных пунктов .....	245
<i>Приложение. Таблицы спряжения</i> .....	247